
ВИДАННЯ ЮВІЛЕЙНЕ
1814
1939

ДО 125-РІЧЧЯ З ДНЯ НАРОДЖЕННЯ



ТАРАС ШЕВЧЕНКО

ПОВНА ЗБІРКА ТВОРІВ В П'ЯТИ ТОМАХ

ПІД РЕДАКЦІЄЮ
О. Є. КОРНІЙЧУКА, П. Г. ТИЧИНИ, М. Т. РИЛЬСЬКОГО,
Ф. А. РЕДЬКА, Д. Д. КОПИЦІ



ДЕРЖАВНЕ ЛІТЕРАТУРНЕ ВИДАВНИЦТВО

АКАДЕМІЯ НАУК УРСР

ІНСТИТУТ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ
ім. Т. Г. ШЕВЧЕНКА

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

ТОМ ТРЕТІЙ

ПОВІСТІ



КИЇВ ★ 1939



АНДРІЙ БРОНСЬКИЙ

ПОВІСТІ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Незвичайний талант великого кобзаря Т. Г. Шевченка відзначався не тільки величезною поетичною глибиною, блиском і красою, але й своєю багатогранністю.

Крім багатющої поетичної спадщини, п'єс, численних картин, Шевченко залишив нам багато белетристичних творів.

Дев'ять повістей: „Наймичка", „Варнак", „Княгиня", „Музыкант", „Несчастный", „Капитанша", „Близнецы", „Художник", „Прогулка с удовольствием и не без морали" (або „Матрос"), що ввійшли в III і IV томи цього видання, мають значний інтерес як з точки зору історико-літературної, так і їх громадського значення. Велику цінність мають повісті для вивчення біографії Шевченка, його життя і творчості. Безперечна художня цінність їх.

Проте, до прози Шевченка до останнього часу ставились байдуже. І коли Шевченко як поет відомий всьому світові, коли його поетична спадщина більш чи менш вивчена, то зовсім забуті його прозаїчні твори. Як приклад цього, досить відзначити хоч би той факт, що аж до наших днів не було доброго, справді наукового видання повістей. Буржуазні націоналісти, що довгий час орудували в галузі шевченкознавства, замовчували прозу, ховали її від широких верств читачів і намагалися повісті Шевченка схарактеризувати так, нібито вони не мають цінності.

Ясно, що все це було викликане не чим іншим, як ворожим ставленням націоналістів до творів Шевченка, написаних братньою російською мовою.

„Про московські ж повісті скажу, що зневажиш ти себе їми перед світом, я б у тебе купив їх усі разом да й спалив",— писав П. Куліш Тарасові Гри-

горовичу в 1858 році, і, звісно, це кулішівське бажання знищити значну частину спадщини Шевченка було продиктоване націоналістичними тенденціями Куліша, а зовсім не якимись хибами у повістях.

Знаменний факт. Повертаючись із заслання, Шевченко, як відомо, прагнув насамперед зв'язатися з гуртком „Современника". Знаючи про те, що Шевченко давно бажав надрукувати свої повісті і що тепер він їх, без сумніву, запропонує якомунебудь російському журналові і найпевніше — „Современнику", Куліш докладає всіх сил, щоб російські повісті Шевченка не побачили світу. „Пишуть до мене з Москви, щоб у московському журналі щонебудь твоє напечатать. Не квапся на се..."* „Не хапайся, братику, друкувать московських повістей..."** — так настирливо писав Куліш у своїх листах до Шевченка в 1857—1858 рр., поки, нарешті, рукописи повістей не потрапили до рук М. Лазаревського, який через рік після смерті Тараса Григоровича поспішив дати об'яву в зовсім кулішівському дусі про дешевий розпродаж повістей Шевченка без права публікації їх.

> „По смерти украинского поэта Т. Г. Шевченка осталось одиннадцать рукописей, в которых заключаются литературные (довольно слабые) сочинения поэта, писанные на великорусском языке прозою,— читаємо ми на останніх сторінках журналу „Основа" за 1862 рік, березень місяць.— Сочинения эти, как редкость, продаются все вместе и каждое отдельно (но без права издания, которое остается за наследниками) по следующей цене..."

І далі йде список російських творів Шевченка, оцінених редакцією: „Наймичка" — 50 карб., „Варнак" — 40 карб., „Княгиня" — 10 карб., „Музыкант" — 30 карб., „Несчастный" — 25 карб., „Капитанша" — 15 карб., „Близнецы" — 40 карб., „Художник" —

* Лист від 22 грудня 1857 р.
** Лист від 20 січня 1858 р.

30 карб., „Прогулка с удовольствием и не без морали“ (або „Матрос“) — 100 карб., „Повесть о безродном Петрусе“ — 25 карб., драматичний твір без назви і кінця — 10 карб.

Ясно, що і листи Куліша і ця об'ява М. Лазаревського досить одверто виявляють зневажливе ставлення до повістей Шевченка, намагання цих людей всякими способами перешкодити виходові в світ його російських творів. Власне, цим значною мірою і треба пояснювати те, що лише у 80-х роках повісті Шевченка почали з'являтися друком.

Від Лазаревського вони, як виявилось, потрапили до Костомарова. Останній знав прекрасно рукописи і в свій час навіть дав їм чудову оцінку.

> „Тарас Григорьевич любил русский язык,— пише він в своїх спогадах,— сам, как оказывается, писал на нем и желал печатать написанное, но не решался на это по скромности“. „Повести,—пише далі Костомаров,— похожи на драгоценные каменья... Среди всех недостатков и недоделок в них, однако, повсюду светятся признаки громадного дарования автора: верность характеров, глубина и благородство мыслей и чувств, живость описания и богатая образность“*.

Так писав Костомаров про повісті Шевченка, а тим часом не хто інший, як він же, Костомаров, тримав у себе в архівах ці найцінніші рукописи близько двох десятків років.

> „Як оригінали, так і списки названих творів,— сповіщала редакція „Киевской Старины“ у своїй передмові до російських творів Шевченка,— після смерті Тараса Григоровича Шевченка зберігались першого часу у душеприказчика поета — М. М. Лазаревського, а потім перейшли до М. І. Костомарова, у якого лежали без руху близько двадцяти років. Думка про видання їх належить не покій-

* Журнал „Русская Старина“, 1880 р., кн. 3, стор. 607.

> ному нашому історикові, а близьким до нього особам, що шанують пам'ять славного поета“*.

Чим же, виходить, як не певними міркуваннями політичного характеру можна пояснити таке уперте і довголітнє замовчування Костомаровим цінних рукописів великого народного письменника і такий негативний відзив Куліша про повісті Шевченка?

З Куліша і почалось вкрай вороже ставлення до російських творів Шевченка.

„Російські твори Шевченка,— писав махровий націоналіст Ю. Тиховський в 1910 році,— здатні були на одно — мишам на снідання“**.

В такому ж стилі повторювали за ним і інші націоналісти, які з усієї сили намагалися зробити так, щоб була забута ця багатюща спадщина Шевченка, спадщина, що виражає глибоку любов Шевченка до російської мови, його тісний зв'язок з культурою братнього народу.

Всіх повістей Шевченка на російській мові, що збереглися до сьогодні,— дев'ять. Назви їх ми подали вище.

Тим часом, за словами самого Тараса Григоровича, їх було написано коло двадцяти.

> „Навчи ти мене, будь ласкав, що мені робить з руськими повістями? У мене їх десятків коло двох набереться“,—

писав Шевченко Кулішеві, повертаючись із заслання.

Таким чином, слід гадати, що велика кількість повістей до нас не дійшла і, як видно, уже загинула.

Через невеликий час після смерті Тараса Григоровича в журналі „Основа“, № 3 за 1862 рік, повідомлялось про існування ще однієї повісті — „Повесть о безродном Петрусе“ і про драматичний твір без назви і кінця.

* „Поэмы, повести и рассказы Т. Г. Шевченко, писанные на русском языке“, 1888 р.

** „Українська Хата“, 1910 р.

„Повесть о безродном Петрусе“, за свідченням Костомарова, в якого довгий час були ці рукописи, змальовує епоху самоправства козацької старшини, що стала дворянством *.

Про цю повість є також згадка в „Очерках истории украинской литературы XIX столетия“ С. Петрова **.

Однак, „Повести о безродном Петрусе“, як і драматичного твору без назви не знайшлось, і тексту їх ми не маємо.

Вперше, як сказано, повісті з'явились друком на початку 80-х років. Першою вийшла в журналі „Исторический Вестник“ за 1881 рік повість „Несчастный“, потім в київській газеті „Труд“ (1882 р.) був надрукований „Музыкант“. Слідом за „Музыкантом“ з'являються інші повісті в журналі „Киевская Старина“, редакцією якого і були видані в 1888 році всі відомі досі російські твори Шевченка. Книга вийшла під заголовком „Поэмы, повести и рассказы Т. Г. Шевченко, писанные на русском языке“.

Це видання повістей Шевченка по суті було чи не єдиним. Проте, видання це не є цілком доброякісним.

Видаючи повісті, редакція „Киевской Старины“ не тільки виправляла їх з погляду орфографії, але й часто вносила в тексти Шевченка поправки, що дуже перекручували ці твори. З цього погляду особливо характерні поправки, внесені „Киевской Стариной“ в тексти повістей „Варнак“, „Музыкант“ і „Княгиня“.

В першому з цих творів Шевченко показує образ варнака, високоблагородної людини, засудженої за виступ проти панів на каторгу. Варнак ненавидів поміщиків, кріпосний лад. Він був керівником повсталих селян, які мстилися панам за їх звірства і знущання. Тепер варнак на засланні. Розповідаючи своє життя авторові повісті, тобто Шевченкові, він не без гордості згадує минуле.

Таким змальований варнак в повісті Шевченка.

* „Русская Старина“, 1880 р., кн. 3, стор. 609.
** Видання 1884 р., Київ, стор. 350—352.

Однак, у виданні „Киевской Старины“ цей образ протестанта-варнака пом'якшується. Варнак виступає людиною сентиментальною, що кається, засуджує свої колишні дії і погляди на суспільний устрій. В „Киевской Старине“ ми читаємо: „Пускай последний раз перед смертью пройдет передо мною день за днем вся моя жизнь, и тогда узнаешь, в чем виноват я и в чем люди. Я уже давно осудил себя во всем“*. Всієї цієї тиради, виголошуваної варнаком на сторінках „Киевской Старины“, насправді у Шевченка нема, вона приписана на полях Шевченкового автографа чужою рукою, найправдоподібніше — редактором „Киевской Старины“.

Таким чином, перед нами факт найсерйознішого перекручення повісті, факт зовсім іншого трактування головного образу твору.

Такі ж значні перекручення ми зустрічаємо у виданні „Киевской Старины“ і в повісті „Музыкант“. Правдиво описуючи життя України 30 — 40-х років минулого століття, Шевченко в цій повісті цілком ясно говорить про поміщика-магната Тарновського, точно вказує місцевість, де чинив свої неподобства цей поміщик, — село Качанівку. Але редакція „Киевской Старины“ замінює і назву села Качанівки на Кленівку і прізвище поміщика Арновський (прямий натяк на справжнього Тарновського) на Кленовський.

Всім цим, звісно, знижувалась політична загостреність повістей Шевченка.

Після „Киевской Старины“ повісті кілька разів видавались українською мовою в перекладах О. Кониського та інших, але видання ці були дуже невдалі, а деякі і зовсім погані. Перекладались повісті головним чином з текстів „Киевской Старины“, а не з автографів Шевченка. До того ж більшість перекладів була зроблена неохайно. В них можна зустріти не тільки багато неточностей, але часто й спотворення авторського тексту.

* „Поэмы, повести и рассказы“, 1888 р., стор. 35.

Таким чином, за видання прози Шевченка по суті серйозно ніхто не брався. Більше того, українські націоналісти всіляко перешкоджали цьому, доходячи навіть до таких абсурдних тверджень: мовляв, і сам автор не хотів друкувати своїх повістей.

Насправді ж, як це видно з листування, Тарас Григорович дуже хотів надрукувати свої повісті, дуже клопотався про їх долю, багато працював над ними, переписуючи деякі з них по кілька разів і, не зважаючи на всі переслідування і нагляд, посилав їх із заслання через друзів і знайомих в журнали, ховаючи своє ім'я під псевдонімом „Кобзарь Дармограй".

Так, приблизно в кінці 1853 чи весною 1854 року* Шевченко з Новопетровського укріплення посилає свою повість „Княгиня" в „Отечественные Записки", найправдоподібніше — через художника Осіпова.

Відіславши „Княгиню", він дуже непокоїться про її долю.

„Еще вот что, — пише Шевченко Олексієві Миколайовичу Плещеєву у квітні 1855 року, — у нас не получает никто „Отечественных Записок", а у вас, вероятно, кто-нибудь получает; то просмотрите вы хорошенько май и июнь, не увидите ли там рассказа „Княгиня", подписанного К. Дармограй. Если нет, то напишите кому-нибудь в Петербург, чтобы получил рукопись в конторе журнала и переслал вам, а вы адресуйте ее в „Современник".

Відповіді на це запитання не надійшло, і Шевченко незабаром з таким самим листом звертається

* Точних відомостей про це нема, але оскільки в квітні 1855 року Тарас Григорович просить Плещеєва узнати, чи не надрукована в „Отечественных Записках" за травень і червень повість „Княгиня", то ясно, що мовиться про травень і червень 1854 року і що „Княгиня", отже, могла бути надіслана туди не пізніше, ніж весною 1854 р.

до Бр. Залєсського, одночасно просячи його дізнатися про умови, на яких К. Дармограй може надсилати свої повісті до журналу*.

Не дочекавшись протягом понад двох місяців ніяких відомостей про „Княгиню“, Тарас Григорович знову просить Залєсського виняснити і сповістити про долю цієї повісті.

> „Если ты можешь как-нибудь узнать о судьбе „Княгини“, то сообщи мне: меня она очень беспокоит“,—

читаємо ми в листі Шевченка до Залєсського від 25 вересня 1855 року**.

Проте і на цей лист, треба гадати, відповіді не було. Залєсському, як видно, нічого не вдалось узнати про „Княгиню“. І тоді Шевченко посилає другий примірник рукопису „Княгини“, а з ним і рукопис повісті „Варнак“ „для известного употребления“, тобто для друку.

> „...Посылаю тебе „Варнака“ и „Княгиню“, прочитай их и поправь, где нужно, отдай переписать и пошли по следующему адресу: в С.-Петербург, в Академию художеств, художнику Николаю Осиповичу Осипову, на квартире графа Толстого, а если имеешь там доброго и надежного человека, то отошли на его имя для известного употребления“***.

В той же час Шевченко продовжує цікавитися долею першого списку „Княгини“.

Через день після того як „Княгиню“ було послано Залєсському, він 22 квітня 1856 року пише графині Толстой:

* Лист до Бр. Залєсського від 10 червня 1855 року. „Киевская Старина“, 1883 р., кн. III, стор. 619—621.

** „Киевская Старина“, 1883 р., кн. III, стор. 287—288.

*** Лист до Бр. Залєсського від 21 квітня 1856 р. „Киевская Старина“, 1883 р., кн. III, стор. 617—619.

„Не сообщите ли вы мне насчет „Княгини“ К. Дармограя, о которой я просил Николая Осиповича“ *.

І, мабуть, в зв'язку з цим листом Шевченко одержує від Осіпова відповідь, в якій Осіпов повідомляв Тараса Григоровича, що повість Дармограя „Княгиня“ він передав графині Толстой для вміщення в „Современнике“.

Про надрукування „Княгини“ Шевченко говорив, дуже ймовірно, і з Пісемським, з яким він зустрічався в 1856 році в Новопетровському укріпленні. Висновок про це ми робимо з листа Шевченка до М. Лазаревського, в якому Тарас Григорович просить його розшукати Пісемського в Петербурзі і дізнатися у нього про „Княгиню“.

„Тепер от що,— писав Шевченко Лазаревському 8 грудня 1856 року,—я тебе проситиму... як би ти сам побачився з Пісемським... та спитав би його, чи бачився він з графинею Т. і що вона сказала йому про „Княгиню“ К. Дармограя“ **.

На цей лист Лазаревський відповів, що Пісемського в Петербурзі нема, а „Княгиня“ у Н. Д. Білозерського:

„Княгиня“, кажется, теперь у Н. Д. Белозерского, с которым буду видеться и возьму. Отдал ее Кулиш ему, а Кулиш теперь в Москве“ ***.

Такий довгий шлях проходить „Княгиня“. Спочатку вона потрапляє до Осіпова, потім до гр. Толстой і нарешті до Куліша, Білозерського та Лазаревського, і, звісно, навряд чи вона була в редакціях журналів, особливо після того, коли побувала в Куліша і Лазаревського, що, як сказано, дуже негативно ставились до російських повістей Шевченка.

* „Русская Старина“, 1877 р., кн. X, стор. 287—288.
** „Основа“, 1862 р., кн. III, стор. 4—5.
*** Лист від 17 січня 1857 р.

В кожному разі, є підстава думати, що до редакції „Современника“ повість „Княгиня“ не дійшла. А в „Отечественных Записках“ вона не могла бути надрукована ще й тому, що не підходила своїм ідейним спрямованням. Не випадково, посилаючи її в „Отечественные Записки“, Шевченко супроводив рукопис такою запискою, адресованою до редактора цього журналу А. Краєвського:

„Посылаю вам рассказ „Княгиня“ и прошу, если не будет противоречить духу вашего журнала, напечатать его“*.

Все це майже точно повторилось і з іншими повістями Шевченка, зокрема з „Варнаком“ і „Прогулкою“, які він надсилав для друкування.

Отже, із сказаного видно, яке було ставлення Шевченка до своїх російських повістей, яке було його бажання довести повісті до читача, але ж найжорстокіші умови, в яких перебував великий письменник, перешкоджали цьому. Рукописи, які посилав він з Новопетровського укріплення, довго мандрували, поки доходили до Петербурга чи Москви. Тут вони також переходили з рук у руки, потрапляючи до Куліша і Лазаревського, які і вирішували їх долю.

Доля повістей Шевченка складалась, отже, дуже несприятливо. Написані ще в першій половині 50-х років, вони, як сказано, лише у 80-х роках побачили світ. Характерно, що після публікації „Киевской Старины“ автографи повістей знову зникають, і тільки в 1918 році їх знаходять в Ленінградському етнографічному музеї, звідки в 1924 році їх передають в Академію наук УРСР.

До етнографічного музею повісті були, як виявилось, в архівах у родичів Костомарова, а потім (в 1918 році) вони потрапляють до Ф. К. Вовка і, нарешті, в музей. Тепер рукописи зберігаються в

* „Киевская Старина“, 1884 р., кн. III, стор. 392.

Інституті літератури імени Т. Г. Шевченка Академії наук УРСР.

Листування Шевченка про „Княгиню“, „Варнака“ і „Матроса“, його записи про „Матроса“ в щоденнику висвітлюють не тільки те, як клопотався Тарас Григорович про надрукування повістей, але й те, як критично ставився він сам до своїх творів, які суворі вимоги ставив він до себе.

Посилаючи повісті для друкування за підписом К. Дармограя, Шевченко не раз говорив про Дармограя, тобто про себе самого, як про молодого початкуючого письменника, у якого хоч і не все добре виходить, але, пописавши рік-другий, він подолає помилки і буде писати цілком пристойно.

„Кстати о Дармограе,— пише він Осіпову 29 травня 1856 р.,— вы сделали замечание на его „Княгиню“, совершенно согласное с моими замечаниями; недостаток отделки в подробностях, и то большой недостаток. Но этот рассказ один из первых его ученических этюдов. Попишет еще годок-другой, даст бог, этот недостаток уничтожится. Покойный Карл Павлович Брюллов говорил: чем малосложнее картина, тем тщательнее должна быть окончена, и это глубоко верно“.

Слідом за цим листом Шевченко те ж саме пише Бр. Залєсському щодо „Варнака“, просячи його повернути назад цю повість для опрацювання і виправлення. Вимагає цього Шевченко, не зважаючи на те, що перед цим Залєсський в листі від 8 червня 1856 р. писав йому про „Княгиню“ і „Варнака“: „Обе вещи очень хороши; хороши простотою и глубоким чувством — верностью“.

„Я весьма опрометчиво поступил с моим „Варнаком“, и тем более, что черновую рукопись уничтожил,— пише Шевченко в листі до Залесського (між липнем — вереснем 1856 р.),— и теперь не знаю, что мне делать. Если он у тебя переписан, то

пришли его мне: там нужно многое поправить. Слог вообще довольно шершавый. Во всяком случае не посылай его Осипову. Я содержание помню и напишу его вновь".

На цей час, як виявилось, „Варнак" уже був не в Залєсського: він передав його Сові (Желіговському).

Не бажаючи, однак, друкувати „Варнака" в недоопрацьованому вигляді, Шевченко, одержавши лист від Залєсського, просить його негайно написати Сігізмунду Сєраковському про те, щоб той посланий примірник „Варнака" неодмінно знищив.

Чи був знищений цей примірник „Варнака", сказати важко. Ясно тільки те, що автограф цієї повісті, який зараз є в Інституті літератури Академії наук УРСР,— інший; стверджується це тим, що на ньому немає присвяти Сові, тоді як на автографі, про який мовилось, вона повинна була бути, як про це вказує Залєсський.

Це надзвичайно суворе ставлення Шевченка до рукопису „Варнака" ще раз свідчить про те, наскільки серйозно Тарас Григорович ставився до своєї роботи над прозою. Знаючи прекрасно, що оволодіти письменницькою майстерністю — справа не легка і що зразу це не вдається, він підходить до своїх повістей сугубо критично, звертається за порадою до компетентних людей, вимагаючи до себе суворої критики.

„Судите вы меня и судите искренно и милостиво. Я дебютирую этой вещью в великорусском слове,— писав Шевченко Аксакову, посилаючи йому першу частину „Прогулки".— Но это не извинение. Дебютант должен быть проникнут своей ролью, иначе он шарлатан. Я не шарлатан, я ученик, жаждущий дружеского искреннего суда и совета. Первая часть „Прогулки" мне показалась растянутою, вялою. Не знаю, какой покажется вторая. Я еще не читал ее, как прочитаю,

так и пошлю вам. Нужно работать много, внимательно... Мне необходим теперь труд, необходима упорная тяжелая работа" *.

І Тарас Григорович невтомно працював, переписуючи і перероблюючи неодноразово повість „Прогулка".

„Я тепер день і ніч сижу та переписую вторую часть тієї саме повісті, що з тобою послав Сергею Тимофеєвичу",— писав він Щепкіну.

Робота Шевченка над „Прогулкою"— зразок наполегливої кропіткої письменницької праці.

Перечитуючи його листи і щоденник, ми бачимо, що Шевченка хвилює і основний задум повісті, і розтягненість її сюжету, і нерівність стилю, і те, яку дати їй назву, що її, до речі, він три рази міняв,— спочатку „Матрос", потім „Старая погудка на новый лад" і, нарешті, „Прогулка с удовольствием и не без морали".

Багато клопочеться Шевченко також і про те, щоб у повісті були правильно вказані історичні факти.

Наприклад, в листі до Лазаревського від 8 грудня 1856 р. він просить виправити помилку щодо місця народження Богдана Хмельницького.

„Еще просит он,— пише Шевченко про Дармограя,— поправить ошибку, правду сказать, довольно грубую. Он написал, что местечко Лысянка замечательно месторождением знаменитого Богдана Хмельницкого; неправда: в Лысянке родился не знаменитый гетман, а отец его, Чигиринский сотник Михаил Хмельник".

В щоденнику 25 жовтня 1857 р. Шевченко записує, що, прочитуючи і поправляючи „Матроса" після пере-

* Лист до С. Т. Аксакова, опублікований в збірнику „Искусство", т. III, № 1 — 2, стор. 257 — 258. Москва, 1928 г.

писувача, який недбало виконав роботу, йому важко було стежити за мовою повісті і що він переконався в необхідності перемінити заголовок:

„Продолжаю по складам прочитывать и поправлять „Матроса“ и ругать безграмотного переписчика, пьяницу прапорщика Нáгаева. Прочитывая по складам мое творение, естественно, что я не могу следить за складом речи. Убедился только в одном, что название этого рассказа необходимо переменить“.

В іншому записі — від 31 жовтня 1857 р.— Шевченко відзначає розтягненість „Прогулки“, нестрункість сюжету:

„Сегодня только наконец дочитал своего „Матроса“. Он показался мне слишком растянутым. Может быть оттого, что я по складам его читал. Прочитаю еще раз в новом экземпляре, и если окажется сносным, то пошлю его к М. С. Щепкину“.

Розуміється, що при такому уважному, серйозному і діловому ставленні до своєї праці Тарас Григорович був завжди готовий вислухати добру пораду, справедливе зауваження і хай різку, але правдиву критику.

Шевченко всім своїм єством прагнув довершення воєї художньої майстерності і тому з такою щи-тю просить Аксакова написати свою думку про ...лку“ *.

...Аксакова про „Прогулку“ був надмірно ...ков не радив друкувати повість, від... ...ченко — „лирик, элегист“, що гу... веселий, а „шутка не всегда

* ... квітня 1858 р. Збірник „Искусство“, ... р., стор. 158 — 159.

„Правда,— продовжує Аксаков,— где вы касаетесь природы, где только доходит дело до живописи, там у вас прекрасно“.

Ця думка Аксакова про „Прогулку“ Шевченка для нас цілком зрозуміла. Тут уже суть справи далеко не в хибах повісті з погляду літературного. Справа тут в тому, що Аксакову „Прогулка“ не подобалась її духом. В ній Шевченко зовсім не збирається давати читачам веселий гумор і цікаві жарти. Гостра сатира і глибокий соціальний драматизм, розрахований на широкі маси читачів, критика поміщицького устрою — ось що було основним для демократа Шевченка, коли він писав свою повість.

„Мне кажется, что для нашего времени и для нашего среднего полуграмотного сословия необходима сатира, только сатира умная, благородная. Такая, например, как „Жених“ Федотова или „Свои люди — сочтемся“ Островского и „Ревизор“ Гоголя,—

писав Шевченко в щоденнику 26 червня 1857 р.

В своїй прозі Шевченко і прагнув іти за цим критичним реалістичним напрямком російської літератури.

Відомо, що в епоху Шевченка найпекучішим питанням, яке хвилювало широкі народні маси і всіх передових людей того часу, було знищення кріпосного права і його опори — царизму.

...„від 40-х до 60-х років,— пише В. І. Ленін,— *всі* суспільні питання зводились до боротьби з кріпосним правом і його залишками“ *.

Великі революціонери-демократи Чернишевський, Добролюбов, а разом з ними і полум'яний український поет, революціонер-демократ Т. Г. Шевченко вели непримиренну боротьбу з цими головними

* Ленін, Твори, т. II, стор. 315, вид. 3-є.

причинами народного горя і страждань, закликаючи Русь до сокири.

У своїх поезіях, глибоко просякнутих духом боротьби, Тарас Григорович Шевченко з надзвичайною силою відбив думки і прагнення народні, народний гнів і ненависть до кріпосництва і царизму, показав тяжку долю кріпаків і паразитичне життя поміщиків.

Цим найзлободеннішим проблемам того часу присвячує Шевченко, головним чином, і свою прозу.

Вище ми вже побіжно вказували на яскраво виявлену антикріпосницьку спрямованість повісті „Варнак". Повість ця є одним з найбільш ідейно загострених творів Шевченка. В ній письменник-демократ показав протест кріпаків-селян проти гніту і рабства, їх ненависть до феодально-поміщицького устрою.

Сюжет повісті „Варнак" багато в чому схожий на відому поему Шевченка тієї ж назви.

В цій повісті Шевченко показує кріпака, який з молодих років відчув свою гірку залежність і пізнав суть слова к р і п а к. „Горькое, проклятое слово!"— кінчає своє оповідання про юнацькі роки варнак.

Ще важче відчуває він безправне становище кріпака згодом, коли його кохана дівчина, кріпачка Марися, стає жертвою розпутного панича Болеслава і коли над варнаком чинять розправу за те, що він зробив спробу захистити зневажену.

Бачивши, яке лихо приносить кріпосне право народові, зазнавши на собі його тягар і зрозумівши, що з цим лихом необхідно провадити боротьбу, варнак іде до повсталих селян і незабаром стає на чолі їх.

Подібно до того, як діяв прославлений народний герой Кармелюк, варнак з своїм загоном нападав на поміщицькі садиби, мстився панам, а все, що забирав у багатих, віддавав бідноті.

Цими подвигами він незабаром здобув велику симпатію у селян. „Рыцарскими подвигами своими я снискал благорасположение крестьян на Подолии

и на Волыни,— каже він.— Слава о моем бескорыстии быстро распространялась между ними".

Повість закінчується розгромом панського палацу і розправою над кріпосниками. І хоч після цього варнак сам віддає себе в руки „правосуддя", проте образ його постає перед читачем як образ протестанта, що виявляв ненависть селян до їх гнобителів. У повісті червоною ниткою проходить революційний настрій селянства. Дуже показова в цьому розумінні кульмінаційна сцена, коли повсталі палять панський палац разом з поміщиками, що зібралися там. Місцеві селяни, дивлячись на цю картину, задоволені діями загону, який виступив на боротьбу з гнобителями.

Характерно, що після того, як варнак пішов просити „суду людського" і потім був засланий на каторгу, його загін залишився продовжувати боротьбу за визволення від поміщицького гніту, що, безумовно, є типовим, правдивим відображенням дійсності.

Таким чином, у повісті „Варнак" Шевченко показав не тільки ненависть народних мас до кріпосного ладу, але й їх прагнення боротися з цим ладом, в чому власне і полягає особлива цінність цієї повісті.

Не менш гостро і одверто ставить Шевченко питання про знищення кріпосного права у повістях „Музыкант" і „Художник". Кріпосництво несе трудовому людові не тільки матеріальні нестатки, голод і злидні, воно сковує також духовні сили народу, його творчі здібності — такий основний задум цих творів.

Своїм змістом повісті „Музыкант" і „Художник" дуже близькі. В першій з них подається зворушлива історія кріпака-музиканта Тараса Федоровича і артистки Тарасевич; в другій — така ж важка доля художника.

Музикант и художник — люди надзвичайно обдаровані, вони мають великий творчий талант, але, будучи кріпаками, приречені перебувати у вкрай важкому стані. Віртуоз - скрипаль, що удосконалив свою

майстерність за кордоном і чарував слухачів чудовим виконанням Бетховена, Моцарта, Вебера та інших видатних композиторів світу, виконує функції лакея у свого пана. Більш того, його, на вимогу поміщика, етапним порядком разом з карними злочинцями відсилають з Петербурга на Україну. Музикант впадає у відчай, бачачи, наскільки його воля і талант залежать від бездушного кріпосника - самодура.

З глибоким обуренням говорить Шевченко про це огидне явище кріпосницької дійсності, висловлюючи співчуття і повагу до кріпака - музиканта і з обуренням викриваючи чванькуватість і бундючність великого панства.

Описуючи становище кріпака Тараса Федоровича, Шевченко показує не тільки глибоку душевну трагедію музиканта, але через цей образ викриває і класові відношення в сучасному йому суспільстві. Представникам поміщицького класу не до смаку талановитість кріпака - музиканта.

Подібно музикантові, важкого душевного болю зазнає і талановитий кріпак - художник. В цьому образі подано відомі нам переживання самого Шевченка в ті роки, коли він був кріпаком поміщика Енгельгардта. Власне значна частина повісті „Художник“ цілком побудована на фактах, взятих Шевченком із свого власного життя. Зокрема, приїзд його в Петербург, робота у маляра Ширяєва, приятелювання з художником Сошенком, знайомство з Венеціановим, Жуковським, Брюлловим, викуп Шевченка, перші роки його навчання в Академії мистецтв — вся ця перша половина повісті — автобіографічна у повному розумінні цього слова і для вивчення біографії Шевченка має незаміниму цінність і величезний інтерес.

Проте, автобіографічність „Художника“ не тільки не зменшує глибокого узагальнення феодально - кріпосницької дійсності у повісті, а навпаки — сприяє цьому. Життєвий шлях кріпака - художника і поета Тараса Шевченка був явищем типовим для того

часу і, отже, автобіографізм повісті „Художник“ ще глибше розкриває характер таких явищ, їх справжню психологічну і соціальну суть.

Отже, в повістях „Музыкант“ і „Художник“ Шевченко подає звичайну історію здібних людей з народу, які показуються нам і як яскраві індивідуальності і як художні типи, збірні образи. Останнє особливо важливо, бо, як відомо, народ завжди висував із свого середовища багато талановитих людей. Але в кріпосній Росії не багатьом з них удавалось розвинути свої обдарування і виявити їх у всій красі і силі. Лише таким могутнім талантам і в найвищій мірі здібним людям, якими були Тарас Григорович Шевченко, Щепкін, художники Кіпренський і Тропінін, та ще небагатьом іншим удалось вибитися з низів і виявити свій талант. А більшість прекрасних самородків - кріпаків гинула під нагаєм поміщика - кріпосника.

Доля талановитих людей з народу в епоху Шевченка була справді трагічна, і ця трагедія викликала щире співчуття передових людей того часу. Не випадково в російській літературі 30—40-х років минулого століття так багато уваги приділяється цьому питанню. Пригадаймо, наприклад, „Сороку-Воровку“ Герцена, п'єсу Бєлінського „Дмитрий Калинин“, повість Павлова „Именины“ і багато інших творів тих років.

Таким чином, в повістях „Художник“ і „Музыкант“ Шевченко трактує дуже значну для свого часу проблему, до того ж він розв'язує її в такому самому аспекті, як ставили і розв'язували цю проблему Бєлінський, Герцен, Чернишевський, Добролюбов. Як і вони, Шевченко основне лихо, що приводило обдарованих людей - кріпаків до важкого становища і гальмувало духовне зростання народу, бачив в суспільному устрої, в соціальних причинах. Письменник - реаліст, він зумів правдиво показати дійсність кріпосної Росії, подавши її читачеві в її соціальній суті.

Світлі образи музиканта і художника різко проти-

ставлені у повістях ненависним кріпосникам — Енгельгардтові, якого К. Брюллов називає „свиньей в торжковых туфлях“ в „Художнике“, магнатові Тарновському в „Музыканте“ та ін.

Особливо гостре викриття безплідного, позбавленого будьякого творчого начала життя поміщиків дається в повісті „Музыкант“, де так яскраво описано сцени поміщицького розгулу. І як різкий контраст — в повісті показано злиденне напівголодне животіння трудового селянства. Проходячи етапом через Білорусь, музикант бачить ще важчі страждання, ніж ті, які він сам переживає. Білоруські селяни не тільки були позбавлені всіх прав, але не мали навіть шматка хліба. Коли арештанти проходили селом, то, замість того, щоб подати їм милостиню, юрби хлопчиків, а за ними й дорослі, кидались до арештантів, просячи хліба. „Голод не знает стыда!“

Ці самі безрадісні, похмурі картини зустрічав музикант і на Україні. Український народ, так само як і народ російський і всі інші народи царської Росії, страждав від панської неволі, злиднів і голоду.

У другій своїй повісті — „Княгиня“ Шевченко описав ці страшні народні страждання з великою художньою силою. Події, змальовані в „Княгине“, відбувалися на Україні.

Провівши тут все дитинство (яке досить докладно описано в „Княгине“), а потім перебуваючи на Україні в 1843 — 44, 1845 — 47 рр., Шевченко бачив і знав тяжке життя закріпаченого села, і моторошні картини голоду змалював він в цій повісті, показав жорстокість і безсердечність поміщиків.

> „...Пойдем по хатам. Господи! чего я там насмотрелася!.. голодная мать вырывает из рук хлеб у своего умирающего дитяти! И волчица, я думаю, этого не делает! Что значит голод!“

Так страждали селяни. А тим часом у поміщика-князя стоять скирти хліба. Але яке йому діло

до умираючих? Він пиячить з своєю компанією і чекає, поки ще більше подорожчає хліб, і тоді він наживе собі капітали, здерши останню шкуру з кріпаків.

Люди гинули, а князь-поміщик провадив далі розгульне життя, поки, нарешті, під час одної з пиятик не загорівся маєток. Вогонь знищив дощенту ненависний панський палац. Згоріло і все село.

Цю поміщицьку сваволю і голод селянства Шевченко змальовує також у поемі українською мовою „Княжна", сюжет та ідейний зміст якої майже такий самий, як і в повісті.

Як і в поемах, в своїх повістях Шевченко особливо часто повертається до думки про долю кріпосної жінки. Чимало глибоких зворушливих поезій присвятив він селянкам, матерям-покриткам, зневаженим і осміяним кріпосниками. Пригадайте його „Катерину", „Відьму", „Лілею", „Слепую" та інші твори. Всюди тут той же самий образ кріпачки-дівчини, спокушеної, а потім кинутої на глум поміщиком-собачником.

Справжній революціонер-демократ, Шевченко виступив на захист селянки матері, яку зневажали і ганьбили представники панівного класу — пани, офіцери. Але для нього ясно, що основна причина лиха — не тільки моральна мерзенність окремих осіб, а щось інше, страшніше: весь феодально-кріпосницький устрій, при якому всі ці мерзотні вчинки поміщиків не засуджувались, при якому безталанна мати з дитиною повинна була терпіти нелюдські болі і страждання. І з якою глибиною, з якою любов'ю і ніжністю, з якою поетичною силою показав Шевченко найтонші нюанси душевної муки матері-покритки, приреченої з своїм „дитятком малим" на страждання і загибель!

Цю значну для того часу тему і опрацьовує Шевченко в повісті „Наймичка" та в поемі під такою ж назвою.

Головна дійова особа прозаїчного твору „Наймичка" — селянська дівчина, покритка Лукія. Своїм

змістом повість ця багато чим нагадує „Катерину“. Однак, висвітлення теми і розробка головного образу покритки дані в іншому плані.

Катерина, як відомо, виключно глибокий образ, що зайняв по силі змалювання душевних переживань одно з перших місць не тільки в українській, але й у світовій літературі. Катерина губить себе, вона кінчає з собою після того, як офіцер покинув її і дитину.

Інакше показано образ матері-покритки в „Наймичке“. В цій повісті Тарас Григорович Шевченко начебто продовжує розвивати образ Катерини. Наймичка, зберігши всі почуття, всі переживання Катерини, набуває нових рис характеру: твердості, рішучості, витривалості, намагання подолати всі злигодні і перепони. Наймичка, хоч як би їй було тяжко, намагається виростити дитину.

Розуміється, цим ми зовсім не хочемо сказати, що такого бажання і прагнення не було в Катерини. Навпаки, все це, звичайно, заповнювало думки і почуття героіні чудової поеми „Катерина“. Розуміється, що трагічним фіналом поеми „Катерина“ Шевченко глибоко і загострено ставив дану проблему. Все це ясно, і не цілком розуміти це було б спрощенням. Проте образ наймички все ж, як ми сказали, поглиблює образ Катерини, доповнює його. Наймичка все ж знаходить вихід, хоч і важкий. Вона виховує сина, зберігає своє життя. Чи означає це, що Шевченко в „Наймичке“ бачив, так би мовити, вихід з того важкого стану, в якому перебувала в той час селянка-жінка, покритка? Зовсім ні. „Будущность твоя,— звертається Шевченко до наймички,— хотя и горькая, печальная, но не преступная и безотрадная“. Народний письменник, революціонер-демократ і в цьому творі, так само як і у всій своїй творчості, залишався захисником інтересів трудящих, виступаючи за життя „без царів і панів“.

До всіх благородних якостей Катерини в образі наймички додається ще вольова сила, твердість характеру, витривалість. Одночасно поглиблюються

типові риси образу Катерини, зокрема сила материнської любові. Вона примушує Лукію утриматися від трагічного кінця, перетерпіти і відкинути сором і ганьбу, перебороти любов до офіцера і т. д.

Останнє якраз, відмінно від поеми, особливо підкреслено в повісті. Зустрівшись випадково з Лукією під час полювання, офіцер знову хоче відновити свої стосунки з нею. Однак, наймичка твердо і рішуче переборола свої колишні почуття і, ні трохи не вагаючись, з гордістю дала відсіч офіцерові, показавши йому всю нікчемність його низької і підлої душі.

Повість „Наймичка" відзначається глибоким реалістичним показом кріпосної дійсності, надзвичайно високими естетичними ідеалами, благородством думок і почуттів, виявлених в ній. Вона, писав Костомаров, „так хорошо написана, что если бы напечатана была до появления в свет ее малорусской стихотворной редакции, то была бы приветствована публикой, как выходящее из ряда явление"*. Високо оцінював поруч з поемою реалізм і естетичні якості повісті Іван Франко, присвятивши аналізу її спеціальну працю**.

Розглядаючи повісті „Варнак", „Музыкант", „Художник", „Наймичка", ми бачили, що люди з їх думками і почуттями, поряд з картинами народного життя і побуту, перебувають в центрі уваги Шевченка в його прозаїчних творах. Подібно до того, як і в поезії, в своїх повістях Шевченко виступає глибоким знавцем людських душ, характерів і найголовніше, в чому полягає його заслуга,— це виключне знання людей з народу, які так яскраво змальовані ним і в поезії і в прозі.

Людина в творчості Шевченка — основа основ, і для змалювання її він мобілізовував всі свої художні засоби, весь досвід і запас своїх життєвих знань.

Підкреслюємо ми це тому, що до повістей Шевчен-

* „Русская Старина", 1880, стор. 607.

** Записки Н. Т-ва ім. Шевченка, 1895, т. VI.

ка часто підходять поверхово, розглядають їх загалом, групуючи по деяких окремих ознаках, найчастіше формальних, зовсім не задумуючись над тими проблемами, які ставив і розв'язував Шевченко.

Ми зокрема маємо на увазі такі повісті, як „Наймичка“, „Капитанша“ і „Близнецы“. Звичайно, ці твори, оскільки в них зустрічається історія з покриткою, об'єднують, говорячи при цьому, що, мовляв, Шевченко в них повторюється.

На перший погляд справді так може показатися. Однак, при уважному і вдумливому читанні цих творів справа являється нам в іншому освітленні. Вище ми вказували на особливості характеру наймички, що відрізняють її від Катерини. Факт цей дуже показовий у тому відношенні, що окремі мотиви і навіть частково сюжет цих творів до деякої міри схожі. Насправді ж перед нами два самостійні образи.

Таку ж істотну різницю можна легко простежити, співставляючи головні дійові особи й інших творів, що торкаються цієї теми. Таким чином, напрошується висновок, що Шевченко в першу чергу і найбільше приділяє увагу розкриттю характеру людини, її почуттів і думок, хай навіть варіюється один і той же мотив чи сюжет.

Чи означає це, що Шевченко не міг найти нових сюжетів? Зовсім ні. Історія покритки, як уже відзначалося, була типовим явищем для кріпосної дійсності, і, вводячи цей мотив в сюжет свого твору, Шевченко, отже, уже самим цим критикував поміщицький устрій. Проте роль покритки в повістях „Капитанша“ и „Близнецы“ зовсім інша, ніж, наприклад, в „Наймичке“,— в них її роль допоміжна. Так, в „Капитанше“ Шевченко розв'язує зовсім іншу проблему, незалежно від того, що сюжет цієї повісті побудований на історії спокушеної і потім обманутої капітаном дівчини — „капітанші“, а перед тим — на історії її матері - покритки, також покинутої офіцером. Все це лише сприяє розкриттю головної дійової особи твору „Капитанша“ — Тумана, простої людини з на-

роду, людини великодушної, співчутливої, трудолюбивої, яку автор протиставляє капітанам, офіцерам, що втратили людську гідність.

Таким чином, основний задум цього твору сходить до показу справжньої людяності і благородства людей, що вийшли з народу, та викриття представників привілейованого класу.

Цьому задумові і підкоряє Шевченко сюжет повісті, побудованої на історії з покриткою.

Під час походу російського війська в 1814 році один з офіцерів вивозить з собою із Франції під виглядом денщика дівчину. Минає час, і офіцер дізнається, що дівчина вагітна. Тепер вона йому непотрібна. Він кидає її. Лише один Туман, простий барабанщик, співчуває їй в її тяжкій безталанній долі. Після важких душевних потрясінь покритка умирає з родів, залишивши дочку. Туман бере її до себе. Він виховує дитину, а щоб прогодувати її, береться за шевство.

Туман виростив дівчинку. Згодом її, так само як і матір, зганьбив капітан. І Туман допомагає нещасній.

Як бачимо, основна лінія сюжету повісті спрямована на всебічне розкриття образу Тумана, великодушного рядового солдата. Особливо загострюється увага читача на трудолюбності Тумана. Знаменно, що, підкреслюючи цю рису, Шевченко мимохідь висловлює глибокі узагальнення про працю, про людське щастя.

> „Человек трудолюбивый, по-моему,— пише Шевченко,— самый счастливый человек на свете, особенно если труд его имеет такую возвышенную, такую благородную цель, как труд этого простого, этого безграмотного человека. Завидую и всегда буду завидовать тебе, счастливый благородный труженик!“

В одному ряду з Туманом можна поставити інший досить яскравий образ з повісті Шевченка

„Прогулка с удовольствием и не без морали“ — матроса.

Матрос також відзначається великодушністю і чистосердечністю. Учасник севастопольських боїв, він за виявлений героїзм вартий нагороди. Матрос залишився калікою — безруким, і коли його спитали, що він хотів би дістати в нагороду, то він насамперед просить звільнити свою сестру з кріпацтва.

Позитивність і наполегливість характеру, співчутливе ставлення до кріпосного люду — ось основні риси образу матроса. Своїми впевненими і послідовними діями матрос добивається звільнення кріпачки-сестри. Вона ж, в свою чергу, з допомогою брата не тільки звільняється від переслідувань і зазіхань ласого поміщика, але й примушує його відчути, що кріпачка-дівчина — не річ, якою можна розпоряджатися як заманеться, що її треба поважати і цінити як людину.

І матрос і його сестра — люди близькі народові, вони зберігають звичаї народні, шанують народні обряди (див. опис у повісті дівичвечора, весілля і т. д.).

Вольові, облагороджуючі риси матроса і його сестри такі сильні, що під впливом їх навіть такий розпусник, п'яниця і картяр, як магнат Курнатовський, відмовляється від чванливості, одружується, на подив усіх своїх сусідів, з дівчиною-кріпачкою і, кінець-кінцем, покидає свої панські звички.

Великодушний матрос і його сестра займають в „Прогулке“ центральне місце. І не випадково перша назва цієї повісті була „Матрос“.

Повість „Прогулка“, написана у формі записок мандрівника, особливо цікава ліричними описами українських сіл, народного побуту і життя, в чому так яскраво виявляється велика любов Шевченка до народу.

В „Прогулке“ так само з усією ненавистю революціонера-демократа Шевченко показує розгульне поміщицьке життя. Гульня і розпуста магната

Курнатовського, його друзів-кріпосників, грубе, нелюдське ставлення їх до кріпаків — всі ці характерні риси гнилого поміщицького побуту глибоко і яскраво описані в повісті.

В цьому розумінні „Прогулка" перекликається з іншим твором Шевченка — „Несчастный". Повість „Несчастный" насамперед сильна гострою критикою поміщицького побуту.

Для того щоб забрати собі всю спадщину, яка залишилася після смерті поміщика, його друга жінка, бездушна лицемірка і авантюристка, знущається над дітьми-сиротами — пасинком і пасербицею. Хлопчика вона доводить до сліпоти, дівчинку відсилає до жінки, що займається якимись темними справами. Свого ж синка Іпполітушку вона розбестила до такої міри, що з нього виріс довершений негідник, від якого і самій поміщиці життя немає. З допомогою уряду вона засилає Іпполітушку в Орську кріпость для „виправлення". Незабаром і її саму заслали в монастир.

Ось, коротко, зміст цього твору, що викриває психологію поміщиків і їх побут. Поміщицьке середовище породжувало огидні типи „недоліткiв", подібних до Іпполітушки, і образ його, безперечно, збірний.

У повісті „Несчастный" наче символізується занепад кріпосництва, і важливо відзначити, що цей символічний смисл її виходить з реального життя, об'єктивної дійсності. Характерно, що в щоденнику Шевченка ми зустрічаємо запис про якогось Порцієнка, двадцятилітнього юнака, кий на вимогу батьків був засланий в солдати в Орську кріпость. Цей запис в багатьох моментах збігається з повістю „Несчастный".

Відомо, що, перебуваючи в Орській кріпості і Новопетровському укріпленні, Тарас Григорович зустрічав багато таких конфірмованих солдатів, як Порцієнко, засланих з волі батьків на „виправлення". Тип подібного поміщицького синка Шевченко показав в образі Іпполітушки.

Ту ж саму тему „блудного сына“, а разом з нею і широку тему розкладу поміщицького побуту розробляє Шевченко і в повісті „Близнецы“.

Повість зразу ж починається гострою сатирою на офіцерство. З перших її сторінок ми дізнаємося, що коли з села виїжджає полк, то через якийсь час за селом неодмінно виявляють покриток і підкинутих дітей, залишених на глум офіцерами.

Треба відзначити взагалі, що розкладена царська армія, заснована на приниженні солдатської маси і звірячій палочній муштрі та тупоумстві, викликала огиду в Шевченка. Особливо була великою його антипатія до офіцерства, викриттю якого Шевченко приділив чимало сторінок своєї поезії і прози.

Бувши людиною великої спостережливості, Шевченко не раз ставив перед собою запитання: чим пояснюється цей розклад армії, які причини цього? Ці причини він знаходив насамперед в кріпосній системі, монархічному устрої. З вдумливістю справжнього соціолога він пояснював, що солдатська маса поставлена в найбільш принижене, нелюдське становище, і тому солдати пиячать, не бачачи нічого радісного і доброго в житті. „Солдаты самое бедное, самое жалкое сословие в нашем православном отечестве. У него отнято все, чем только жизнь красна,— семейство, родина, свобода“,— так писав Шевченко в своєму щоденнику (14 червня 1857 р.).

Але чим пояснити пияцтво і всі мерзоти офіцерства, „которым,— пише далі Шевченко,— отдано всё, все человеческие права и привилегии“, і які по суті були розсадниками пошлості? Пояснює це Шевченко також соціальними причинами, суспільним устроєм і в певній мірі системою виховання, що панувала в той час. Прагнучи як можна швидше дати освіту своєму синові (а це найлегше було зробити в армії), багато хто віддавав туди своїх дітей, з яких і виростали згодом довершені п'яниці і марнотрати. „Хорошо должно быть воспитание?— пише Шевченко.— Бесчеловечное воспитание. Зато дешевое. А главное, скорое. Восьмнадцатилет-

ний юноша, уж он офицер. Восторг и загляденье матери и опора дряхлого отца. Жалкая мать и глупый отец".

Саме цій проблемі виховання, з одного боку, а з другого — критиці царської вояччини і присвячує Шевченко свою повість „Близнецы".

Повість, як сказано, починається з від'їзду полку. Епізод цей мотивує дальший розвиток сюжету. Після відходу полку біля хутора з'являється жінка-покритка, яка підкидає своїх дітей-близнят на хутір Сокирів, а сама вкорочує собі віку, кинувшись у річку. Близнят забирають бездітні старі Сокири, і вся дальша розповідь приділена, головним чином, формуванню братів-близнят, їх вихованню.

Перші роки, коли брати виховуються в домі у Сокирів, вони абсолютно схожі один на одного, обидва скромні, працьовиті в навчанні і т. д. Та ось згодом один з них потрапляє в кадетський корпус, стає офіцером, і виростає з нього падлюка, п'яниця і брехун. Спочатку він обманює своїх „дражайших родителей", вимагаючи від них під різними приводами грошей для гульні, потім обманює жінку, доводячи її до голодної смерті разом з дитиною. За це він був понижений в солдати і засланий в Орську кріпость. Потім усякими авантюрами він намагається заволодіти братовим господарством і пропити його. Нарешті, він кінчає своє життя в п'яній бійці.

В цьому образі Шевченко послідовно, з найдрібнішими подробицями викриває характерні звички і поведінку офіцерства, піддаючи різкій критиці командний склад царської армії, що була великим тягарем для народу.

Твір „Близнецы" багатий на описи життя і побуту України. Дуже живо малює Шевченко в ньому пейзаж, що є взагалі одним з найцікавіших компонентів повістей Шевченка.

Пейзаж у повістях Шевченка, так само як і в поезії, виконує значну роль. В ньому ми бачимо, наскільки багата і прекрасна природа України — земний

„рай“, що є різким контрастом до страждань кріпосного українського народу.

Така в загальних рисах прозаїчна спадщина Шевченка, в якій він виступає революційно-демократичним письменником, як і у всій своїй творчості. І слова Шевченка, сказані ним на засланні: „Караюсь, мучуся... але не каюсь“, цілком стосуються і повістей, створених ним в той час. В прозі Шевченко так само нещадно критикує кріпосне право, феодально-поміщицький устрій загалом, проводячи ідеї революційної боротьби з ним. В цьому полягає особлива цінність повістей Шевченка. Величезне значення повістей Шевченка полягає також у тому, що в них він різко протипоставив життю поміщиків, їх гнилому побутові здорове, творчо активне життя народу. Люди з народу — великодушні, чистосердні, обдаровані, талановиті, вони почувають велику жадобу до праці і творчості. Так показує нам Шевченко сучасне йому суспільство, і в цьому виявлена глибока історична правда. Останнє особливо важливе, бо оспівування людей з народу взагалі є одною з характерних рис Шевченка як великого народного поета.

Тепло, з великим почуттям малює Шевченко в повістях також людей, близьких народові, людей, що присвятили свою славетну творчість для народного блага. Такі — великий російський художник Брюллов, поет Жуковський, Венеціанов у повісті „Художник“, автор славетної „Енеїди“ І. Котляревський в „Близнецах“ та ін.

Всі ці благородні люди минулого оживають на сторінках Шевченкових творів, а поряд з ними ще яскравіше сяє і безсмертний величний образ самого Кобзаря.

Прозаїчна спадщина Тараса Григоровича Шевченка доповнює образ великого народного співця і ще глибше і ширше розкриває нам його геній.

Зупиняючись вище на характеристиці повістей Шевченка, ми майже нічого не сказали про місце цих повістей в російській і українській літературі

першої половини XIX століття, що заслуговує особливого розгляду. Треба пам'ятати про те, що більшість повістей (а можливо, що і всі) були написані на засланні між 1847—1857 рр., коли у Шевченка не було ніякої змоги стежити за художньою літературою. Розвиток російської художньої прози 40—50-х років, пов'язаний з іменами Тургенєва, Григоровича, Гончарова, Герцена та ін., діяльність так званої „натуральной школы", великий успіх „Современника", що з 1847 р. перейшов до Некрасова і Панаєва, — все це в значній мірі залишалось поза полем зору Шевченка.

Літературний фон, на якому, отже, доводиться розглядати його повісті, — це російська художня проза 30-х і початку 40-х років. Про це свідчать і ті посилання на факти російської художньої літератури, які ми зустрічаємо в тексті самих повістей Шевченка. Повісті Гоголя і його геніальна поема „Мертвые души" зустрінута Шевченком захоплено, „Капитанская дочка" Пушкіна, „Библиотека для чтения", альманахи і збірники типу „Ста русских литераторов" Смірдіна, розповідна проза белетристів-романтиків — ось що по-різному запам'яталось Шевченкові з російської літератури. Само собою розуміється, що він знав і прозу попередньої епохи, прозу Карамзіна, Батюшкова, Нарєжного та ін. Співставляючи повісті Шевченка з російською розповідною літературою 30-х років, ми не можемо не відзначити своєрідності розповідної манери Шевченка. Теми, які він опрацьовує, були іноді темами російської белетристики 30-х років: відомі, наприклад, образи кріпаків-інтелігентів у повістях Н. Ф. Павлова („Именины"), Тимофеєва („Художник"). Обстанова і пейзаж, на фоні яких розгортається дія повістей Шевченка, були знайомі російському читачеві і по Гоголю, і по Нарєжному, і по російських повістях Гребінки та ряду інших творів.

Але в повістях про „крепостную интеллигенцию", зокрема, наприклад, у Н. Ф. Павлова, ми знаходимо звичайно змалювання безправного стану героїв

без спроби розкривати у всій непривабливості причини цього стану, без тієї критики феодально-поміщицького устрою, яку ми знаходимо у Шевченка. Різниця пояснюється не тільки реалістичним методом Шевченка. Тому нема ніякого сумніву, що і в 40-х і на початку 50-х років більша частина повістей Шевченка, особливо „Варнак", „Княгиня" та ін., не були б пропущені цензурою.

До панівної в 30-х роках літературної манери Марлінського, який мав численних наслідувачів, Шевченко ставиться іронічно-негативно, про що заявляє в повісті „Музыкант".

Так само навряд чи йшов у своїх повістях Шевченко і за українською прозою 30—40-х років, не зважаючи на те, що в прозі Шевченка можна іноді зустріти деякі окремі риси, схожі з рисами повістей Квітки-Основ'яненка та оповідань Гребінки. Наприклад, тема зганьблення офіцером селянської дівчини, зачеплена Квіткою в повісті „Сердешна Оксана", зустрічається і в Шевченка в „Наймичке" та в „Близнецах". Однак опрацьована ця тема у Шевченка зовсім в іншому плані, ніж у Квітки. Квітка в „Сердешній Оксані" не піднімається до широкого реалістичного узагальнення кріпосної дійсності. Він обмежується лише показом переживань обманутої дівчини та бездушності капітана. Тема ця в „Сердешній Оксані" подається скоріше як вада існуючого ладу, а не як явище типове. Шевченко ж, як уже сказано, цю тему висвітлює глибше і правдивіше з позицій письменника революціонера-демократа: він викриває і показує соціальні причини цього явища.

Таким чином, велика різниця між Шевченковими повістями і прозою Квітки полягає насамперед в творчому методі, в своєрідному підході авторів до дійсності, що зумовило і специфічність літературних засобів цих двох письменників.

В повісті Квітки переважає описовість, побутовізм, етнографічний матеріал, відчувається надмірна чутливість, що зближує повість Квітки з російською прозою кінця XVIII і початку XIX ст. У Шевченка ж —

реалістична манера письма. У нього на першому плані правдиві характери людей, реалістичність в описах побуту і життя кріпаків, що часто супроводжується у Шевченка особливими ліричними відступами, які надають повістям ліріко-епічного характеру.

Ще більше ця відмінність виступає при співставленні повістей Шевченка з творами Гребінки і Куліша.

Отже, Шевченко в своїх повістях — своєрідний і оригінальний письменник-реаліст, що йшов за Герценом, Гоголем, революційно-демократичною прозою, очоленою трохи пізніше Салтиковим-Щедріним. Не випадково Шевченко так радісно зустрів повісті Щедріна.

> „Я благоговею перед Салтыковым,— писав він у щоденнику 5 вересня 1857 р.— О, Гоголь! Наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалася бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!“

Про цю „зневажену“, знедолену „чернь“ і писав Шевченко в своїх повістях, ставлячи актуальні суспільно-політичні проблеми.

Повісті Шевченка писались у виключно несприятливих для творчості обставинах. Не можна було думати про остаточне опрацювання їх форми, ні з ким було порадитись, неможливо було перевірити самого себе хоч би перед вузьким колом компетентних читачів. Прийом, який зустріли по поверненні поета із заслання його повісті у „друзів“, на зразок Куліша, або у прихильників, на зразок старого С. Т. Аксакова, що належав до іншого покоління, не давав імпульсу до дальшої роботи, викликаючи неминучий сумнів у можливості творчого успіху на даному путі. Обставини зовнішнього життя поета складались так, що можливості спокійно працювати не було. В наслідок всього цього ми маємо прозу Шевченка, зви-

чайно, не в тому вигляді, якого надав би їй сам автор, якби він міг особисто приготувати її до друку.

Але навіть і в своєму теперішньому напівчорновому вигляді повісті Шевченка по гостроті і важливості піднятих у них суспільних питань, по реалістичних тенденціях, по своєрідності своїй ні від якого чужого зразка не залежної форми, нарешті по автобіографічному матеріалу, що в них є, — становлять дуже цінну частину літературної спадщини великого українського поета.

Вони — краща відповідь всім тим, хто намагався ізолювати Шевченка від російської літератури, вони — новий доказ нерозривного зв'язку між двома братніми народами — російським і українським.

НАЙМИЧКА

Между городом Кременчугом и городом Ромнами лежит большая транспортная или чумацкая дорога, называемая Ромодановым шляхом. Откуда она взяла такое название,— это покрыто туманом неизвестности; чумаки же рассказывают вот какую былицу.

Жил в городе Крюкове (что за Днепром, против Кременчуга),— так в этом городе Крюкове жил богатый, неисчислимо богатый чумак Роман. Каждое божие лето отправлял он две *валки*, по крайней мере возов в двадцать каждая, одну на Дон за рыбою, а другую в Крым за солью. К первой пречистой чумаки, его наймиты, возвращалися в город Крюков. Часть добра сваливалась в его *коморах*, а с другою половиною добра он уже сам отправлялся в город Ромен со своею валкою, а шел он вот какою дорогою: сначала на Хорол, так что ему Золотоноша оставалася вправо, а Веселый Подол влево, потом из Хорола на Миргород, из Миргорода на Лохвицу, а из Лохвицы уже в Ромен. Так посудите сами, какой он круг всегда давал! И для почтаря это чего-нибудь да стоит, а про чумака и говорить нечего. Вот он однажды, продавши на *роздриб и частку гуртом* свое добро в городе Ромнах, думал было возвращаться домой, да приостановился ненадолго около корчмы, около той самой корчмы, что и теперь стоит уже за городом Ромнами, под вербами, на лохвицкой и зиньковской дороге и на Ромодановом шляху.

А тут уже под вербами около корчмы стояло десяток-другой чумацких возов распряженных, а кой-где под возами сидят себе люди добрые да *горилку*

кружают. Вот он остановился со своею худобою, снял шапку, помолился богу и, обратившись к чумакам, сказал:

— Благословите, панове молодцы, волы попасать!

Чумаки ему отвечали так:

— Боже благословы, велыке поле! — и принялися за свое дело. А он, оставя волы в ярмах, пошел в корчму, говоря: — Я только чвертку выпью.

Заходит в корчму, а там шинкарочка точно на картине намалёвана, будто шляхтянка какая. Чумак Роман был уже хотя и не молодой чумак, одначе в нем сердце заиграло, глядя на такую кралю. Краля это смекнула да, усмехнувшися, и спрашивает его:

— А чего вам хорошего надобится, господа чумаче?

Она таки умела и по-московски слово закинуть.

— А вот чего мне надо, моя добродейко: кварту горилки да две кварты меду, да сама сядь коло мене.

— Добре, — сказала шинкарка и, наливши ему кварту водки, пошла в лёх с поставцем и принесла меду.

Сидит чумак Роман в конце стола, закуривши свою чумацкую люльку, а около него сидит молодая шинкарочка да смотрит на его седые усы своими голубиными глазками. Пьет чумак Роман, кружает он серебряною чарою горилку горькую, а шинкарочка молодая золотым кубком мед сладкий. Долго они вдвоем себе сидели, пили, разные песни пели. На дворе уже стемнело, а они сидят себе, пьют и поют. Уже и темная ночь на дворе, уже бы чумаку и в дорогу пора, а он сидит себе да пьет. Уже и полночь на дворе, а он все-таки сидит и пьет, а шинкарочка знай наливает. А волы бедные в ярмах стоят. Вот уже и Чепига, и Волосожар за гору спряталися, и зорница взошла. Чумак Роман как бы опомнился, взял шапку, люльку и вышел из корчмы, лег в воз, накрылся свитою и едва проговорил: — Соб, мои половые! — волы двинулися, взяли соб и пошли чистым полем, а не лохвицкою дорогою. Неизвестно, долго ли

они так шли и долго ли чумак Роман спал, только он проснулся уже в городе Кременчуге. По его следу поехали другие чумаки, и пробили широкую дорогу, и назвали ее Романовым шляхом. А почему его зовут Ромоданом, этого чумаки не знают.

Таково слово в слово сказание народа о Ромодановской дороге. Не улыбайтеся добродушно, мой благосклонный читатель, я и сам плохо верю этому сказанию, но, по долгу списателя народного быта, должен был упомянуть о сем досужем вымысле народа.

Ближе к истине полагать можно вот что о происхождении Ромодановского шляху. Не был ли его пролагателем князь Григорий Ромодановский, который в 1686 году водил московскую рать под Брусяную гору, чигиринскую резиденцию неукротимого гетмана Петра Дорошенка? Я думаю, это будет правдоподобнее. Но кто бы ни проложил эту дорогу, нам, правду сказать, до этого дела нету. А заговорили мы о ней потому, что описываемое мною происшествие совершается по сторонам ее.

Но чтобы вы полное имели понятие о Ромодановской дороге, то я прибавлю вот что.

Примечательна эта дорога тем, что, начиная от Ромна и до Кременчуга, не касается она, на расстоянии 300 верст, ни одного города, ни местечка, ни села, ни даже хутора. Лежит себе чистым, ровным, злачным полем. Только кой-где стоят корчмы с огромными стодолами и глубокими колодезями, построенными собственно для русских извозчиков,— наши чумаки никогда не останавливаются в корчмах. А по сторонам ее часто встречаются земляные укрепления разной величины и формы, поросшие терием. Нередко виднеются и курганы, совершенно круглые, сажен 50 в диаметре,— есть и больше и меньше,— всегда с выходами: двумя, тремя и четырьмя, смотря по величине кургана. Их простой народ называет просто могилами. Есть и такие насыпи (и это самые большие), которых и форму определить нельзя,— это валы разной величины и в раз-

ных направлениях. Думать надо, что форма этих шанцев впоследствии испорчена корыстолюбивым и любопытным потомством. Не помню, кто именно пробовал добывать селитру из Орельских земляных укреплений, или так называемой линии, построенной Петром Первым между Днепром и Доном, на берегу реки Орели, но результаты оказались совсем неудовлетворительны. То может быть, что и описываемые мною курганы были пробованы каким-нибудь любителем селитры — Ходаковским в некотором роде. Не знаю, пускай про то ведают антикварии. Нужно еще прибавить, что все эти так называемые могилы имеют свои названия, как-то: Няньки, Мордачевы, Королевы и т. д. Последние, быть может, окопы Карла XII, потому что он в этих местах когда-то шлялся со своими синекафтанными шведами.

Я одначе во зло употребляю терпение моих благосклонных слушателей: разносился со своим Ромоданом, как дурень с писаною торбой, наговорил, что твоя перекупка с бубликами, а о самом-то деле не сказал еще ни слова.

Недалеко от Ромодановского шляху, по правую сторону (едучи из Ромен), лежит широкая прекрасная долина, окруженная невысокими холмами, уставленными, как будто сторожами, столетними дубами, липами и ясенями; вдоль широкой долины извилисто вьется белой блестящей полосою Сула. По берегам ее стоят, распустя свои зеленые косы, старые вербы и бересты. Вдоль берега Сулы растянулося большое село, закрытое темными зелеными садами; только кой-где из густой зелени прорезывается белое пятнышко,— это белая хата с соломенною крышею. Таков вид всех почти сел в Малороссии, с большим или меньшим количеством ветряных мельниц. И как приветливо они машут своими крылами утомленному путнику, предлагая гостеприимный отдых в своих зеленых, благоухающих садах.

Солнце близилося к горизонту и золотило своим желто-багровым светом и без того золотые, уставленные копнами поля благодатного села. Широкая

долина покрылася прозрачным светлофиолетовым туманом и спрятала прекрасную линию своего горизонта в тумане. Сула зарделася матовым румянцем, как загоревшая на солнце молодая жница при встрече с милым косарем своим. По желто-пурпуровому мату извилистой Сулы кой-где тянутся за рыбачьим челноком светлые блестящие струйки,— тянутся и пропадают в темнозеленом очерете. Вербы и вязы еще ниже склонилися к воде, как бы оплакивая умирающий день. В такую-то вечернюю пору возвращалися в село с поля молодые прекрасные жницы. И как в этот день жнива были окончены, то они, каждая для себя и для освящения в церкви, сплели венок из колосьев пшеницы, жита и васильков и, увенчавшися венком, возвращалися с песнями ввечеру в село, выбрав сначала из среды себя царицу, чтоб было кому песни припевать.

Впереди всех их, тихо выступая, шла прекрасная царица свя́та; стыдливо, как бы от тяжести венка, опустила на грудь свою прекрасную смуглую голову, укрытую золотистым венком и распущенною черною косою; в руках у нее был серп и небольшой сноп жита, перевитый зеленою березкою,— настоящая Церера. За нею шли девушки и пели в честь ее свои заунывные песни; за девушками шли молодые косари с косами (они косили отаву на Суле) и скромно вторили им.

И вся эта картина была освещена заходящим раскаленным солнцем.

Прекрасная, умилительная картина!

А подойдите вы к этой картине поближе, всмотритесь в нее повнимательнее, и вы увидите на ее светлом розовом фоне такие пятна, что невольно отворотитесь, и на унылые мелодические песни этих прекрасных жниц вы горько улыбнетесь и закроете уши.

Живуча и деятельна натура человека!

С утра до вечера на солнце, без малейшей тени, с утра до вечера, согнувшись, жнет бедная жница, и что же,— настал вечер, идет домой, поет, а дома

не успела повечерять, опять на улице или в саду, и опять поет и поет, не умолкая, до рассвета; с рассветом опять за серп и на ниву, и снова целый день на солнце, согнувшися целый день, как ни в чем не бывало.

О, агрономы-филантропы! Выдумайте вы, вместо серпа, какую-нибудь другую машину. Вы этим окажете величайшую услугу обреченному на тяжкий труд человечеству.

Группы косарей и жниц со своею прекрасною царицей, отраженные в светлых струях Сулы, медленно приближалися к селу. Навстречу им выбежали дети и вышли с грудными младенцами матери, встречая и поздравляя взрослых детей своих с благополучным окончанием озимых жнив.

Мать же своей прекрасной царицы со слезами благодарила девушек за оказанную честь ее дочери и просила всех до своей хаты на вечерю.

Девушки, войдя в село, значительно переглянулись между собою, а молодые косари нахмурили свои черные брови. Что бы это значило?

А вот что! И те и другие заметили около некоторых ворот вихи.

Какое же им дело до вих? — вы скажете. — О, им великое дело до этих зловещих маяков!

Когда вы въезжаете в малороссийское село и видите у ворот на высоком шесте несколько соломенных кисточек, это значит, что в селе не пехота, а кавалерия квартирует. Виха означает конюшню, а число соломенных кисточек — число лошадей на конюшне. В описываемое мною село пришли еще только квартирьеры, назначили квартиры и расставили вихи для конюшен.

Вздрогнуло сердце не одного чернобрового косаря при виде этих зловещих вих. Не один из них припомнил страшные, трагические рассказы про бесталанных покрыток. А жницы! О, мои родные жницы! Никакие кровавые драмы вас не научат! Новина —

ваш проклятый идол, новина, перед которым вы кладете всё, часто честь, а за нею и жизнь свою бесталанную!

С поклоном и честию встретил жниц седоусый Влас, отец прекрасной Лукии, и просил их милостиво зайти к нему в о с е л ю и повечерять, что бог дал.

Жницы с песнями вошли на двор, а на дворе уже на зеленом ш п о р ы ш е была разостлана большая белая скатерть. Девушки, по приглашению хозяина и хозяйки, сели вокруг скатерти. А царица свя́та, снявши золотой тяжелый венок свой и завернув вкруг головы кое-как свою роскошную черную косу и засучив широкие рукава своей рубахи, приняла от матери графин с водкою и начала потчевать своих подруг.

В продолжение ужина отец и мать Лукии сидели на п р и з ь б е и любовалися своей единственной прекрасной дочерью. Через край полною счастия жизнию их сердце билося, глядя на свою Лукию.

А она, как приветливая хозяйка и услужливая работница, угощала подруг своих со всею прелестию наивной простоты.

После вечери девушки, помолясь богу и поблагодарив хозяина и хозяйку и свою молодую подругу за вечерю и взявши венки, чинно вышли на улицу. А на улице под частоколом и под вербами дожидали их их чернобровые косари.

— Иды и ты, моя доненько, на улыцю, поспивай з дивчатами.

— Не хочеться мени, моя мамо!

— Чому ж тоби не хочеться, мое серденько? Може ты утомылася, то ляж, засны.

— Я ляжу спать, мамо.

— Пострывай же, я тоби посте́лю постелю́.

И мать постлала постель своей утомленной дочери и, перекрестя, уложила ее спать.

Лукия, утомленная дневным трудом и вечерним счастием, немного повертевшись на постели, заснула.

А усталые подруги ее всю ночь простояли со своими чернобровыми косарями под вербами и под калинами, припевая:

Вийди, Грицю, на улицю
І ти, Коваленку,
Постоїмо під вербою
Вкупочці тихенько.

Если бы на завтрашний день не вступили драгуны в село, то вся бы эта история могла и кончиться одной идиллией, а драгуны, только что вступили, сейчас завязали драму. Вследствие чего и прошу моих слушателей пропустить мимо ушей по крайней мере год и обратить снисходительное внимание на картину следующего содержания.

Верстах в пяти, а может быть и больше, по левую сторону Ромодановского шляху (из Ромен же едучи), как раз против описанного мною села, лежит пологая широкая равнина, такая широкая и длинная, что горизонт ее в тумане теряется, а в летние жаркие и тихие дни то бывают и миражи, как будто бы в необитаемых, бесплодных и безводных степях киргизских. Вся эта долина испещрена разноцветными нивами и уставлена темными могилами, формою и величиною похожими на те могилы, что между Киевом и Васильковым, на Белокняжем поле. Я это говорю потому, что из Киева в Одессу более проехало людей, интересующихся отечественными древностями, нежели из Ромен в Кременчуг. Ромодановским шляхом, как известно, ходят только одни чумаки, а чумак простой человек, какое ему дело до каких бы то ни было могил? Он может только задать себе вопрос: — Чиим то трупом вас начинено? — или, задумчиво глядя на темные могилы, запоет однозвучно, монотонно.

Так вот на этой-то равнине, между угрюмыми могилами и пестрыми нивами, зеленеет небольшой гай (роща), как бы оазис в пустыне аравийской, — красно сказано! Это хутор богатого козака Якима Гирла.

Подойдем же мы ближе к хутору и посмотрим на красоту его безыскусственную и на жизнь его хо-

зяина. Для нас это путешествие тем более необходимо, что на этом уединенном хуторе будет продолжаться предлагаемая драма.

Весь хутор с фруктовым садом и гаем занимает не более пяти квадратных верст и окопан глубоким и широким рвом, а ров усажен вокруг всего хутора́ крыжовником. Ворота не дощатые, как это бывает у постоялых русских дворов, а обыкновенные, простые, по сторонам их дубовые массивные столбы и по несколько частоколин. Да у глухого конца ворот старая, широковетвистая верба, как бы заслоняющая от недоброго глаза благодатный хутор. Войдя на двор хутора, вы увидите с правой стороны большую клуню, обставленную полускирдами разного хлеба; по левую сторону ворот — загороды с сараями для разной скотины, а за клунею невдалеке, под старыми берестами, две дубовые коморы и возивня; напротив комор лёх с железными дверями, а в самом конце двора под липами белеет хата, снопками крытая на польский лад. За хатою идет уже сад с разными породами яблонь, груш, слив, вишен, черешен и даже три ста́рых дерева грецких орехов, вывезенных из Крыма еще дедом Якима Гирла; посередине саду колодезь с колесом и навесом. А за садом, в гаю, на небольшой поляне, пасика с куренем и погребом для пчел. А там уже дубы, липы, березы и всякое дерево до самого рва. А за рвом уже был небольшой ставочек и около него огород, окруженный небольшим рвом и усаженный кукурузою и подсолнечниками, а баштан был немного подальше в поле.

Так такой-то благодатный хутор у старого козака Якима Гирла. А каким добром наполнены его дубовые коморы и лёх, и рассказать нельзя.

А чумаки его, где они на свете ни ходят! И в Крыму, и на Дону, и в Одессе, а про Киев и говорить нечего.

Раз было взялся он поставить песок сахарный

в самую Москву, только Москва шутить не любит с нашим братом хохлом, так что он едва с парой волов домой пришел. И с тех пор, если ему ненароком кто скажет слово про Москву, то просто из хаты выгонит, а если в гостях услышит такое слово, то наденет шапку и, не прощаясь с хозяином, уедет на свой хутор. Яким Гирло, как видно, был человек не так себе, не всякому давал себе ступить на пяты.

Это было в августе месяце, в воскресенье, так около полудня. Яким Гирло вышел из хаты и сел на призьбе; он был человек уже не молодой, но свежий и здоровый, усы и чуб были не то что седые, а серые. Рубаха на нем чистая, белая, шаровары тоже белые,— он не любил разных московских китаек и носил всё белое; сапоги на нем добрые, юхтовые. Взглянувши на него раз, то можно было сказать, что это человек достаточный: в лице что-то есть такое.

Вскоре за ним вышла и жена его Марта, женщина лет сорока, а может и больше, чисто и хорошо одетая, в желтых юхтовых сапогах, в плахте и шелковой красной юпке,— хоть бы и на старухе, так было бы к лицу.

Вынесла Марта сначала скамейку, покрытую килымком, поставила ее перед мужем, а потом уже вынесла миску с варениками и тарелку со сметаной, и все это поставила на временном столе перед мужем, и сама села около него.

— Нумо полудновать, Якиме! — сказала она мужу.

Яким, перекрестясь, сказал:

— А полудновать, так и полудновать; господи благослови! — И с этим словом расправил свои серые усы и взял вареник.

После вареников Марта вынесла миску слив и желтую душистую дыню; покушали и слив и дыни немного. После полдника Марта убрала всё и села опять на призьбе около своего мужа. Долго они сидели молча, наконец, Марта заговорила:

— Что-то долго не видать чумаков наших с рыбою.

— Да, что-то долго не видать.

И Яким замолчал. Ему как бы не хотелося продолжать разговоры. Впрочем, он вообще был неговорлив.

Немного погодя Марта опять заговорила:

— Я все думаю, Якиме, кому то мы после себя добро свое оставим? Не даровал нам с тобою господь ни дочери, ни сына. Так и помремо одиноки!

— Так что ж, что помремо? Люди добрые похоронят, а добро поживут!

— Конечно, поживут, никуды оно не денется, а все-таки лучше, если б было свое родное дитя.

— Так где же его взять, коли господь прогневался на нас за грехи наши.

— Да, прогневали мы милосердого господа, не утешил он ледачую старость нашу! Так и гробовой доской покроемся, и некому будет от души заплакать, и некому будет помянуть наши души грешные! Знаешь что, Якиме! поеду я завтра в Бурты да отвезу отцу Нилу на сорокоуст и за твою, и за свою душу. Пускай отслужит, когда помремо.

— Ты заговоришь всегда такое, что просто не слушал бы тебя. Ну, скажи таки, умная ты голово, кто, живой человек, по своей душе сорокоусты правит?

— Нету, Якиме! Не по живой душе, а по усопшей. А это я думаю сделать для того, чтобы после не остаться без поминовения.

— Бог милостивый, не останемся, а я вот что думаю: что-то наша челядь из села долго не возвращается.

— Цыть, цыть, Якиме! Чуешь!.. О, ще раз!

— Что там ще раз?..

— Чуешь!.. Дытына плаче...

— Так и есть, за воротами...

— Пойдем, посмотримо, Якиме.

— Ходимо.

И не по летам бодро встали с призьбы и пошли к воротам.

Кто же расскажет радость старой Марты и Якима,

когда они увидели под перелазом дитя, окутанное старой серой свиткой,— и головка прикрыта зеленым широким лопухом.

— Якиме! — только могла проговорить старая Марта, всплеснув руками.

А старый Яким, снявши бриль, молился богу.

— Якиме! — сказала Марта, взявши ребенка на руки.— Посмотри, какое здоровое да хорошее!

Яким взял ребенка на руки и сказал:

— Пойдем в хату,— оно, бедное, голодное.

И они пошли в хату со своею дорогою ношею.

Пришедши в хату, Яким бережно положил младенца на стол, достал с полки псалтырь (он был грамотный) и, перекрестясь трижды, прочитал псалом: „Живый в помощи вышнего". Потом взял младенца в руки и, передавая его Марте, сказал:

— Паче ока береги его!

Марта, перекрестясь, приняла его и положила на подушку.

— Посмотри за ним, Якиме, пока я молока принесу.

Принесши молока, Марта принялась кормить младенца, а Яким вышел на двор, нашел в сарае ночвы и стал прилаживать к ним веревки. Через полчаса принес он в хату, к немалому удивлению Марты, готовую колыску. Остаток дня прошел для них незаметно. К вечеру, когда ребенок заснул в своей скороспелке-колыске, Марта, позабыв, что было воскресенье, достала тонкого полотна из бодни и принялася кроить маленькие рубашки.

Возвратившаяся из села челядь рассказывала, что они видели на могиле какую-то молодицу.— Сначала она пела какую-то песню, а [потом] заплакала, а когда мы перекрестилися, то она исчезла; должно быть, нечистая сила и в могилу провалилася, — так закончила свой рассказ Мартоха, девка не робкого десятка.

На другой день до восхода солнца Яким заложил в бричку пару добрых коней, помостил в бричке сена и покрыл его килымом, сел в бричку и поехал в село Бурты за отцом Нилом.

Проезжая мимо могилы, он увидел в утреннем тумане на могиле женщину. Она была лицом обращена к его хутору. Он посмотрел на нее, остановил коней и громко сказал:

— День добрый, молодыце!

— Спасыби,— отвечала женщина.

— Что ты тут делаешь, молодыце?

— Вчера корову загубыла, так смотрю сегодня, не пасется ли где.

— Ну, добре, оставайся здорова!

— Спасыби.

Яким дернул вожжами, и добрые кони понесли его шляшком через поле.

К обеду Яким возвратился на хутор с отцом Нилом и с отцом диаконом. Отдохнувши немного под хатою и освежившись закрепленным березовым соком, отец Нил вошел в хату, сначала прочитал младенцу молитву и нарек его Марком. Потом с отцом диаконом совершил обряд святого крещения. Восприемниками были Яким и счастливая Марта.

До самой субботы гостил отец Нил и диакон у Якима на хуторе, да и не они одни, а много таки добрых людей набралося на Марковы крестины.

Прошел месяц после крестин Марочка (так называла его Марта), и на хуторе Якима Гирла ничего особенного не случилось, разве только, что вскоре после крестин чумаки пришли из Дону; но это происшествие весьма обыкновенное, хотя, правду сказать, наблюдательный ум и в этом обыкновенном случае наберет много пищи, как на ничтожном цветке трудолюбивая пчела. Особенно в первые дни послушать досужего чумака, как он примется рассказывать за чаркою горилки, какие он бесконечные степи проходил, из каких бездонных криныць волы поил, по сколько суток сам без воды и хлеба пропадал, какие города видел, какие на какой реке переправы имел, какие где народы

видел,— просто волосы дыбом станут, когда послушаешь.

Но у Якима Гирла не было такого досужего чумака, следовательно, не было и повествования о мудреных чумацких приключениях.

Сентябрь месяц проходил и, проходя через хутор, красил своим дуновением зеленый гай разными золотыми и красными красками. Так издали ежели посмотреть на гай, то кажется, как будто он покрыт дорогим разноцветным ковром, особенно при закате или при восходе солнца.

На могиле близ хутора почти каждое утро и вечер челядь видела таинственную молодицу, и начали поговаривать, что это что-нибудь не просто. А оно было очень просто,— бедная эта молодица была не кто иной, как простая п о к р ы т к а и мать маленького Марочка. Она, сердечная, не могла оторваться от того места, [где] выростало ее бедное, ее прекрасное дитя. Сколько раз она приходила по ночам к самому хутору, обходила кругом его, проводила ночи бессонные во рву, или по воскресеньям, когда челядь уходила в село, она невидимкою подкрадывалася к самым воротам, чтобы услышать хотя один звук своего милого дитяти. Сколько раз она покушалася взойти на двор и выпросить назад или, наконец, украсть свое дитя, потому что ей без него не можно было жить на свете, и без него хлеб не елся, вода не пилася, солнце божие не светило и не грело.

После измены своего улана-обольстителя вся любовь ее, все нежнейшие чувства уничиженной матери были сосредоточены на нем одном, на своем сироте-дитяти. А оно, бедное, в чужих людях, на чужих руках засыпает, чужой грудью питается, без любви, без сердечного материнского поцелуя. Любовь матери превозмогла и страх и стыд; она решилася во что бы то ни стало войти на хутор, решилась и дожидала только воскресенья, когда людей меньше будет на хуторе.

В воскресенье, пообедавши и, разумеется, отдохнувши, Яким Гирло сидел за столом в своей светлице и читал из псалтыря „Не ревнуй лукавнующим, ниже завидуй творящим беззаконие“, а Марта, убаюкавши Марочка в новой колыске, стояла над ним долго, задумавшись, и, вздохнувши, сказала:

— А что я думаю, Якиме?

— А бог тебя знает, что ты там думаешь?

— Я думаю, прости меня господи, что если наш Марочко, боже нас сохрани, умрет, что мы тогда делать будем?

— Я так и думал! Ну, не грех ли тебе такое всё скверное в голову забирать!

— Нету, Якиме, когда я на него смотрю сонного, то мне всегда такое в голову лезет.

— Молися богу, Марто, бог милосердый не попустит такого великого несчастия.

— Еще я думаю, Якиме, коли, даст бог, доживем до покровы, то поедем в церковь, запричастим нашого Марочка, ему тогда будет как раз шесть недель.

— Поедем, это дело христианское.

— А там я думаю заодно уже расспросить, не найдется ли хорошая наймичка, потому что теперь, сам видишь, нам одной наймички мало.

— Что ж! Что нужно, я от того не прочь.

— Да если б бог дал, чтобы и хозяйство таки знала, тогда я бы себе нянчилася с Марочком, а она бы по хозяйству поралась.

Марта, вздохнувши, замолчала. А Яким, перекрестясь, начал снова „Не ревнуй лукавнующим“.

Через несколько минут дверь осторожно отворилася, и в хату вошла бедно, но опрятно одетая молодая женщина. Она робко остановилася на пороге и, поклонясь, едва проговорила:

— Боже помогай!

— Спасыби, небого! — сказал Яким. — Садиться просимо!

Она молча села на лаву у порога и молча пристально [смотрела] на колыску и на Марту. Много было нужно ей душевной силы перенести эту

минуту и не показать виду, что она самое близкое существо спящему Марочку.

— Что же ты нам скажешь хорошее, небого? — спросил ее Яким.

— Я зайшла у вас спросить, не нужно ли вам будет наймички?

— Нужно, голубочко, и страх нужно. У нас теперь, дал бог, малая дытына, так я все с нею нянчуся, а хозяйство совсем заброшено.

— Так я бы у вас найнялася.

— Наймись, наймись, голубочко, у нас тебе худа не будет.

— А издалека ли ты, небого?

— Из-под Ромен, дядюшка.

— Добре! А что же ты возьмешь платы за год?

— А что вы платите другим, то и мне дайте!

— Добре! Мы платимо Мартоси пятнадцять на ассигнации, новую белую свиту и шкапови чоботы.

— Добре, и я так наймуся.

— Добре! Дай вже нам, Марто, чого-нибудь пополудновать. — Марта, уходя, сказала Якиму:

— Посмотри на Марочка. Ежели оно проснется, то поколыши его.

Яким передвинулся на другой конец стола, поближе к колыбели.

Марта прибавила из-за дверей: — Та не бери его на свои железные руки. Я сама сейчас вернуся.

— Разносилась со своими панскими руками, — проворчал Яким и ласково прибавил:

— Садись, небого, на ослон, поближе к столу.

— Спасыби вам! — и наймичка подошла к столу и посмотрела на колыбель, переменилася в лице, и две крупные слезы скатилися с ее исхудалых щек. Яким заметил это и спросил:

— Что, небого, може и у тебе дытына е?

— Было, да господь себе взял.

— Так, так. Значить ты, небого, вдова?

— Ни, московка... — проговорила сквозь слезы наймичка.

— Так, так... а как тебе зовуть, небого?

— Лукия...

В это время проснулся ребенок и заплакал. Старый Яким принялся колыхать, припевая:

Е... е, люлю,
Чужим дітям дулі,
А нашому калачі,
Щоб спало вдень і вночі.

Бедная Лукия! Потому что это была она, та самая счастливая прекрасная царица непорочного сельского праздника. Бедная! Чем отдалися в твоем сердце звуки твоего милого единого дитяти? Бедная! Ты сама чуть не зарыдала и не запела вместе с Якимом. Но ты силою любви твоей удержала порыв восторга и только тихими слезами утишила его.

Марта возвратилася с полдником, поставила его кое-как на столе и бросилась к колыбели.

— Цыть, цыть, мое серденько! Ну тебя со своим волчьим голосом, только моего Марочка перепугал. Цыть, моя пташечко! Я тоби мозючок дам! — И она сунула ребенку рожок с теплым молоком и обратилася к Якиму:

— Чому же ты не просишь полудновать? А коли хочешь яблок или дуль, то сам сходи в лёх; та заодно наточи и грушевого квасу, а я от дытыны не отойду, поки воно не засне, сердешнее! Ишь, как напугал, и до сих пор еще слезки у бедного на щечках. Годуйся, годуйся, мое серденько!

Яким, помолясь богу, сел за стол, пригласил и Лукию с собою садиться. После нескольких вареников он заговорил, как бы сам с собою:

— Видишь, какая на свете правда. Отдать бедного одинокого человека в москали, а жену, сироту убогую, пустить по миру. Нехорошо меж людьми делается! Добро, что она еще богобоязненная, ищет себе кусок хлеба трудами честными. А другая бы на ее месте и при ее красоте и молодости пропала! С душою и телом пропала на веки.

— Разве Лукия москОвка? — спросила Марта, вслушавшись в слова Якима.

— Московка,— ответил Яким, не подымая головы.

— Бесталанная! А может, муж твой, Лукие, пьяныця, ледащо було?

— Ледащо! — ответила Лукия.

Яким поднял голову, посмотрел на Лукию и сказал:

— Так туда ж ему и дорога.

— И я так думаю, Лукие! — сказала Марта.— Боже сохрани и заступи, пресвятая дево, нашу бедную сестру от лихого да ледачого мужа! Мы вот с Якимом, благодаря бога, часточку прожили таки на свити, правда... ну, да смолоду чего иногда не случается...

— Ну, завела теперь свои гусла... — сказал Яким полушутя, полусурово.— Да вашу сестру если б не попомять хорошенько, то и добра не видать.

— Ну, да вы хороши, негде правды спрятать... Отак всегда заговорюся с ним и не вижу, что мой Марочко давно заснул.

Она бережно закрыла его чистою простынькою и присела, перекрестясь, к столу около Лукии, сказавши:

— Годуйся, Лукие! ты не смотри на него! Он у меня всегда что-нибудь ворчит. Такой уж зародился никчеменный.

И она взглянула, ласково усмехаясь, на мужа. Яким и виду не показал, что заметил ее улыбку, только погладил усы рукой.

Полдник кончился, все встали из-за стола, помолились богу, и Марта, собирая со стола посуду, сказала Лукии:

— Ты бы, Лукие, пошла в другую хату та отдохнула с дороги, теперь там никого нету, все ушли в село на музыки.

— Спасыби вам! Я не очень устала,— а ей, бедной, весьма нужен был покой, или по крайней мере уединение.

— Ну, где же таки не устала, ведь, шутка сказать,— от Липового до нас будет, я думаю, верст сорок, как ты думаешь, Якиме?

— Сорок будет,— ответил Яким.

— Я в Ромне переночувала.

— Ну, та хоть и переночувала, а спочить тебе все-таки не пошкодыть,— сказала Марта, как бы инстинктом угадывая душевную усталость Лукии.

— То я пойду и одпочину немного,—сказала Лукия, отступая к порогу.

— Постой же, я тоби покажу хату,—сказала Марта и вышла в темные сени. Потом отворила противоположную дверь светлицы и ввела Лукию в просторную чистую хату.

— Ляж отут на полу или на лави, та отдохни немного, Лукие!

— Спасыби вам!—сказала Лукия. Марта вышла из хаты, притворивши за собою двери.

Лукия, оставшися одна, кругом оглянулася, как бы уверяясь, что она одна в хате. Упала на лаву, закрыла лицо руками, тихо и горько зарыдала. Она плакала не от горя и неведения, ее прежде пожиравшего, но от полноты душевной радости. Она уверилась, что дитя ее здорово и что люди, принявшие его,—люди добрые.

— Господи!—она проговорила.—Благодарю тебя, святая матерь божия! Благодарю тебя, святая заступнице! Благодарю тебя, моя единая утешительнице!—И она снова залилась слезами. Приходя в себя, она ходила по хате и тихо плакала, ломая свои исхудалые загорелые руки.

— А как ты думаешь, Марто?—сказал Яким своей жене, когда они остались одни в светлице.—Я думаю, что наша новобранка честного, хорошего роду дочка.

— И я думаю, Якиме,—сказала Марта, вытирая миску,—что она честного роду,—худого человека сразу угадаешь. Та видишь, она такая сумная, а може это так, с дороги.

— Ни, не с дороги, я думаю, а она бесталанная, и сама знает свое бесталанье. Когда ты выходила за полуднем, то она взглянула на Марочка и заплакала. Я спрашиваю:—Чего ты плачешь?—А она мне и говорит:—И у меня было дитя, та бог прибрал.—Так вот оно что.

— Бедная! Ей только и радости, что дитя оставалося на свете, и того бог лишил. А не говорила, хлопчик чи дивчина?

— Хлопчик,— сказал Яким и задумался.

Марта, поставивши миску в мисник, села на лаве и тоже пригорюнилась. Через минуты две молчания, вздохнувши, Марта спросила у Якима:

— А как ты думаешь, Якиме, отдавать ли нам Марочка в школу, или нет?

— Разумная голово! Подумала ли ты, что говоришь! Теля еще бог знае где, а ты уже и довбню готовишь! — сказал Яким почти сердито.

— Ну, вот уж и рассердился. Я так только сказала.

— То-то вы все так говорите, цокотухи, а того не подумаешь, что еще бог пошлет завтра. Школа, школа — вещь, коли ты хочешь знать, не малая. Вот, например, у Таранухи учили, учили сына, а вышло что? Пьяныця и любостяжатель.

— Ну, ты уже когда рассердишься, то с тобою и рады нету! — сказала Марта, вставая со скамьи.— У тебя и спросить ничего нельзя. Ну, коли не хочешь отдавать в школу, то сам учи.

— Я-то буду учить его письма, сколько сам, грешный, разумею, а вот чтобы ты его сначала научила!

— А я его чему научу? Нехай соби здоров росте та щаслывый буде! Мое дело женское, чему я его научу?

— Чему? Тому, чего ты и сама не знаешь: всему доброму! Вот что! Ты теперь у него мать, так учи его, когда он, даст бог, заговорит, молиться богу, а я, посмотревши, как он будет молиться, и письма святого выучу, и псалтырь ему свою святую, умираючи, передам.

— Насилу договорил до краю! Цыть, цыть, мое серденько! — в это время проснулся Марко. Марта подбежала к колыске и, убаюкивая Марка, бессознательно запела:

Ой жила вдова
Та на край - села,
Вигодувала сина,
Сина Івана.
Вигодувавши, до школи дала;
А з школи взявши,
Коня купила.

И, взявши на руки малютку, ходила, приговаривая:

— Вот, если бы лето, то в садок бы пошли, зашли бы в пасику. А там сидит старый дид,— у! какой страшный! Вон он! вон он! посмотри, какой страшный! — И она показала на Якима, сидящего за столом. Яким молча улыбнулся.

Знаешь ли ты, видишь ли ты, бесталанница, свое родное, счастливое дитя?

Видит и знает. Она, не прислушиваясь, слышала каждый звук, произнесенный старою Мартою и старым Якимом. Она в глубине души своей прозревала будущее своего дитяти и от полноты сердечной радости благодарила всемилосердого бога за ниспосланное ей счастие!

Следующий и последующие дни текли на хуторе обыкновенным чередом. Новая наймичка вскоре освоилась со всею челядью и всем полюбилася. Она ко всем равно была внимательна и ласкова равно со всеми; хозяйка и хозяин были ею особенно довольны, особенно за любовь ее к маленькому Марку. И действительно, он ни засыпал, ни просыпался без нее; она всегда находила предлог присутствовать при его колыбели, приносила ему пеленки теплые, чистые такие, что хоть бы и паничу какому, так не в стыд. Она как бы чуяла его пробуждение, и к этому времени всегда у ней было готово подогретое свежее молоко. Старая Марта не могла надивиться усердию и заботливости своей новой най-

мички. Еще прошел месяц, и Лукия, к немалой обиде старой наймички, овладела всем домом. Сама хозяйка уступила ей все хлопоты и распоряжения по хозяйству, а наконец и ключи от комор и лёху отдала ей, себе только оставила ключ от скрыни, и то потому, что, ей казалося, неприлично хозяйке не иметь ключа.

Сам старый Яким, на что уже человек серьезный и несловоохотливый на похвалу кому бы то ни было, и тот, бывало, наедине с Мартою иной раз не утерпит и скажет:

— Что за благодать нам господь послал в этой Лукии!

— Я и сама, встаючи и ложася, молюся богу за благодать его святую. Ты посмотри только, Якиме! Где она ни поворотится, что ни сделает, только смотри та любуйся, а уж до Марочка какая щирая, так я и не надивлюся. Хоть бы и прошедшую ночь. Марочко проснулся, и заплакало, бедное; я сплю себе, как убитая, а она, и бог ее знает, как она услышала из другой хаты! Когда я проснулася, то она ему уже рожок с молоком подавала, да еще и мне же говорит: — Не турбуйтеся, я и сама ёго присплю. — Спасыби ей! Такая добрая да щирая, и вот уже который месяц она у нас, а хоть бы раз тебе в село сходила. Я как-то ей раз в воскресенье говорю: — Да ты бы, Лукие, хоть до церкви в село сходила! — И дома, — говорит, — можно помолиться богу, лишь бы усердие было. — Такая, право, щирая та усердная, дай ей бог здоровье. Я просто паную за ее плечами.

— Да, и такое добро бог посылает какому-нибудь ледачому человеку.

— И не говори, Якиме! Я иногда смотрю на нее, та аж заплачу. Чему бы тебе, милосердый боже, не послать ей талану та радости в ее жизни! Хоть бы когда-нибудь тебе усмехнулась или пожартовала, разве только с Марочком. А то всегда такая смутная та невеселая.

Подобные разговоры часто повторялися между

хозяевами. Дивилися ее постоянной задумчивости, но им, простодушным, и в голову не приходила настоящая причина ее; они видели достаточную причину быть московкою, чтобы быть бесталанною. О роде и племени ее они как бы боялися с нею речь заводить, инстинктивно понимая, что у несчастного не должно спрашивать о его прежнем счастии.

Поклон вам, грубые, простые люди! Вы бы своими расспросами заставляли ее врать и, значит, вдвойне страдать, потому что она не рождена была выдумывать небывалые исповеди своего сердца. Она была простое, натуральное, умное и прекрасное дитя природы. Она полюбила всей чистотою своего сердца уланского офицера за красоту его и ласковые речи. И когда он, ею наигравшися, бросил, как ребенок игрушку, то она, неразумная, только заплакала и долго, и до сих пор не может себе растолковать, как может человек божиться и после соврать. Для ее простой, девственной души это было неудобовразумимо. А между людьми более или менее цивилизованными это вещь самая простая. Это всё равно, что взять и не отдать.

На рождественских святках хозяева поехали в село навестить своих знакомых, в том числе и отца Нила, и отца диакона, и весь причет церковный. Она осталася одна в доме,— челядь тоже отправилась в село на музыки, окроме старого наймита Саввы, который и дневал и ночевал в загороде с волами.

Ее счастие было полное, она была одна, одна со своим счастливым сыном.

Первое, что она сделала, проводивши хозяев и затворивши за ними ворота,— осмотрела внимательно весь двор, вошла в хату и засунула засовом двери. Марко в это время спал; она подошла к его колыбели, открыла простыньку и смотрела на него, пока он проснулся.

Потом взяла ребенка на руки и нежно, глубоко нежно поцеловала. Ребенок, как бы чувствуя поцелуй родной матери, обвил ее сухую шею своими

пухлыми ручонками. Потом она одной рукой сняла со скрыни килым и разостлала его на полу, посадила на килым Марка и, отойдя шага на два от него, плакала и улыбалася на свое прекрасное дитя. Потом села на ковер и взяла на руки Марка, нежно прижимая к груди своей. О, как она в этот миг была прекрасна, как счастлива. Какая чудная, торжественная радость была разлита во всем существе ее.

Что, если бы мог в это мгновение взглянуть на нее ее обольститель? — Он бы пал перед нею на колени и помолился, как перед святою.

Нет, его очерствелой, грязной душе недоступно подобное чувство.

Долго она играла с ним, подымала его выше головы своей, ставила на пол, опять подымала и опять ставила, разговаривала с ним, смеялася, целовала его, плакала и опять смеялася; словом, она играла с ним, как семилетняя девочка, пела ему песни, сказывала сказки, называла его всеми уменьшительными сердечными именами, и дитя, как бы симпатизируя радости своей счастливой матери, в продолжение дня ни разу не заплакало. И какое оно прекрасное было! Карие большие глазенки блестели, как алмазы, и в них много было сходства с глазами его прекрасной матери. Их оттеняли черные длинные ресницы, что и придавало им какое-то недетское выражение.

Лукия и не заметила, как наступил вечер. Что ей делать? Нужно вечерять варить, а Марко и не думает о колыске, разыгрался так, что его и до ночи не уложишь. Хоть бы скорее кто из села пришел, а то приедут хозяева,— что они скажут? Подумают, что она проспала весь день и весь вечер.

Ворота заскрипели, и на двор въехали хозяева. Она отворила им двери, жалуясь на Марка, что не дает ей печи затопить.

— Что же он делает? Всё плачет? — спросила Марта.

— Какое плачет! Целый день хоть бы скривился. Все п у с т у е.

— Ах ты, волоцюго, волоцюго!—сказала она, подходя к Марку.—Да ты ему еще и килым постлала?

— Не лежит в колыске,— все просится на руки.

— Ах ты, непосидящий, постой, вот я тебе дам! — И, снявши кожух и свиту, она взяла его на руки и сунула ему в ручонки позолоченный медяник, гостинец отца Нила.

Лукия принялася затоплять печь, а через несколько минут вошел и Яким в хату, обивая арапником снежную пыль с смушевой новой шапки.

— Добрывечир! — сказал он, войдя в хату.

— Добрывечир! — отвечала Лукия.

— От мы, благодарить бога, и додому вернулися,— сказал он, крестяся.— А что наш хозяин дома поделывает? Плачет, я думаю, для праздника?

— Где там тебе плачет! Целый день покою не дал бедной Лукии. Пустуе, и цилый день пустуе.

— Ах ты, гайдамака! Смотри, как он обоими ручищами медяник загарбав!

И, положивши на стол узел, снимая свиту и кожух, заговорил как бы сам с собою:

— Горе мне с этой матушкою Лукериею. На дорогу таки та й на дорогу! Вот тебе и надорожився,— а тут еще и диаконица, и тытарша со своею сливянкою. Ну, что ты с ними будешь делать? Сбили с панталыку, окаянные, та й годи! — Лукие, покинь ты свою печь к недоброму! Иди-ка сюда!

— А что ж вы будете вечерять, когда я печь покину? — обратясь к нему с рогачем в руках и усмехаясь, сказала Лукия.

— Не хочу я вечерять сёгодни, та и завтра не хочу вечерять, и послезавтра. Та и стара моя тоже вечерять не хоче, правда, Марто?

— Вот видишь, какой разумный! Хорошо, что сам сытый, то думает, что и все сыты, а Лукия, может быть, целый день, бедная, ничего не ела.

— Ну! ну! и пошла уже! С тобою и пожартувать нельзя.

— Хорошие жарты выдумал!

— Та ну вас, варить хоть три вечѐри разом, а я добре знаю, что не буду вечерять.

— Ото завгорить! Нам больше останется!

— Пускай вам остается,— сказал Яким, садяся за стол.— А засвети, Лукие, свечку!

Лукия засветила свечу и поставила на стол. Яким, развязывая узел, запел тихонько:

Та виріс я в наймах, в неволі,
Та не було долі ніколи,
Та гей!..
Ой, виріс я в наймах в дорозі,
При чужому возі в дорозі,
Та гей!..
Та чужії вози мажучи,
Та чужії воли пасучи,
Та гей!..

— Лукие! Брось ты там свою печь,—сказал он, развертывая большой красный платок.— Возьми соби, дочко, моя бесталанныце; возьми та носы на здоровье! А вот и на очипок, а вот на юпку и на спидныцю; возьми, возьми, дочко моя, та носы на здоровья. Ходы ты у нас не так, як сырота, а ходы ты у нас, як роменская мещанка, как нашого головы дочка. Это поносишь, другого накуплю, потому что ты у нас не наймичка, а хозяйка; мы с старою за твоими плечами як у бога за дверьми живемо.

— Возьми, возьми, Лукие!—прибавила Марта.— Возьми! Это мы для тебя у московских крамарей купили.

— Да на что же вы покупали такое добро?—сказала Лукия.— Вам было напрасно только деньги тратить!

— Не твои, дочко, гроши, божи—бог дал, бог и возьмет,— и он передал ей гостинцы.

Лукия, принимая подарки, кланялась и сквозь слезы говорила:

— Благодарю! благодарю вас, мои родные, мои благодетели.

— Вот так лучше!—говорил весело Яким.— Ты нам уже, Лукие, послужи на старости, а мы, даст

бог, понемногу с тобою расчитаемся. Ты видишь, мы вже люди старые; бог знает, что завтра будет. А у нас, ты видишь, дытына малая, одинокая. Ну, боже сохрани, моеи старои не стане,—куда оно денется!

— Перекрестися! Что ты там, как сыч на комори, вищуешь?

— А что ж, всё в руце божией.

Марта, укладывая Марка в колыбель, тихо проговорила:

— Не слушай его, Марку, это он так от тытаревой сливянки.

— Что?..—сказал протяжно Яким.—Как дам я тебе сливянку, так ты меня будешь знать!

— Вот уж нельзя и слова сказать.

— Нельзя.

И в хате воцарилася тишина. Только Марта шопотом напевала колыбельную песенку, изредка поглядывая на сердитого Якима. Вскоре собралися все домочадцы; вечеря была готова. Уселися все за стол в противоположной хате, кроме Якима, повечеряли и положилися спать. Через минуту на хуторе все спало.

Не спал только старый Яким; он сидел в светлице за столом, склонив свою серую голову на мощные жилистые руки.

Долго он сидел молча, потом запел едва внятно:

Ой воли мої та полові́ї,
Та чому ви не орете?

Окончивши песню, он заговорил сам с собою.

— Пойду! Непременно пойду чумаковать! Да и в самом деле, что я дома высижу с этими бабами! Кроме греха, ничего! То ли дело в дорози. Товариство, степ, могилы, города, а в городах храмы божии, базары, купечество! Подходит к тебе бородач пузатый:—Почем,—говорит,—чумаче, рыба? или соль?—По тому и по тому, господа купець.—А меньше не можна, братец-чумак?—Ни,—говоришь,—господа купець!—Ну, когда нельзя, так быть по сему.—И гребешь соби червончики в гаман.

— Эх, чумацтво! чумацтво! Когда-то я тебе забуду? Нет, кончено, иду чумаковать, только дай бог дождать лета, а то я отут с бабами совсем прокисну.

И вставши из-за стола, он долго еще ходил по хате, потом остановился перед образами, помолился богу, достал псалтырь и прочитал псалом „Господь просвещение мое, кого убоюся". Потом начал сапоги снимать, приговаривая:

— От бесталанье, некому и сапоги снять!

Снявши сапоги, он погасил свечу и лег спать, читая наизусть молитву „Да воскреснет бог".

Однообразно прошла зима на хуторе. Настал великий пост, отговелися, и пост проводили, и велыкодня святого дождали. На праздниках, когда хозяева уехали к отцу Нилу в гости, Лукия со своим сыном наедине повторила ту же самую сцену, что и на рождественском празднике, с тою разницею, что она теперь надела в первый раз новую юпку, спидныцю и на голову повязала шелковый платок: всё это подарки, как уже известно, старого Якима.

Да еще после полудня на хутор зашел венгерец с разными кроплями, и постучал в окошко, чем немало напугал увлеченную разговором с сыном Лукию. Она вскоре оправилась, отворила засов и впустила венгерца в хату.

Венгерец, как известно, был в шляпе с широкими полями и сферической тульей, в широком синем плаще, с коробкою за плечами, с палкою длинною в руке и с длинными усами.

Лукия пригласила его сесть на лаву, что он исполнил нецеремонно, сначала снявши коробку с плеч. А Лукия тем временем уложила своего Марушечка в колыбель и прикрыла простынею, боясь недоброго глаза, потом обратилась к венгерцу и спросила:

— Какие же у вас лекарства есть?

— Лекарства? О, у меня всякие, разные есть кропли: и на зубы, и на голова, и на рука, и на

нога,— всякие, всякие кропли есть, только, хорош фрау, деньга будешь не жалеть? — сказал венгерец, довольно нахально улыбаясь.

— Ну, хорошо, а есть ли у тебя такое лекарство, чтобы от всяких болезней ребенку помогало?

— О, как же! От разной болезни есть, разное, всякие кропли есть.

И он раскрыл свою коробку, показывая ей пузырек за пузырьком с разноцветною жидкостию.

— Вот эта от зуба, эта — голова, эта — лихорадка, эта — рука, эта — нога, эта — брушка немножко.

— А нет ли у тебя семибратней крови? Она одна ото всех болезней помогает.

— Есть, есть, зараз ищу!

И он вскоре достал из коробки завернутую в бумажке семибратнюю кровь. Это небольшие кусочки чего-то окаменелого, вроде мелкого ракушника, темнорозового цвета. А почему оно называется семибратней кровью, то этого и сами венгерцы не знают.

— Что же будет стоить этот кусочек?

— Этот два рубля и одна полтина.

— А боже ж мой! Что же мне делать? У меня только три копы.

— Только один рубля и одна полтин? Нельзя, немножко мало, разве еще, хороший фрау, румочка шнапс, понимаешь — водка, и немножко кушать.

— Хорошо, и водки дам, и кушать дам, только уступите мне, ради бога, за три копы.

— Хорошо, хорошо, отдаю! — и он подал ей кусочек волшебного медикамента.

Она взяла его с благоговением, завернула в хустку и спрятала за образ; достала медные деньги из сундучка, расплатилася с венгерцем и посадила его за стол, достала из мисника восьмиугольную размалеванную пляшку с водкой и поставила перед ним. Поставила пасху, холодное порося и пирожки с сыром и со сметаной. Уставивши все это порядком, положила ему ручник белый, вышитый по концам красной заполочью, на колени и отошла к колыбели.

Венгерец, хотя просил немножко шнапсу, однако

выпил две рюмки залпом, а третью — после первого куска поросенка. Окончивши всё, что было на стол поставлено, он вежливо раскланялся с Лукией, потом попросил огня, закурил свою фарфоровую трубку с кривым чубуком и начал собираться в дорогу. Взваливши коробку на спину, плащ на плечи, палку в руки, шляпу на голову,— он еще раз раскланялся с Лукией и вышел из хаты.

Лукия, проводивши венгра за ворота, возвратилася в хату, подошла к колыбели, открыла простыню и, увидевши, что Марко спит, перекрестила его и едва коснулася губами его разгоревшейся щечки, боясь поцелуем разбудить его.

— Теперь я, слава богу, спокойна,— говорила она про себя.— Теперь я хорошо знаю, что мой Марочко будет жив и здоров. Теперь у меня есть лекарство от всяких немочей, а про счастье его я уже не сомневаюсь. Я вымолю у бога ему и век долгий и долю добрую. Сказать ли ему когда-нибудь, что я его родная мать? Или никогда не говорить? — И она задумалась. — Нет, не скажу, никогда не скажу! Разве перед смертию на исповеди попу покаюся, а то никому в свете не скажу.

И, говоря это, она убрала со стола, после трапезы венгра, подошла к колыбели, посмотрела на сына, стала на колени перед образами и молилася со слезами о жизни и счастии возлюбленного сына.

Солнце уже закатилося; домочадцы с песнями возвратилися домой; наконец, ворота растворилися, и сами хозяева возвратилися домой.

— А мы, Лукие, на дороге венгра встретили, — говорила Марта, входя в хату,— и я у него купила семибратней крови для нашего Марочка: бог его знает, а може что и случится, так вот у нас и лекарство есть. Что, он спит? — сказала она, понизив голос.

— Спит,— отвечала тихо Лукия.— И здесь венгер был, и я тоже купила семибратней крови.

Ой, гоп по вечерi,
Запирайте, дiти, дверi,
А ти, стара, не журись
Та до мене прихились.

Так припевал веселый Яким, входя в хату.

— Цыть!.. пьяный лобуре! — проговорила шопотом Марта, показывая на колыбель.

Яким замолчал и, как бы испугавшись, снял шапку и начал креститься перед образами, потом молча разделся и лег на постель.

— Ай да отець Савелий, а бодай же ёго...

— Цыть!.. — прошипела Марта.

Яким замолчал, опустя голову на подушку, и вскоре заснул. Не замедлило и все живущее на хуторе последовать примеру Якима.

Весна быстро развивала зеленые ветви в Якимовом гаю; черешни, вишни и все фруктовые деревья сверх зелени покрылися молочным белым цветом, а земля разноцветным рястом. Начались полевые работы, Яким выпроводил с пшеницею чумаков своих в дорогу, но сам не пошел чумаковать, боясь положить где-нибудь свои старые кости на чужине, в степи при дороге, как это нередко случается с записными чумаками.

Проводивши чумаков, он усердно и смиренно принялся за свою пасику, говоря:

— Где мне уже теперь по дорогам шляться та с купцами торговаться! Вот мое дело — вертоград та пчелки божии. Нехай молодые чумакуют.

И он почти поселился в пасике. Раз в день заходил он в хату, и то только пообедать. Когда в пасике все было уставлено и убрано как следует, а пчелы еще не роилися, то он раскроет себе псалтырь и читает вслух с утра до ночи, от доски до доски, а когда язык устанет, то он доделывает новый улей, еще прошедшее лето начатый, или починивает старую серую свиту.

Иногда приходила к нему в пасику старая Марта

с Марком, и это был для него торжественный праздник: вынималася часть меду из лучшего улья и со всеми ласками угощался дорогой гость, т. е. Марко.

С наступлением весны Лукия с другою работницею неутомимо приготовляла гряды на огороде за гаем. И когда гряды были готовы и огородные овощи посеяны и посажены, она вскопала две грядки в гаю между деревьями, посадила цветов и каждый вечер поливала.

Настало лето, настали жнива, настал наконец и день рождения Марка, ей одной известный.

В тот памятный день она до рассвета пошла в свой цветник, нарвала самых лучших цветов, свила из них венок и, тихо вошедши в хату, так что и Марта не слыхала, положила венок на голову спящему Марку. Дитя от прикосновения свежих и влажных цветов проснулося и заплакало. Марта проснулася и увидела над колыбелью испуганную Лукию.

— На что ты его разбудила? — спросила Марта.

— Я не будила, оно само проснулося, я только венок ему принесла, потому что оно сегодня... — И она чуть-чуть не проговорилась.

— На что ему твой венок? Только ребенка перепугала. Возьми его, повесь перед Варварою великомученицею.

Лукия молча взяла венок и повесила перед образом.

В тот день был какой-то большой церковный праздник. Она п о з ы ч и л а рубль денег у другой наймички и отпросилась у Марты в первый раз в село сходить, оделася в свою юпку, спидныцю, повязала на голову шелковый платок, посмотрела в зеркальце, в стене вмазанное, и покраснела от удовольствия. И правду сказать, несмотря на пролитые ею слезы и претерпенное горе, сердечное и физическое, она все еще была красавица. Она все еще живо напоминала собою ту увенчанную пшеничным венком, ту счастливую царицу праздника — Лукию. Простяся с Марком и Мартою, она пошла в село.

Еще и во все звоны не звонили, когда она вошла в церковь. В церкви уже народу было довольно, и все до единого заметили незнакомую молодицу. Девушки и женщины шопотом спрашивали одна у другой: — Чия это такая хорошая молодыця?..— Она же, не обращая ни на кого внимания, поставила перед местными образами по свечечке и подала на часточку о здравии младенца Марка.

После обеда она заказала молебен о здравии рабов божиих Якима, Марты и младенца Марка. После обедни отец Нил вручил ей просфирку и просил зайти к нему пообедать.

Она зашла. Матушка Якилына привитала ее, как свою родственницу, много расспрашивала о хуторянах, в особенности о Марке: здоров ли он, большой ли он вырос? вырезались ли у него зубки? и т. д.

После обеда Лукия простилася с отцом Нилом и матушкою Якилыною и пошла на хутор.

В селе долго об ней молва ходила между парубками и молодыми девушками, но никто не доведался, откуда она и кто такая.

Возвратяся на хутор, она отдала поклон от батюшки и от матушки старой Марте и Якиму, положила просфирку за образ до завтрашнего дня, полюбовалася на спящего Марка, сняла с себя праздничную одежу, затопила печь в другой хате и принялася варить вечерю.

Так прошел первый год пребывания Лукии на хуторе, так или почти так прошел и второй год без особенных приключений, разве только, что Марко начал произносить довольно явственно слово „мама". И, боже мой, сколько общей радости было! Его, бедного, как попугая, попеременно заставляли повторять магическое слово. По прошествии недели или двух старый Яким добился того, что Марко начал выговаривать слово „тато". Старый Яким был в детском восторге. Он уже хотел его начать грамоте учить, только, к великому его горю, оказалося, что

Марко не мог выговорить ни одной буквы. А Марта каждый день ему мылила серую голову за то, что он понапрасно мучит бедную дытыну.

Еще в конце того же года, как-то в воскресенье, после обеда, сидели они все трое под хатою и пробовали краснобокие спасовские яблоки, а Марко перед ними ползал на шпорыше. Только они себе, пробуя яблоки, заслушалися Якима, а он им рассказывал уже в сотый раз, как он раз, идучи с Дону, у заднего воза колесо и л у ш н ю потерял. Они заслушались и не видят, что Марочко, вставши на ножки, дыбает к ним, протянувши ручки и улыбаясь, произнося слова: „мамо", „тату". Какая же радость их была, когда они увидели идущего к ним Марка.

Лукия затрепетала от восторга и бросилась к своему Марочку, взяла его за ручонку и подвела к внезапно осчастливленным старикам.

Тут они принялись поочередно водить его около хаты и доводили до того, что Марко заплакал и сквозь слезы проговорил: — Мама кака.

Старый Яким в восторг пришел от Маркового изречения.

— Так их, так, сыну,— говорил он,— ишь, старые бабы, замучили бедную дытыну,— хотя он первый неутомимо мучил его первым уроком хождения.

Да в этом же году осенью, по первой пороше, охотники, гоняяся за зайцем, подскакали к самому хутору, и так как бедный заяц спрятался от собак на хуторе в гаю, то неистовые псари решилися не оставлять бедного зверка и в гостеприимном хуторе.

На этом основании они, подъехавши к воротам, стали громко требовать, чтобы им отворили ворота.

Накинувши тулуп, вышел к ним сам Яким и спросил, снявши шапку, что им нужно.

— Отворяй ворота, тебе говорят, старый хохол!

Яким надел шапку и, не говоря ни слова, пошел обратно в хату.

— Что там такое за воротами? — спросила его Марта.

— Татары подступили,— отвечал он спокойно.

Ворота, кроме засова, были замкнуты еще тяжелым шведским замком. Охотники, полагать надо, что были немного намоча морду (термин из их же словаря), спешились и начали ломать ворота; но труд был не по силам и только привел их в пущее бешенство. Яким вышел во второй раз, а за ним, не утерпев, вышли Марта и Лукия.

Один из охотников вскочил на двор через перелаз и бежал с поднятым арапником к Якиму, но вдруг остановился, как вкопанный, и арапник опустил.

Это был красивый, стройный юноша с едва пробившимися усами.

Это был бездушный обольститель бедной Лукии. Он увидел ее и руки опустил в изумлении. Когда же пришел в себя, то вежливо сказал Якиму:

— Ну, добрый старичок, когда не хочешь нас пустить на свой хутор поохотиться, то пусти, пожалуйста, в свою избу немного обогреться.

— Милости просимо,— сказал Яким приветливо.

— Пожалуйте на двор, господа! — крикнул он своим товарищам.

Лукия узнала его по голосу, быстро воротилась в светлицу, взяла спящего Марка из колыски и вынесла в другую хату.

— Что ты делаешь? — спросила ее Марта.

— Они пьяные войдут в светлицу и разбудят его, бедного.

Лукия не ошиблася, охотники вошли с шумом и огромной оплетенной бутылью в хату. Спросили довольно нахально закуски, уселися за столом и принялися мочить морды.

Молодой корнет выпил только два стакана и больше не хотел пить. Он вопросительно осматривал хату и, наконец, спросил у Марты:

— Почтенная старушка, я с тобой на дворе видел еще одну женщину,— кто она у вас такая?

— Это Лукия, наша наймичка.

— Так это колыбель, должно быть, ее ребенка?

— Нет, это наша дытына.

— Куда же спряталась твоя работница? Ведь мы не звери, чего она испугалась?

Так спрашивал чернобровый, со вздернутым фиолетовым носом и длинными усами, охотник. Это был эскадронный командир уланского полка.

— Она в другой хате порается.

— Нельзя ли, голубушка, взглянуть на твою работницу? Она, кажется, недурна собою,— сказал тот же ротмистр, покручивая усы.

— Такая же, как и другие люди. Да ей теперь и некогда,— отвечала Марта.

— Закурите трубки, господа, да марш! Я думаю, кони порядочно продрогли. Старушка, одолжи-ка нам огонька.

Марта зажгла им свечу; охотники закурили разнокалиберные трубки и вышли из хаты. За ворота проводил их Яким и, пожелав им счастливого полеванья, возвратился в хату.

Лукия, по уходе непрошенных гостей, тоже вошла с плачущим Марком, уложила его в люльку, окутала и стала качать, тихонько напевая какую-то песню. Марко замолчал и вскоре заснул.

Яким долго молча сидел за столом, облокотясь на руки, и наконец едва внятно заговорил:

— Бог его святой знает, когда эти уланы от нас уйдут? Прогневали мы милостивого господа; вот уже четвертый год стоят да и стоят. Как будто на веки тут поселились. И что тот дурень турок думает, хоть бы войну скорее начал. А там бы, может бог дал бы, и улан от нас вывели на войну, а то даром только хлеб едят, благо дешевый. Ну, да хлеб бы еще ничего, у нас его, слава богу, немало. А то грех да и только с ними! Теперь хоть бы и наши Бурты,— велико ли село? А люди добрые говорят, что уже третью покрытку покрыли.

Лукия вздрогнула.

— Да, третью покрытку! Шутка ли? Каково же отцу и матери бесталанной? А им, горемычным? Пропащие, пропащие на веки.

Лукия тихо заплакала.

— Плачь, моя доню! Плачь! Ты еще, слава богу, хоть московка, все-таки не покрытка; у тебя еще осталася хоть добрая слава! А у них, бедных, что осталось? Позор и до гроба позор!

В продолжение всего этого монолога Марта сидела на скрыне, подперши старую голову руками, потом и она заговорила:

— Так, Якиме, так. Вечная наруга, вечное проклятие на земли. А на том свете что? Огонь неугасимый! Сказано, блудница!

— Ото-то и есть, что ты глупая баба, стоишь в церкви, а не слышишь, что отец диакон в евангелии читае!

— А что ж он там читае?

— А то, что господь прощает всех раскаявшихся грешников, даже и блудницу.

— Правда! Правда, Якиме! А вот и Мария египетская... как ты читаешь в житии...

— Вот то-то и есть, а приподобилась же? Не плачь, дочко Лукие! Тебе нечего плакать. Ты мужнина жена, пускай плачут да молятся вот те бесталанницы. А уж ты и без мужа найдешь кусок честного хлеба... А и в самом деле, давайте пообедаем, а то за теми уланами и пообедать не удастся.

Лукия молча накрыла стол чистой скатертью, поставила солонку и положила хлеб и нож на стол. Яким, перекрестясь, начал резать хлеб на тонкие куски, сначала сделав ножом крест на хлебе. Богу помоляся, [села] за стол Марта, а Лукия стала наливать борщ в миску.

Заяц на беду свою выскочил из хутора в поле в то самое время, как Яким затворял калитку и желал охотникам доброго полеванья. Охотники, увидя косого врага своего, закричали „ату его!“ и помчалися вслед за борзыми. Только снежная пыль поднялася.

Один охотник, проскакав немного, отстал от товарищей, остановил коня, постоял недолго, как бы раздумывая о чем-то, потом махнул нагайкою и

поворотил коня по направлению к Ромодановому шляху.

Охотник этот был молодой корнет, которого мы видели в хате пьющего водку стаканом. Но это в сторону: можно и водку пить, и честным быть. Одно другому не мешает. Но молодому корнету, как кажется, вино (а может быть и воспитание) помешало быть честным (потому что он по породе — благородный).

Долго он ехал молча, как бы погрузясь в думу. О чем же он думал, сей благородный юноша? Верно, он вспомнил прошлое, былое; верно, он вспомнил свой проступок перед простою крестьянкою — и совесть мучит молодую и уже испорченную душу.

Ничего не бывало! Он по временам говорил сам с собою вот что:

— Фу ты, чорт ее побери, как она после родов похорошела! Просто бель-фам! — (Молчание). — Жаль, не видал мальчугана, а должен быть прехорошенький. Я помню его глазенки, совершенно как у нее. — (Опять молчание). — А что, если на досуге начать снова? Далеко, чорт возьми, ездить — верст 30 по крайней мере! А чертовски похорошела! И зачем она, дура, бежала из своего села? Смеются... Эка важность! Посмеются, да и перестанут. — (Опять молчание). — Ба! Превосходная идея! Эскадрон один в этих двух селах! Решено! Жертвую Мурзою ротмистру, пускай меня переведет в третий взвод, а он квартирует в этом селе, как бишь его — Гурта, Бурта, что ли? Браво! Превосходная мысль! Я тогда могу бывать каждый день на хуторе. Превосходно! Ну, моя чернобровая Лукеюшка, закутим! Вспомним прежнее, былое! Марш, нечего долго раздумывать! — И он пустился в галоп.

Проскакав версты две, он дал лошади перевести дух и опять заговорил:

— Хорошо! А как же я расстанусь с братьями-разбойниками? Ведь день-другой, пожалуй, неделю можно поесть рябчиков, а там захочется и куропатки! Впрочем, я могу каждую неделю, по крайней мере, навещать свою удалую братию один раз. Оно

будет и разнообразнее, и, следовательно, интереснее. Решено! Ведь в этих случаях жертва необходима! Неси меня, мой борзый конь.

И он сильно ударил нагайкою по ребрам своего борзого коня. Конь полетел быстрее и быстрее, почуя близость знакомого села. И в широкой, покрытой снегом долине показалася синяя полоса,— это было село, родное село Лукии.

Он проехал шагом ц а р и н у и легкой рысью въехал в село. Первый живой предмет, попавшийся ему на глаза, это был пьяный мужик, едва державшийся на ногах. Корнет узнал в нем отца Лукии.

— Здравствуй, почтеннейший! — сказал корнет, приостанавливая коня.

— Здравствуйте, ваше благородие,— едва проговорил мужик, снимая шапку.

— А ведь я отыскал твою Лукеюшку!

— Она теперь не моя, а ваша, ваше благородие.

И сказавши это, нахлобучил свою порыжелую шапку на глаза и побрел, шатаясь, к своей давно уже небеленной хате. Корнет посмотрел вслед ему и проговорил:

— Глупый мужик, а туда же рассуждает.

И, подбоченясь, поехал шагом вдоль села.

А глупый мужик, не рассуждая, пришел в свою нетопленную хату, посмотрел на голые стены и, как бы отрезвясь, снял шапку, перекрестился три раза и лег на дубовой, давно уже не мытой лаве, говоря как бы сквозь сон:

— Вот тебе и постеля, старый дурню! Не умел спать на перине — теперь на лаве! под лавою! в помыйныци! на смитныку! в калюже, с свиньями спи, стара пьяныця! О, господи! Господи, твоя воля! А кажется, такая тихая, такая смирная была! А вот же одурила, одурила мою седую голову!

И он, не подымая головы, навзрыд заплакал.

В хате было пусто, холодно, под лавами валялися разбитые горшки и растрепанный веник. От стола и о с л о н а только остатки валяются по хате, а от другой лавы и остатков не видно. Кочерги, мако-

гона и рогача тоже не видно около печи, а в печи зола инеем покрылася.

Пустка! Совершенная пустка! А недавно была веселая, белая, светлая хата.

Куда же девалась скромная прелесть простой мужицкой хаты?

Посрамления своего единого дитяти, своей Лукии, не пережила престарелая мать, она плакала, плакала, потом захворала и вскоре умерла. Старик, похоронивши свою бедную подругу, не устоял против великого горя, начал пить и в два года пропил всё свое добро, уже добивался до самой хаты.

Такие-то бывают иногда последствия минутного увлечения.

Старик долго еще бормотал, полусонный, и наконец замолк. Немного погодя мышь из норки выбежала на середину хаты, повертела головкой и, вероятно, заметила спящего на лаве хозяина, повернулася назад, еще раз осмотрелася и скрылася в норку.

На хуторе дни проходили без особых приключений. Марко вырастал не по дням, а по часам. У него прорезалися зубки без особых припадков, как это бывает с другими детьми. Он стал уже ходить по хате без помощи ослона или лавы, и, целые часы глядя на его походку, любуяся, старый Яким давал ему разные названия, как-то: гайдамака, чумак, запорожец, и однажды нечаянно назвал его уланом, отчего Лукия вздрогнула, побледнела и вышла из хаты. А Марта, не замечая смущения Лукии, вскрикнула на Якима:

— Перекрестися, божевильный! Какой он у тебя улан? — и, взявши Марка на руки, целовала его, крестя и приговаривая:

— Укрой и сохрани тебя матерь божия от всякой злой напасти! — и, лаская, укладывала его в люльку.

Лукия возвратилась в хату. Марко уснул, и тишина водворилася в хате.

Неделю спустя после описанной нами сцены, после

обеда Яким по обыкновению отдыхал, Марта тоже на печи дремала, а Марко, вооружась арапником, нарочно для него сплетенным Лукиею, бегал от стола до порога и от порога до стола, размахивая своим арапником. Лукия молча любовалася своим сыном. Она с чувством тихого восторга смотрела на него и не знала предела своему счастию.

Ей послышалось, что наружная дверь заскрипела. Она вздрогнула. Через минуту отворилася дверь в хату и вошел в охотничьем наряде корнет.

Лукия вскрикнула, схватила Марка и выбежала из хаты. Он выбежал за нею, но не мог ее догнать. Лукия спряталася в клуне, куда он побоялся войти, потому что там были молотники.

Походивши немного по двору, он вышел за ворота и, севши на коня, поскакал в поле.

Дремавшая Марта соскочила с печи и, не видя в хате ни Марка, ни Лукии, переполошилась. За нею проснулся и Яким, и оба, не понимая, что случилося, смотрели друг на друга.

— Где Марко?—спросила Марта.

— Не знаю!—отвечал Яким.

— Кто тут кричал в хате?

— Не знаю!—отвечал Яким.

— Ты никогда ничего не знаешь!—почти крикнула Марта и вышла из хаты.

— А ты так хорошо знаешь, когда едят да тебе не дают,—сказал Яким, медленно подымаясь с постели.

Марта вошла в другую хату, и там нету ни Марка, ни Лукии; она вышла на двор и встретила из клуни идущую перепуганную Лукию. А Марко, бедняжка, посинел от холода и прегромко плакал.

— Ты бога не боишься, Лукие?—кричала Марта.—Ну как таки можно бедное дитя выносить на такой холод? Видишь, как оно, сердечное, посинело. Дай его мне. И что это тебе в голову пришло, скажи ради матери божьей?

— Я испугалася,—едва проговорила Лукия.

— Какого ты там рожна испугалася?

— У нас был в хате...
— Кто там у нас был в хате?
— Улан, кажется,— шопотом проговорила Лукия. Они вошли в хату.
— Что там такое случилося с вами?—спросил Яким.
— Лукия говорит, что у нас улан был в хате!
Яким засмеялся и спросил:
— А волка не было с уланом?
Лукия на его остроту не отвечала.
Марка кое-как успокоили, и старый Яким снова, усмехаясь, заговорил:
— Ну, скажи, Лукие, какой это к нам улан приходил, рудый, серый и волохатый? А бодай же тебе, Лукие. От насмешила, так так!
И он простосердечно захохотал.
Лукия молча улыбалася, а Марта, качая люльку, шопотом говорила:
— Цыть! Дытыну разбудишь своим проклятым хохотом. Оно, бедное, только что глазки закрыло.
— Да как же тут не смеяться, вовкулака или тот, как его, улан рудый в хату заходил.
— Та пускай себе и заходил, только ты замолчи,— сказала Марта, не переставая качать люльку.
Не проходило дня, чтобы старики не подтрунили над бедною Лукиею, и это продолжалося до тех пор, пока не посетил их корнет в другой раз.
А это случилося ровно через неделю.
Старики и Лукия тешилися Марком, как он таскал за собою повозочку, Лукиею же сделанную из редьки, и погонял сам себя нитяным арапником. И только что он прошел от стола до дверей, как дверь отворилася и в хату вошел корнет и чуть не свалил с ног чумака Марка.
Лукия бросилась к ребенку, схватила его и бросилась из хаты. Марта выбежала за нею, а корнет, снявши шапку, поздоровался с Якимом.
— Доброго здоровья,— отвечал Яким, вставая.
— Что это они у тебя такие дикие?
— Да что, добродию! Сказано — бабы. А бабы

и козы всё равно, скачут, когда завидят человека. Дуры хуторяне, никакого звычаю не знают.

— А я сегодня поохотился немного да и тебя, старина, навестил,— сказал он, садясь на лаву.

— Покорно благодаримо, просимо, садитесь. Не угодно ли будет пополудновать у нас по-простому? Вы, я думаю, на своей охоте проголодались?

— Да, весьма не помешало б. Я таки порядочно голоден,— с утра ничего не ел.

— Ото-то ж! Посидите ж часть времени, а я пойду отыскивать своих диких хуторянок.

И он вышел из хаты.

Корнет, оставшися наедине, прошелся раза два по хате и остановился около люльки.

— Ба! Превосходная мысль!— прошептал он и, вынув из кошелька червонец, положил под подушку в люльку, и только что уселся на прежнем месте, как вошла Марта в хату, молча поклонилася гостю, достала чистую скатерть, накрыла стол и начала молча приготовлять полдник. Через несколько минут вошел Яким в хату, говоря:

— Хоть кол на голове теши, не хочет войти в хату, да и только!

— Кто это не идет в хату?— спросил охотник.

— Да наша наймичка, такая глупая, как будто людей отродяся не видала.

— А не идет, так и пускай себе не идет,— сказала Марта,— мы и без нее управимся.

Приготовивши всё для полдника, она вышла из хаты.

— Прошу вашои милости, садитеся за стол та полуднуйте, что бог дал,— сказал Яким, садяся на ослоне.

— Ах, да, я и забыл. Ведь у меня есть роменская кизлярка!

И он вынул из охотничьей сумы бутылку с водкой и поставил на столе.

— Не извольте трудиться, ваша честь! У нас, правда, есть и своя, да мы с старою мало употребляем, то и добрых людей иногда забываем потчевать.

И он хотел встать, но охотник удержал его.

— Постой! постой, дядя! Ведь у вас не такая, у меня ведь настоящая кизлярка! — и он вынул серебряную чарку из сумы.

— Не знаю, не случалося пивать такой. А всякие вина перепробовал на своем веку.

— Так вот, попробуй, дядя, — сказал охотник, подавая старику чарку.

— Попробуем, что там за кизлярка! — сказал он, принимая чарку и крестясь. — Господи благослови!

Выпивши водку, он немного помолчал и проговорил:

— Нечего сказать, хорошая водка. А дорога?

— По целковому бутылка.

— О, цур же ей, когда так! У нас на карбованець видро купишь.

— Купишь, да не этакой!

— Э, всё одинаково, лишь бы на завтра голова болела.

И они молча принялися закусывать колбасу и холодное свиное сало, до которого, впрочем, охотник не прикасался. Невежа не знал, что холодное свиное сало лучше всякого патефуа. А впрочем, о вкусах спорить нельзя.

Охотник кстати привел поговорку, что по одной не закусывают. Потом другую, что без тройцы дом не строится. Потом еще и еще поговорку, а за поговоркой, разумеется, наливалася и выпивалася чарка, так что не прошло часа, а в бутылке уже было пусто, как у пьяницы в кармане.

Они стали говорить громче и быстрее. Охотник наговорил Якиму много любезностей, почти великосветских, и между прочим вот какую:

— А ты мне, дядя, с первого раза понравился. Помнишь?

— Помню, — отвечал Яким. — А вы мне-то попросту совсем тогда не понравились. А теперь так вижу, что ты человек хороший.

— Вот то-то и есть! Ты раскуси-ка меня, дядя, так не то увидишь!

— Нет, я кусать тебя не буду, а знаёмыться милости просимо.

— Ведь я, правду тебе сказать, для тебя и в ваше село на квартиру перешел, чтобы только к тебе в гости ездить.

— Благодаримо, благодаримо! Марто! — крикнул он, вставая со скамьи.— Пряжи яешню с колбасою! Давай видро выстоялки! Не знаешь, старая бабо, какой у нас человек сидит!

— Полно, полно, ничего не надо, дядя! Я сейчас уеду.

— Уедешь, только не сейчас, я тебе еще покажу нашего Марка.

— А кто это такой ваш Марко?

— А наша дытына. Разве ты не знаешь, что у нас и сын есть? — И он пошел к двери, бормоча: — Вот я вам дам, вражи бабы! — и он вышел за двери.

Через минуту он внес на руках в хату плачущего Марка, а за ним вошла и Марта.

— Посмотри! посмотри! — говорил он.— Какое нам добро господь на старости послал! На, забавляй его по-своему,— и он передал Марка Марте.

— Иды, иды, гайдамака ты, сякий-такий сыну! — И он рассказал охотнику историю успокоившегося Марка.

Охотник, рассеянно выслушав рассказ Якима, сказал:

— А кто же его настоящая мать?

— А бог ее знает! Уповать надо, покрытка какая-нибудь, бесталанница!

— У тебя всё покрытки! А может и честная женщина, только бедная,— сказала Марта.

— А может и честная, бог ее знает. Куда же вы? — сказал он, обращаясь к охотнику.— Погостите, бога ради, вы у нас и то редко бываете. Стара! Выстоялки! Яешни!

— Благодарю тебя, дядя. Буду часто бывать, только сегодня не держи, не могу, дома есть дело.

— А коли дело, так и дело. Как волите, сами

лучше знаете. А хорошо б попробовать еще нашои выстоялки.

— Нет, благодарю, в другой раз. Прощай, дядя!

И он вышел из хаты.

Яким, проводивши за ворота дорогого гостя и в сотый раз повторив просьбу не минать их хутора, возвращался в хату, бормоча про себя:

— Притча во языцех! Вот тебе и москаль! Вот тебе и улан! Та дай бог, чтоб и крещеные люди такие росли на божьей земле. Молодец, нечего сказать! И где он такую дорогую водку покупает? Говорит, в Ромнах. Надо будет поехать в Ромен та достать такой водки, чтоб не стыдно было, когда в другой раз заедет. Так я думаю — не достанешь. Паны всю выпили. Ну, уж за этими панами нашему брату просто некуда деваться! А что ж, ведь и он тоже пан, хоть и московский. А человек хороший, очень хороший человек. Хоть бы и у нас таких панив насиять. А что, на Москве тоже растут паны?

И задавши себе такой хитрый вопрос, Яким, шатаясь, вошел в хату.

Лукия, перестилая ввечеру постельку Марка, нашла под подушкою червонец и сейчас догадалась, что это было дело его нежного папаши, взяла его в руки и не знала, что с ним делать. Подумавши немного, она опустила его в пазуху и молча продолжала свое дело.

Охотник сдержал свое слово. Он каждую неделю исправно два и три раза посещал хутор, только без всякого со стороны сердечной поощрения. Поил Якима кизляркою, а Яким его потчевал десятилетнею выстоялкою. Тем и кончалися его визиты. Лукия всегда убегала из хаты, когда его только завидит, а он был до того скромен или лукав, что никогда ни слова не сказал старикам про их наймичку, как будто он ее никогда и не видал.

Любовался всегда своим Марком, как совершенно

для него посторонний, привозил ему всегда пряники, а иногда и другие гостинцы, чем и успел приласкать к себе дитя. Так что, бывало, когда он входил в хату, то оно бежало к нему навстречу, протягивая ручонки, и кричало: „да-да“.

В великом посту, когда старики говели и с пятницы на субботу осталися ночевать у отца Нила, чтобы не проспать заутрени, корнет перед вечером приехал на хутор. Он знал, что старики в селе и ночевать не будут дома. Оставил с денщиком своего коня, а сам прокрался, как вор, на двор и потом в хату.

Лукия в это время играла с Марком и, когда увидела его в хате, то вскрикнула и чуть ребенка из рук не уронила. Они молча остановились друг перед другом. Марко протянул к нему ручонки и сказал свое обычное „да-да“. Но да-да не отвечал ни слова на привет Марка, а Лукия схватила его ручонки и прижала к себе.

Долго продолжалося молчание, наконец он заговорил:

— Скажи, Лукеюшка, за что ты меня не любишь, зачем ты от меня прячешься всякий раз, когда я сюда приеду?

Лукия молчала.

— Я мучуся! Я страдаю! Я умираю без тебя! Цветочек мой прекрасный, мой розан ненаглядный, проговори хоть одно слово, хоть взгляни на меня!

Она взглянула на него, но не проговорила ни слова.

— За что я тебе вдруг немилым стал? Вспомни ты темный сад и те короткие сладкие минуты, что мы проводили с тобой.

Она опять взглянула на него, и из прекрасных ее карих очей покатилися крупные слезы.

— Чего ты плачешь, моя прекрасная? Или тебе стало жаль прошлого? Что ж, от тебя зависит, начнем снова.

Она плюнула ему в глаза.

— Не сердися, моя крошечка, я тебе всего, всего себя, всю жизнь свою тебе отдам.

Лукия с омерзением отворотилась от него, подошла к двери и, отворивши дверь, громко крикнула:

— Катре!

— Не зови никого, побудь со мною наедине, я тебе всю правду, всю истину скажу. И ежели есть у тебя хоть искра чувства, ты извинишь меня!

Между тем вошла в хату, со скалкою в руках, дюжая Катря.

— Катре, голубочко, побудь с этим паном, а я вынесу Марка в другую хату, а то он его боится и плачет.

И с этим словом она вышла из хаты. Через минуту она возвратилась, держа в руке червонец, подошла к нежному своему обожателю и, подавая ему червонец, сказала:

— Марко и без твоих червонцев богат, возьми!

Он отодвинул ее руку. Она бросила ему червонец на пол и вышла из хаты.

Он поднял червонец, повертел его в руке, как бы раздумывая, что с ним делать.

— Вот тебе, голубушка,— сказал он Катре, подавая ей червонец.— Только ты пособи мне ее уломать.

Катря, взявши червонец, проговорила:

— Какой хорошенький дукачик! Что ж это у него дырочки нету? Как же его носить? Вот теперь если б доброе намисто!

— И монисто куплю, только ты уломай ее.

— Добре, уломаю.

И он вышел из хаты.

— За что это он ломать просил? — спросила Катря у входящей Лукии.

— Не знаю,— ответила она.

— Посмотри, какой хорошенький он мне дукачик подарил.

Лукия взглянула на червонец и не сказала ни слова. Катря вышла, а Лукия осталася в светлице и всю ночь проплакала.

В субботу после вечерни старики возвратилися

домой и не могли нахвалиться гостеприимством своего знакомого охотника. Он их после обеда от отца Нила зазвал к себе на квартиру, и чем уж он их не угощал! И чаем, и сахаром, и всякою всячиною, так что всего и не упомнишь. Одно только Марте не понравилось, что у него везде табак: и на столе табак, и на окнах табак, и на лаве табак,— везде табак. Она думала, что у него и чай из табаку, а потому-то съела кусочек сахару, другой спрятала для Марка, а до чаю и рукой не прикоснулась. Еще две вещи ей сильно не понравились: это собака на постели и денщик, такой старый, оборванный, грязный, на руках грязи, что и в их тем не отмоешь. И еще чудно: он уже сывый, а он ругает и всё кричит: „Эй, малый!“ А может это по их московскому звычаю так и следует, бог там их знает!

Посещения его продолжались попрежнему, и попрежнему без успеха. Он часто дарил разные безделушки дебелой и простоватой Катре. А та по простоте своей говорила ему, что Лукия каждый день и ночь за ним плачет и что даст бог велыкодня дождаться, тогда можно будет просто в церковь да и „Исаия, ликуй“.

Пост был в исходе, нужно было и Лукии отговеться. Как же ей быть? Он теперь квартирует в Буртах, он не даст ей и богу помолиться, а не то что отговеться. Подумавши, она попросилась у своих хозяев навестить своего отца и заодно отговеться в своем селе.

Старики охотно согласились и предложили ей сани и лошадь. Она отказывалася, но не могла отказаться. А на говенье, кроме платы за службу, Яким дал ей карбованец.

После обеда, в воскресенье на шестой неделе, она выехала из хутора на маленьких саночках прямо на Ромодановский шлях.

Не хотелося ей, бедной, ехать в свое село, но любовь дочери поборола в ней стыд покрытки. Она уже третий год не имела никаких сведений о своих родных.

С трепетом въехала она в свое родное село, подъехала к воротам своим и вскрикнула в ужасе.

Ворота были разобраны, частокол повалился, соломенная крыша на хате ветром разорвана, и черные стропила виднелися, как ребра из полуистлевшего чудовища.

Привязала лошадь к оставшейся около ворот вербе, а сама вошла в хату. Пустка, и снаружи и внутри пустка!

— Куда же они делися, неужели умерли?—спросила она сама себя и вышла из хаты.

У кого же она теперь приютится?

У нее давно когда-то, года три тому назад, была знакомая край села, старая московка, у которой прежде собирались вечерныци. Она к ней и направила свою лошадку.

У этой старой московки почти на выгоне было не то, что называют хатой, а вернее то, что у нас называют куренем, т. е. ежели смотреть издали, то это скорее похоже на кучу навозу, нежели на жилище человека. Вблизи же она была, как говорится (и говорится справедливо), живописна, и живописна до такой степени, что я хотя и не любитель подобных живописных вещей, берусь однако же нарисовать—того для, чтобы показать моим почти сонным слушателям, что я не лгу, как какой-то курьер.

Ахнули в селе люди добрые, когда увидели около куреня московки клячу и едва заметные санишки.

— Откуда она взяла такое добро?—все в селе вскрикнули.—Ведь у нее давно уже вечерныци не собираются!

Пошли по селу толки,—такие точно толки, как бывают в уездном городе, когда проедет по его единственной улице жандарм на тройке с чем-то.

Лукия, распрягши лошадь, привязала ее к санному полозу и, бросивши ей сенца, вошла в москалихин курень (это было в сумерки). Войдя, помолилася и едва-едва нащупала свою старую знакомую. Нащупавши, она сказала:

— Добрывечир!

— Добрывечир! — едва отвечало ей что-то.

Лукия ощупала тряпки, а в тряпках завернуто что-то живое.

— Нездужаю: стара, погана, погана стала.

— Чи нема у вас лою? Я б каганець засвитыла.

— Ничого нема! И печь нетоплена. Я позавчора ходыла в гости, воротылася додому та й занедужала.

— Что же у вас болыть?

— Все болыть, моя голубко.

Лукия оставила ее и через полчаса возвратилася с дровами, затопила полуразвалившуюся печь, нашла где-то под **припичком** с обитыми краями горшок и, положа в него снегу, приставила к огню.

— Спасыби тоби, — проговорила больная.

Пока растаивал снег и потом грелася вода, Лукия вышла на двор, посмотрела на клячу, на сани и говорила сама с собой:

— Господи, у мене хоть чужие добри люди есть! А у нее никого нету, — настоящая сирота.

Она подошла к саням, вынула из них торбу с **паляныцями** и молча вошла в хату. Вода в горшке уже кипела; она его отставила от огня и спросила хозяйку:

— Чи нема у вас какой-нибудь мисочки?

— Есть, голубко. На печке посмотри, мне на днях Майчиха прислала рыбки, дай бог ей доброе здоровье, так мисочки я ей еще не относила.

Лукия, действительно, нашла глиняную небольшую чашку, вымыла ее, налила горячей воды и, подавая больной, сказала:

— Выпей ты горячей воды немного та съешь хоть кусочок паляныци, то лучше станет. Если б можно было достать шавлии, то оно бы еще лучше было. — И говоря это, она отломила кусок белого хлеба и подала больной. Больная выпила воду, съела немного хлеба и благодарила свою лекарку.

— Тебя сама матерь божия послала ко мне!

— Лежи, не вставай, я тебя укрою, — и она укрыла ее своим тулупом.

Между тем печка истопилася.. Она закрыла трубу.

Больная начала дремать. Зазвонили к повечерне. Лукия надела белую свиту, осмотрела еще раз свою больную и вышла из хаты.

Она пошла к повечерне. Как она войдет в церковь? Ведь на нее все пальцами покажут. Все скажут ей в глаза, что она свою мать и отца в гроб свела.

— Пускай показывают на меня,—думала она себе:— Пускай смиются, говорять, знущаются, я всё вытерплю, всё выстрадаю, я должна выстрадать,— я великая грешница! Об одном только прошу тебя, милосердый боже мой, пошли ты здоровье и добрую долю моему единому сыну.

Опасения ее насчет насмешек были напрасны. Народу было в церкви мало, и ее никто не заметил. Она же себе остановилася у самых дверей, а в церкви никто назад не обращается (по крайней мере, так делается в наших селах).

Уже в сумерки она возвратилася в хатку и, увидя, что больная всё еще спит, тихонько вышла из хаты, сводила свою лошадку к Суле, напоила ее и, приведя обратно, подложила ей сена и обошла кругом хаты, выбирая место, где бы приютить свою лошадку. Хотя на дворе уже был март, но все-таки на случай ветру не помешало б приютить, но приюта совершенно никакого не было.

— Господи, какая она бедная!—сказала она.— Хоть бы тебе тынок какой, хоть бы хлевушка какой,—таки совершенно ничего! Как же она живет, горемычная?

И, проговоря это, она вошла в хату. Больная уже проснулася и хотела подняться с постели, чтобы достать воды. Лукия подала ей простывшей воды, уложила ее в постель и в потемках села на полу около ее постели. Больная заговорила:

— С меня как рукою сняло. Если бы не ты, то я не знаю, что бы со мной и было. Благодарю тебя, пускай бог тебе заплатит.

Лукия молча вздохнула.

— Чего ты так тяжко вздыхаешь?

— Так,—отвечала Лукия.

— Может быть, ты тоже нездужаешь?

— Нет, слава богу, здорова!

— Ах ты, моя бесталаннице!—сказала больная с чувством.—Я и забыла, при моей немощи, про твое тяжкое бесталанье! Ну, скажи ж мени, моя горлыце, живо ли оно, здорово ли оно, моя рыбочко?

— Слава богу, здорово.

— Как же его зовут, моя галочка?

— Марком,—неохотно ответила Лукия.

— О, горе мое, тяжкое горе!—помолчав, заговорила больная снова.—Что же мы с тобою будем вечерять? Ведь у меня ничего нету.

— У меня паляныця есть.

— У тебя... у тебя... да у меня ничего нету.

— Даст бог, и у тебя будет.

— А где же мы свитла возьмем?—через минуту проговорила больная.

— Сегодня и так повечеряем.—И она ощупью нашла мешок с хлебом, подала кусок больной и себе другой отломила. Поужинавши, чем бог послал, Лукия наведалась к лошади и, возвратясь в хату, помолилась богу и легла на полу спать. Словоохотная старуха пробовала с ней заговаривать, но Лукия, пожелавши ей доброй ночи, вскоре заснула или притворилась заснувшею.

На другой день поутру Лукия, возвратясь от заутрени, нашла свою пациентку на ногах. Она уже затопила печку и что-то приставила в горшке к огню. Увидя входящую Лукию, она быстро обратилась к ней и сказала:

— Добрыдень! Добрыдень, моя голубка! А я уже и печь затопила.

— Добрыдень вам!—сказала Лукия.

— А ты еще краше стала, как прежде была. Ейбогу, правда. Да у тебя и лошадь есть?

— Лошадь не моя, добрые люди позычили.

— Добрые люди, спасыби им! Побудь ты, моя голубочко, недолго дома, а я сбегаю тоже к добрым людям, не добуду ли чего к обеду. Ведь ты знаешь, как я живу—где день, где ночь.

— Возьми у меня денег, за деньги скорее достанешь, нежели выпросишь.

— Правда! Правда твоя, голубко сыза,— и она взяла у нее к о п у грошами.— От теперь можно и на свежую рыбку рассчитывать, и на олию, и на всё доброе. Хозяинуй же, моя рыбко, я духом вернуся.

И она выбежала из хатки.

Зазвонили к часам,— хозяйка не возвращается в свою г о с п ȍ д у. Уже на шестый и на девятый звонят,— ее все нету. Лукия хотела замкнуть хатку и итти в церковь. Но, горе, и засунуть нечем, не то чтобы замкнуть. Делать нечего, нужно дождаться, хату нельзя так оставить. Хоть, правду сказать, вору там совершенно нечего было делать. Наконец, далеко уже за полдень, пришла и хозяйка. Правда, она принесла, кроме съестных припасов, четыре свечи и даже кое-что из посуды, как-то: две ложки и что-то вроде черепка. И несмотря на все эти покупки, и сама еще была навеселе. Бедняжка, таки не утерпела, забежала к своей щирой приятельке-шинкарке.

— Вот тебе, моя голубка сыза,— сказала она скороговоркою,— вот тебе и всё наше господарство. Теперь заходимося варить обедать.

— Вари вже ты без мене,— сказала Лукия, улыбнувшись.— Вари, а я пойду до церкви.

— Разве уже звонили?

— Скоро зазвонят.

И действительно, вскоре стали благовестить к повечерне. Лукия оделась и ушла в церковь. Хозяйка осталася одна и принялася за стряпню, тихо припевая:

Упилася я,
Не за ваші я —
В мене курка неслася,
Я за яйця впилася.

Не знаю, как назвать подобные явления в семье человечества: жалкими или счастливыми. Я думаю, скорее счастливыми, потому что они на всякое житейское горе почти смеются, и это, не думайте,

чтоб было от недостатка того, что мы называем чувством, совсем нет: они чувствуют по-своему. Вот хоть, например, и эта бедная поющая старушонка. Бог ее знает, быть может, песня эта у нее выражает самый злой сарказм, а, может быть, и самую чувствительную элегию. Или она готова рассказать вам свое грустное похождение в Казань и обратно с непритворным смехом, а на чужое полугоре зарыдать и сию же минуту утереть слезы, как ни в чем не бывало. По-моему, счастливы подобные натуры.

Когда Лукия пришла из церкви, у ней уже готов был смиренный ужин. Вместо стола накрыла свою пустую б о д н ю, поставила на нее зажженную свечу, поставила свежую рыбу и поставила чверточку водки.

От водки и рыбы Лукия отказалась по той причине, что она говеет.

— Не хочешь, то як хочешь, моя голубко сыза, а я на старости выпью.

— Выпый на здоровья.

После вечери они долго еще просидели,—Лукия за работою, а хозяйка за рассказами да расспросами. Лукия шила своему сыну к празднику обнову,—жупанок из красной китайки и белую рубашечку с мережаным к о м и р о м.

— Так ты его с тех пор и не видала, голубко сыза?

— Ни.

— Его недавно вывели из нашего села в какое-то другое село на квартиру. И что же ты думаешь? Найшлася така дура, что и туда за ним пошла. Может быть, знала Одарку Норивну, так вот она самая. Та й лыхо ж он с нею здесь и выделывал, да и то правда, с одной ли ею?

При этом рассказе Лукия то бледнела, то краснела. Бедная женщина, неужели злость или ревность прокрадывается в твою смиренную душу? Забудь его, не стоит он твоего воспоминанья.

Так или почти так проводили они вечера в продолжение недели. Отговевшися, Лукия заложила

лошадку, простилася с хозяйкою и выехала за село. В поле снегу уже почти не было, оставался кой-где по дороге, и то почерневший. Кое-как дотащилася она до Ромоданового шляху, а там оставила свои санишки, а лошадь повела за повод на хутор.

В селі довго говорили
Дечого багато,
Та не чули вже тих речей
Ні батько, ні мати.

Уланы же, когда узнали о полюбовнице своего командира, то, глядя на нее, идущую из церкви, только улыбалися и усы крутили.

Сердобольные кумушки-соседушки, когда узнали, что она еще у московки квартировала, тогда и рукой махнули.

Лукия, возвратясь на хутор, не могла налюбоваться на своего Марочка. Она еще никогда на целую неделю с ним не разлучалась. В радости хотела было и сшитые ею обновы на него одеть, но поудержалась. Старики за радость ей объявили, что когда она уехала говеть, в тот самый день приезжал к ним улан-охотник, брал Марка на руки, целовал его, любовался им и обещал ему к празднику такое подарить, что мы все здывуемся.

Лукия даже не улыбнулась, чем старики были недовольны. И когда она вышла из хаты, то Марта, лаская Марка, проговорила:

— Да ей-то что до тебя, моя дытыно! Ты для нее чужой, то ей и байдуже.

— Ну, ты вже пойдешь прибырать,— проворчал Яким, надел шапку и пошел на двор.

До праздника не посещал их улан-охотник по случаю распутицы, зато на праздники не проходило дня, чтобы он не посетил хутора и каждый раз не говорил, что почта не пришла еще из Петербурга, должно быть, по случаю распутицы. Случалось иногда, он заставал Лукию наедине, и тут меры не было

его клятвам, что он ее полюбил еще пуще прежнего. Она уже на него почти не сердилась.

Подлый ты, лукавый человек! Чего ты от нее хочешь? Ужели для мгновенного скотского наслаждения ты возмущаешь ее едва успокоенное сердце?

Бедная ты, слабая ты женщина! Ты опять готова слушать его хитрые дьявольские речи. Ты опять готова впутаться в его ядовитую паутину. Ты готова забыть свое собственное прошедшее горе, горе отца и матери и даже их могилы!

Она и забыла бы (дьявол же искусил святого). Она опять упала бы в бездну, и может быть упала б невозвратно, но, к счастью ее, уланам на фоминой неделе назначен поход в другую губернию. И это только обстоятельство спасло ее.

Каких усилий, какого тяжкого труда ей стоило переломить себя! И только одна благородная, возвышенная любовь матери спасла тебя от разверзавшейся в другой раз перед тобою пропасти. Без высокой любви своей к детищу, пошла бы ты за эскадроном, как ходят тысячи тебе подобных. Сначала твой мылый-чорнобрывый остриг бы тебя и одел мальчиком (как сердечную Оксану), чтобы скрыть твой пол от товарищей, а через месяц он перестал бы тебя и скрывать, а на другой — играла бы тобою пьяная молодежь на бивуаке; на третий — ты бы для них устарела и опротивела, потому что ты опять забеременела, и возили б тебя вместе с дорогими собаками в телеге, потому что от тебя отвязаться нельзя, а тебе приютиться негде, кроме уланского обоза. И вот ты родила ночью под телегою. И только одна безмолвная луна святая свидетельница твоих физических страданий, а милосердый бог один утешитель и успокоитель твоей сердечной горести. Ты успокоилась немного, отерла слезы, прислушиваешься,— кругом всё тихо, только едва слышно издали фырканье коней да вблизи чириканье кузнечика. Младенец твой молчит. Ты едва поднялася на ноги, берешь его и крадешься тихонько в степь из обоза и, вышедши на дорогу, ты снова с нее

своротила, потому что ты дороги боишься. Ты опять в степи и, уже далеко от дороги и обоза, кладешь свое дитя на душистую траву, и как волчица роет нору для своих будущих волченят, так ты, исступленная, роешь могилу для своего детища. Остановися! Оно плачет, но ты не слышишь, тебе чудится вой волков в степи. Ямка готова, ты судорожно схватываешь дитя свое, бросаешь в яму, и у тебя недостало духу покрыть его землею,— ты, как сумасшедшая, бежишь в степь. О, какое благодеяние было б теперь для тебя помешательство! Но ты в изнеможении [падаешь] в траву и вскоре, как после страшного сна, пробуждаешься, и пробуждаешься на го́ре. Ты смутно, но всё вспомнила и от изнеможения не можешь встать на ноги,— силишься, силишься и все напрасно. Так тебя и рассвет, и утро застает. Так тебя и полдневное солнце печет. Смерть близится к тебе. Но смерть грешников люта. Вечер освежает тебя, и ты, собравши остаток силы, ползешь к траве и, на свое горькое горе, выползаешь на дорогу. Тебя полуживую подняли чумаки и привезли в село, сдали добрым людям на руки, и ты медленно оживаешь. Выздоравливаешь, и полунагая отправляешься в корчму. Ты припомнила: когда тебя уланы вином поили, тебе было весело и ты забывалася. Но кто теперь тебе, нищей, подурневшей, вина даст? Ты в корчме нанялася носить воду за чвертку вина. Но увы! вино не помогло, а злее еще напомнило тебе, что ты детоубийца! И разгоряченное воображение твое представляет бесконечный ряд страданий.— Что мне делать? — ты в исступлении кричишь, а дьявол шепчет тебе на ухо: — Утопись! — И ты, послушная сатане, бежишь, быть может, к твоей родной Суле и топишься. Косари тебе помешали. Ты рассказала им свое преступление. Тебя в сельскую расправу, потом в тюрьму, потом в село твое родное да, не снимая кандалов, и на кобылу. А с кобылы прямехонько в Сибирь.

Могло случиться и иначе. Ты могла бы и подружиться с добрыми уланами — и попутешествовала б

себе за их эскадронами во всякую погоду, как единородная мать Энея (у Котляревского):

боса,
Задрипана, простоволоса...

И часто, часто бедная богиня Пафоса —

В шинелі сірій щеголяла,
Манішки офіцерам прала,
Горілку з перцем продавала и т. д.

Так, может быть, и тебе бы пришлося коротать свою поруганную, грешную, безраскаянную жизнь. Но ты спасена, ты ангелом прекрасным, ты своим сыном спасена, и будущность твоя хотя и горькая, печальная, но не преступная и безотрадная.

В понедельник на фоминой неделе старик со старухою поехали в село родителей поминать, Лукия и за своих дала им на часточку.

— От что, Якиме! — сказала Марта: — запишемо и ее отца и матерь в свою граматку, та пускай так укупи и поминают: ведь она у нас как наша дочь родная.

— А что ж, и хорошо, запишемо.

И Лукия, простясь со стариками, засунула изнутри двери, вошла в хату, остановилася над колыбелью, долго смотрела на спящего Марка и, наконец, проговорила:

— Господы милосердый, и укрипы и спасы мене! Где я на всем свете найду таких людей, которые б меня дочерью звали и отца моего и мать мою в свою граматку записали?

И она тихо заплакала и стала молиться. В это время проснулся Марко и, протягивая к ней ручонки из колыбели, пролепетал к ней: — Мамо! — Она, как бы испуганная, обратилася к нему. Взяла его на руки и, целуя его, залилася слезами, едва выговаривая:

— Сыну мий, сыну, моя ты дытыно!

А Марко, как бы понимая ее слова, охватил пух-

лыми ручонками ее прекрасную шею и лепетал: — Мамо! Мамо!

Придя в себя, она стала на колени перед образами, перекрестилася, потом взяла Марка за ручонку, сложила его розовые пальчики и начала учить его креститься, говоря и плача:

— Молыся, сыну! Молысь, моя дытыно! Молыся, ангеле божий, за мене, за мене, грешницу, молыся!

До обеда Лукия утешалася своим сыном в хате, а после обеда окутала его и пошла в сад рясту рвать. Погулявши в саду и нарвавши рясту, она возвращалася в хату и уже было взялася за ручку у дверей; вдруг слышит — ее зовут. Она оглянулася и вздрогнула, за воротами стоял ее возлюбленный. Она хотела скрыться в хату, но он снова позвал ее.

— Да отвори ворота, мне не хочется с коня слазить.

Лукия как бы невольно подошла к воротам, но не отворила их.

— Что же ты стоишь? Или не отворяй, выйди сюда, я тебя поцелую.

Лукия не вышла.

— Что же, на тебя столбняк, что ли, напал? Готова ли ты, или опять раздумала?

— Раздумала.

— Фу ты, несносная! Полно дурачиться, одевайся скорее, за хутором тебя телега дожидает.

— Пускай себе дожидает.

— Да не беси же ты меня! Скажи, пойдешь ли ты, или нет?

— Ни.

— Проклятая! Да ведь я без тебя жить не могу!

— То не живи!

— То не живи? Тварь ты бездушная! Что же мне давиться, что ли, из-за тебя?

— Давись.

— Шутишь ты, что ли, со мною? Скажи, последний раз я тебя спрашиваю, пойдешь ты или нет?

— Нет, не пойду.

— Дура же ты, дура. А я тебе добра желал, хотел тебя счастливою сделать!

Лукия грустно посмотрела на него. Он продолжал:

— Хотел в Ромне перевенчаться с тобою.

Лукия еще раз взглянула, отворотилася и хотела было итти в хату.

— Остановися, одно слово!

Она остановилась.

— Подойди ближе!

— Ну, говори, что ты там такое скажешь? — И она подошла к воротам.

— Ну, скажи, глупая, разве тебе лучше мужичкой быть?

— Лучше!

— Да пойми ты меня! Ведь ты будешь офицерша!

— Не хочу я быть офицершей. Я мать офицерского сына, с меня довольно!

И она снова отворотилася.

— Вот же тебе, упрямая хохлачка! — И он ее ударил по голове нагайкой, проговоря: — Проклятая! — Поворотя коня, он ускакал в поле. Лукия посмотрела ему вслед, опустила дитя на землю и тихо пошла с ним в хату. Но в хату не могла войти. Села на призьбе, бледная и изнеможенная, выпустила из рук Марочка и лицо закрыла руками. Долго она сидела в таком положении, а Марочко между тем уселся у ног ее и уже увядший ряст рассыпал вокруг себя.

Лукия, наконец, проговорила шопотом:

— Офицерша... Бреше... За что же он меня ударил? Что я ему сделала? Сына привела!

И она горько, горько заплакала. Марочко, глядя на нее, и себе заплакал. Она взяла его на руки, поцеловала, встала и молча пошла в хату.

Старики, возвратяся ввечеру из села, рассказывали ей, смеяся, как уланы выходили из села и как одна уже тяжкая дивчина пошла за повозкою их знакомого охотника.

— Як бо ии зовуть? — заговорила Марта. — По-

стой ... постой ... вот же ж и забыла ... те, те; вспомнила: Одаркою!

Лукия вздрогнула.

— Только из какого-то другого села, а не буртянская.

— Что же это нашего знакомого не видно было меж уланами?

— Да, не видно было. А я нарочно его выглядала, да нет, не видно было.

— Должно быть, вперед уехал.

— Должно быть!

Мирно и безмятежно текли часы, дни, месяцы и годы на благодатном хуторе Якима. Коморы его начинялися всяким добром, волы и коровы его и всякая другая худòба множилася и тучнела, чумаки его каждое божие лето возвращалися с дороги с великою лихвою, пчелы его по трижды в одно лето роилися, — так что одного меду продавал он ежегодно рублей сот на пять, если не больше, не говоря уже про воск. Садовой овощи, правда, он не продавал, а то и тут бы не одну лупнул сотнягу. Пускай, — говорит, — добрые люди поживут, спасыби скажут! Словом, к Якиму на хутор со всех сторон добро лилося, как будто сама фортуна коловратная на его хуторе поселилася в лице Лукии и Марка. И то правду сказать, что Лукия была хозяйка невсыпущая и распорядительная.

— И бог его знает, где это она всему так научилася? — бывало, глядя на ее дела, говорит старая Марта: — Вот тебе и московка! Поди ты с нею! Благодать божия, да и только, — верно, разумного отца дытына.

Старикам оставалося только смотреть на нее и молиться богу, — они таки и не забывали бога. Марта ежегодно ходила в Киев на поклонение святым угодникам печерским, а Яким хотя и не ходил, зато дома в продолжение года молебствовал: то криныцю в саду посвятит, то пасику посвятит, то так пригласит

отца Нила помолебствовать о здравии и долгоденствии, а сам всё себе сидит в пасике, рои снимает да псалтырь читает.

Так-то счастливо проходили дни, месяцы и годы на хуторе. А Марку между тем кончался седьмой годочек. И что же это за дитя вырастало! Прекрасное, тихое, послушное, несмотря на то, что все его чуть на руках не носили, особенно Лукия. Бывало в воскресенье, когда старики уедут в село до церквы, оденет его в жупанок, в красные сапожки и сивую крымских смушек шапочку, поставит его перед собою и любуется на него, как на малёваного. А между тем она ему и виду никогда не показала, что она ему мать. Для чего она это делала, бог ее знает. Может быть, она боялася старых, а может быть и так.

Старики часто поговаривали, что пора Марка в школу отдать, но всё дожидали, пока ему исполнится семь лет.

И вот ему исполнилося семь лет. Это случилося как раз на зеленых святках, в воскресенье. Из церкви прямо на хутор привезли отца Нила и отца диакона и весь причет церковный. После молебствия и водоосвящения в саду вернулися в облачении в хату. А окропивши святою водою оселю, сины и коморы, вернулися снова в хату. Тогда отец Нил взял Марка за руку и, поставив его на колени перед святыми образами, а сам раскрыв псалтырь и перекрестяся трижды, прочитал псалом: „Боже, в помощь мою вонмиши“. По прочтении псалма, сложив с себя ризы, сел за стол и спросил у Якима букварь. Марта достала из скрыни букварь (он у нее хранился, потому что она его принесла из Киева) и подала Якиму, а Яким уже отцу Нилу.

— Приступи ко мне, чадо мое, — сказал он Марку. Марко подошел.

— Говори за мною! — И Марко робко повторял: аз, буки, веди и т. д. По прочтении азбуки отец Нил закрыл букварь и сказал:

— Корень учения горек, плоды же его сладки

суть. Сегодня пока довольно, а на будущее время и вящше потрудимся. А теперь пока, отдавши богово богови, отдаймо и кесарево кесареви!

Яким, как сам тоже человек грамотный, тотчас смекнул, к чему говорит отец Нил из писания. Моргнул Марте и Лукии, а сам побежал в комору, сказавши:

— З-за позволения вашего, прошу, батюшка, садовитесь за стол.

Через минуту стол был уставлен яствами и напоями, разными квасами фруктовыми и наливками, а кроме всего этого, Яким посередине стола поставил хитро сделанный стеклянный бочонок с выстоялкою. Отец Нил, прочитавши „Отче наш“ и „Ядят убозии и насытятся“, поблагословил ястие и питие сие и сел за стол. Его примеру, перекрестясь, последовали и другие (окроме Марты и Лукии) и молча начали воздавать кесарево кесареви.

После обеда отец Нил и весь причет церковный вышли в сад и сели на траве под старою грушею около криницы. И отец Нил отверз уста своя, в притчах глаголя. И чего он тут не глаголал? И о Симеоне Столпнике, и о Марии египетской, и о страшном суде, и только было начал „Отолсте сердце их“, а тут явилася Лукия с ковром, а Марта со стеклянным бочоночком, только уже налитым не выстоялкою, а сливянкою.

Отец Нил, увидя их, воскликнул:

— Хвалите, отроци, господа! И господыню,— прибавил он, ласково улыбаяся Марте.

Лукия между тем разостлала ковер, а Марта поставила на него барыльце с сливянкою и, поклонившись, просила: — Батюшка, благословить.— Батюшка, возвыся глас свой и осеняя барыло крестным знамением, возгласил:

— Изыди из тебе душе нечистый и вселися в тебе сила христова и яви чудеса мирови.

В это время старый Яким подошел к ним, держа в руках на малёваной тарелке свежие большие яблоки.

Отец Нил, увидя яблоки, сказал:

— Благ муж щедряя и дая! Только скажите вы мне, бога ради, Якиме, каким образом вы их сохранили?

— А вот как покушаете, то тогда и скажу,— говорил Яким, ставя яблоки на ковер.

— Хорошо, и покушаемо. Да где наш новый школяр? Пускай бы он нас хоть сливянкою попотчевал,— говорил отец Нил, протягивая руку к яблоку. В минуту Лукия привела в сад и Марка.

— А ну-ка, новый школяру! — говорил Яким, смеяся,— попотчуй батюшку слывянкою, а воны тебе когда-нибудь березовою кашею попотчуют.

— Корень учения горек! — весьма кстати проговорил отец Нил.

Лукия взяла бочонок, а Марко рюмку и стали потчевать гостей. Когда поднёс Марко рюмку отцу диакону, то тот, принимая рюмку, проговорил:

— Не упивайтеся вином, в нем же есть блуд!

— Та блуд таки, блуд! — скороговоркою сказала Марта,— а вы, отче Елисею, выпейте еще одну рюмочку нашои слывяночки.— Что отец Елисей и исполнил.

Сидели они под грушею до самого вечера и слушали отца Нила. А отец Нил договорился до того, что начал выговаривать вместо „пророк Давид“— „пророк Демид“, а потом всё духовенство запело хором: „О всепетую маты“, потом „Богом избранную маты, деву отроковицу“, а потом „О, горе мне, грешнику сущу“. Тут уже и Яким не утерпел, подтянул таки тихонько басом.

— Эх, если бы тимпан и органы, или хоч гусли доброгласны! — воскликнул отец Нил.— О, тут бы мы воскликнули господеви. А что, не послать ли нам за гуслями?

— Послать! Послать! — закричали все в один голос.

— А послать, так и послать,— говорил Яким.— Лукие, скажи Сыдорови, нехай коней запрягае, я сам пойду. А тым часом, отче Ниле, прошу до господы. И вы, отець Елисей, и вы, и вы,— сказал он,

обращаясь к причетникам. — На дворе и темно и холодно.

И компания отправилась в хату, а что там было в хате, бог его знает. Знаю только, что Яким за гуслями не поехал.

Клечальное воскресенье продлилося до вторника. Во вторник, уже поснидавши, гости поехали домой, а Яким и Марта, провожая их, всё жалкувалы, что они не осталися еще на годыночку, т. е. на два дня.

В следующее воскресенье рано поутру одели Марка в самый лучший его жупан, засунули ему граматку за пазуху, посадили его на повозку и повезли в село, якобы до церквы. Обманули бедного Марка, — они повезли его в школу.

Лукия хотя и не плакала при расставаньи с сыном, но ей все-таки жаль было расставаться с ним.

Грустно, неохотно расставалася Лукия со своим сыном, со своею единою утехой, но она не останавливала, не отговаривала, как это делала старая Марта. Марта сквозь слезы выговаривала Якиму:

— Ну, скажи! Скажи ты мне, где ты видел, чтоб из школы добро вышло? Так, выйдет какой-нибудь пьяныччка, а может еще и вор, боже обороны; от только дытыну испортят.

— Замолчи ты, пока я не рассердился! — говорил Яким, надевая на Марка сверх жупанка новую свитку.

— Ну куда ты его кутаешь?

— Куда? В дорогу! Ведь он там останется, так не возыть же за ным свыту.

Так снаряжали Марка в далекую дорогу. Лукия молча смотрела на всё это и, слушая доводы Марты, почти соглашалась с нею. Но когда Яким, помолясь богу и выходя из хаты, сказал: „Учение — свет, а неучение — тьма“, то Лукия вполне с ним согласилась, говоря:

— По крайней мере, выучится хоть богу помолиться.

И проводя их за ворота, долго стояла она и смотрела вслед удалявшейся повозке. А когда повозка скрылася, она перекрестила воздух в ту сторону и, возвращаяся в хату, говорила:

— Пошли тебе господи благодать свою святую.

Ввечеру Марта рассказывала Лукии про Марка, что он, бедный, плакал, когда прощался с ними, и что он будет жить у отца Нила, а в школу только учиться будет ходить, и что она нарочно заходила в школу, чтобы посмотреть, где он будет учиться.

— Пустка! Совершенная пустка! — говорила она.— Так что страшно одной зайти было, а школяры такие желтые, бледные, как будто с креста сняты, сердечные. А под лавою всё розги, всё розги, да такие колючие! Бог их знает, где они их берут. Настоящая шипшина. А на стене, около самого образа — тройчатка, настоящая дротянка, да, я думаю, она таки из дроту и сплетена. А дьяк такой сердитый! аж страшно смотреть. Я, правда, дала ему копу, знаешь, чтобы он не очень силовал Марка, хоть на первые дни. Надо будет еще чего-нибудь послать ему, я думаю, хоть полотна на штаны та на сорочку,— а то замучит бедную дытыну. Чи не понесла б ты ему, Лукие, хоть даже завтра, а то я боюся: убье, занивечить сердечного Марочка.

— Добре, я понесу,— сказала Лукия,— та и сама посмотрю на ту школу.

— Посмотришь, посмотришь! Та вот еще что: учини к завтрему паляныци. Я думаю и паляныць зо дви послать Маркови, а то воно, бедное, хоть и обедает у попа, да какой там у них обед! Я думаю, всегда голодное.

На завтра Лукия отправилась в село с паляныцями и со свертком полотна. Она не зашла к отцу Нилу, а прямо прошла в школу. Дьяк встретил ее совсем не сердитый, и школа не была похожа на

пустку: хата, как хата, только что школяры сидят да читают, кто во что горазд. И Марко ее тут же меж школярами сидит и тоже читает. Она, когда увидела его читающего, то чуть было не заплакала. Как оно, бедное, скоро научилося,— подумала она и посмотрела под лаву — под лавою ни одной розги не видно было. Посмотрела на образа — около образов тройчатки тоже не видать. Она, отдавши дьякови посильное приношение, спросила его, можно ли ей повидаться с таким-то Марком?

— Можна, можна! Чому не можна? — говорил дьяк с важностию и, подойдя к новобранцу (как он называл Марка), сказал ему:

— Ты, Марку, сегодня учился хорошо, а посему и гулять остаток дня можешь, иди с миром домой.

Марко сложил азбучку, положил ее за пазуху и встал со скамейки, обернулся, увидел свою наймичку и заплакал. Лукия тоже чуть не заплакала. Она взяла его за руку и, простясь с дьяком, вышла из школы. Вышедши из школы, она утерла слезы у Марка рукавом своим, потом сама заплакала, и пошли они тихонько к хате отца Нила.

Такие приношения делала она дьяку и Марку каждую неделю, а в воскресенье Марта само собою привозила дьячку и копу грошей, или меду, или кусок сала, или что-нибудь тому подобное.

Месяца через два, с божиею помощию, Марко одолел букварь до самого „Иже хощет спастися". По обычаю древнему нужно бы кашу варить, о чем было дано знать заблаговременно на хутор. Варивши кашу, Марта положила в нее 6 пятаков, а Лукия, когда Марта отвернулася, бросила в кашу гривенник.

Когда каша была готова, Лукия понесла ее в село к отцу Нилу. А от отца Нила Марко понес ее в школу, в ручнике, вышитом Лукиею. Принесши кашу в школу, он поставил ее доли, ручник преподнес учителю, а до каши просил товарищей. Товарищи, разумеется, не заставили повторять просьбы, уселися вокруг горшка, а Марко взял трой-

чатку, стал над ними, и пошла потеха: Марко немилосердно бил всякого, кто хоть крошку ронял дорогой каши на пол.

Кончивши кашу, Марко тройчаткою погнал товарищей до воды, а пригнавши от воды, принялися громадою горшок бить. Разбили горшок, и учитель распустил их всех по домам в знак торжественного сего события.

После описанной церемоний Марко был отпущен на родину, т. е. на хутор, отдохнуть недели две после граматки. Но вместо отдыха он встретил новые непредвиденные им труды: Яким, в присутствии Марты и Лукии, заставлял его прочитывать каждый день всю граматку, от доски до доски, и даже „Иже хощет спастися".

— Да для чего это уже „Иже хощет спастися" ты заставляешь его читать? — говорила Марта: — Он его не учился, то и читать не нужно.

— Ты, Марто, человек неграмотный, то и не мешалась бы не в свое дело,— говорил обыкновенно Яким.— Мы-то знаем, что делаем.

Марко под конец второй недели готов был бежать из родительского дома в школу. В школе ожидали его ровесники-товарищи, а дома кто ему товарищ? Правда, оно и в школе не тепло, но все-таки лучше, нежели дома.

По прошествии двух недель снабдили Марка всяким добром удобосъедаемым и, вдобавок, часословом, принесенным Мартою в то лето из Киева, и отправили в школу.

В великом посту, когда говели Яким и Марта, то Марко уже посередине церкви читал большое повечерие, к неописанному восторгу стариков. Выходя из церкви, Яким погладил по голове Марка и дал ему гривну меди на бублики, сказавши:

— Учись, учися, Марку! Науку не носят за плечима.

А Марта дома Лукии чудеса про Марка рассказывала. Она говорила, что дьяк просто дурень в сравнении с Марком, что Марко вскоре и самого

отца Нила за пояс заткне, разве только что на гуслях не будет играть, да это ему и не нужно.

— Да что же это он, да как же это он там читает? — обыкновенно спрашивала Лукия.

— А так читает, что хоть бы и самому дьяку, так не стыдно. Да, я думаю, дьяк и заставляет читать всё такое, чего сам прочитать не в силах. Я думаю, что так.

Лукия с нетерпением ожидала шестой недели поста, в которую собиралася говеть. Наконец, дождалася и, наконец, услышала читающего Марка — и уже не одну „Нескверную, неблазную", а и „полунощницу", и даже „часы".

Велика была ее сердечная радость, когда она, выходя из церкви, слышала такие слова:

— Какой хороший школяр! Да как он прекрасно читает, точно пташка какая щебечет. Наделил же господь добрых людей такою дытыною!

Такие и им подобные слова слушала Лукия всякий раз при выходе из церкви. За то Марко и возмездие получал не малое: он в продолжение недели всю школу кормил бубликами.

Марко быстро двигался на поприще образования, так что к концу другого года, к удивлению всех, в особенности учителя, он прошел всю псалтырь, даже с молитвами. А чтением кафизм в церкви приобрел общую известность и похвалу всего села; так что уже на что Денис Посяда, который никого не хвалил, и тот, бывало, выходя из церкви, скажет:

— Ничого сказать, славный школяр, прекрасно читае.

Долго толковали между собою отец Нил с Якимом, учить ли Марка писать или так и кончить на псалтыре. С домашними Яким не входил в рассуждение по поводу этого предмета. Он знал наверное, что в Марте первой он встретил бы оппозицию, а потому и молчал благоразумно. А по зрелом рас-

суждении с отцом Нилом решил, чтобы Марка учить писать.

Хитрость книжная, можно сказать, далася нашему Марку, да и хитрость скорописца не отвернулася от него. В полгода с небольшим он постиг все тайны каллиграфии и так, бывало, выведет букву ферт, что сам учитель только плечами двинет, и больше ничего. Но кого он больше всех восхищал своею тростию скорописца, так это старого Якима. Он ему при всяком удобном случае писал послания, надписывая на конверте, что такой-то и такой губернии, такого-то и такого повета, на благополучный хутор такой-то, жителю Якиму, Миронову сыну, такому-то. Старик был в восторге, получа такое письмо от своего сына из школы.

— Вот оно что значит просвещенный человек,— говорил он, бывало, Марте и Лукии, держа письмо в руках, которого он, конечно, не понимал, потому что читал только печатное.— Я вот и не был в селе, а знаю, что там творится. А вы, бабы, ну, скажить, что вы знаете? Вот то-то и есть! А я так знаю. Вчера отец Нил на гуслях играл „Иисусе мой прелюбезный“, а матушка Якилына с прочими мироносыцями ему подтягивали. Вот что!

— Ну, та ты из своего письма наговоришь, что и груши на верби ростут,— говорила обыкновенно Марта.

— Что ж, когда не веришь, то на, возьми прочитай.— И он ей подавал письмо.

— Читай уже ты один, а мы и так себе останемся.

И Яким, бывало, через пятое-десятое по складам прочитает им:

„Любезнейшие и драгоценнейшие родители! Я, слава всевышнему, жив и здоров, чего и вам желаю. Единородный сын ваш Марко Гирло“.

— Только то и было? — спрашивала Марта.

— А тебе чего еще хочется? — отвечал, смеяся, Яким.

— А как же там батюшка с матушкою, говорил ты, что в письме написано.

— А дзусь вам знать, цокотухи! — И при этом клал письмо за образ.

Смеючися, пролетали годы над хутором. Марко вырастал, делался юношею, и каким юношею! Просто чудо! Бывало, сельские красавицы не налюбуются на Марка Гирла. Школу он оставил вот по какому случаю. Однажды Марта, возвратясь из Киева, занемогла да, прохворавши семь недель, и богу душу отдала. Долго плакал старый Яким и, плачучи, поселился, наконец, в своей пасике. Надо было для утехи старика взять из школы Марка. Лукия так и сделала.— Пускай себе,— думала она,— чего не доучилося в школе, доучится дома. А старику, бедному, все-таки будет розвага. А то и он умрет, бедный, с тоски та с горя.

И в воскресенье, рассчитавшися с дьячком и отцом Нилом, привезла Марка на хутор. Обрадовался, ожил Яким, увидя перед собою существо, которое одно только и привязывало его к жизни.

До прибытия Марка из школы старый Яким был похож на Афанасия Ивановича после смерти Пульхерии Ивановны, с тою разницею, что в доме и вообще в хозяйстве не было заметно того печального запустения, какое было видно в доме Афанасия Ивановича после смерти Пульхерии Ивановны, потому что у него осталася Лукия.

Бывало, сидит бедный старик в пасике несколько часов сряду, головы не подымая, только вздохнет и утрет машинально слезу, скатившуюся на седые усы, вздохнет опять и опять заплачет. И так просиживал он до тех пор, пока Лукия приходила звать его обедать. Тогда молча вставал он и шел за Лукиею в хату. Она заводила с ним речь о хозяйстве, о чумаках, о пчелах, о яблоках, но он отвечал только „да“ или „нет“. Однажды она ему сказала:

— Вы бы взяли хоть псалтырь прочитали за ее грешную душу, и вам бы легче стало.

Яким молча с полки достал псалтырь и пошел в сад (Марта была похоронена в саду между старыми липами), остановился над могилою Марты, раскрыл

книгу, перекрестился и начал читать „Блажен муж“. Когда же дочитал до „Славы“ и начал читать „Со святыми упокой“, то не мог проговорить „рабу твою Марту“. Залился старик слезами, и книга из рук упала на могилу.

Так-то время и уединение связывают простосердечных людей друг с другом.

Благословенно и время, и уединение, простосердечные люди.

Яким с каждым днем оживал более и более. Лукия угождала и ухаживала за ним, как за малым ребенком, а Марко, несмотря на его юность (и, как Гоголь говорит, юркость), не отставал от него ни на минуту. Он уже знал, что он не родной его сын, и в глубине молодой души своей чувствовал всё благо, сделанное ему чужими добрыми людьми. Он иногда задумывался и спрашивал себя: кто же мой отец? и кто моя мать? — и, разумеется, оставался без ответа.

Каждую субботу с утра до обеда читал он псалтырь над могилою Марты, а Яким, стоя около него, молился и плакал и, плачучи, шептал иногда:

— Кто же бы за твою душу теперь псалтырь прочитал, если б мы его не отдавали в школу? Читай, сыну! Читай, моя дытыно! Она с того света услышит и спасибо тебе скажет. Душа ее праведная по мытарствах теперь ходит, — и старик снова заливался слезами.

А между тем Марку пошел уже двадцатый год. Пора ему уже была и вечерныци посетить, посмотреть, что и там делается. Дождавшись осени, он это и сделал, и так удачно, что после первого посещения вечерныць, возвратясь домой, стал у Якима просить благословения на женитьбу.

— Вот тебе и на! — сказал Яким, выслушавши его. — Я думал, что он всё еще школяр, а он уже во куда лезет! Рано, рано, сыну! Ты сначала погуляй, попарубкуй немного, почумакуй, привезы мени гостинець з Крыму або з Дону. А то, — ну сам ты скажи, какая за тебя безусого выйде. Разве какая бессе-

режная! А вот спросим у Лукии,— я думаю, и она скажет, что еще рано.

Спросили у Лукии, и она сказала, что рано.

Марко наш и нос повесил. А между тем ночевать стал ходить у клуню: в хате ему, видите, стало душно.

— Знаю я, чего тебе душно! — говорил, улыбаясь, старый Яким. А Лукия ничего не говорила, только по целым ночам молилась богу, чтобы бог сохранил его от всякого скверного дела, от всякого нечистого соблазна.

Однажды после обеда, когда Яким отдыхал, она вызвала Марка в другую хату и ласково спросила у него:

— Скажи мне, Марку, по истинной правде, кого ты полюбил? На ком ты думаешь жениться?

Марко расписал ей свою красавицу, как и все любовники расписывают. Что она и такая, и такая, и красавица, и раскрасавица, что лучше ее и во всем мире нет. Лукия с умилением слушала своего сына и сказала, наконец:

— Верю, что краше ее во всем мире нет. А скажи ты мне, какого она роду? Кто отец ее и кто такая мать? Что они за люди и как они с людьми живут?

— Честного она и богатого роду!

— Богатства тебе не нужно, ты и сам, слава богу, богатый. А скажи ты мне, любишь ли ты ее?

— Как свою душу! Как святого бога на небесах!

— Ну, Марку, я тебе верю. Ты ее любишь, а когда любишь, то ты ей зла не сделаешь. Смотри, Марку! Сохрани тебя матерь господняя, если ты ее погубишь! Не будет тебе прощения ни от бога, ни от добрых людей!

— Как же я погублю ее, скажи ты мне, когда я ее люблю?

— Как погубишь?.. Дай господи, чтобы ты и не знал, как вы нас губите, как мы сами себя губим!

— Лукие, ты давно у нас живешь, скажи мне, не знаешь ли ты, кто такая моя маты?

Лукия при этом неожиданном вопросе затрепетала и не могла ответить ни слова.

— Скажи мне! Скажи, ты, верно, знаешь?

Лукия едва ответила: — Не знаю!

— Знаешь! Ей-богу, знаешь! Скажи мне, моя голубко, моя матинко! — и он схватил ее за руки.

— Марта,— отвечала Лукия тихо.

— Ни, не Марта, я знаю, что не Марта! Я знаю, что я байстрюк, подкидыш!

Лукия схватила его за руку, сказавши:

— Молчи! кто-то идет! — и вышла быстро из хаты.

— Она, верно, знает,— подумал Марко и вышел вслед за нею.

Дождавшися весны, Яким поручил всё хозяйство Лукии, а сам, по обещанию, поехал в Киев, взяв и Марка с собою.

Лукия не пропускала ни одного воскресенья, чтобы не побывать в селе, и после обедни всегда заходила к матушке, и после обеда долго с нею беседовала наедине. Она расспрашивала попадью о своей будущей невестке, и узнала, что она честного и хорошего роду и что про нее дурной славы не слыхать. Наконец, она через попадью и сама с нею познакомилась и увидела, что сын и попадья говорят правду.

Через месяц Яким с Марком возвратилися на хутор и навезли разных дорогих гостинцев своей наймичке. А для себя привезли, кроме синего сукна и китайки, Ефрема Сирина и „Житие святых отец“ за весь год.

Дни летние и длинные вечера осенние Марко читал святые книги, а Яким слушал и обновлялся духом. Он пришел в свое нормальное положение, подчас непрочь был послушать, как отец Нил играет на гуслях и как отец диакон поет „Всякому городу нрав и права“ и прочее такое. Только всегда приговаривал:

— Ох, якбы теперь со мною была Марта! Далы б мы себе знать! — И после этого всегда старик задумывался, а часто и плакал, говоря: — Сырота я! Сыротою! Так и в домовыну ляжу. Марко? Так что ж Марко! Звычайне, не чужий! Оженю его,

непременно оженю после покровы, а летом пускай сходит в дорогу, та прывезе мени з Крыму сыву шапку, таку сыву, как моя голова.

А Марко, прочитавши житие какого-нибудь святого, отправлялся в клуню ночевать, т. е. в село к своей возлюбленной.

А Лукия, уложивши спать старого Якима, молилася до полуночи богу, чтобы охранял он ее сына от всякого зла.

Весною, снарядивши новые возы, новые мережаные ярма, прытыки, лушни и занозы, Яким отправил своего Марка чумаковать на Дон за рыбою.

— Иди ж, мой сыну! — говорил он,— та везы своий молодий подарки. После покровы, даст бог, мы вас и скрутымо.

Марко с горем пополам отправился на Дон за рыбою. А Лукия, взявши котомку на плечи, пошла в Киев помолиться святым угодникам о благополучном возвращении сына с дороги. Яким один остался на госпóди. Он, распорядившися весенними работами, вынул пчел из погреба, расставил их как следует по пасике, взял Ефрема Сирина и поселился на все лето в пасике. А Лукия, между тем, пришла в Киев, стала у какой-то мещанки на квартире и, чтоб не платить ей денег за квартиру и за харч, взялася ей носить воду для домашнего обиходу. В полдень она носила воду из Днепра, а поутру и ввечеру ходила по церквам святым и пещерам. Отговевшись и причастившись святых таин, она на сбереженные деньги купила небольшой образок святого гробокопателя Марка, колечко у Варвары великомученицы и шапочку Ивана многострадального. Уложивши всё это в котомочку и простившися со своею хозяйкою, она возвращалася домой. Только не доходя уже Прилуки, именно в Дубовому Гаю, занемогла пропасныцею. Кое-как доплелася она до Ромна, а из Ромен должна была нанять подводу до хутора, потому что уже не в силах была итти.

А она хотела зайти в Густыню, в то время только возобновлявшуюся. И не удалося ей, бедной.

Испугался старый Яким, когда ее увидел.

— Исхудала, постарела, как будто с креста снятая,— говорил он.— Чи не послать нам за знахаркою? — спрашивал ее Яким.

— Пошлить, бо я страх нездужаю.— И Яким не послал, а сам поехал в село и привез знахарку. Знахарка лечила ее месяц-другой и не помогала.

Во времена самой нежной моей юности (мне было тогда 13 лет) я чумаковал тогда с покойником отцом. Выезжали мы из Гуляйполя, я сидел на возе и смотрел не на Новомиргород, лежащий в долине над Тикичем, а на степь, лежащую за Тикичем. Смотрел и думал (а что я тогда думал, то разгадает только один бог). Вот мы взяли с о б, перешли вброд Тикич, поднялися на гору. Смотрю — опять степь, степь широкая, беспредельная, только чуть мреет влево что-то похожее на лесок. Я спрашиваю у отца, что это видно?

— Девятая рота, — отвечает он мне. Но для меня этого не довольно. Я думаю: что это — 9-я рота? Степь и все степь.

Наконец, мы остановилися ночевать в Дидовой балке.

На другой день та же степь и те же детские думы.

— А вот и Елисавет! — сказал отец.

— Где? — спросил я.

— Вон на горе цыганские шатры белеют.

К половине дня мы приехали в Грузовку, а на другой день поутру уже в самый Елисавет.

Грустно мне, печально мне вспоминать теперь мою молодость, мою юность, мое детство беззаботное! Грустно мне вспоминать теперь те степи широкие, беспредельные, которые я тогда видел и которых уже не увижу никогда.

Побывавши в Таганроге и Ростове, Марко со своими чумаками вышел в степь, и не почтовым шляхом, прямувалы чумаки через Орель на Старые Санжары. В Санжарах, переправившись через Ворсклу, задали чумаки пир добрым людям. Купили три цебра вина, найнялы троисту музыку, та и понесли вино перед музыкантами. Кого встретят, пан ли это, мужик ли, все равно: „Стой, пый горилку!" Музыка играет, а чумаки все до одного танцуют.

С таким-то торжеством прошел Марко через Санжары.

В Белоцерковке повторилось то же, а в Миргороде, хоть и не было переправы, чумаки таки сделали свое.

— Хорол хоть и не велыка ричка, а все-таки,— говорили они,— треба свято одбуты.— И одбулы свято. В Миргороде они взяли уже не четыре цебра вина, а бочку, и весь город покотом положили, а о музыкантах и танцах и говорить нечего.

Из Миргорода с божиею помощию вышли на Ромодан.

Вышедши на Ромодан и попасши волы, чумаки потянулись по Ромодану на Ромен.

Ідуть собі чумаченьки
Та йдучи співають.

— Что же ты, Марку, что же ты не поешь с товарищами-чумаками?

— А вот почему я не пою с товарищами-чумаками:

Покинул я дома молодую девушку. Что теперь сталося с нею?
Везу я ей с Дону парчи, аксамиту, всего дорогого.
А она, быть может, моя молодая, вышла за другого.

И чем ближе они подходили к корчме, от которой ему поворотить надо вправо, тем он грустнее становился.

— Что это мне эта наймичка не идет с ума? А може, вона скаже,— прибавлял он в раздумьи.

Минули Лохвыцю, пришли и до корчмы. Попрощался Марко со своими товарищами-чумаками, как

— Я тутъ и буду тебе ждать. —
Марко вошелъ въ хату. больная увидя
его вздрогнула. приподнялась и протянула
къ нему руки. говоря
— Сыну мой! моя дитыно. иди иди до мене!—
Марко подошелъ къ ней.
— Сядь, сядь коло мене. нагни мени свою голову.—
Марко на колени повалился. она обвила его кудрявую голову. исхудалыми руками. и шептала ему на ухо—
— Прости! прости мене. Я.. Я.. Я твоя мати.—
Когда Якимъ возвратился въ хату то увидѣлъ что Марко плача целовалъ ноги уже умершей наймички.

25. февраля
1844.
Переяславъ

Автограф повісті „Наймичка“.

следует подякував их за науку и поворотил себе на хутор со своими возами.

Путь невелик, всего, может быть, пять верст, но он остановился со своею валкою ночевать в поле. Наймиты себе ночуют в поле около волов и возов, а он побежал к своей возлюбленной.

Серце моє! Доле моя!
Моя Катерино! —

сказал он ей, когда она вышла в вишник. Он много говорил ей подобных речей, говорил потому, что не знал, что делается дома.

А дома делалося вот что.

Знахарка довела своими лекарствами бедную Лукию до того, что Яким просил отца Нила с причетом отправить над нею маслосвятие. После этого духовного лекарства Лукии сделалося лучше. Она начала, по крайней мере, говорить. И первое слово, что она сказала, это был вопрос:

— Что, не пришел еще?

— Кто такой? — спросил Яким.

— Марко, — едва прошептала она.

К вечеру ей стало лучше, и она просила Якима постлать постель на полу. Когда перенесли ее на пол, то она показала знаком Якиму, чтобы он сел около нее. Яким сел, и она ему шопотом сказала:

— Я не дождуся его, умру. У мене есть гроши, — отдасте ему. Вся плата, что я от вас брала, у мене спрятана в коморе, на горыщи, под соломяним жолобом. Отдайте ему, — я для него их прятала. Та отдайте ему еще образок Марка, святого гробокопателя, что я принесла из Киева, а молодий его, когда пойдут венчаться, отдайте перстень святой Варвары, а себе, мой тату, возьмить шапочку святого Ивана.

И, помолчавши, она сказала:

— Ох, мне становится трудно. Я не дождусь его, умру. А он должен быть близко. Я его вижу. — И, помолчав, спросила: — Еще далеко до света?

— Третьи петухи только что пропели, — ответил Яким.

— Дай-то мне, господи, до утра дожить, хоть взглянуть на него. Он поутру приедет.

И в ту ночь, когда она исповедывалась Якиму, Марко целовал свою нареченную, стоя с нею под калиною, и говорил ей сладкие, задушевные, упоительные юношеские речи. Замолкал и долго молча смотрел на нее, и только целовал ее прекрасные карие очи.

Пропели третьи петухи. Вскоре начала заниматься заря.

— До завтра, мое серце единое! — сказал Марко, целуя свою невесту.

— До завтра, мий голубе сызый! — и они расстались.

— Иде, иде, — шептала больная, когда взошло солнце. — О, чуете, ворота скрипнули. — Яким вышел из хаты и встретил Марка с чумаками, входящего во двор.

— Иды швыдче в хату! — сказал обрадованный Яким Марку. — Я тут и без тебе лад дам.

Марко вошел в хату. Больная, увидя его, вздрогнула, приподнялася и протянула к нему руки, говоря:

— Сыну мий! Моя дытыно! Иды, иды до мене!

Марко подошел к ней.

— Сядь, сядь коло мене. Нагны мени свою голову.

Марко молча повиновался. Она охватила его кудрявую голову исхудалыми руками и шептала ему на ухо:

— Просты! Просты мене! Я... я... я твоя маты.

Когда Яким возвратился в хату, то увидел, что Марко, плача, целовал ноги уже умершей наймички.

25 февраля 1844.
Переяслав



ВАРНАК

Есть в нашем русском православном огромном царстве небольшая благодатная землица, такая небольшая, что может вместить в себе по крайней мере четыре немецких царства и Францию в придачу. А обитают в этой небольшой землице разноязычные народы и, между прочим, народ русский и самый православный. И этот-то народ русский не пашет и не сеет совершенно ничего, окроме дынь и арбузов; а хлеб ест белый пшеничный, называемый по-ихнему *калаци*, и воспевает свою славную реку, называя ее кормилицей своей, золотым дном с берегами серебряными.

Грустно видеть грязь и нищету на земле скудной, бесплодной, где человек борется с неблагодарною почвой и падает, наконец, изнеможенный под тяжестию труда и нищеты. Грустно, невыразимо грустно!

Каково же видеть ту же самую безобразную нищету в стране, текущей млеком и медом, как, например, в этой землице благодатной? Отвратительно! А еще отвратительнее встретить между этой ленивой нищеты обилие, и при обилии отвратительную грязь и невежество!

А в этой стране благословенной это встречается не редко, а даже очень часто.

Какие же могут быть причины нищеты в краю, текущем млеком и медом?

На сей важный политико-экономический вопрос я на досуге напишу четырехтомный нравоописательно-исторический роман, в котором потщуся изо-

бразить с микроскопическими подробностями нравы, обычаи и историю сего архиправославного народа.

А пока созреет этот знаменитый роман в моей многоумной голове, я расскажу вам вот что.

Есть в этой благодатной стране, неглубоко под землею, огромная глыба соли, а на этой глыбе соли построена небольшая крепостца, называемая в простонародии Соляной Защитой.

Обстоятельства заставили меня побывать однажды в этой Соляной Защите.

В первое воскресенье моего там пребывания увидел я в церкви старика, совершенно седого, но еще довольно свежего и необыкновенно выразительной и благородной физиономии.

Он в церкви исправлял должность причетника, ставил свечи перед образами, снимал со свечей, гасил догоревшие и в конце обедни ходил с кошельком вместо церковного старосты.

Его величавая наружность меня поразила. Огромный рост, седая длинная волнистая борода, такие же белые густые вьющиеся волосы, темные густые брови. Лицо правильное, чистое, с легким румянцем на щеках, как у юноши, словом, он мог бы быть прекрасной моделью для Моисея боговидца или для гомеровского Нестора.

Пленившись симпатическою старческою прелестью этого почтенного мужа, я, выходя из церкви, спросил у хромого инвалида, кто такой этот почтенный старец, что снимал со свечей перед образами.

Инвалид отвечал мне довольно лаконически.— Это, батюшка, бывший варнак, а теперь здешний посельщик, добрейшей души человек.

После этого ответа я остановился около церкви и провожал глазами заинтересовавшего меня старика. И чем более смотрел я на него, тем менее находил я в нем сходства с варнаком.

Однако ж инвалид не мог сказать зря такого слова!

Я вспомнил, что прежде здесь добывалась соль арестантами и что многие из них, кончивши свой

тяжкий термин, были поселены тут же, смотря по нравственности.

Но неужели такая благородная наружность могла принадлежать преступнику?

И я решился узнать подробнее о прошлом этого замечательного наружностию старика.

В продолжение недели я узнал,— что он действительно здешний поселенец и что человек испытанной честности, и человек, хотя и не богатый, но и не бедный, живет в своем собственном домике, хотя и небольшом, но живет так, как дай бог и в хоромах бы жили, чисто, сытно и честно; имеет он у себя человек десять работников, хотя из киргиз, но дай бог, чтобы и русские так работали, как эти полудикари; и что на будущий год его непременно выберут церковным старостой за его добродетели, и т. д.

Я решился познакомиться с ним лично и при благоприятном случае узнать точнее его прошлую жизнь, и если найду в ней что-либо нравственное, назидательное или по крайней мере занимательное, то запишу всё это, предам тиснению, назидания или увеселения ради.

Случалось ли вам встречать старика такой почтенной, благородной наружности, что невольно снимешь шапку и поклонишься ему?

Со мной это часто случалось.

Однажды встретил я его, идущего от вечерни, и невольно ему поклонился. Он мне вежливо ответил поклоном и спросил:

— Вы, кажется, не здешний? Я вас не встречал здесь прежде?

— Вы не ошиблись: я, действительно, недавно приехал в вашу Защиту.

— А позвольте спросить, издалека ли?

Я сказал ему место моей родины.

Старик мне судорожно подал руку, которую я чуть-чуть не поцеловал.

— Вы земляк мой! — сказал он грустно.— Давно ли вы оставили нашу прекрасную родину?

— Не более года,— отвечал я. . . . .

— Какой вы счастливец! Вы так недавно видели наш богом благословенный край! А я вот уже лет тридцать с лишком не видал его! Что-то там теперь делается?

И у старика навернулись слезы.

— Ежели досуг вам,— сказал он,— то не побрезгуйте мною, посетите меня, пусть я хоть посмотрю на вас, на земляка моего! Будьте добры и ласковы, не откажите мне!

Я, разумеется, был рад такому предложению.

И через несколько минут мы подошли к небольшому беленькому домику, соломой крытому; наружность его мне напомнила Малороссию.

У ворот встретила нас пожилая женщина в малороссийском платье и приветствовала нас добрым вечером.

— Добрый вечер, Мотре! Прошу покорно в нашу хату,— сказал он, обращаясь ко мне.— Здесь, видите, неподалеку живут земляки наши курские и харьковские, так я и взял себе в работницы землячку,— оно всё как-то лучше.

Говоря это, он ввел меня в свою хату.

Внутренность хаты, как и наружность ее, напоминала Малороссию. Стены вымазаны белой, а пол желтой глиной и усыпан ароматными травами; вокруг стен чистые, широкие дубовые лавы, а перед образом всех скорбящих матери теплилась лампада и стоял налой, покрытый чистым, белым с широкою бахромою полотенцем. На налое лежала книга, с виду похожая на псалтырь, in quarto.

— Прошу, садитесь, дорогой мой гость!

Я сел и стал внимательнее рассматривать комнату или, лучше сказать, любоваться ею.

Везде во всем виден был порядок доброго хозяина и заботливость хозяйки, всё было чисто и привлекательно. Комната была разделена на две половины узкою, длинною печкой вместо перегородки, а печка украшена лепными арабесками домашнего художества (такие печи можно видеть на Волыни и Подолии). В углу перед образами стоял стол, покры-

тый бухарским ковром и сверху белой скатертью; на столе лежал ржаной хлеб, в половину покрытый тонким, белым полотенцем, вышитым разными цветными шелками, около хлеба стояла фаянсовая солонка с белой, как рафинад, солью, и тут же, на другом конце стола, лежала большая книга, вроде Четьи-Минеи, в красном сафьянном переплете, с золотыми вытиснутыми и почерневшими от времени украшениями. Это была библия (как я после узнал) — изящное киевское издание 1743 г. с высокопарным посвящением гетману Разумовскому (издание весьма редкое). Между окнами на стене висел в позолоченной рамке эстамп, выгравированный Миллером с картины Доменикино Цампиери, изображающий Иоанна Богослова. Около двери в углу стоял посох из степного дерева джигилу и тут же около посоха на гвозде висели кандалы.

Старик в продолжение этого времени хозяйничал вне хаты и возвратился в хату в то самое время, когда я смотрел на кандалы.

— Что, земляк, любуешься на мой трофей? Тяжкий трофей! Я завоевал его многолетним преступлением и принес его сюда на ногах своих из самого Житомира. Здесь носил я его двадцать лет и теперь еще казнюся им и буду казниться и исповедывать ему грехи свои до гробовой доски!

Всё это было сказано таким грустным, потрясающим душу голосом, что я не мог сказать слова утешительного бедному старику и сидел молча, пока он сам не заговорил.

— Прости мне, старому грешнику, земляк, я возмутил твою душу своим нечистым воспоминанием! Что делать? Против воли рвется на язык! Я держу у себя этот проклятый знак человеческого унижения для казни собственной души. Но оставим в покое прошлое, а поговорим лучше о чем-нибудь другом. Расскажи мне, друже мой, что-нибудь о нашей прекрасной Волыни и Подолии!

Но я совершенно не мог ни о чем говорить и вскоре простился с ним.

Он меня не удерживал, просил только навещать его, как время позволит.

Мне время позволяло, и я посещал его почти ежедневно. И часто мы с ним заговаривались до полуночи, и всякий раз я открывал в нем новые добродетели, новые достоинства. Он был образован, как любой аристократ того времени, с тою разницею, что любил читать, и в особенности итальянских поэтов — Боккаччио, Ариосто, Тасса. А „Божественную комедию“ он наизусть читал.

— Давно я уже ничего не читаю,— сказал он мне однажды,— окроме этой божественной книги! Да и к чему теперь читать? Было время, читал, восхищался дивными созданиями прекрасного искусства! Теперь довольно, я состарился, огрубел, я ничему уже не могу сочувствовать, как бывало когда-то! Да и к чему, правду сказать, послужило мне чтение? Мои чистые, молодые сочувствия? Что я из них сделал? Или, лучше сказать, что люди из них сделали? Грех! И бесконечное горе! Если б я не читал ничего, не увлекался ничем, не то бы из меня было: был бы я себе простым пахарем, добрым человеком... а теперь что я?

Мы с ним каждый вечер делались откровеннее и откровеннее.

Однажды я навел его на мысль, чтобы он мне поверил свое горе, чтобы рассказал мне про свои прежние, молодые лета!

Он долго как бы не хотел меня понять, ему неприятно, горько было вспоминать свое прошедшее, и однажды сказал он мне:

— Друже мой! Ты хочешь моей исповеди! Ты желаешь знать мою прошлую бесталанную жизнь? Тяжело будет слушать тебе, друже мой добрый, потому что прошлая жизнь моя исполнена греха и беззакония. А настоящая, как ты сам видишь,— немощь и одиночество вдали от моей милой Волыни! Я знаю, ты будешь слушать с участием мою сердечную исповедь и тебе будет горько ее вчуже слушать. Слушай же, мой благородный друже! Она

мне душу освежит, моя грустная нелицемерная повесть!

И он вздохнул, перекрестяся, и начал свою повесть с самых ранних лет своего детства.

На гранитных берегах прекрасной реки Случи, где она верстах в десяти выше Новограда-Волынского, извившися подобно змее, образовала правильное кольцо версты две в поперечнике, в центре этого кольца стоят окруженные дубровою остатки огромных каменных палат — прежде бывшее жилище одной знатной польской фамилии, а теперь жилище сов и нетопырей!

Это дело моих проклятых рук! Я поселил там змею и ночную птицу. О господи, прости мне сей грех невольный! Грех великий!

По косогору, спускаясь к самой реке, лежит укрытое фруктовыми садами большое село с почерневшею от времени деревянною треглавою церковью.

Эти церкви у нас поляки называют козацкими, вероятно потому, что большая часть этих церквей построена козаками во времена унии, на скорую руку, и представляют они собою тип простой, грубой, хлопской, как говорят поляки же, архитектуры.

Это село — моя родина! В этом прекрасном селе я родился на грех и на страдания!

Отца своего я не помню; а мать, как во сне вижу, когда в гроб ее положили и понесли на марах на кладбище.

И едва помню еще, когда священник над ее телом прочитал молитву, напечатанную на большом листе красными и черными буквами, и, прочитавши, накрыл ей лицо этою молитвою; потом заколотили гроб и опустили в яму. Священник заступом крестообразно запечатал яму и заставил меня бросить горсть земли на гроб моей матери. Я бросил и пошел за людьми в село.

Помню еще, в нашей хате было много людей,

и все обедали, только не шумно, а тихо и скромно: вдова, как видно, не оставила по себе обильных поминок.

Во время обеда я играл с детьми на дворе, а когда все разошлися после обеда, то меня и дети покинули, и я остался один с моею заузданной палочкой-лошадкой. Вошел я в хату. В хате соседка наша, тоже горемычная вдова, убирала посуду, дала мне кусок пирога. Я съел его и заснул на материной постели. Старушка, прибравши всё в хате, заперла ее на засов и ушла к себе домой. Я проспал в пустой хате всю ночь и, проснувшись поутру, чего-то испугался и заплакал.

Плакал я недолго, вскоре пришла соседка-старушка и принесла мне полную миску угорок-слив и утешила меня.

Старушка посыпала курам пшена и, накормивши серого кота и рябую собаку, взяла меня и повела к себе домой.

У вдовы была дочь, старше меня несколькими годами; она меня приласкала, накормила яблоками, грушами и тому подобными сластями.

Когда я уходил к себе домой, то она меня всегда провожала, и когда начинал плакать дома, не найдя в хате матери, то она утешала меня, говоря, что мать моя поехала на ярмарок и привезет мне гостинца — медяного москаля, чем я, разумеется, и утешался.

И так мало-по-малу стал я забывать свою великую потерю, при помощи вдовиной прекрасной дочери.

Я привязался к ней, как к сестре родной, и она, действительно, заменяла мне сестру родную.

После я думал матерью ее назвать, но богу не угодно было благословить мое предположение!

Часто посещал я свою бедную опустелую хату. Скажите, что может быть грустнее пустки?

Я до сих пор помню то страшно грустное впечатление, которое тогда меня одолевало!

В великом посту, на страстной неделе, священ-

ник, обходя с молитвою село, посетил и мою бедную благодетельницу и, увидя меня, взял к себе, обещаясь вывести меня в люди.

У священника был сын Ясь, моих лет, и, не знаю почему, он мне с первого взгляда не понравился.

Меня посадили за букварь, вместе с Ясем. Мне это было весьма не по нраву, однако я учился с успехом, а Ясь был туп. Яся хвалили, а меня называли ленивцем и тупицей. Мне эта несправедливость казалась обидною, и я стал бегать от попа к своим благодетельницам, откуда меня приводили обратно к попу, а поп меня жестоко наказывал за побеги.

Однажды убежал я от попа к своим друзьям и, боясь войти к ним в хату, просидел целый день в бурьяне под т ы н о м, выжидая, не выйдет ли сестра из хаты: я звал сестрою дочь вдовы. Наконец, она вышла, я показался ей и попросил хлеба. Она мне вынесла большой ломоть хлеба и кусок свиного сала. Я сквозь слезы поцеловал ее и скрылся в густом сливнике.

Утоливши голод, я начал помышлять о ночлеге.

Итти к попу — будут бить, итти ко вдове — она отведет к попу и все-таки будут бить.

Итти в свою пустку ночевать — страшно. Размышляя таким образом, я очутился за ц а р и н о й (выгон).

А за цариной стояло в копнах сжатое жито; не рассуждая, я отправился к копнам и в первой копне приютился и заснул сном непорочности.

Ночью просыпаюсь я и слышу вдали вой волков.

До сих пор не могу я забыть того неприятного чувства. Это не страх за жизнь, а что-то смешанное со страхом и отвращением.

Вой волков начал стихать понемногу, и я, скорчившись от холоду и накрывшись снопом, снова заснул.

Поутру рано разбудил меня арапником л а н о в ы й.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он меня грозно.

— Сплю! — отвечал я ему.

— Я тебе дам сплю. Нашел место спать! Разве у тебя хаты нет?

— Есть, дядюшка, только пустка,— сказал я ему сквозь слезы,

— Ну, а отец и мать у тебя есть?

— Нету, дядюшка, я сирота.

— Ну, а коли сирота, так иди же за мною!

И он поворотил свою лошадь к дороге, ударил ее слегка арапником и поехал. А я пошел босиком по колючей с т е р н е, дрожа всем телом от холода и страха.

— Не поведет ли он меня,— так я думал себе,— боже сохрани, к попу! — И при этой мысли я хотел от него бежать в село и спрятаться где-нибудь в бурьян, но он поминутно оглядывался на меня и, направляя свою лошадь в противоположную сторону от села, привел меня на панский двор и отдал на руки управителю, рассказавши, где и как меня нашел.

Управитель был добрый старичок, пан Кошулька; велел мне сшить курточку и шаровары из домашней п и с т р и, и я сделался у него домашним казачком. Жил я у пана Кошульки осень и зиму. Немногим лучше мне было у него, чем у попа,— разница только та, что не учили грамоте, а бил и щипал меня кто хотел.

Весною однажды увидела меня на дворе старая графиня (управитель жил с нею на одном дворе, только в особом флигеле), подозвала меня к себе и, спросив, как зовут, ушла в свои покои.

На другой день после этого случая сняли с меня мерку и начали шить новое платье и уже не пистрёвое, а суконное, и сукна тонкого дорогого, сапоги и шапку, а прежде я так ходил.

Когда всё было готово, дали мне чистую рубашку, чего прежде также не бывало.

И когда меня умыли, причесали, одели в новое суконное платье, тогда сам пан Кошулька надел новый синий фрак с медными пуговицами и повел меня в графинины покои.

Дежурный гайдук доложил о нас графине. Графиня велела звать нас в приемную. В приемной мы

долго ее ждали, и пан Кошулька не смел сесть на стул. Я удивлялся: в комнате так много стульев, а он не хочет сесть ни на одном.

Наконец графиня вышла, приветствовала пана Кошульку легким наклонением головы и велела позвать панну Магдалену.

Через минуту из боковых дверей явилася панна Магдалена.

Очаровательное, незабвенное видение!

Я как теперь ее вижу: молодая, стройная, прекрасная! Ее задумчивые голубые выразительные глаза были устремлены прямо на меня, по мне пробежал какой-то невыразимо приятный трепет.

Панна Магдалена была дочь одного промотавшегося пана и, благодаря хорошему воспитанию, она была принята графинею к себе в дом в виде компаньонки для себя и гувернантки для малолетнего своего сына.

— Вот, друг мой, Магдалена,— сказала графиня,— рекомендую тебе компаньона и лакея моему бедному Болеславу. Возьмите его к себе,— пусть они вместе играют в свободное время.

Графиня вышла, а панна Магдалена взяла меня за руку и повела к себе в покои.

В покоях панны Магдалены встретил меня мальчик моих лет, худой и зеленый; это был граф Болеслав, единственный сын графини. Он довольно нагло спросил меня:

— Как тебя зовут?

Я тихо отвечал ему: — Кириллом.

— Фи, какое хлопское имя! Ну, да это ничего. Я тебя буду звать Яном. А что, Ян, ты в лошадки умеешь играть?

— Нет, не умею,— отвечал я.

— Ну, так я тебя выучу!

И сейчас же принялся меня учить играть в лошадки. Хотя я эту науку понимал не хуже его, но мне почему-то не хотелося быть с ним откровенным.

На другой день поутру, когда граф Болеслав еще спал, панна Магдалена накормила меня булкою

с горячим молоком и с участием сестры спросила меня, кто был у меня отец и кто мать, и где они теперь?

Я рассказал ей всё с такими подробностями, что она поцеловала меня и заплакала.

С той поры она каждый божий день поила меня по утрам горячим молоком и кормила сладкими булочками.

— Ну, Ясю! (меня все в доме называли Ясем). Ну, Ясю! — однажды поутру сказала она мне, — хочешь ли ты учиться грамоте?

— Я уже учился у попа грамоте, — отвечал я, — и если вы будете меня учить, то я опять буду учиться, а если не вы, то я не хочу, чтобы меня учили грамоте.

Она улыбнулася и сказала:

— Я сама буду тебя учить, — и подала мне французскую азбучку.

— Посмотри, ты знаешь эти буквы?

— Нет! Мне показывали у попа другую азбучку.

— Ну, так я тебя буду учить по этой азбучке, по этой легче!

И тут же принялась мне показывать новые для меня буквы.

К удивлению ее и радости, я в один день выучил все буквы французского алфавита.

Когда я начал довольно бегло читать по-французски, она стала учить меня по-итальянски, — это был тогда модный и любимый ее язык.

Я и тут показал довольно быстрые успехи, так что в непродолжительном времени сравнялся в познаниях с графом Болеславом, к невыразимой радости панны Магдалены.

Мир душе твоей, прекрасное, доброе создание! Никогда я не забуду твоих ласковых, приветливых речей! твоего сердечного участия в судьбе моей печальной!

Она полюбила меня так, как только может любить мать свое единственное дитя. Всеми возможными ласками поощряла она мои успехи.

Бедная, она не предвидела следствий моему неуместному образованию!

Время шло своим чередом. Я подрастал, учился с прилежанием и успехом.

С графом Болеславом мы не могли подружиться совершенно, в нем было что-то отталкивающее, какая-то преждевременная, наглая, недетская спесь. Он иногда показывал мне приязнь за то, что, бывало, когда он нашалит не в меру, то я всю вину брал на себя, что мне, разумеется, не проходило даром.

Вследствие его шалостей прослыл я почти разбойником; великодушие мое было известно только одной панне Магдалене и всегда вознаграждалось необыкновенными ее ласками.

Графиня была женщина светская, избалованная прежними успехами на поприще светской жизни, любила у себя банкеты, где, разумеется, первенствовала между провинциалками, читала итальянские и французские новеллы и больше ничего не делала. Сын вырастал хотя и под одной крышей с нею, но она его видела раз или два в день, и то мимоходом.

Однажды заметила она, что Болеслав уже мальчик порядочный ростом и что нужно для него выписать учителей, потому что она намерена приготовить его для университета.

Пригласили учителей, начались уроки. Я в виде слуги присутствовал при этих уроках и заучивал всё то, что было читано и толковано графу.

Я почти всегда приготовлял графа к экзамену, потому что он ничего не мог или не хотел помнить из уроков учителей.

Панна Магдалена попрежнему меня ласкала и лелеяла и разговаривала со мною не иначе, как на итальянском языке. И по вечерам, проэкзаменовав меня из того предмета, который я слушал в учебной графа, она давала мне уроки на фортепиано.

Сама она — настоящая артистка на этом инструменте. Часто, бывало, после моего урока она про-

сиживала до полуночи за фортепиано, варьируя чудные создания Бетховена (это был ее любимый композитор, только что явившийся в музыкальном мире). Я, бывало, сижу в уголку, не пошевельнуся, сижу и слушаю, слушаю и заплачу, сам не знаю отчего. Музыку я полюбил страстно, и этой любовью я обязан панне Магдалене. Через год с небольшим мы с нею играли в две руки некоторые сонаты Моцарта и Бетховена.

Однажды графиня застала нас за фортепиано и была очень недовольна, заметя весьма справедливо панне Магдалене, что я рожден не для музыки, а для рала и плуга.

Панна Магдалена почувствовала всю важность этого замечания, обняла меня и горько зарыдала. За нею заплакал и я, не вполне разумея благоразумное замечание графини.

Граф быстро вырастал и учился весьма медленно и тупо; нельзя сказать, чтобы он был вовсе без способностей, нет, в нем были кое-какие способности, но и те были заглушены небрежением матери.

Графиня постоянно восхищалась успехами своего милого Болеслава, а успехи Болеслава ограничивались гармоническим лепетаньем на итальянском языке; она была в восторге и больше ничего не требовала от своего милого Болеслава, хотя и готовила его для университета.

Учителя получали исправно содержание и жалование и делали свое дело, как наемники или как большая часть учителей: читали ему ежедневно свои уроки или на досуге рассказывали ему про псовую охоту и т. п. анекдоты.

Одна панна Магдалена с чувством матери заботилась о его моральном образовании; но неуместные восторги графини мешали ей, и Болеслав уже очень хорошо понимал (тоже, может быть, учителя поселили в нем это понятие), что он граф и граф богатый, что ему не нужно никаких познаний и добродетелей, и часто грубыми своими выходками приводил бедную панну Магдалену в слезы.

Мне было больно смотреть на эту благородную, прекрасную женщину. Я в душе возненавидел Болеслава, и если б не она, то я давно бы ему свернул голову.

Но она, бедная, жестоко оскорбленная, бывало, приголубит меня и повторяет мне святые слова: „Любите и ненавидящих вас“.

Я забыл вам сказать, друже мой добрый, что графиня была ни вдова, ни мужнина жена, как говорится.

Муж ее бросил и жил постоянно в Италии, быстро проматывая свое прекрасное подольское имение.

А графиня с сыном жила, как вам уже известно, на Волыни и занималась (как она сама говорила) эдукацией единственного сына.

Теперь скажите мне, какой добрый нравственный пример мог видеть мальчик в семейной жизни своих родителей? Прежде он часто, бывало, спрашивал у своей нежной матери: скоро ли приедет папаша? На что мать ему отвечала, что его папаша негодяй и что если он и приедет когда-нибудь, то она его в дом не пустит. Хорошо было слушать сыну от матери подобные слова! Впрочем, в быту богатых людей подобная семейная распря не редкость, следовательно, и на молодого графа это не делало большого впечатления.

Домашнее воспитание графа кончилось; надобно было выбрать приличное его породе учебное заведение, в которое можно бы было послать его для окончательного образования. По этому случаю дан был большой банкет; а после банкета на другой день приглашены были гости на домашний сейм, на котором было рассуждаемо, куда именно послать графа для окончательного образования. Перебрали все лицеи, все университеты, начиная с геттингенского, и, наконец, общим голосом решили послать графа в Вильно и приготовить из него политико-эконома.

После этого важного события, спустя месяц, дала графиня еще большой банкет, на котором молодой граф отличился в мазурке. Через несколько дней после банкета уехал он в огромном дорожном берлине в Вильно.

Я почувствовал себя свободнее: он стоял перегородкой между мною и панной Магдаленой; мне нельзя было при нем сказать ей простого слова, чтобы не подвергнуть ее, бедную, насмешкам злого мальчика.

Наконец он уехал и мы осталися одни, и действительно одни. Во всем доме не было никого, с кем бы можно было так дружески и так откровенно поговорить, как мы с нею разговаривали.

Старая графиня едва замечала ее присутствие в своем доме. Ее это грубое невнимание тревожило, она несколько раз собиралась оставить графиню, но где она, бедная, могла приклонить свою одинокую голову? Она готова была выйти замуж за самого грубого посессора, чтоб только избавиться графини. Но грубые посессоры на бедных девушках не женятся, а она, бедная, совершенно ничего не имела, кроме чистого, благородного сердца!

Открывая свои задушевные мысли, она мне говорила, что останется в этом доме только до тех пор, пока я не выросту и не буду в силах располагать собою; тогда она отправится в Варшаву или в Вильно и примет чин смиренной кармелитки.

Мир твоей доброй, твоей праведной душе!

Грустно мне было выслушивать ее задушевную исповедь, ее непорочные предположения. Бывало, просидим за полночь, наговоримся, наплачемся и расстанемся до другого вечера почти счастливыми. Часто свои грустные проекты она кончала симфонией Себастиана Баха на домашнем органе. Это была святая Цецилия! И я, затая дыхание, слушал ее и молился на нее. Это были самые чистые, самые счастливые минуты моей печальной жизни.

Меня засадили в экономическую контору писать.

И тут-то я почувствовал свою горькую зависимость.

Тут я впервые услышал слово „крепостной“.

Горькое! проклятое слово! И день тот проклят, в который я его услышал в первый раз!

Но делать было нечего! нужно было покориться судьбе! Тяжкое для меня настало время!

Одна только незабвенная панна Магдалена могла укрощать и успокаивать меня. Я ей одной обязан, что не наложил на себя грешные руки! А может быть, было бы и лучше? Нет! Как ни печальна, как ни тяжела наша жизнь, но мы не вправе ее прекратить. Пускай тот ее от нас отнимет, кто даровал нам ее.

Я продолжал писать в конторе, а по вечерам посещал панну Магдалену.

О чем мы с ней ни говорили! О чем мы с ней ни мечтали! И все-то наши мечты и предположения разошлися, как дым по светлому небу! Она мне сообщала книги порядочного содержания, какие только могла открыть в домашней библиотеке графини, потому что вся почти библиотека была составлена из романов.

В конторе писаря смеялись надо мною, называя меня *панычом*, белоручкой, немцем, потому что я читал не русские и не польские книги.

Однажды во время *жнив*, или, по-здешнему, страды, послали меня с лановым на лан переписать жниц и копны нажатой пшеницы.

Проходя мимо жниц, я увидел женщину, как будто мне знакомую, и около нее между снопами, прикрытая зеленым *холодком* (спелая спаржа), спала девочка лет десяти, украшенная полевыми цветами; около нее в тени *тыква* (кувшин) с водою и торба с хлебом.

Я долго любовался прекрасным личиком спящего дитяти.

Налюбовавшись этою скромною прекрасною картиною, я спросил у почти знакомой мне женщины, как ее имя, чтобы записать в реестр жниц. Она ска-

зала мне свое имя. Имя и голос мне показалися чрезвычайно знакомыми.

Я спросил ее, не дочь ли она, Домаха, такой - то вдовы?

Она отвечала, что она самая.

— А это твое дитя?

Она отвечала: — Мое!

Я расспросил ее о ее домашнем житье - бытье. Напомнил ей тот вечер, когда она мне, голодному беглецу, вынесла кусок хлеба.

Она вспомнила, узнала меня и обрадовалась, как родному брату, и просила меня навестить ее в старой материной хате.

В следующее же воскресенье после обедни посетил я ее в знакомой мне хате и из грустного ее рассказа узнал я вот что. Старушка - вдова, моя благодетельница, давно уже умерла, а после смерти матери она вышла замуж; муж вскоре бежал на Бессарабию, бросил ее одну с маленькою дытыною. Рассказала она мне всё это так просто, так трогательно, как только рассказывается самая печальная истина.

Просила она меня остаться у нее обедать, чем бог послал. Я остался; и она, бедная, почти плакала, что не было у нее и пятака на чвертку горилки. Бедная!

Во всей хате ее была видна скудость и нищета. Но при всем том всё было чисто и опрятно. Старая хата была тщательно вымазана, хотя и желтой глиной, — белую глину нужно купить или на хлеб выменять, а за желтой стоит только сходить на берег Случи.

Вся бедная домашняя утварь была в чистоте и порядке. Рубахи, как на ней самой, так и на дочери, были чистые, белые. Всё у нее было в таком порядке, что и самая нищета показалась мне не так отвратительною, как я себе ее воображал.

Простившись с нею, я пошел домой, обещаясь навещать ее каждое воскресенье.

По дороге зашел я в свою старую пустку. Пе-

чальный вид! Окна выбиты, двери выломаны, дорожки поросли бурьяном, а в провалившейся печи сова гнездо себе свила. Посмотрел я на это запустение, и мне стало грустно. Я страшно почувствовал свое одиночество.

Мне пришло в голову возобновить свою пустку и поселиться в ней. Но что я буду делать в ней один? Жениться? На ком же я женюсь? На крестьянке? Как же я с нею буду жить?

И подумавши, решился я возобновить свою пустку и поселить в ней мою ново-старую знакомку с дочерью. Девочке в это время было лет десять, не более, мне было семнадцать лет. Воспитаю ее по-своему и женюся на ней. Подумал, подумал и пошел я в свою контору. Дорогой разыгралось мое молодое воображение: я представлял себе всё счастие, всю прелесть своей будущей семейной жизни.

Ввечеру сообщил я свой план панне Магдалене; она была в восторге, плакала, целовала мои руки, называла меня своим сыном, своим родным братом, говорила, что я делаю доброе христианское дело, укрывая от нищеты и горя вдову и сироту, в заключение обещалась помогать мне всем — и советами, и деньгами, и научить мою будущую жену и грамоте, и музыке, и хозяйству.

На другой день я принялся за дело: выпросил себе свободы на несколько дней, нанял мастеров, и началось возобновление моего детского жилища. К хате вместо коморы прибавил я светлицу; сад огородил новым частоколом, около хаты оставил место для цветника, не забыл также сарая для коровы и прочих домашних животных, словом, устроил всё, что необходимо для крестьянского быта.

И когда всё это было готово, пошел я просить свою соседку на новоселье.

Заплакала она, бедная, когда сказал я ей, что всё это устроено для нее и ее маленькой Марыси.

В воскресенье после обеда пошли мы навестить их с панною Магдаленою, и как же она, бедная, была рада, что ею и панна не погнушалась.

Так как хата моя была недалеко от панского двора, то мы с панною Магдаленою каждый день посещали нашу воспитанницу. Панна Магдалена учила ее читать по-польски, а я по-русски. Мне не хотелося ее больше ничему учить, я всё как-то не верил в свое и ее счастье.

Быстро мчалися мои молодые годы! быстро вырастала Марыся, и выросла, и стала красавицей, настоящей волынянкой-красавицей. Боже мой! Я, бывало, смотрю на нее и не насмотрюся! А бывало, когда в саду вечером запоет под гитару нашу заунывно-мелодическую песню, в это время я плакал и молился богу! И какая же умная-разумная была! Панна Магдалена, бывало, не налюбуется ею, не надивуется ее понятливости. Я был счастлив, она меня любила и, следовательно, была тоже счастлива. Насущные дела мои тоже двигались вперед. Я из простого писаря сделался конторщиком, а по смерти пана Кошульки и управляющим имениями графини.

Было предположено, чтобы после праздника рождества христова обвенчаться нам с Марысею. Панна Магдалена была прошена посаженой матерью с моей стороны, а посаженым отцом почтенный сосед наш т ы т а р ь (церковный староста). Все было готово, но не сбылось!

Кончивши курс в университете, бог его знает, по какому факультету, граф не заехал даже повидаться со старухою матерью, отправился за границу (для усовершенствования себя в некоторых науках,— так он писал по крайней мере матери). Разумеется, старая графиня была в восторге от такого похвального рвения к наукам.

Нежная мать посылала ему исправно деньги и в каждом письме просила его, чтобы он скорее усовершенствовался в науках и ехал бы домой, потому что она уже старуха, близкая ко гробу, то хоть бы посмотреть на него перед смертию.

Но добрый сын не внимал мольбам старой матери. Она, бедная, постоянно плакала,— она его, наконец,

полюбила и не знала, как заманить его к себе. А я, видя ее постоянно унылою и действительно близкою ко гробу, на погибель свою посоветовал ей не посылать ему денег, то он поневоле приедет. Старуха так и сделала. Через несколько месяцев нежный сынок возвратился к старой умирающей матери.

Возвратился он из-за границы с французом-камердинером и двумя бульдогами и милой мама́ своей привез бронзовый браслет и анекдот о том, как он убил на дуэли,— не знавши впрочем,— родного отца своего, за что старуха мать наделила его самыми судорожными поцелуями.

Это было в сентябре месяце; мне нужно было в подольское имение графини, чтобы отправить пшеницу в Одессу и самому за нею вслед отправиться, чтобы продать ее. И я поехал.

Я поехал из Балты в Одессу на почтовых. Это было во время полнолуния. Я проехал две станции от Балты, и меня застала ночь в степи,— ночь лунная, светлая, тихая, очаровательная ночь! В степи ничто не шелохнется, ни малейшего звука, ни малейшего движения, только когда проедешь мимо могилы, то на могиле будто т ы р с а пошевелится и тебе сделается чего-то страшно.

О могилы! могилы! высокие могилы! Сколько возвышенных, прекрасных идей переливалось в моей молодой душе, глядя на вас, темные, немые памятники минувшей народной славы и бесславия! А еще, бывало, когда ночью далеко, далеко в степи чабан заиграет на с о п и л к е (свирели) свою однотонную грустную мелодию!

О горе мое, что мне нельзя переселиться в тот чудный край и послушать на старости родную, унылую песню!

Бывало, я часто остановлю ямщика на дороге и слушаю чабана, слушаю, слушаю и не наслушаюся. Ямщик, бедный, продрогнет от ночной росы и бездействия, а я сижу себе на телеге и слушаю, долго слушаю, слушаю, пока не заплачу.

— Пошел, гонец! пошел живее! Карбованец на пиво! — И гонец встряхнет вожжами, махнет арапником, и кони полетели, колокольчик завизжал, заплакал, и вот опять в степи землянка,— это почтовая станция.

Мне будто легче, но ночевать не хочется, я требую лошадей и еду. На другом переезде то же, что и на первом,— та же широкая степь и те же темные могилы, тот же чабан и та же заунывная песня, и та же прекрасная полная луна!

Приехал я в Одессу. Дождался чумаков своих, продал пшеницу и с мешком дукатов возвратился домой.

Горе меня, горе горькое дома ожидало!

Теперь, друже мой, теперь, на старости, после тяжких испытаний я не могу вспоминать об этом равнодушно.

Отдавая графине отчет в своей поездке в Одессу и полученные мною за пшеницу деньги, я увидел мелькнувшую в другой комнате Марысю в голубом немецком платье (она обыкновенно носила наше национальное платье). Меня это в сердце кольнуло.

От графини я побежал домой. Меня встретила в слезах мать Марыси.

— Что случилося? — спрашиваю я.

— Боже ж мой, боже милостивый!

— Что случилося?

— Доле моя! Моя проклятая доле!

Я долго стоял, не понимая ее. А она все плакала, проклинала свою долю и целовала мои ноги. Когда она пришла в себя, я спросил ее: — Что случилося? Она сквозь слезы едва проговорила:

— Графиня Марысю твою взяла в покоивки (в горничные).

— Что ж, тут еще большо́го горя нет, я выпрошу ее у графини назад додому.

— Большое, большое горе! — простонала она.— Молодой... молодой граф! Будь он проклят со всем его родом и племенем!

— Что же такое? Что граф?

— Не спрашивай, не говори со мною! Иди к нему: пускай он сам тебе всё расскажет.

И она снова стала плакать и рвать на себе волосы, со стоном произнося имя Марыси.

Я, наконец, понял, что бедная моя Марыся сделалася жертвою гнусного, развращенного сластолюбца.

Боже мой великий! Зачем ты меня не поразил тогда своим святым громом! Сколько бы греха тогда пронеслося мимо моей грешной души! — Его судьбы неисповедимы. Он иначе судил меня!

Я, не помня себя, побежал во двор. Вошел в кабинет графа и увидел у ног его плачущую свою Марысю. Я бросился на него, и только два огромные гайдука спасли его от смерти.

Меня связали, вынесли в погреб и приставили сторожей.

Не помню, долго ли я находился связанным. Но когда пришел в себя, то я почувствовал, что лежу на соломе в сыром и темном погребе; нащупал я около себя ведро воды и кусок хлеба. Но мне пить и есть не хотелося. Я чувствовал во всем теле слабость, прошедшее казалося мне каким-то страшным сном.

Через несколько дней силы мои восстановились. Добрая панна Магдалена присылала мне тайком чаю и белого хлеба, но сама не решалась навестить меня.

Я пробовал несколько раз сломать дверь и уйти, но мне сторожа снаружи грозили веревкою; веревки я не боялся, да дверь-то была железная и силой нельзя было взять.

Сидел я в погребе до тех пор, пока граф, укравши у матери деньги, опять уехал за границу.

Меня из погреба выпустили ночью, и я, как дикий зверь, бросился за ворота. Это было зимою, и я без шапки побежал куда глаза глядят.

Вскоре я увидел в поле огонек и пошел на него. То была корчма. Я почувствовал холод и побежал к корчме.

Вошел в корчму и вижу — за столом сидят два

широкоплечих мужика, и перед ними на столе стоит медная кварта с водкой. Я поздоровался, они мне молча кивнули головами. Я сел за стол и спросил себе кварту водки. Корчмарь узнал меня и, подавая мне водку, с каким-то страхом показал мне глазами на моих соседей.

Я выпил стакан водки, потом другой, предложил моим соседям, они не отказались. Завел я с ними разговор, и они на вопрос мой, что они за люди, сказали мне, что были в Одессе на заработках и теперь возвращаются домой.

Я почувствовал сладость хмеля и спросил себе еще кварту водки, они спросили две кварты.

Вскоре стали они надо мной подшучивать, что я не выпил еще и двух кварт водки, а уже пьян. Я сначала отшучивался, а потом пустился в откровенности и рассказал им свою историю с самого детства, а в заключение заплакал. Один из них сказал мне, смеяся:

— Э! Э! земляче! Бый лыхом об землю, як швець мокрою халявою об лаву. Слезами, земляче, ничего не возьмешь. Мы тоже, как видишь, были люди бедные, обиженные, загнанные, ограбленные! А теперь, слава милосердому богу, пануем! Да еще как пануем! Только глянь да посмотри! Ударь горем о землю! Пойдем с нами, с нами — вольными козаками, право слово, не будешь каяться! Мы живем вольно, весело! Палаты наши — зеленая дуброва! майданы наши — степь широкая, привольная! Мы днем спим в своих зеленых палатах, а ночью гуляем и топчем ногами аксамит и золото! Что ж, товарищ, так? По рукам, что ли?

— Постой, дайте подумаю, — сказал я.

— А по-моему, земляче, и стоять и думать нечего; пускай паны думают, как им подальше дукаты прятать, накраденные у бедных мужиков! Не думай, а выпей-ка лучше вот этой думы.

И он налил мне стакан водки; я выпил и протянул им руку.

— Вот это так! Вот это по-нашему! А то ду-

мать! А что выдумаешь? Ей-богу, ничего, чарки горилки не выдумаешь, право!

— Гей, свыняче ухо! — закричал другой.— Давай вина! Давай меду! Давай пива! Горилки не хочу! Да слушай, свыне, чтоб было порося жареное! Я индыка и петуха терпеть не могу. Слышишь! Живо!

Бедный еврей задрожал и пошел с фонарем и поставцем в погреб.

Мы просидели за полночь. Они мне заплатили откровенностью за откровенность; из рассказов их я узнал, что один из них был бежавший на Бессарабию отец моей Марыси, а другой тоже был беглый крепостной крестьянин, и промышляют они с товариством честным лыцарским промыслом, т. е. разбоем.

Перед рассветом они пошли в стодолу спать. Я хотя был сильно пьян, но заснуть не мог. Мне не давал сомкнуть глаза ненавистный граф. Я тихонько встал, вышел из стодолы и пошел в село. Подошел к своей хате, обошел ее кругом. Горько мне было. Посмотрел я, посмотрел на хату; машинально вырубил огня и сунул трут в соломенную крышу. Через минуту она вспыхнула; я остановился на улице, посмотрел, как горит мое добро, и пошел обратно в корчму, к своим новым товарищам.

Начало светать, когда я подошел к корчме. Разбудил товарищей. Они были совершенно трезвы, я был тоже почти трезв. Они выпили еще кварту водки, но я пить не мог. Взяли приготовленный мешок с жареными курами и гусями и пошли молча через поле в дуброву.

И я пошел за ними. Долго я оглядывался на свое родное село, его уже не видно было, только слышен был какой-то гул и видно было зарево от моей бедной хаты.

Мы пришли на хутор, нашли там одну старуху, топившую печь. Товарищи мои спросили у нее:

— Что, не было Марка?

Старуха отвечала:

— Не было.

— Ну, вари обедать, а ты, приятелю, ложись да отдохни.

Я лег и заснул. Мне снился разбойничий притон. С испугу я проснулся и увидел, что я действительно нахожусь в разбойничьем притоне.

Прошел один только месяц, и я сделался настоящим разбойником. Правда, я никого не убивал, зато немилосердно грабил богатых евреев и шляхту и всякого, кто проезжал в богатом экипаже. И, начитавшись романов о великодушных рыцарях-разбойниках, мне вздумалося подражать им, т. е. брать у богатых и отдавать бедным. Я так и делал.

Прошел еще месяц, и меня единогласно провозгласили атаманом. Шайка моя быстро увеличивалась, так что по прошествии четырех месяцев у меня уже было более сотни удалых голов; с такой силой я брал уже смелость нападать открыто на господские дома, и не без успеха, потому что крестьяне изменяли своим тиранам.

Рыцарскими подвигами своими я снискал благорасположение крестьян на Подолии и на Волыни. Слава о моем бескорыстии быстро распространялась между крестьянами, а шайка моя еще быстрее вырастала, так что через полгода у меня считалося около трехсот товарищей. Я своей армии никогда не держал в одном месте потому, что прокормить ее было трудно и потому, чтобы полицию сбить с толку на счет моего местопребывания. Полиции я, правда, не очень трусил, потому что крестьяне меня любили и в случае опасности укрывали.

Я иногда скоплял свою армию в одно место, не для того, чтобы сделать нападение на неприятеля, а для того, чтобы попировать неделю-другую вместе. Для этого у меня в разных лесах были погреба или забытые древние пещеры, которые были известны только моим эсаулам и весьма немногим испытанным товарищам.

В погребах хранилося вино, съестные и прочие припасы: оружие, свинец, порох и деньги.

Такой погреб был у меня один близ Звенигородки, в так называемом Братерском лесу. Этот погреб был вырыт, как говорит народное предание, гайдамаками в 1768 году. Другой такой же погреб — между Заславлем и Острогом, тоже, кажется, гайдамацкой работы. А третий, самый большой — около Киева, за оградою Китаевской пустыни, в лесу же. Это были огромные пещеры, вырытые, как кажется, во время Андрея Боголюбского. На горе, в которой вырыты пещеры, заметны и до сих пор следы земляных укреплений, может быть, ограды его загородного терема.

В этих-то пещерах пировал я по несколько дней со всем своим товариством в виду Китаевской обители, а святые отцы и не подозревали этого.

Освещал я их белыми восковыми свечами, тут же в Китаевской обители приготовляемыми для Киево-печерской лавры. Устилал я эти мрачные пещеры дорогими коврами, шалями и аксамитом. Шумно, весело было!

Иногда переселишься мыслию в тот край, вспомнишь бывалое и как будто помолодеешь! Господи, прости мое согрешение!

И рассказчик набожно перекрестился.

Попировавши несколько дней, я распускал свою команду в разные стороны, назначая каждому отряду или прежнего утверждая эсаула, с наказом, чтоб все эсаулы назывались моим именем и прозвищем. Сам же я переряжался мужиком или паном и отправлялся в Киев или другой какой город.

Словом, я вел себя, как знаменитый Ринальдо Ринальдини.

Случалось часто мне бывать на берегах Случи, близ моего родного села. Но я в село зайти боялся. Я не боялся измены со стороны крестьян; они были все мною наделены, кто деньгами, а кто натурою, как-то: волами, лошадьми и прочим. Я не боялся их, но мне страшно было встретить Марысю или панну Магдалену.

Бывало, целые ночи просиживал я на берегу моей

милой Случи, смотря на угасавшие огоньки в смиренных хатах мирных, покорных своей судьбе моих собратий. Бывало, плакал я и каялся, но я слишком далеко зашел, чтобы можно было назад воротиться без помощи искреннего друга. Я несколько раз покушался навестить панну Магдалену,— и всякий раз раздумывал. Мне стыдно, мне страшно было ее видеть! Так боится дьявол встретить чистого ангела! В это время я был самый жалкий, самый несчастный человек.

Походивши около села, полюбовавшись на светлые воды Случи, я удалялся в лес, как волк, боясь встречи человека. В лесу находил я одну из своих шаек, увешивал широкие ветви столетнего дуба дорогим ковром и бархатом и принимался пить со своими преступными товарищами.

Я думал окунуть свою грязную совесть в дорогом вине, но не тут-то было! Она выплывала из вина и бешеной кошкой впивалась мне в сердце.

В эти страшные минуты являлись мне, как будто наяву, панна Магдалена и моя прекрасная бракокраденная невеста. Они являлись мне, как два ангела, и говорили со мной так тихо, сладко, так приятно, что я приходил в себя совершенно счастливым человеком.

Однажды я решился написать письмо, и в письме своем просил я у них свидания наедине. Местом свидания я назначил пустую хатку в саду у нашего тытаря, предполагаемого моего посаженого отца. Я решился оставить свое проклятое ремесло и готов был сделаться хоть каторжником, только бы очистить свою грязную совесть.

Я тщательно скрывал свое намерение от товарищей, да и к чему бы повела откровенность? К грубым насмешкам, и больше ничего!

С трепетом дожидал я дня, назначенного мною для свидания с панною Магдаленою.

В это время шлялся я со своим малым отрядом около Луцка.

Однажды из лесу заметили мы: большой дорожный берлин катился в пыли по столбовой дороге.

Я скомандовал своим удальцам: из яру на долину, т. е. выйти на дорогу и остановить берлин. Сказано — сделано. Берлин остановили. Он мне издали показался знакомым, и пока я подбежал к нему, чтобы увериться, не ошибаюсь ли я, чемоданы от берлина были уже отрезаны и сам хозяин был до нага раздет и дрожал, связанный, за свою жизнь.

И кого же я узнал в этом нагом человеке?

Своего злейшего врага, развратного сластолюбца — графа Болеслава!

Признаюсь, мне было смешно и больно смотреть на него. Он меня тоже узнал и затрепетал всем телом.

Я отвернулся от него и приказал привязать чемоданы, развязать и одеть графа и его камердинера-француза. И дал еще червонец ямщику на водку и отпустил их с богом, не тронувши ни волоска. Граф со страха не мог проговорить слова, а француз, усевшись на козлах, вежливо приподнял шляпу и сказал:— Merci, monsieur.

После этого происшествия мне казалося, что я смело могу итти на свидание с панною Магдаленою. Я мечтал уже о ее тихих сладких речах, о ее прекрасном, милосердном взгляде. Я воображал себя покаявшимся, безмолвным, покорным тружеником где-нибудь в глухом монастыре или в далекой ссылке, с очищенною совестию. Я был счастлив!

Но бог судил продлить мои преступления.

В дороге я сильно заболел, меня привезли товарищи на хутор в лесу, близ Дубно, к старухе знахарке, и там оставили. Старуха меня кормила и лечила, как знала.

Старшинство свое я передал товарищу, Прохору Кичатому, человеку физически сильному и не разбойничьего сердца.

С октября месяца я пролежал до апреля, почти не двигаясь. В конце апреля я мог встать на ноги и перейти в другой угол хаты.

На фоминой неделе я уже сидел под хатою и мог

любоваться тихими меланхолическими прелестями оживающей природы.

Это был хутор самый уединенный, так что, кажется, кроме моей лекарки и ее старого мужа никто и не подозревал существования их хутора.

Я начал выходить почти каждый день, с позволения моей лекарки, посидеть несколько часов под хатою.

Сижу, бывало, себе и любуюсь на прозрачный небольшой ставок, увенчанный зеленым очеретом и греблею, усаженною в два ряда старыми вербами, пустившими свои ветви в прозрачную воду. А ниже гребли старая, как и ее хозяин, мельница об одном колесе с сладко шепчущими лотоками. На поверхности пруда плавают гуси и утки, каждая в двух экземплярах — одна вверх головою, а другая вниз; издали кажется, что и в воде утка, и на воде утка. На берегу около гребли маленький челнок, опрокинутый вверх дном, а под навесом старой мельницы развешена рыбачья сеть. А кругом хутора — дубовый лес непроходимый, только в одном месте вроде просеки, как будто нарочно для полноты пейзажа. И в эту просеку далеко на горизонте синеют, как огромные бастионы, отрасли Карпатских гор.

Я оживал, глядя на эту прекрасную волшебницу природу.

По временам навещал меня Прохор Кичатый, привозил всегда подарок моей лекарке, а мне разных лакомств, говорил мне, что товарищи без меня соскучились, что заработков никаких нету, что он чуть было не попался в руки полиции в Кременце и что меня товарищи ждут, как самого бога с неба.

Но у меня было другое на уме: я думал, как бы только собраться с силами и пуститься прямо в Почаев помолиться святой заступнице почаевской, потом пробраться на берега Случи, повидаться с паннною Магдаленою, а потом уже — куда бог пошлет, только не к товарищам.

В конце мая я мог уже с помощию посоха пуститься в дорогу.

Оделся я в старое крестьянское платье, взял ко-

томку на плечи, посох в руки и, по старой привычке, пистолет за пазуху, поблагодарил, чем мог, моих добрых хозяев, помолился и вышел из хаты. Старик вывел меня на кременецкую дорогу, и я, простившись еще раз со стариком, пошел по дороге к Кременцу, думая сначала зайти в Почаев, а потом уже итти на свидание с панною Магдаленою.

Возвращаясь из Почаева, я зашел в Кременец посмотреть на королеву Бону и на воздвигавшиеся в то время палаты или кляштор для кременецкого лицея.

Мир праху твоему, благородный Чацкий! Ты любил мир и просвещение! Ты любил человека, как нам Христос его любить заповедал!

Из Кременца пошел я через село Вербы в Дубно, а из Дубна на Острог, Корец и на Новгород-Волынский, на берега моей родной, моей прекрасной Случи.

Тут я отдохнул и на другой день к вечеру был уже в виду своего села.

Я думал было переночевать в дуброве и поутру уже дать знать панне Магдалене, что я здесь. Но как я дам знать? У меня не было ни бумаги, ни чернил, ни пера.

Подумавши, я решился итти в знакомую корчму, написать там записку и послать к панне Магдалене; притом же меня и голод сильно одолевал. Я пошел в корчму.

Корчмарь не показал виду, что узнал меня. Я спросил чвертку водки, кусок хлеба и тарань. Утоливши немного голод, я спросил лоскуток бумаги, перо и чернила, написал записку и послал корчмаря на панский двор.

В ожидании ответа я прилег было на лавке отдохнуть и уже начал дремать.

Вдруг двери отворились, и в корчму вбежал граф с толпой вооруженных мужиков.

— Держите! Вяжите его! — кричал он.

Я вскочил с лавки, вынул пистолет, ни в кого не целясь, спустил курок, и граф повалился на пол.

Прости мне, милосердый господи, сей грех невольный! Я не хотел его смерти. Он был у меня в руках, и я отпустил его.

Сам сатана направил мою руку, и я сделался невольным убийцею, прослывши разбойником во всем крае. Это была первая и последняя жертва моих рук. Но это не оправдание,—я все-таки был разбойником и посягателем на чужое добро.

Мужики, зная меня лично и зная мою разбойничью славу, которая была сопряжена со слухами, будто я колдун, не хотели вязать меня, но я бросил пистолет в голову предателю корчмарю и в сопровождении мужиков пошел на панский двор.

На дворе уже меня связали по приказанию графини и заперли в знакомый уже мне погреб. Но уже не дали мне ни хлеба, ни воды, и панна Магдалена не присылала мне ни чаю, ни белого хлеба, как это делала прежде. И она! — так я думал тогда,— и она, моя добрая! моя единая! и она оставила меня!

Я пролежал в погребе связанный трое суток; это я знаю потому, что три раза показывался дневной свет сверху, в душник. Мне не подавали ни хлеба, ни воды, да мне и не нужно было ни того, ни другого; меня кормило мое сердечное горе и поили слезы, а мучила и терзала совесть. Я почувствовал все свои преступления разом. Я был хищник, грабитель и, наконец, убийца. О, мое горе в ту бесконечную трехсуточную ночь было неизмеримо! Мне представлялися все мои преступления так живо, так страшно выразительно, что я закрывал глаза руками. Иногда, и то ненадолго, картина переменялась, и мне представлялося мое детство: пустка, ночь в поле, вой волков, лановый, пан Кошулька и моя благородная панна Магдалена, а за нею, как светлый божественный ангел, прекрасная моя, непорочная Марыся... Боже мой! боже мой! вскую мя еси оставил!

Картина переменялась, и я видел погубившего меня

врага моего, кругом меня всё в огне горело, и я впадал в бешенство: кричал, плакал и грыз каменный пол погреба.

Мучения мои были страшны, молитвы и всякие другие добрые помыслы покинули меня на жертву лютым демонам.

Припадки бешенства повторялись со мною ежечасно. Однажды я пришел в себя и почувствовал жажду, подполз к дверям (я ходить не мог, потому что у меня были связаны руки и ноги), стал кричать, просить воды. Никто не отзывался на мой крик. Жажда меня терзала. Я рванулся, и веревки на руках подались, я еще раз,—веревки чувствительно ослабли. Кое-как я освободил руки и потом ноги, прошелся ощупью по своей темнице, и мне стало будто легче. Подхожу к душнику, смотрю — свету не видно, должно быть, ночь. Теперь все спят; неужели ж и сторожа мои заснули? Подхожу к дверям, стучу, зову — никто не откликается. Через минуту, прислушиваюсь, на дворе слышу легкий шум и голоса людей, вероятно, меня услышали. Кричу опять, никто не отзывается, а шум на дворе всё более и более увеличивается. Оглядываюсь, из душника красный свет пробился в погреб, и слышу голоса: пожар! пожар!

Тут я потерял всякую надежду выпросить воды,— кто теперь меня услышит? А жажда сильнее и сильнее меня стала мучить, я пробовал лизать сырые стены, но мне легче не было; я знал, что в погребе есть вино, но оно было заперто другою железною дверью. Я выл, как зверь, от страдания. Мне представлялася со всеми ужасами голодная смерть. Слушаю, дверь отворяют и зовут меня по имени. Я бросился к двери,— дверь растворилася, и я увидел на пороге своих товарищей. Первое мое слово было: воды! Принесли мне воды, я напился, оглядываюсь вокруг себя, и страшно выговорить, что я увидел.

На дворе при свете пожара, соучастники мои режут и бьют и живых в огонь бросают несчастных гостей графини.

О, лучше не родиться, чем быть свидетелем и причиною такого ужаса!

Пока меня держали в погребе, крестьяне дали знать моим товарищам о случившемся. И они прилетели на выручку. Ужасная была выручка!

К графине собралося много гостей с детьми и женами по случаю похорон сына. Но ему бог не судил в земле лежать — труп его грешный сгорел на пышном катафалке.

Всё уже было готово к похоронам, уже ксендзы начали панихиду петь, как тут мои разбойники налетели, как коршуны, зажгли великолепные палаты, и началось убийство. Грудных младенцев не пощадили. Варвары!

А крестьяне собралися на двор, как бы на потешное зрелище. Ни один и пальцем не пошевелил; только хохотали, когда разбойники бросали со второго этажа толстого пана или пани. Грубые, жестокосердые люди!

А кто их огрубил? Кто ожесточил? Вы сами, жестокие несытые паны!

Крестьяне, впрочем, спасли панну Магдалену за ее ангельскую доброту и за то, что она по воскресеньям ходила в нашу церковь. Спасли и мою бедную Марысю, потому что она была не панна.

Я отыскивал их в селе, мне хотелося еще хоть раз взглянуть на них, бедных. Но крестьяне не показали мне их убежища, боясь, чтобы я не убил невольно-преступную Марысю.

Бедные, они не верили, что я чистосердечно простил ее.

И мне не удалося их тогда увидеть.

При свете пожара товарищи увлекли меня с собою по направлению к корчме, где я в первый раз встретил разбойников и где совершил убийство. Товарищи напилися вина, зажгли корчму и предателя живого в огонь бросили.

Мы ушли ночевать в дуброву.

К удивлению моему, я не видел у разбойников никакой добычи, следовательно, всё это было сде-

лано только для моей свободы. О бедная моя свобода! убийством и пожаром ты куплена была!

Я не принимал никакого участия в делах преступного братства, я почти всё хворал, и вскоре опять ко мне болезнь прежняя возвратилась. Случилося это недалеко от моей родины, то я и просил товарищей перенести меня в село и положить в тытаревой хатке, что в саду, а там, что бог даст. Долго они не соглашались, боясь преследования полиции, но я убедил их в моей безопасности; я знал наверное, что меня тытарь не выдаст, а если б и выдал, то я не боялся правосудия и казни, потому что я и без того казнился ежеминутно. Мне страшно надоела зверям подобная разбойничья жизнь.

Ночью перенесли меня товарищи в назначенную мною хатку в тытаревом саду. Положили меня в хатке и дали знать хозяину, что у него есть гость недужий.

Поутру пришел ко мне сам хозяин. Принес мне воды, хлеба и кипяченого молока с шалфеем; с участием расспросил, что у меня болит, и напоил меня горячим молоком. Потом принес мне постель и к вечеру привел знахаря. Прекрасное, благородное лицо знахаря, с белою окладистою бородою, внушило мне доверие, но лекарства его все-таки мне не помогали.

Хозяин и знахарь просиживали со мною целые дни, но женщин я не видал у себя в хате, вероятно, благоразумный хозяин не говорил своей жене про меня, не полагаясь на женскую скромность.

Мне становилося хуже и хуже, так что я просил к себе священника позвать.

Привели ко мне ночью священника, и я узнал того самого отца Никифора, который когда-то обещал сделать из меня человека. Он был уже седой, но бодрый старец. Удивился простодушный старик, когда я напомнил того бедного Кирилка сироту, взятого им давно когда-то у бедной вдовы Дорошихи.

После исповеди и принятия святых таин я почувствовал себя лучше. Святое, великое дело религия для человека, тем более для такого, как я, грешника!

День ото дня мне становилось лучше. Добрый хозяин мой как ни старался скрыть мое пребывание в его доме, одначе тайна была открыта.

Поздно вечером я сидел у окна и слушал пение соловья в саду, вдыхая в себя запах цветущих черешен и вишен.

За деревьями мне показалося что-то, будто бы мелькнуло черное, смотрю пристальнее — человеческая фигура тихо подходит к хате; ближе — вижу, женщина в черном платье, только не крестьянского покроя. Подходит к самому окну, и кого же я узнал? Мою единую, мою незабвенную панну Магдалену.

Она вошла тихонько в хату.

Мы судорожно обнялись и поцеловались, и долго держали друг друга за руки, не говоря ни слова.

Потом, как сестра, как самая нежная, нежная любовница, она обвила меня своими руками и горько, горько зарыдала.

Не долго продолжалось наше свидание, потому что я был еще слаб; она это поняла и вскоре простилася со мною, обещаяся навестить меня на другой день. Она ради моей бедной Марыси осталася с ней жить в селе, потому что Марыся, как подданка, не могла следовать за нею в монастырь. Случайно узнала она о моем пребывании у тытаря. Она искала для себя квартиру в селе, и ей рекомендовала дьяконша тытареву хатку в саду как самое уютное и дешевое убежище.

Она днем пришла посмотреть хатку. Хозяева мои были в поле на работе, а то бы они ее не пустили в сад.

Я в то время спал, когда она приходила в хатку. Она меня видела спящего, узнала и не разбудила, а посетила вечером.

Свидания наши продолжались ежедневно, когда хозяева мои уходили в поле на работу. И, боже мой, о чем мы с ней ни переговорили! Какие возвышенные, благородные помыслы и чувства она исповедала передо мною!

Она рассказала мне, как она по получении моего

письма, в котором я просил у нее свидания, приходила каждый вечер в продолжение лета и осени в эту самую хатку и дожидала меня иногда до рассвета. И какие чистые христианские средства в то время она придумывала к моему обращению. Мы исповедались друг перед другом, говорили обо всем, что было близкого, сердечного, но о Марысе не было сказано ни слова; она как бы боялась напомнить мне о ней, а я тоже боялся услышать ее имя из непорочных уст панны Магдалены.

А Марыся моя бедная приходила каждый раз с панною Магдаленою и оставалася в саду, не смея зайти ко мне в хату.

Однажды я собрался с духом и спросил:

— Что моя бедная Марыся? Жива ли она?

— Жива, но не скажу здорова,—отвечала панна Магдалена.

— Что же с нею?—спросил я с трепетом.

— Она страдает! сердечным недугом страдает!

— Можно ли мне ее увидеть? Приведите ее ко мне, пускай я хотя взгляну на нее.

Панна Магдалена вышла из хаты и через минуту возвратилась, ведя за собою Марысю. Я не узнал ее: она страшно переменилась—бледная, худая и с каким-то лихорадочным блеском в глазах.

Долго она стояла, как окаменелая, наконец, едва внятно проговорила:

— Прости!.. Прости меня!

И рыдая упала к ногам моим.

Я был слишком потрясен и не мог проговорить ей ни слова.

Безмолвное свидание наше скоро кончилось. Панна Магдалена вывела ее полуживую из хаты, и я не смел ее останавливать. Панна Магдалена имела надо мною безграничную моральную власть, я повиновался ей, как ребенок матери.

Марыся вместе с панною Магдаленою посещали меня каждый день, и однажды Марыся рассказала мне свою грустную историю со дня, как я уехал в Одессу продавать пшеницу.

Не повторяю я тебе, друже мой, этой тяжкой повести, потому что она отвратительно гнусна и, к несчастию, слишком обыкновенна на нашей бедной родине!

Она, несчастная, была матерью и в нищете растила своего бедного сына: графиня покойная не хотела ничем помочь нищей матери своего внука, страшася ложного стыда.

Бедные вы, мелкодушные графини!

День ото дня мне было лучше; а между нами решено было, как скоро можно будет мне выходить, то отправиться не в отдаленный глухой монастырь, как я прежде думал, а итти в Житомир и явиться к губернатору, рассказать ему все преступления свои и положиться на милосердие божие и на правосудие человеческое. Я так и сделал.

Ночью, простившись с моим скромным и гостеприимным хозяином, я, не видимый никем, вышел из села.

В лесу, на берегу Случи, меня ожидала панна Магдалена и Марыся, — мы так еще днем условились.

С рассветом они вывели меня на житомирскую дорогу, и мы расстались, расстались навеки.

И при последнем целовании незабвенная моя панна Магдалена благословила меня этою святою книгою, — и он указал на лежавшую на столе библию, о которой я говорил уже.

— Святая, божественная книга! — продолжал он восторженно, — мое единое прибежище, покров и упование.

Старик задумался, заплакал и сквозь слезы говорил, как бы сам про себя:

— Одна единственная вещь, уцелевшая от пожара.

— Друже мой, — сказал он после минутного молчания, — ежели бог приведет тебя в наш край, то посети бедное село на берегу Случи и, если найдешь их живыми, то поцелуй их от меня, а если померли, то отслужи за их мученические души панихиду.

Я пришел в Житомир, явился к губернатору, чистосердечно рассказал ему свою страшную историю и был арестован. Меня судили, как убийцу, и осудили милостиво и человеколюбиво.

Вот тебе и вся моя грешная повесть, мой друже и мой милый земляче.

А остальное пускай тебе доскажут кандалы мои и мои преждевременные седины.

1845 года.
Киев.



КНЯГИНЯ

Село! О, сколько милых, очаровательных видений пробуждается в моем старом сердце при этом милом слове! Село! И вот стоит передо мною наша бедная, старая, белая хата, с потемневшею соломенною крышею и черным дымарем, а около хаты на причилку яблоня с краснобокими яблоками, а вокруг яблони цветник — любимец моей незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки! А у ворот стоит старая развесистая верба с засохшею верхушкою, а за вербою стоит клуня, окруженная стогами жита, пшеницы и разного всякого хлеба; а за клунею по косогору пойдет уже сад. Да какой сад! Видал я на своем веку таки порядочные сады, как, например, уманский и петергофский, но это что за сады! Гроша не стоят в сравнении с нашим великолепным садом: густой, темный, тихий, словом, другого такого сада нет на всем свете. А за садом левада, за левадою долина, а в долине тихий, едва журчащий ручей, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темными, зелеными лопухами; а в этом ручье под нависшими лопухами купается кубический белокурый мальчуган, а выкупавшись, перебегает он долину и леваду, вбегает в тенистый сад и падает под первою грушею или яблонею и засыпает настоящим невозмутимым сном. Проснувшись, он смотрит на противоположную гору, смотрит, думает и спрашивает сам у себя: — А что же там за горою? Там должны быть железные столбы, что поддерживают небо. А что, если бы пойти да посмотреть, как это они

его там подпирают? Пойду да посмотрю, ведь это недалеко.

Встал и, не задумавшись, пошел он через долину и леваду прямо на гору. И вот выходит он за село, прошел царину, прошел с полверсты поля, на поле стоит высокая черная могила. Он вскарабкался на могилу, чтобы с нее посмотреть, далеко ли еще до тех железных столбов. Стоит мальчуган на могиле и смотрит во все стороны: и по одну сторону село, и по другую сторону село, и там из темных садов выглядывает трехглавая церковь, белым железом крытая, и там тоже выглядывает церковь из темных садов, и тоже белым железом крытая. Мальчуган задумался.— Нет,— думает он,— сегодня поздно, не дойду я до тех железных столбов, а завтра вместе с Катрею. Она до череды коров погонит, а я пойду к железным столбам, а сегодня одурю Микиту (брата), скажу, что я видел железные столбы, те, что подпирают небо.— И он, скатившись кубарем с могилы, встал на ноги и пошел, не оглядываясь, в чужое село. К его счастью, встретились ему чумаки и, остановивши, спросили:

— А куда ты мандруешь, парубче?

— Додому.

— А де ж твоя дома, небораче?

— В Киреливци.

— Так чого ж ты йдешь у Морынци?

— Я не в Морынци, а в Киреливку йду.

— А колы в Киреливку, так сидай на мою мажу, товаришу, мы тебе довеземо додому.

Посадили его на скрыньку, что бывает в передке чумацкого воза, и дали ему батиг в руки: и он погоняет себе волов, как ни в чем не бывало. Подъезжая к селу, он [увидал] свою хату на противоположной горе и закричал весело:

— Онде, онде наша хата!

— А колы ты вже бачишь свою хату,— сказал хозяин воза,— то и йди соби с богом!

И, снявши мальчугана с воза, поставил на ноги и, обращаясь к товарищам, сказал:

Княгиня.

Рассказ.

Село! о, сколько милых очаровательных видений пробуждается в моем старом задумавшемся сердце при этом слове. Село! и вот стоит передо мною хата бедная, старая, белая хата, с потемневшею соломенною крышею и черным дымарем, а около хаты на причилку яблоня с краснобокими яблоками, а вокруг яблони цветник, любимец моей незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки! а у ворот стоит старая развесистая верба с засохшею верхушкою, а за вербою стоит клуня, окруженная стогами жита, пшеницы и разного всякого хлеба; а за клунею по косогору пойдет уже сад. Да, какой сад! видал я много на своем веку таких порядочных садов, как например, Уманский и Петергофский, но это что за сады! Гроша не стоят в сравнении с моим великолепным садом: густой, темный, тихий, словом, другого такого сада нет на свете. А за садом левада, а за левадою долина, а в до-

Автограф повісті „Княгиня“.

— Нехай иде соби с богом!

— Нехай иде соби с богом!— проговорили чумаки, и мальчуган побежал себе с богом в село.

Смеркало уже на дворе, когда я (потому что этот кубический белокурый мальчуган был не кто иной, как смиренный автор сего, хотя и не сентиментального, но тем не менее печального рассказа) подошел к нашему перелазу. Смотрю через перелаз на двор, а там, около хаты, на темном, зеленом бархатном шпорыше все наши сидят себе в кружке и вечеряют; только моя старшая сестра и нянька Катерина не вечеряет, а стоит себе около дверей, подперши голову рукою, и как будто посматривает на перелаз. Когда я высунул голову из-за перелаза, то она вскрикнула: — Прыйшов! прыйшов!— и, подбежав ко мне, схватила меня на руки, понесла через двор и посадила в кружок вечерять, сказавши: — Сидай вечерять, приблудо!—Повечерявши, сестра повела меня спать и, уложивши в постель, перекрестила, поцеловала и, улыбаяся, назвала меня опять приблудою.

Я долго не мог заснуть; происшествия прошлого дня мне не давали спать. Я думал всё о железных столбах и о том, говорить ли мне о них Катерине и Миките, или не говорить. Никита был раз с отцом в Одессе и там, конечно, видел эти столбы. Как же я ему буду говорить о них, когда я их вовсе не видал? Катерину можно б одурить... Нет, я и ей не скажу ничего,— и, подумавши еще недолго о железных столбах, я заснул.

Через два-три года я уже вижу себя в школе у слепого Совгиря́ (так назывался наш нестихарный дьячок), складывающего т м у - м н у. И, проскладавши, бывало, до т л я - м л я, выйду из школы на улицу, посмотрю в яр, а там мои счастливые сверстники играют себе на соломе около клуни и не знают, что есть на свете и дьяк, и школа. Смотрю, бывало, на них и думаю: — Отчего же я такой бесталанный, зачем меня, сердечного, мучат над проклятым букварем? — и, махнувши рукою, дам драла через цвынтарь в яр к счастливцам на светлую, теплую со-

лому, и только что начну свои гимнастические упражнения на соломе, как идут два псалтырника, берут меня, раба божия, за руки и обращают вспять, сиречь ведут в школу, а в школе, сами здоровы знаете, что делается за несвоевременные отлучки.

Совгирь-слипый (слепым его звали за то, что он был только косой, а не слепой) был в нашем селе дьячком — не то, чтобы стихарным, настоящим дьячком, а так себе, приблудою. Предшественник его, Никифор Хмара, тоже был у нас нестихарным дьячком; только раз у тытаря на меду захворал ночью, а к утру и помер, бог его знает отчего. А Совгирь-слипый случился тут же у тытаря на банкете, да, не долго думаючи, в следующее же воскресенье стал на клиросе, пропел обедню, прочитал апостола, да так прочитал, что громада и сам отец Касиян только чмокнули. После обедни громадою был провозглашен слепой Совгирь дьячком и с честию, подобающею его сану, введен был в школу, яко в свою дидивщину. Великий человек — громада! Поселился он в своей школе, и школяры, в том числе и аз невеликий, пошли к нему за наукою. А собою был он росту высокого, широкоплечий и смотрел он настоящим запорожцем, если бы не был косой; даже свою незаплетенную косу носил он как-то вроде чуприны.

Нрава он был более сурового, нежели веселого, а в отношении житейских потребностей и вообще комфорта он был настоящий спартанец. Но что мне более всего в нем не нравилось, так это то, что, бывало, в субботу после вечерни начнет нас всех, по обыкновению, кормить березовою кашею; это все еще ничего, пускай бы себе кормил, нам эта каша была в обыкновение,— а то вот где, можно сказать, истинное испытание: бьет, бывало, а самому велит лежать, да не кричать, а не борзяся и явственно читать пятую заповедь. Настоящий спартанец!

Ну, скажите, люди добрые, рождался ли когда на свет такой богатырь, чтобы улежал спокойно под

розгами? Нет, я думаю, такого человека еще земля не носила.

Бывало, когда дойдет до меня очередь, то я уже не прошу о помиловании, а прошу только, чтобы он умилосердился надо мною и велел меня, субботы ради святой, придержать хоть немножко. Иной раз, бывало, и умилосердится, да уж так отжарит, что лучше б и не просить о милосердии.

Мир праху твоему, слипый Совгирю! Ты, горемыка, и сам не знал, что делал: тебя так били, и ты так бил и не подозревал греха в своем простосердечии! Мир праху твоему, жалкий скиталец, ты был совершенно прав!

И вот я, к несказанной моей радости, кончил „Мал бех“, т. е. кончил псалтырь, поставил, по обыкновению, кашу братии с грошами, совершил сей священный обряд неукосненно по всем преданиям старины и на другой же день принялся мелом выводить премудрые каракули на крашеной доске, сиречь я уже был не псалтырник, а скорописец.

В эту-то почти счастливую для меня эпоху случилось преобразование школы: прислали к нам из самого Киева стихарного дьячка. Совгирь-слипый сначала было поартачился, но принужден был уступить перед лицом закона и, собравши всю свою мизерию в одну торбу, закинул ее на плечи, взял патерицю в руку, а тетрадь из синей бумаги со сковородинскими псалмами в другую и пошел искать себе другой школы. А братия моя по науке, аки овцы от волка рассыпашася, так они от нового стихарного дьячка, зане пьяница бе, паче всех пьяниц на свете. Тяжко противу рожна прати! И я, терпеливейший из братии, наконец, взял свое орудие — таблицу, перо, каламарь с мелом и пошел во-свояси с миром, дивяся бывшему.

С этого времени начинается длинный ряд самых грустных, самых безотрадных моих воспоминаний! Вскоре умирает мать, отец женится на молодой вдове и берет с нею троих детей вместо приданого. Кто видел хоть издали мачеху и так называемых

сведенных детей, тот, значит, видел ад в самом его отвратительном торжестве. Не проходило часа без слез и драки между нами, детьми, и не проходило часа без ссоры и брани между отцом и мачехой; меня мачеха особенно ненавидела, вероятно, за то, что я часто тузил ее тщедушного Степанка. Того же года отец осенью поехал за чем-то в Киев, занемог в дороге и, возвратясь домой, вскоре умер.

После смерти отца один из многих моих дядей, чтоб вывести сироту в люди, как он говорил, предложил мне за ястие и питие пасти летом стадо свиное, а зимою помогать его наймиту по хозяйству, но я другую часть избрал.

Взявши свою таблицу, каламарь и псалтырь, отправился я к пьяному стихарному дьячку в школу и поселился у него в виде школяра и работника. Тут начинается моя практическая жизнь. Пребывание мое в школе было довольно не комфортабельно. Хорошо еще, если случались покойники в селе (прости меня, господи!), то мы еще кое-как перебивались, а не то просто голодали по нескольку дней сряду. Вечером иногда, бывало, я возьму торбу, а учитель возьмет в десную посох дебелый, а в шуйцу сосуд скудельный (мы и жидкостями не пренебрегали, как-то: грушевым квасом и прочая) и пойдем под окнами петь „богом избранную". Иной раз принесем таки кое-что в школу, а иной раз и так насухо придем, разве только что не голодные.

Я знал почти всю псалтырь наизусть и читал ее, как говорили слушатели мои, выразительно, т. е. громко. Вследствие такого моего досужества не был в селе похоронен ни один покойник, над которым бы я не прочитал псалтыри. За прочтение псалтыри я получал к н ы ш и к о п у деньгами. Деньги я отдавал учителю, как его доход, и он уже от щедрот своих уделял мне пятак на бублики, и это был один-единственный источник моего существования. При таких, можно сказать, умеренных доходах я не мог жить открыто и одевался даже не щегольски, как прилично званию школяра. Ходил я постоянно

в серенькой дырявой свитке и в вечной грязной бессменной рубашке, а о шапке и сапогах и помину не было, ни летом, ни зимою. Однажды дал мне какой-то мужик за прочтение псалтыри на пришвы ремeню, да и тот от меня учитель отобрал, как свою собственность.

И много, много мог бы я рассказать презанимательных и назидательных вещей на эту тему, да рассказывать как-то грустно.

Так пролетели четыре жалких года над моею детской головою.

Потом воспоминания мои принимают еще печальнейшие образы. Далеко, далеко от моей бедной, моей милой родины

Без любви, без радости
Юность пролетела.

Не пролетела, правда, а проползла в нищете, в невежестве и в унижении. И все это длилось ровно двадцать лет.

В продолжение моего странствования вне моей милой родины я воображал ее такою, какою видел в детстве, прекрасною, грандиозною, и о нравах ее молчаливых обитателей я составил уже свои понятия, гармонируя их, разумеется, с пейзажем. Да мне и в голову не приходило, чтобы это могло быть иначе, а выходит, что иначе.

После двадцатилетних испытаний я немного оперился и, разумеется, полетел прямо в родимое гнездо. Вскоре передо мною засверкали давно знакомые мне беленькие хатки. Они как будто улыбалися мне из темной зелени.

Может ли быть место в этих милых приютах нищете и ее гнусным спутникам? Нет! А иначе человек был бы не человек, а простое животное. С этим сладким убеждением я проехал почти всю Черниговскую губернию, нигде не останавливаясь. Из города Козельца мне нужно было взять в сторону от почтовой дороги,— взглянуть поближе на мой эдем и даже выслушать сию печальную и правдивую повесть.

Город Козелец ничем не отличается своею физиономиею от прочих своих собратий, поветовых малороссийских городов. В истории нашей он тоже не играет особенной роли, как, например, заднепрянские его товарищи, разве только что в 1663 году здесь была собрана знаменитая Черная Рада. Словом, городок ничем не примечательный; но проезжающий, если он только не спит во время перемены лошадей или не закусывает у пана Тихоновича, то непременно полюбуется величественным храмом грациозной архитектуры Растреллиевской, воздвигнутым Натальею Розумихою, родоначальницею дома графов Разумовских.

В шести верстах от г. Козельца, в селе Лемешах, в бедной хатке, на сволоке, или балке, читаем: „Сей дом соорудила раба божия Наталия Розумиха, 1710 року божьего“. А в г. Козельце в величественном храме читаем на мраморной доске: „Сей храм соорудила графиня Наталия Разумовская в 1742 году“. Странные два памятника одной и той же строительницы!

В Козельце нанял я пару немудрых лошадок вместе с рыжим евреем и поехал себе проселком, куда мне нужно. Это было в сентябре месяце. С утра был день только серенький, а к вечеру стал и мокренький; время шло к ночи, нужно было где-нибудь приготовить себе на ночь, а по дороге не только корчмы — и мизерного шинка не видно.

Не доезжая Трубежа, или, по-местному, Трубайла, нам показалося на косогоре село. Подъезжаем ближе, — и действительно село, только погорелое, и ничего живого на черной улице не видно. А за греблею, по ту сторону Трубежа, мы увидели между вербами и едва начинающими желтеть садами белые хаты. Проехали мы по плотине мимо двух шумящих мельниц и очутилися в большом козачьем селе. Чистые большие хаты и неразрушенные тыны свидетельствовали о благосостоянии обитателей, но первая к царине хата своей миловидностью мне особенно приглянулась, так что я решился просить в ней приюта на ночь. Дождичек моросил таки поря-

дочно, а хозяин приветно улыбающейся хаты, как ни в чем не бывало, стоит себе, облокотяся на тын, в новом нагольном тулупе, курит коротенькую трубку и, улыбаяся, смотрит, как его любимцы — круторогие половые волы — наслаждаются в огороде капустою. Увидевши в окно такое святотатство, из хаты выбежала хозяйка и сквозь слезы закричала:

— Чего же ты стоишь, недолюде старый, и смотришь, как добро нивечить скотына? Чому ты ии не заженешь в загороду?

— Я ее тридцать лет загонял, пускай теперь другие загоняют, — ответил хозяин совершенно равнодушно и продолжал курить трубку.

— А! боже мий с тобою! — снова закричала хозяйка. — Да ты хоть бы кожух скинул, видишь, дождь идет?

— Так что ж? Пускай себе идет с богом!

— Как что ж? Кожух изнивечишь!

— Так что ж, пускай себе изнивечу, — у меня другой есть.

— Хоть кол на голове теши, а он всё свое правит, — сказала хозяйка и побежала выгонять с огорода скотину. Хозяин посмотрел ей вслед и самодовольно улыбнулся.

Мне очень понравилась его совершенно хохлацкая выходка, и я, высунувшись из брички, приветствовал хозяина с добрым вечером, на что он отвечал:

— Добрывечир и вам, люды добри! А чи далеко бог провадить? — прибавил он, надевая шапку.

— Та не далеко, а все-таки сегодня не доидемо, — сказал я, вылезая из брички, и прибавил с расстановкою: — а чи не можна б у вас, дядюшко, пидночувать?

— Чому не можна, можна, боже благословы! Хата чимала, а мы добрым людям ради.

И говоря, он отворил ворота, и бричка всунулась во двор.

— Просымо покорно до госпóды! — сказал мне хозяин, когда я вошел на двор, и заметно было, что он старался выговаривать слова на русский лад.

Я вошел в хату; в хате было почти темно, но все-таки можно было видеть, что хата была просторная и чистая.

— Просымо покорно, садовитесь,— говорил хозяин, показывая на лаву,—а я тым часом скажу своий старий, щоб що-небудь нам засвитыла,—прибавил он, уходя из хаты.

Через минуту вошла в хату старушка со свечой и, поставив ее на столе, тихо отошла к двери и, сложа руки на груди, молча остановилась. Она была в чистом чепце и в таком же немецком платье; меня это удивило.—Каким родом,—подумал я,—очутилось подобное явление в мужицкой хате?

Вскоре за старушкой вошел хозяин в хату, неся на руках плачущее дитя. Дитя, увидя старушку, зажало губки и, улыбаясь, протянуло к ней свои крошечные ручонки.

— Возьми его, Мыкытовна, до себе,—говорил хозяин, передавая дитя старушке.

— Бач, воно мужика боиться, сказано—панська дытына,—прибавил он, гладя его по голове своей костлявой и широкой рукою.

У меня в кармане были леденцы; нужно заметить, что я этот продукт постоянно имел в кармане во время моих поездок по Малороссии; ибо ничем нельзя так скоро задобрить моего угрюмого земляка, как приласкать его дитя, и я часто не без пользы употреблял эту тактику. Я подал леденец дитяти, оно сначала смотрело на меня своими необыкновенно большими глазами, потом молча взяло леденец и, улыбаясь, воткнуло в свои розовые губки.

Тут я мог поближе взглянуть на дитя и на старушку. Старушка показалась мне живой картиной Жерар Доу, а дитя было херувим Рафаэля. Меня поразила эта чистая, тонкая красота дитяти; мои глаза остановились на этом прекрасном создании. Старушка отнесла дитя в сторону и перекрестила, вероятно, от дурного глазу, а хозяин, подойдя ко мне, сказал:

— А что, не правда ли, что панская дытына?

— Прекрасное дитя,— ответил я и подал дитяти еще один леденец.

Хозяин заметно был доволен моими гостинцами и, подходя к старушке, сказал:

— Дай лышень мени его, Мыкытовна, а ты пиды та скажи моий старий, чи не найде вона там чого-небудь нам подвечиркувать та може, коли не лыха̀ буде, то й тее... по чарочци... догадуетесь, Мыкытовна?

— Мы, добродию, люды прости,— сказал он, обращаясь ко мне,— у нас нема ничого такого сладкого, ни того чаю, ниже того сахару, а так просто, по-простому.

Старушка вышла из хаты, а он, с ребенком на руках подходя ко мне, сказал:

— Отепер подывитесь на його, добродию, правда, що хороше, сказано — княжа̀.

— Да как же очутилося у вас княжеское дитя? Расскажите мне, ради бога,— спросил я с удивлением.

— Нехай вам, добродию, Мыкытовна розкаже, бо тут, не вам кажучи, була настоящая комедия. Вы бачилы отам, за Трубайлом, погориле село?

— Видел,— ответил я.

— Так добре, що видели. Вот то самое село було колысь оцёго дытяты матери, та и выгорило. А вона ёго маты... Та я не розкажу вам, як воно там выгорило: мене тоди дома не було, то я й не бачив ёго. Нехай Мыкытовна сама розкаже, вона бачила, то вона й знае, як воно диялось.

Между тем старушка вошла в хату и чистой белой скатертью поверх к и л ы м а накрыла стол, достала с п о л ы ц и восьмиугольный расписанный графин с водкою и рюмку и поставила на стол; потом принесла на деревянной тарелке, тоже разрисованной, кусками нарезанного ч а б а к а и п а л я н ы ц ю. И все это было сделано ею тихо, чинно, так что, глядя на нее, можно было наверное сказать, что она выросла и состарилась не в мужицкой хате. Потом взяла на руки ребенка и отошла в сторону, а хозяин сказал ей:

— Мыкытовна, когда положишь спать дытыну,

то зайды до нас,— нам треба буде розпытать у тебе дещо. Та скажите там моий старий, нехай нам вечерю готуе, та не галушки або кулиш,— бачите, у нас чужи люды!

Старушка вышла из хаты, а он вслед ей прибавил:

— Зайдить же до нас, Мыкытовна, як упораетесь.

— Хорошо, зайду,— отвечала она из сеней.

Выпивши по одной, а потом и по другой, хозяин мой стал словоохотнее. Он разговорился до того, что, сам не замечая, рассказал мне всю свою биографию. Рассказал мне, между прочим, как он, будучи парубком еще, был в погоньцях под французом и воротился из Неметчины голый голым, с одним батогом в руках, и как потом пошел в наймы до попа, и как после трудом и разумом разбогател и сделался из бездомного сироты-наймита первым хозяином в селе. Словом, через час времени я, не допытываясь, узнал всю его самую сокровенную историю.

Но что мне особенно в нем понравилось,— что он, рассказывая свою обыкновенную историю, касался как бы мимоходом своих богатырских подвигов, не подозревая в них ничего необыкновенного.

А между тем старушка принесла нам вечерю и сама повечеряла с нами. Помолившись богу после вечери, хозяин, обратяся к старушке, сказал:

— Теперь, Мыкытовна, розкажить нам про свою княгиню, як воно там у вас диялося. А с самого начала,— прибавил он,— наточить нам с кухоль слывянки,— воно, знаете, веселише буде слухать.

Через минут пять старушка возвратилася в хату с порядочным стеклянным глечиком в руках. Поставивши глечик на стол, сама она села на скамейку и, помолчав немного, проговорила, вздохнувши:

— Про ее бесталанье, Степановичу, про ее тяжкую, горькую долю я готова каждый день, каждую годыну рассказывать всему свету, чтобы весь свет знал про ее горькие кровавые слезы и казнился ее кровавыми слезами,— и она тихо заплакала.

Мы выпили по рюмке сливянки, а старушка, утерши слезы, начала так:

— Не умею сказать, сколько минуло тому лет, только это случилось давно, еще до француза; я была еще тогда такою *стригою*, когда покойный Демьян Федорович, царство ему небесное, пришел из-под француза. Они служили в каких-то козаках, а в каких именно, не умею вам сказать. Знаю только, что в козаках, и больше ничего. Батюшку своего Федора Павловича, царство ему небесное, они не застали в живых. Осмотревшися дома около хозяйства, поправили, что нужно было поправить, а что не нужно, то и так оставили. Тогда же они выстроили и два *витряка*, вот что на горе стоят. Они только и уцелели от всего добра. Построивши витряки, да и задумали свататься и высватали они аж за Остром у какого-то Солонины Катерину Лукьяновну. Вот весною засватались, а после першои пречистои и повенчалися: и полгоду не был женихом, голубчик мой. После их свадьбы меня и взяли во двор, в покои. Долго я плакала и скучала за своими домашними, а после и привыкла, когда побольше подросла. На другой или на третий год... кажется, на третий, дал им бог дитя. Назвали его Катериною, а меня приставили к нему нянькою. С той поры и по сие лютое время я не разлучалася с моею бесталанницею ни на один час: она у меня на глазах выросла, и замуж вышла, и...

— Та годи вам плакать, Мыкытовна! — сказал хозяин с участием: — На все те воля божия, слезами только бога гневите.

Старушка, помолчав немного, продолжала:

— А какой хозяин! Какой пан добрый! Душа какая праведная была! И всё пошло прахом. Бывало, покойный Катеринич приедет к нам из Киева, да только подивуется, а уж можно сказать, что Катеринич даром никого не похвалит, да, правду сказать, было чему и подивоваться. Село всего-навсе сорок хат, а посмотрите, чего в этом селе нет! И *ставы*, и *млыны*, и *пасики*, и *винныця*, и *броварь*, и скотины разной, а *вкоморах*, — и, господи! — разве птичьего молока нет, а то всё есть. А по селу

так любо было по улице пройти: хаты чистые, белые; казалось, что в нашем хуторе вечная великодная неделя.

Люди ходят себе по улице или сидят под хатами обутые, одетые, а дети бегают по улице в беленьких сорочечках, точно янголята божии. О, ох! и где это всё девалося? Правда, и Катерина Лукьяновна была хозяйка, но все-таки не то, что сам.

Бывало, каждое божие воскресенье или праздник какой запросят покойного отца Куприяна на „отче-наш" да и выставят двенадцать графинов и все с разными настойками. А отец Куприян, царство ему небесное, по „отче-наш" выпьет, бывало, из каждого графина по рюмке, да как дойдет уже до последнего, то и скажет: — Вот это хорошая водка, ее и будем пить.— А водки, правду сказать, все были одинаково хорошие, да он, покойник, был уже такой чудной, любил иногда, царство ему небесное, и пошутить.

— Чу́дный! чу́дный таки был покойник,— говорил хозяин, наливая в рюмку сливянки. — А чтобы сказать пьяного, так я его никогда не видал: бог его знает, или это уже натуру такую добрую бог дает человеку, или человек уже сам приспособится, не знаю. А что, Мыкытовна, если б и вы с нами выпылы чарочку слывянки, — воно б, може, и полегшало!

Старушка отказалась от сливянки и, немного помолчав, продолжала свой рассказ:

— Катерине Демьяновне пошел уже другой годочек, как она в первый раз на ноги стала. Я привела ее за ручку в гостиную, где они поутру пили чай. Господи! что тут было радости, так и рассказать не можно! Катерина Лукьяновна взяла ее на руки и, поцеловавши, тут же сказала, что ни за кого на свете не выдаст ее замуж, как за князя или какого генерала. Ох! так же оно и случилося на наше безголовье. А какие люди сватались! Нет таки, дай ей князя или генерала,— вот тебе и князь!

— Да таки нечего сказать, хороший князь! — перебил хозяин.— Дал он ей, бедной, знать себя.

— Стало оно вырастать, стали его учить сначала грамоте, а потом — и, господи! — чему они его не учили! Бывало, жаль посмотреть на бедное дитя: и шить, и вышивать, и прясть, и нитки сучить, а раз сам так послал ее, бедную, и коров даже доить. Бывало, сама иногда вскинется на него: — Что ты, — говорит, — делаешь с бедным ребенком? Разве мы ее за мужика, что ли, готовим? — А может и за мужиком придется жить: будущее кто знает? — бывало, скажет сам, да и замолчит. А она ему: — Ты бы лучше для нее фортепьяны купил в Киеве. — Купили и фортепьяны на контрактах. Привезли с фортепьянами и учителя, не умею сказать, поляк ли он был или немец, не знаю, только он говорить совсем не умел по-нашему. Бывало, скажет слово, так слушаешь, да хохочешь. Вот он ее в год или в два выучил играть на тех фортепьянах, да как, бывало, заиграет моя лебедонька, так только сидишь, слушаешь, слушаешь, да и заплачешь, а она возьмет да и переменит песню, да как ударит горлыцю или метелыцю, — согрешила я, грешная, — не вытерплю, бывало, да как возьмуся в боки, да и пойду, да как пойду! Только пидлога ломится. А она играет, бывало, да хохочет. Однажды нас и застала сама да как прикрикнет на нас: — Ты, — говорит, — что это делаешь? Разве этому тебя учили играть? Только инструмент портишь своими мужицкими песнями. А ты, цындря, не знаешь, где коров доят, то будешь знать! — Я, разумеется, испугалася и стала себе в угол да и стою, как будто меня и в комнате нет.

— А вы таки, Мыкытовно, булы колысь, нигде правды сховать, таки добре дзиндзюрысти, — сказал хозяин, наливая рюмку сливянки.

— Просты мене, господы! Сказано — молодость, а в молодости чего не случается. А бывало, когда моя пташечка Катруся совсем выросла, то как только лягут спать паны после вечери, а мы и выйдем тихонько в сад, гуляем, гуляем, до самого света гуляем. А месяц так тебе и светит, как будто днем.

А она еще, бывало, возьмет да и запоет: „Не ходы, Грыцю, та на вечерныци“, — тихо, тихо, да сладко, так бы вот, кажется, и слушала б ее, слушала б до самого свету.

— Помню, хорошо помню, — сказал хозяин, — раз иду я вночи коло вашого саду, только слушаю, что-то поет, только не „Грыця“, а другую какую-то песню. Я остановился и так простоял, как прикованный до тыну, до самого белого дня. Нечего сказать, прекрасно було слушать, как вона, бувало, заспивае.

— А поутру, спала ли, нет ли, вспорхнет, что твоя пташечка, и снова поет, и снова веселится, и никто, оприч меня, не знает, что ночью диялось. Ах, вот что я было чуть-чуть совсем не позабыла: есть тут, голубчики мои, недалеко от нашего села на Трубайле хутор майора Ячного. Вы его, Степанович, знаете самого майора? Он и теперь еще здравствует, благодарение богу, а что за хозяин, так и покойному нашему Демьяну Федоровичу не уступит! Правда, у него только всего-навсе десять хат на хуторе, так зато и хаты, зато и люди! что хата, то семья — душ десять. Известное дело, в добре да в роскоши живут. А у самого майора ставочок, млыночок, садочок, витрячок, а домик — что твоя писанка: чистенький, беленький, только смотри да любуйся! А что же, если б у него еще и хозяйка была б жива, а то он сам за всем хозяйничал. Правда, был у него сынок, но то, что еще можно сказать дытына, — да и то не на глазах росло, а было где-то в школах, не знаю — в Киеве, не знаю — в Нежине.

А были они с нашим покойным великие приятели. Бывало, или наш у него, или он у нашего, куска хлеба не съедят врозь, всё вместе. На праздники приезжал к нему гостить и сын из школы, и только слава, что приезжал к отцу, а у нас, бывало, и днюет и ночует; и с моею Катрусею, бывало, и в поле, и в саду, и в покоях, одно без другого никуда. Я, бывало, гляну на них, та и думаю:

— Вот вырастает парочка, так, что на диво; они просто одно для другого на свет божий родились.— Так думал и майор, так думал и наш Демьян Федорович; а про детей и говорить нечего. Да все так думали, да не так думала Катерина Лукьяновна. Она спала и видела своего зятя или князя, или генерала, о других и думать не хотела. Бывало, когда ему, бедному, приходило время отправляться в школу, то Катруся моя уже за неделю начинает плакать, а когда он уедет уже совсем, то она, бедная, просто в постель сляжет и долго после того не ест, не пьет ничего,—бог ее знает, чем она и жива была.

Так-то они, мои голубяточки, росли, росли да и выросли вместе, да и полюбилися, сердечные, на свое безголовье.

Господи! я уже в домовы́ну смотрю, а когда вспомню про них, моих пташечек, то как будто снова молодею. Бывало, уже перед тем, как им надо расставаться, сойдутся себе в саду, станут где-нибудь под липою или под берестом, обнимутся, поцелуются и долго-долго смотрят друг другу в очи, а слезы у обоих из очей так жемчугом и катятся; знать, они чувствовали, бедные, что не дадут им жить одному для другого.

Вот он уже кончил свою школу. Покойный губернатор Катеринич взял его к себе в Киев и определил его в какую-то палату. Не умею уже вам [сказать], для чего он его определил в палаты. Вот он пробыл уже год в той палате, а на другой год приезжает к нам в гости да и давай сватать мою Катрусю. Демьян Федорович, царство ему небесное, таки сразу согласились и говорят, что лучше мужа нашей Кате не найти и за морями. И правду говорили. Так что ж сама?.. Не Катруся сама,— боже бороны!—а сама Катерина Лукьяновна? Уперлась и руками и ногами.—Как?—закричит, бывало.—Чтобы я свою единственную дочь отдала за хуторянина, за гречкосия! Нет, лучше я ее в гроб положу, чем увижу ее, мою милую Катеньку,

на хуторе Ячного! Что она там будет делать,— индюков кормить, гусей загонять?.. Нет, не для того я ее на свет породила, не для хутора Ячного я ее воспитывала! Фыркнет, бывало, и запрется в свои покои на целый день. А он сам около нее и так и сяк, нет, хоть и не подходи,— знай свое провадыть: князя или генерала, да и только! Покойный Демьян Федорович хотел уже было без ее согласия перевенчать, да, знать, бог не судил ему это доброе дело. О рождестве он заболел, вернувшися из Козельца, а на середокрестной и богу душу отдал.

Господи! и теперь страшно вспомнить! Как он уже на вечной постели просил ее, чтобы не отдавала Кати ни за князя, ни за генерала, а чтобы отдала ее за молодого Ячного или за кого другого, только за свою ровню. Нет, так и поставила на своем.

На тот грех, как раз в чистый четверг, вступила драгуния в Козелец, да и заквартировала по хуторам и по селам на все лето.

Да и драгуния ж это была! Чтобы она к нам никогда не возвращалась. Да, таки дала знать себя эта проклятая драгуния! Не одна чернобривка умылася слезами, провожавши эту иродову драгунию. В одном нашем селе осталося четыре покрытки, а что же в Оглаве? да в Гоголеве? Там, я думаю, и не пересчитаешь!

— Горе нам, горе нам с теми драгунами!

— Да и теперь страшно вспомнить. Раз сыдымо мы ввечери все трое в гостиной; я, кажется, карпетку вязала, Катерина Лукьяновна сидела так, а Катруся книжку читала, да такую жалобную, чуть-чуть я не заплакала: про какого-то запорожца Киршу или про Юрия, не помню хорошенько, только очень жалобно. Вот уже дочиталась она, моя рыбонька, как того Юрия запорожца закувалы в кайданы и посадылы в темныцю, только глядь, смотрим, входит в комнату драгун, высоченный, усатый, а морда неначе те решето, гладкà та чер-

вона, здавалась червонишою од воротника, що пришитый до ёго мундыра.— Я,— говорит,— такой-то и такой князь Мордатый! — Мы сами видим, что ты мордатый,— думаю себе.— Я,— говорит,— покупаю овес и сено; нет ли у вас овса и сена продажного?

— Есть,— говорит Катерина Лукьяновна,— прошу садиться.— Вот он себе и сел, а мы с Катрусею ушли в другую комнату дочитывать книжку. Только что начала читать, а в комнату входит Катерина Лукьяновна и говорит: — Вот тебе, Катенька, и твой суженый.— Мы как сидели, так и обмерли. Как уже у них было в тот несчастный вечер и как он сватался, мы ничего не знали, только с того самого вечера князь к нам начал ездить каждый божий день и рано, и вечером. А молодого Ячного, когда приедет он, бывало, из Киева, и на двор не пускали. Ходит, бывало, бедный, поза садом да плачет, а мы, глядя на него, и себе в слезы. Что ж? Не помогли слезы, а ни-ни; Катерина Лукьяновна таки поставила на своем: как раз через год после смерти Демьяна Федоровича, на великодных святках, просватала за князя мою бесталанницу Катрусю.

— И можно таки сказать, что бесталанница: от всего добра, ото всей роскоши только и осталось, что два витряка, да и сама еще, бог знает, останется ли в живых,— говорил хозяин, как бы сам про себя, наливая рюмку сливянки.

— А вот как было, Степановичу. На фоминой неделе их и повенчали. Плакала, плакала она, моя бесталанница, да что! знать, так господу угодно было. Не умолила она его, милосердого. Знать, господь бог любя наказует.

На другой день после свадьбы переехал он к нам из Козельца, и денщик его Яшка, такой скверный, оборванный, тоже с ним переехал. И только и добра было с ними, что преогромная белая кудрявая собака, юхтовый зеленый кисет и длинная трубка.

С того же дня и началося новое господарство.

На этом слове старушка остановилась и, помолчав немного, перекрестяся, сказала:

— Господи! прости меня, непрощенную грешницу! За что я осуждаю человека, ничего мне злого не сделавшего?.. А как подумаю, так он и мне таки немало наделал зла. Он, прости ему владыко милосердый! — тут она снова перекрестилась, — он, душегубец, загубил мое одно-единственное сокровище, мою одну-единственную любовь! Я никогда никого на свете так не любила, как полюбила ее, мою горькую бесталанницу. Одна моя единая радость, одно мое единое было сладкое счастье видеть ее счастливою замужем. И что же? Слезы! Слезы! Слезы и посрамление! А всё мать! Всему, всему причиною одна родная мать: захотелось ей, видишь ли, свою единственную дочь увидеть княгинею! Ну вот тебе и княгиня! Любуйся теперь на свою княгиню! Любуйся теперь на свое прекрасное село, на свой сад зеленый, на свой дом высокий! Любуйся, Катерина Лукьяновна, любуйся на свои хорошие дела! Ты, ты одна всё это натворила!

Старушка от избытка чувств умолкла, а хозяин, немного погодя, сказал:

— Та цур ий, Мыкытовна, не згадуй ее, нехай ий лыхо сныться; розказуйте, що там дальше буде.

— Ох! я не знаю, как мне уж и рассказывать, потому что тут пойдет всё такое срамное, скверное, что и подумать грешно, а не то что рассказывать.

— Розказуй уже, Мыкытовна, до краю, а то так не треба було и зачинать, — говорил хозяин, наливая рюмку сливянки и поднося ее рассказчице.

— Спасыби, спасыби, Степановичу, я вже моими слезами пьяна.

— А не хочете, то як хочете, а мы с добродием так выпьемо, а вы тым часом розкажить, як воно зачалося у вас те нове господарство? — говорил хозяин, потчуя меня сливянкой.

— А началося вот так, — проговорила старушка и, помолчавши, почти закричала:

— Ну, скажите вы мне, люди добрые, чего ей, грешнице, недоставало? Пани на всю губу, всякого добра и видимо и невидимо, купалася в роскоши!

Так же нет, мало, дайте мне зятя князя, а то умру, як не дасте. Добула, выторговала, купила себе князя, продавши свою дочь. О, матери, матери! Вы забываете свои страдания при рождении дитяти, когда так недорого продаете это дитя, которое вам так дорого обошлося!

Старушка замолчала, а хозяин сказал:

— Все воно так, Мыкытовна, а мы все-таки не знаем, как у вас началося новое господарство.

И она спокойно продолжала:

— А началося воно так, Степановичу, что князь в комнатах завел псарню,— вот как началося новое господарство! Всякий божий день пиры да банкеты, бывало, свету божия не видишь от табачного дыму, а о прочем и говорить нечего. А еще, бывало, как зазовет к себе на охоту всю свою драгунию из Козельца, то господи и упаси! Наедут пьяные, грязные, скверные такие, что не дай бог и во сне таких увидать. Да еще всякий возьмет себе по денщику такому же скверному, как и сам, и не день, и не два, и не три, а целую неделю гостят. А что они за эту неделю наделают в комнатах, так я и рассказать стыжуся. Свынынець, настоящий свынынець! Так что, бывало, вымываем да выкуриваем после них целый месяц. Отут-то я только узнала, что значит драгуния! А Катерина Лукьяновна смотрит на них да только себе улыбается, и больше ничего.

Не прошло и месяца, как он уже всё к себе забрал в руки. Ключи от коморы и лёху были у его поганого Яшки. Так что ежели чего захочется Катерине Лукьяновне, то нужно было просить Яшку. Отут-то она в первый раз отроду заплакала, тут-то она увидела своего князя таким, каким его надо было матери видеть прежде. Но она, гордая, и виду не показывала, что всё видит. А когда, бывало, придется уже ей до скруту, невмоготу, то она хоть через великую силу, а все-таки улыбнется и поворотит всё в жарты (в шутку). А Катруся, моя бедная Катруся, сидит, бывало, в своей ком-

нате и день, и ночь, да так рекою и разливается. А он (и это не один раз) приедет в полночь из Козельца пьяный, да приведет с собою еврея с цимбалами, всех подымет на ноги.— Танцуйте,— кричит,— хохлацкие души, танцуйте! А не то всех вас передушу! — Мы, бывало, с Катрусею убежим себе в сад летом, а зимою не раз мы ночевали в мужицкой хате.

— Мне только вот что кажется чудным,— перебил ее хозяин: — как вы не догадалися его пьяного задушить, да сказали б, что умер с перепою или просто сгорел.

— Э, так, думаете, и сказать легко! А грех! а страшный суд, Степановичу? Нет, пускай себе умирает своею смертию, бог ему и судья, и кара, а не мы, грешные.

— Та воно то так, Мыкытовна, а бывает и вот еще как: одному разбойнику на исповеди в Киеве чернец задал такую покуту: — Возьми, — говорит,— непрощенный гришниче, два камени, звяжи их докупы сырцевым ременем, перекынь через плечо, а когда ремень перервется, тогда твои грехи будут прощены. Отож, идет он с тыми камнями через кладовыще и видит, что на свежей могиле блудный сын мать свою проклинае.— Господи,— говорит разбойник,— не одного я доброго человека послал на тот свет, дай пошлю и этого злодея-ругателя,— и только что убил его, ремень как ножом перерезало. — Вот что! — прибавил он значительно.— Так что же у вас там дальше происходило, Мыкытовна? — сказал он, подвигая к себе кухоль со сливянкою.

— А происходили, Степановичу, спивы та плясы, та полунощные банкеты, и добанкетовалися до того, что к концу зимы нечего было на стол поставить. Драгуния, знаете, наедет голодная, так тут хоть макитру пустую поставь на стол, то и ту съедят. Всё, что ни поставь, бывало, как метлою метут. А когда не успеем, бывало, собрать во-время посуды, то и посуда полетит под стол,— сказано,

пьяни люды! А сам сидит себе за столом, та знай в ладоши бьет, та кричит „ура!!“ Сначала я не понимала этого слова и думала, что он сердится и ругает своих гостей, а вышло, что он рад был, когда они пустошили добро. Вот так-то они всю зиму просодомили та прогомòрили, а весною, смотрим, наше поле не зеленеет; ни трава, ни жито, ни пшеница не зеленеют. Пришли и зеленые святки (духов день), а поле черное, как будто на нем ничего и не сеяно. Уже и молебствовали, и воду в криныцях святили,— нет, ничто не взошло. Посеяли яровое, и зерно в земле погибло. Народ заплакал, скотина заревела с голоду, и, наконец, собаки завыли и разбежалися, и, господь его знает, откуда эти волки взялися,— и днем, и ночью так, бывало, и ходят по селу. Это было горе, всесветное горе! Но нам было горе двойное. Одно то, что люди в селе пухли от голоду и здыхали як ти собаки, без святои исповеди и причастия (отец Куприян сам занедужал); а другое наше горе было то, что наш князь, ничего этого не видя, назовет к себе гостей, свою драгунию из Козельца и с людьми, и с лошадьми, и с собаками, да и кормит их и поит целый месяц. А до того ему и дела нет, что у мужиков ни одной крыши не осталося на хате,— всё скотина съела. Лесу даже не осталося ни одного дерева живого; все деревья — и дуб, и ясень, и клен, и осыка, уж на что верба горькая — и та была оскоблена и съедена людьми. О, господи! Что-то голод делает с человеком! Посмотришь, бывало, совсем не человек ходит, а что-то страшное, зверь какой-то голодный, так что и взглянуть на него нельзя без ужасу. А дети-то, бедные дети! — просто пухли с голоду: лазят, бывало, по улице, как щенята, и только и знают одно слово: — папы! папы!

Вы, может быть, думаете, что у нас хлеба не было? Мыши его ели в скирдах и в коморах; лет пять можно было б прокормить не только наше село, а весь Козелец. Так что же ты будешь делать? — не дает людям.— Лучше,— говорит,— продам, когда

вздорожает, а люди нехай дохнут, от них прибыли мало.— Катруся моя бедная заикнется, бывало, сказать слово про людей...— Молчать! — закричит он на нее, как на свою белую собаку.— Разве я не знаю, что делаю? — Она, бедная, и замолчит: выйдет в другую комнату, да в слезы, а я, на нее глядя, и себе туда же. Что будешь с ним делать? Сказано — зверь, а не человек! И бог его святый знает, как она еще, бедная, дитя выносила?

— Она была тогда уже на износе, этим самым дитям, что вы сегодня здесь видели,— говорила она, обращаясь ко мне,— и когда, бывало, он заснет пьяный, то она дрожа, на цыпочках, пройдет мимо него в свою комнату, упадет на колени перед образом скорбной божией матери, помолится и так горько заплачет, так горько, так тяжко, что я и не видела никогда, чтобы люди так плакали. Мне даже страшно делалось. А когда он поедет на охоту со своею драгуниею, тогда мы возьмем себе по мешку хлеба печеного,— я еще, бывало, говорю ей: — Не берите, не подымайте через силу,— вы сами видите, какие вы, я одна понесу.— Ничего, — говорит,— Микитовна (она меня тоже Микитовною звала),— ты только показуй мне, у кого есть маленькие дети и старые, немощные люди.— Вот мы и пойдем по хатам. Господи! чего я там насмотрелася! Поверите ли, что голодная мать вырывает из рук хлеб у своего умирающего дитяти! И волчица, я думаю, этого не делает! Что значит голод!

— Раз зашли мы в одну хату. О! я этой хаты пока живу на свете не забуду! Отворили мы двери,— на нас так и пахнуло пусткою. Входим и видим: посередине хаты на полу лежат двое худых-прехудых детей, только одни колени толстые. Одно уже совсем скончалося, а другое еще губками шевелит, а около них сидит мать, простоволосая, худая, бледная, в разорванной рубахе и без з а п а с к и. А глаза у нее,— господи, какие страшные! и она ими не смотрит ни на детей, ни на кого, а так, бог знает на что смотрит. Когда мы остановились на пороге,

она как будто взглянула на нас и закричала: — Не треба! не треба! хлиба! — Я вынула из мешка кусок хлеба и подала ей. Она молча обеими руками схватила его, задрожала и поднесла к губам умершего дитяти и потом захохотала. Мы вышли из хаты.

— Да, ты таки, Мыкытовна, видела на своем веку багато дечого! — говорил хозяин, с участием глядя на старушку.

— И не говорите, Степановичу! Не приведи господи никому того видеть, что я видела.

— Господь его милосердный знает, — продолжал хозяин, обращаясь ко мне, — как это воно всё мудро да хитро устроено на свете! Я про себя скажу: меня эти проклятые голодные годы просто на ноги поставили. У меня своего хлеба таки было довольно, да у людей еще прикупил, как будто знал, что будут неурожаи. Вот как настал голодный год, ко мне все и сунулись за хлебом. Я, хотя и вчетверо продавал дешевле, нежели паны евреям продавали, а все-таки выручил порядочную копейку. Чумаки мои одну зиму зимовали с худобою на Дону, а другую перезимовали за Днестром, а там голоду не було; волы, слава богу, и чумаки вернулыся живи и здорови, да еще и соли и рыбы мени привезлы, а хлиб святый дома проданый. Вот у меня и гроши, и скотина, слава богу, жива и здорова. Так и бог его знает, как это воно так делается на свете, так дивно! — прибавил он, обращаясь к рассказчице.

— Такой уже ваш талан, Степановичу, — сказала она, вздыхая. — За то вам и господь посылает, что вы в нужде людей не оставляете! Вот хоть бы и я теперь, если бы не вы, куда бы я приклонилася с этою бедною сиротою? Хоть с горы та в воду...

— Господь с вами, Мыкытовна! Мы свои люди. С кем же нам делиться, как не с вами? А тым часом продолжайте, Мыкытовна, а то, може, нашому гостеви и заснуть треба, — говорил он, на меня поглядывая.

— Кое-как прошло лето, — продолжала старушка. —

Осени мы и не видели, разом наступила зима — да лютая такая, да жестокая: и холод, и голод разом посетил нас. Лес, ободранный весь, высох, а князь, наш хозяин, запретил его на дрова рубить.— Кто,— говорит,— хоть веточку срубит, того,— говорит,— в гроб вгоню. Лес славный, сухой, летом примусь,— говорит,— палаты себе строить. Я люблю простор, мне нужен дворец, а не лачуга хохлацкая, в которой я теперь гнездюсь как медведь в берлоге! — И люди бедные и мерзли, и мерли. А что с ним будешь делать? Сказано — пан, что хочет, то и делает.

На первой неделе филипповки разрешилась она, бедная, от бремени и не хотела взять мамку, а сама кормила свое дитя. Вскоре после крестин поехал он в Козелец к товарищам и прогостил у них целую неделю. Отдохнули мы без него немного, слава богу. Только ночью, мы уже спать легли, приезжает он, ломится в двери да кричит. Я вскочила, отворила дверь, достала огня, только смотрю, какая-то женщина с ним, в картузе и в офицерской шинели. Как крикнет он на меня: — Что ты,— говорит,— глаза вытаращила? Пошла вон, дура! — Я и ушла в свою комнату.

На другой день, за чаем, он сказал Катрусе:

— Знаешь, душенька, какой сюрприз мне сделала сестрица? Не написавши мне ни слова, что хочет с тобою лично познакомиться, взяла да и приехала, как говорится, не думавши. Такая, право, ветреница! И вообрази себе, на перекладных ведь приехала,— настоящая гусар-баба. Просто одолжила! Вчера, вообрази себе, подхожу я к почтовой станции, смотрю, тройка у ворот стоит совсем готовая. Я остановился: дай, думаю, посмотрю, кто такой поедет. Только смотрю, выходит дама. Я, знаешь, этак того... ты прости меня, душоночек,— проклятая привычка! Смотрю... и представь себе мой восторг!— это была моя сестра. Тут мы, разумеется, бросились в объятия друг другу.

— А я и не знала, что у тебя есть сестра,— проговорила Катруся.

— Как же, есть, и не одна, а две. Одна замужем за графом Горбатовым, та постоянно живет в столице при дворе; она бы тоже ко мне прикатила, но, знаешь, нельзя, она слишком заметна при дворе. Я тебе, душенька, свою сестрицу сейчас представлю.

Как полотно побледнела моя бедная Катруся: она, верно, бесталанная, догадалась, какая это будет сестрица. Через минуту он ввел под руку женщину, не знаю — молодую, не знаю — старую,— за белилами та румянами нельзя было узнать.— Рекомендую тебе, душенька: княжна Жюли Мордатова.

И она вертляво поклонилась, проговорила что - то, не знаю — по - русски, не знаю — по - польски,— я ничего не разобрала, да Катруся, думаю, тоже, потому что она ей и головою не кивнула, а только побледнела пуще прежнего.

— Ты извини ее, друг мой: она у меня еще институтка, по - русски почти слова не выговорит, а в высшем кругу в русском языке никакой нет надобности. Да я про себя скажу,— я до двадцати лет не умел по - русски двух слов сказать. У нас в Грузии почти все равно, что и в столице — никто по - русски не говорит,— всё по - французски. Такая мода, мой друг! Мы и своего крошку в столицу в институт пошлем, не правда ли?

Катруся не могла долее вытерпеть. Она молча встала и ушла в детскую, и я ушла за нею. А Катерина Лукьяновна осталася одна со своими князьями. Я была бы счастлива, Степановичу, если бы я забыла то, что у нас творилося в доме. Но бог меня, не знаю за что, памятью покарал.

После этой проклятой сестры я ни на одну минуту не оставляла моей Катруси, да и она, моя бесталанница, с той поры ни шагу не выступала из своей комнаты. Господи! Святая Катерино великомученице, страдала ли ты так, как она, моя бедная Катруся, страдала? Бывало, день плачет, ночь плачет. Я уже не знала, что с нею и делать. Вот она плакала, плакала, да и начала уже в уме мешаться. Я хотела было ребенка отнять от груди, нет, не дает:—

Умру — говорит,— с ним вместе, пускай меня в одну труну положат с ним, пускай, что хотят, делают, а его я никому не отдам! — Что же мне было делать с нею? Я так и оставила дитя; смотрю только, бывало, да плачу. Катерина Лукьяновна тоже, бывало, зайдет в нашу комнату, посмотрит на свою княгиню и, хоть была гордая, но заплачет и выйдет из комнаты.

А тут же рядом в других комнатах песни да музыка, точно в корчме на перекрестном шляху, а Хайка, что князь назвал своею сестрицею, так и носится с драгунами, и поет, и пляшет, и всякие фигуры выделывает, отвратительная,— даже трубку курила!

Катруся моя бедная сначала показывала вид, что ничего не видит и не слышит; а после уже ей, сердечной, невмоготу стало, да что станешь делать с таким уродом? У нашей сестры, сказано, одни слезы, ничего больше не осталось. А слезы что? Вода! Ох! Не одну реку пролила она этой горькой воды! А он, как ни в чем не бывало, зайдет к ней иногда, да еще спрашивает: — Как ты себя чувствуешь? — Как будто ослеп — прости ты меня, господи,— не видит, что ее, бедную, едва ноги носят.— Не послать ли, друг мой, в Козелец за полковым штаб-доктором? — Не нужно,— скажет она, да и замолчит.— Ну, как знаешь; это твое дело, а не мое. Я в твои дела, друг мой, никогда не мешаюсь,— скажет, бывало, и уйдет, хлопнувши дверью.

Только мы и свет божий видели, когда, бывало, он уедет куда-нибудь недели на две, на три к своим товарищам драгунам. Тогда мы без него вымоем, выскоблим полы и выветрим немного покои, а то просто конюшня конюшнею. Раз он тоже ночью приехал и привез с собою другую сестру, уже не еврейку, а полячку или цыганку, кто ее знает,— помню только, что была черная,— и хотел тоже рекомендовать Катрусе, только она его и в комнату не пустила.

Зима уже близилась к концу. Как раз на середокрестной мужики наши, собравшися громадою, пришли к нему просить зернового хлеба для посеву.

Что ежели, говорят, бог уродит, то они ему его добро возвратят седмерицею. Куда тебе! И выговорить слова не дал, прогнал их, бедных, да еще и собаками притравил. Хотела было вступиться за них сама Катерина Лукьяновна, да как он гаркнет на нее: — Молчать! — говорит.— Не ваше дело: я сам знаю, что делаю. Я в ваши чепцы да кофты не мешаюсь, так прошу не вмешиваться и в мои распоряжения.— Сказавши это, кликнул своего Яшку и велел закладывать тройку, чтобы ехать куда-нибудь к своим драгунам.

Когда он уехал, Катерина Лукьяновна пошла в клуню, чтобы выбрать полускирдок жита и пшеницы, да и велеть смолотить мужичкам для семян: она думала, что он по своему обыкновению долго проездит. Посмотрела около клуни и половины скирд хлеба не досчитала.— А куда же всё это делося? — спрашивает она у токового. А токовой отвечает, что сам князь по частям все продавал, да половину уже и продали: и солому, и полову,— все продали евреям, а те, разумеется, солому — драгунам, а полову (мякину) — нашим же мужикам, а они, бедные, и полове были рады! Катерина Лукьяновна выбрала одну скирду жита, а другую пшеницы и велела мужикам молотить.— Только поскорее,— говорит,— молотите, а то приедет князь, так он не даст вам ничего. Так и сталося! На другой день, только что начали молотить, глядь! — въезжает сам на двор.— Что вы делаете, мошенники? — крикнул на них.— Как вы посмели? Кто вам приказал? Я вас! — да как выхватил нагайку у кучера или у Яшки, да как принялся молотников молотить так, что ни одного на току не осталось,— все разбежалися. Досталось же и Катерине Лукьяновне за эту молотьбу! Она, бедная, три дня с постели не вставала!

После этого он уже всё дома банкетовал, никуда не ездил, аж до зеленых свят. А на самой зеленой неделе и выехал он куда-то со своим Яшкою. Катерина Лукьяновна опять послала за мужиками и велела им намолотить хоть сколько-нибудь ярового

хлеба для посева, потому что, благодаря бога, дожди перепали, и земля таки порядочно позеленела. Только что принялися они молотить просо и гречиху, как в тот же день возвращается он сам, а за ним видимо и невидимо драгуния, как орда тая за Мамаем валит. Кто на мужицком возу, а кто так просто без седла верхом, а денщики — те, бедные, пешком и босиком, только с трубкою да кисетом в руках плелися за своими драгунами.

Как только что на порог он вступил, кликнул своего Яшку и приказал ему, чтобы к трем часам был готов обед на 50 персон, к трем часам непременно, а ужин ввечеру на 100 персон, тоже чтоб был готов непременно.— Для обеда и для ужина стол накрой в саду: полно,— говорит,— в этой конюшне валяться. Теперь можно и на подножный выйти.— А червонцами так и гремит в карманах.— Да слушай,— говорит,— скажи приказчику, чтобы завтра всех мужиков выгнал хлеб молотить. Нужно весь перемолотить, сколько его ни есть.— Вот тут-то мы и догадались, откуда у него червонцы взялись.— Неужели он весь хлеб продал? — говорит Катерина Лукьяновна.— Что же люди бедные посеют?

А драгуния тым часом со всею своею мизериею, не заходя в покои, отправилася прямо в сад и покотом на траве лежала и сквернословила да трубки курила, пока он не велел вынести им водку. Все стулья и столы тоже в сад вынесли. Велел было и из спальни всё забрать, да мы замкнулись и не пустили его к себе. Он выругался за дверью по-своему и оставил нас в покое. Пока приготовляли обед, драгуния гуляла по саду и пила водку, расставленную чуть ли не под каждым деревом в больших графинах, а другие гости тоже пили водку и в карты играли. Наш князь с ними тоже пил и играл в карты, и все червонцы, что получил как задаток за хлеб, проиграл, потому что бросил на землю карты и вышел из-за стола, а товарищи его захохотали. Всё это я в окно видела.

Смеркало уже, когда Яшка с другими денщиками

начали накрывать на стол. Поставили столы, а на столы положили длинные доски, простые дубовые доски, и покрыли их холстом, потому что у нас хоть и была длинная скатерть, но Катерина Лукьяновна не дала ее, чтобы не испортили иногда пьяные гости, а скатерть была дорогая. Поставили на столе в трех местах свечи, а чтоб светлее было, то по концам длинного стола зажгли смоляные бочки. И только что вся драгуния села за стол, откуда ни возьмись полковые трубачи, да как грянут, так только земля задрожала! Не успели они и одного марша проиграть, смотрю, клуня наша загорелась: смоляные бочки так и сыплют искры на скирды и на клуню, а гости смотрят и, звычайне, пьяные, знай хохочут да кричат „ура!“

— Катрусю,— говорю,— серце мое, посмотрите,— говорю,— клуня наша горит, что мы будем делать? Смотрю, а она — неживая. Я к Катерине Лукьяновне, и та без чувств лежит. Я на нее брызнула холодной водой, она очнулася.— Спасайте, — говорю,— Катрусю с младенцем, а то сгорит. Скирды уже все загорелися, скоро дойдет и до дома.— Насилу-то, насилу мы ее в чувство привели, взяли ее под руки и вывели из дому. Я хотела было дитя взять у нее, но она его из рук не выпускала и только шептала: — Не дам, никому не отдам, сама его похороню.—Мы испугалися, она как-то страшно всё это шептала. Мы повели ее через греблю, прямо к вам, Степановичу, в хату,— дай вам бог доброе здоровье,— сказала она, обращаясь к хозяину,— и уже из вашей хаты я видела это проклятое пожарище.

И господь его знает, откуда тот ветер взялся. Снопы так прямо и летели на будынок из скирд, а потом ветер как будто переменился, когда загорелися будынки, и поворотил прямо на хаты. Через минуту всё село запылало. Пропали мы,— говорю я моий Катруси; а она, моя бедная, лежит, только головою мне кивает и языка во рту не поворотит.— Катрусю! Катрусю! — кричу я,— не слышит. Я стою ни жива, ни мертва.— Катрусю! — едва проговорила я.

Она вдруг вскочила, посмотрела вокруг себя, да как бросит своего бедного ребенка на пол и как закричит не своим голосом, да и ну на себе волосы рвать. Я вижу, что она не в своем уме, взяла дитя и вынесла в другую хату, и ее, бедную, мы с Степановичем кое-как уласкали, да завернули ее в рядно (в простыню), да и стали лить ей холодную воду на голову. Она пришла в себя, да и говорит: — Не буду, не буду! — А что и чего не буду, — она и сама не знала, что говорила. Потом она захохотала, потом начала петь, а потом запела, да так жалобно, так страшно запела, что мы выбежали из хаты. Так она, бедная, промучилася до самого рассвета. Перед зарницею она немного успокоилася, а я тем временем села у окна и смотрела, как наше бедное село догорает. Над ним кое-где только дым дымился, ничего не осталось! И дом, и клуня, и село, — все пропало. Осталися одни дымари да печи от господского дому, а от мужичьих хат и того не осталось, потому что у них не каменные. Остался только сад, почерневший от дыму. Стоит себе в стороне, да такой черный и страшный, что я и смотреть на него боялася.

Заплакала я, грешная, глядя на это пожарище: что будешь делать? На все его святая воля. Разбудила я Катерину Лукьяновну и говорю ей: — Что же мы теперь будем делать? Где мы приютимся? Куда мы денемся с нашею бедною Катрусею? — А что? — говорит она. — А то, — говорю я, — что она не в своем уме, что она помешалася. — А ребенок? — говорит она. — Ребенка, — говорю я, — я от нее отняла, а то она его чуть было не задушила. — Вскочила она и, простоволосая, выбежала на двор и кричит, чтобы бричку скорее заложили. Только видит, что двор чужой, — она и замолчала, посмотрела на ту сторону гребли, ахнула, затрепетала и, как неживая, упала ко мне на руки. Когда пришла в себя, то сказала: — Где же княгиня? (Она всегда ее так называла.) Покажи мне ее. — Мы пошли в комору, где была заперта Катруся. Когда мы вошли к ней, то

она, бедная, сидела на полу в одной рубашке и с растрепанной косою, и вся, как огонь, горела, несмотря на то, что в коморе было довольно таки холодно. В руках держала она свое искомканное платье и прижимала его к груди своей. Когда мы вошли, она взглянула на нас и шопотом сказала: — Спит. — Мы вышли из коморы. Страшно было смотреть на нее, бедную, а Катерина Лукьяновна, как ни в чем не бывало, и не вздохнула даже, а не кто другой, как она сама, всему причина. Не осуди ее, господи, на твоем праведном суде!

Помолчавши немного, она обратилася ко мне и сказала: — Марино! нужно достать где-нибудь экипаж и лошадей да отвезти ее в Чернигов или в Киев. До Киева, кажется, будет ближе, но где же мы лошадей и экипаж достанем? Хоть бы бричку какую-нибудь. — А лошадей, — говорю я, — нам и Степанович даст. Только брички у него нет, а простая мужицкая повозка есть. — Попроси, — говорит она, — хоть простой повозки.

Я выпросила у Степановича, спасибо ему, и коней и повозку. Наложили мы в повозку сена да покрыли рядном и положили ее, бедную, в повозку; около нее села сама Катерина Лукьяновна, да и повезли ее в Киев, в Кирилловский монастырь. Вот тебе, Катерина Лукьяновна, и княгиня. Теперь любуйся ею!

Старушка замолчала и тихо заплакала, а хозяин прибавил:

— Да, таки нечего сказать, хорошая княгиня!

— А что же сталося с князем? — спросил я.

— А господь его знает! — отвечала старушка. — Перед великоднем драгуния выступила в поход из Козельца, то, может быть, и он выступил с нею. Только мы его с той ужасной ночи уже не видали.

— И князь хороший, нечего сказать! — прибавил хозяин. — Хоть бы дитя проведал, проклятый!

— Господь с ним, Степановичу! Пускай лучше не проведывает, — сказала старушка и, выходя из хаты, пожелала нам спокойной ночи.

На другой день поутру, пока возница мой подмазывал бричку и закладывал своих тощих лошадей, я сидел под хатою на призьбе и смотрел на противоположный берег Трубежа, на грустные остатки погоревшего села, невольно восклицая: — Вот тебе и село! Вот тебе и идиллия! Вот тебе и патриархальные нравы! — И тому подобные восклицания срывались у меня с языка, пока бричка не высунулась на улицу. Поблагодарив хозяина за его бескорыстное гостеприимство, я отправился своей дорогой.

Через несколько дней я был уже в Киеве и, поклонившись святым угодникам печерским, в тот же день посетил Кирилловский монастырь. И увы! лучше было б не посещать его. Я слишком убедился в горькой истине печального этого рассказа, так неотрадно приветствовавшего меня на моей милой родине.

К. Дармограй.

1853.



МУЗЫКАНТ

Если вы, благосклонный читатель, любитель отечественной старины, то, проезжая город Прилуки Полтавской губернии, советую вам остановиться на сутки в этом городе, а если это случится не осенью и не зимою, то можно остаться и на двое суток, и, во-первых, познакомьтеся с отцом протоиереем Илиею Бодянским, а во-вторых, посетите с ним же, отцом Илиею, полуразрушенный монастырь Густыню, по ту сторону реки Удая, верстах в трех от г. Прилук. Могу вас уверить, что раскаиваться не будете. Это настоящее Сенклерское аббатство. Тут всё есть: и канал глубокий и широкий, когда-то наполнявшийся водою из тихого Удая, и вал, и на валу высокая каменная зубчатая стена со внутренними ходами и бойницами, и бесконечные склепы или подземелья, и надгробные плиты, вросшие в землю, между огромными суховерхими дубами, быть может, самим ктитором насажденными. Словом, всё есть, что нужно для самой полной романической картины, разумеется, под пером какого-нибудь Скотта Вальтера или ему подобного списателя природы. А я... по причине нищеты моего воображения (откровенно говоря) не берусь за такое дело, да у меня, признаться, и речь не к тому идет. А то я только так, для полноты рассказа заговорил о развалинах Самойловичева памятника.

Я, изволите видеть, по поручению Киевской археографической комиссии, посетил эти полуразвалины и, разумеется, с помощию почтеннейшего отца Илии, узнал, что монастырь воздвигнут *коштом и пра-*

цею несчастного гетмана Самойловича в 1664 году, о чем свидетельствует портрет его, яко ктитора, написанный на стене внутри главной церкви.

Узнавши всё это и нарисовавши, как умел, главные или святые ворота, да церковь о пяти главах, Петра и Павла, да еще трапезу и церковь, где погребен вечныя памяти достойный князь Николай Григорьевич Репнин, да еще уцелевший циклопический братский очаг,— сделавши, говорю, всё это, как умел, я на другой день хотел было оставить Прилуки и отправиться в Лубны осмотреть и посмотреть на монастырь, воздвигнутый набожною матерью Иеремии Вишневецкого Корибута. Сложил было уже всю свою мизерию в чемодан и хотел фактора Лейбу послать за лошадьми на почтовую станцию, только входит мой хозяин в комнату и говорит:

— И не думайте, и не гадайте, вы только посмотрите, что на улице творится.

Я посмотрел в окно,— и действительно, вдоль грязной улицы тянулося две четырехместные кареты, несколько колясок, бричек, вагонов разной величины и, наконец, простые телеги.

— Что всё это значит? — спросил я своего хозяина.

— А это значит то, что один из потомков славного прилуцкого полковника, современника Мазепы, завтра именинник.

Хозяин мой, нужно заметить, был уездный преподаватель русской истории и любил щегольнуть своими познаниями, особенно перед нашим братом ученым.

— Так неужели весь этот транспорт тянется к имениннику?

— Э! Это только начало, а посмотрите, что будет к вечеру: в городе тесно будет.

— Прекрасно. Да какое же мне дело до вашего именинника?

— А такое дело, что мы с вами возьмем добрых тройку коней да и покатим чуть свет в Дигтяри.

— В какие Дигтяри?

— Да просто к имениннику.

— Я ведь с ним не знаком!

— Так познакомитесь.

Я призадумался.— А что в самом деле, не махнуть ли по праву разыскателя древностей полюбоваться на сельские импровизированные забавы? Это будет что-то новое. Решено! — И мы на другой день поехали в гости.

Начать с того, что мы сбилися с дороги, не потому что было еще темно, когда мы выехали из города, а потому что возница (настоящий мой земляк!), переехавши через удайскую греблю, опустил вожжи, а сам призадумался о чем-то, а кони, не будучи глупы, и пошли роменскою транспортной дорогой, разумеется, по привычке. Вот мы и приехали в село Иваныцю; спрашиваем у первого встретившегося мужика, как нам проехать в Дигтяри?

— В Дигтяри? — говорит мужик.— А просто берй́ть на Прилуку.

— Как на Прилуки? Ведь мы едем из Прилук.

— Так не треба було вам и издыть с Прилуки,— отвечал мужик совершенно равнодушно.

— Ну, как же нам теперь проехать в Дигтяри, чтобы не возвращаться в Прилуки? а? — спросил я.

— Позвольте, тут где-то недалеко есть село Сокиринцы, тоже потомка славного полковника. Не знает ли он этого села?

— А Сокиринцы, земляче, знаешь? — спросил я у мужика.

— Знаю! — отвечал он.

— А Дигтяри от Сокиринец далеко?

— Ба ни.

— Так ты покажи нам дорогу на Сокиринцы, а там уж мы найдем как-нибудь Дигтяри.

— Ходим за мною,— проговорил мужик и пошел по улице впереди нашей удалой тройки.

Он повел нас мимо старой деревянной одноглавой церкви и четырехугольной бревенчатой колокольни,

глядя на которую я вспомнил картину незабвенного моего Штернберга „Освящение пасок“, и мне грустно стало. При имени Штернберга я многое и многое вспоминаю.

— Оце вам буде шлях просто на Сокырынци!— говорил мужик, показывая рукою на едва заметную дорожку, блестевшую между густой зеленой пшеницей.

Замечательно, что возница наш в продолжение всей дороги от Прилук и до Иваныци и во время разговора моего с мужиком всё молчал и проговорил, только когда увидел из-за темной полосы леса крытый белым железом купол:

— Вот вам и Сокырынци!—и опять онемел. Это общая черта характера моих земляков. Земляк мой, если что и впопад сделает, так не разговорится о своей удали, а если, боже сохрани, опростофилится, тогда он делается совершенной рыбой.

В Сокиринцах мы узнали дорогу в Дигтяри и поехали себе с богом между зеленою пшеницею и житом.

Товарищу моему, кажется, не совсем нравилось такое путешествие, тем более, что он имел претензию на щеголя (а надо вам заметить, мы были одеты совершенно по-бальному). Он, как и возница наш, тоже молчал и не проговорил даже „а вот и Сокиринцы!“—так был озлоблен пылью и прочими дорожными неудачами. Я же, несмотря на фрак и прочие принадлежности, был совершенно спокоен и даже счастлив, глядя на необозримые пространства, засеянные житом и пшеницею. Правда, и в мое сердце прокрадывалася грусть, но грусть иного рода. Я думал и у бога спрашивал:—Господи, для кого это поле засеяно и зеленеет?—Хотел было сообщить мой грустный вопрос товарищу, но, подумавши, не сообщил. Когда бы не этот проклятый вопрос, так некстати родившийся в моей душе, я был бы совершенно счастлив, купаяся, так сказать, в тихо зыблемом море свежей зелени. Чем ближе подвигались мы к балу, тем грустнее и грустнее мне де-

лалось, так что я готов был поворотить, как говорится, оглобли назад. Глядя на оборванных крестьян, попадавшихся нам навстречу, мне представлялся этот бал каким-то нечеловеческим весельем.

Так ли, сяк ли, мы, наконец, добралися до нашей цели уже перед закатом солнца. Не описываю вам ни великолепных дубов, насажденных прадедами, составляющих лес, освещенный заходящим солнцем, среди которого высится бельведер с куполом огромного барского дома, ни той широкой и величественной просеки или аллеи, ведущей к дому, ни огромного села, загроможденного экипажами, лошадьми, лакеями и кучерами. Не описываю потому, что нас встретила, перед самым въездом в аллею, бесконечная кавалькада амазонок и амазонов и совершенно сбила меня с толку. Но товарищ мой не оробел. Он ловко выскочил из телеги и хватски раскланивался со всею кавалькадою, из чего я заключил, что он порядочный шутник. По миновании амазонок, амазонов и, наконец, грумов или жокеев, я тоже вылез из телеги и расплатился с нашим возницею, сказавши ему на вопрос: — Де ж я буду ночувать? — В зелений диброви, земляче! — после чего он посвистел и поехал в село, а мы скромно пошли вдоль великолепной аллеи к барскому дому. Но чтоб придать себе физиономию хоть сколько-нибудь похожую на джентльменов, зашли мы в так называемый холостой флигель, отстоящий недалеко от главного здания, где встретили нас джентльмены самого неблагопристойного содержания. Обыкновенно бывает, что люди после немалосложного обеда и нешуточной выпивки предаются сновидениям, а у них как-то вышло это напротив. Они скакали, кричали и чорт знает что выделывали, и все, разумеется, в шотландских костюмах. Цинизм, чтобы не сказать мерзость, и больше ничего! Виргилий мой добился кое-как умывальника с водой и лоханки, и мы, в коридоре умывши свои лики и согнавши пыль с фраков посредством вытряхиванья, отправились в сад, в надежде встретиться с хозяевами.

Надежда нас не обманула. Мы вошли сначала в дом и, пройдя две залы, очутилися на террасе, уставленной роскошнейшими цветами; спустившися с террасы и пройдя дорожкой, тщательно песком усыпанной, через зеленую площадь (из патриотизма называемую левадою), вошли мы в сад, к немалому моему удивлению, не в английский и не в французский сад, а в простой естественный дубовый лес, или в дуброву. И если б не желтые дорожки блестели между старыми, темными дубами, то я совершенно забыл бы, что нахожусь в барском саду, а не в какой-нибудь заповедной дуброве. Виргилий мой подвел меня к высокому раскидистому огромному дубу и показал мне на стволе его небольшое отверстие вроде маленького окошечка, сказавши: — Посмотрите-ка в это оконце! — Я посмотрел и, разумеется, ничего не увидел.— Посмотрите пристальнее! — Я посмотрел пристальнее и увидел что-то вроде иконы божьей матери. И действительно, это была икона иржавецкой божьей матери (как мне пояснил мой Виргилий), врезанная в этот дуб знаменитым прилуцким полковником, год спустя после Полтавской битвы.

Слушая пояснения сего исторического факта, я и не заметил, как мы вышли опять на леваду, где и встретили хозяина и хозяйку, окруженных толпою улыбающихся гостей своих.

Виргилий мой, довольно ловко для уездного преподавателя, расшаркнулся перед хозяином и хозяйкой, причем хозяин протянул ему покровительственно указательный палец левой руки, украшенный дорогим перстнем. Виргилий мой с подобострастием схватил его палец обеими руками и рекомендовал меня, как своего друга и ученого собрата. Я в свою очередь тоже расшаркнулся, надо сказать правду, довольно по-ученому, то-есть по-медвежьи, после чего толпа гостей увеличилась двумя членами.

Не описываю вам ни хозяйки, ни хозяина, потому что во время нашей аудиенции на дворе было почти

темно, следовательно, подробностей рассмотреть было невозможно. А как ни будь хороша картина в целом, но если художник пренебрег подробностями, то картина его останется только эскизом, на который истинный знаток и любитель посмотрит и только головой покачает, и отойдет со вздохом к портретам Зарянки восхищаться гербами, с убийственною подробностию изображенными на пуговицах какого-нибудь вицмундира.

Во избежание помавания главы знатока и любителя оконченных картин, я ограничусь только первым впечатлением, что, по мнению психологов, самая важная черта при изображении характеров.

Первое впечатление, произведенное на меня хозяйкою, было самое приятное впечатление, а хозяином — напротив. Но это, быть может, указательный палец левой руки, так благосклонно протянутый моему приятелю, был причиною такого неприятного впечатления. Веселая толпа гостей тихонько двигалася к дому, уже освещенному ярко внутри, а на террасе между роскошными цветами и лимонными деревьями только еще разноцветные фонари развешивали.

Лишь только хозяин с хозяйкой вступили на террасу, как крепостной оркестр грянул знаменитый марш из „Вильгельма Телля". После марша сейчас же, не переводя духу, полонез, и бал начался во всем своем величии.

Некий ученый муж, кажется, барон Боде, поехал из Тегерана к развалинам Персеполиса и описал довольно тщательно свое путешествие до самой долины Мардашт; увидевши же величественные руины Персеполиса, сказал: — Так как многие путешественники описывали сии знаменитые развалины, то мне здесь совершенно нечего делать. — Я то же могу сказать, глядя на провинциальный бал, хотя мое путешествие не имело цели описания провинциального бала и не было сопряжено с такими трудностями, как путешествие из Тегерана к развалинам Персеполиса, да и сравнение, надо правду

сказать, я делаю самое неестественное. Да что делать, — что под руку попало, то и валяй.

Любую повесть прочитайте современной нашей изящной словестности, везде вы встретите описание, если не столичного, то уж непременно провинциального бала, и, разумеется, с разными прибавлениями насчет нарядов, ухваток или манер и даже самых физиономий, как будто природа для провинциальных львиц и львов особенные формы делала. Вздор! Формы одни и те же, и львицы и львы одни и те же, и ежели есть между ними разница, так это только та, что провинциальные львы и львицы немножко ручнее столичных, чего (сколько мне известно) списатели провинциальных балов не заметили.

Следовательно, все балы описаны, начиная от бала на „Фрегате Надежда“ до русской пирушки на немецкий лад, где усть-сысольские ребята немножко пошалили.

И в отношении провинциального бала я могу сказать смело, что мне совершенно нечего делать, как только любоваться свежими, здоровыми лицами провинциальных красавиц.

Одно меня немного озадачило на этом бале, именно то, что не видно было ни одного мундира, несмотря на то, что в Прилуцком уезде квартировал стрелковый баталион. Не постигая сей причины, я обратился к моему Виргилию.

А Виргилий мой в эту самую секунду выделывал в кадрили па самым классическим образом. Я терпеливо ожидал конца последней фигуры кадрили, а между тем разгадывал вопрос предположениями.— Может быть,— думал я,— они того?— Но нет, эта профессия принадлежит более гусарам и вообще кавалерии, а ведь они пехотинцы, да еще с ученым Кантом. Нет, тут что-нибудь да не так!

В эту минуту кадриль кончилась, и вспотевший мой Виргилий подошел ко мне.

— А! каково пляшем!— проговорил он, утираясь.

— Ничего, изрядно,— отвечал я рассеянно.

— А вот что,— сказал я ему почти шопотом,— отчего это военных нет на бале?

— Их почти нигде не принимают, тем более в таком доме, как дом нашего амфитриона.

— Странно! — подумал я и, подумавши, спросил:

— А барышни ничего?

— Ничего.

— Таки совершенно ничего?

— Совершенно ничего!

В это время заиграл вальс, и ментор мой завертелся с какой-то аппетитною брюнеткой. А я, протолкавшися кое-как между зрителей и зрительниц, т. е. между горничных и лакеев, столпившихся у растворенных дверей, вышел на террасу и думал о том, [как]

Мы подвигаемся заметно.

Бал был увенчан самым роскошным ужином и не спрыснут, не запит, а буквально был залит шампанским всех наименований. Меня просто ужаснула такая роскошь.

После ужина амфитрион предложил гросс-фатер, что и было принято с восторгом счастливыми гостями.

Гросс-фатер начался и продолжался со всей деревенской простотой до самого восхода солнца.

Красавицы, особенно красавицы вроде героинь покойного Бальзака, т. е. красавицы не первой свежести, не советую вам танцовать до восхода солнечного! Власть, утвержденная при свете свечей над нашим бедным сердцем, распадается при свете солнца, и обаяние, навеянное вами в продолжение ночи, сменяется каким-то горько-неприятным чувством, похожим на пресыщение. Но вы, алчные пожирательницы бедных сердец наших, в торжестве своем и не замечаете, как близится день, и могущество ваше исчезает, как тот прозрачный туман, разостлавшийся над болотом.

Так думал я, оставляя веселый, непринужденный гросс-фатер и пробираясь между дубами к нашему лагерю (гости не помещались в зданиях: разбивалося несколько палаток в конце сада, что и озна-

чало лагерь, или, ближе, цыганский табор). Приближаясь к палаткам, блестевшим на темной зелени, я, к немалому моему удивлению, услышал песни и хохот в одной палатке. То были друзья-собутыльники, предпочитавшие мирскую суету уединению, нельзя сказать совершенному. Я кое-как прокрался в свою палатку, наскоро переменил фрак на блузу и скрылся в кустах орешника.

Я не знал, что к саду примыкает пруд, и мне показалося странным, когда густые, темные ветви орешника стали рисоваться на белом фоне. Я вышел на полянку, и мне во всей красе своей представилося озеро, осененное старыми берестами, или вязами, и живописнейшими вербами. Чудная картина! Вода не шелохнется,— совершенное зеркало, и вербы-красавицы как бы подошли к нему группами полюбоваться своими роскошными широкими ветвями. Долго я стоял на одном месте, очарованный этой дивною картиной. Мне казалося святотатством нарушить малейшим движением эту торжественную тишину святой красавицы природы.

Подумавши, я решился, однако ж, на такое святотатство. Мне пришло в голову, что недурно было бы окунуться раза два-три в этом волшебном озере, что я тотчас же и исполнил.

После купанья мне так стало легко и отрадно, что я вдвойне почувствовал прелесть пейзажа и решился им вполне насладиться. Для этого я уселся под развесистым вязом и предался сладкому созерцанию очаровательной природы.

Созерцание, однако ж, не долго длилося. Я прислонился к бересту и безмятежно уснул. Во сне повторилася та же самая отрадная картина, с прибавлением бала, и только странно — вместо обыкновенного вальса, я видел во сне известную картину Гольбейна „Танец смерти“.

Видения мои были прерваны пронзительным женским хохотом. Раскрывши глаза, я увидел резвую стаю нимф, плескавшихся и визжавших в воде, и мне волею-неволею пришлося разыграть роль не-

скромного Актеона-пастуха. Я, однако же, вскоре овладел собою и ползком скрылся в кустарниках орешника.

В одиннадцать часов утра посредством колокола сказано было холостым гостям, что чай готов (женатые гости наслаждалися им в своих номерах). На сей отрадный благовест гости потянулися из своих уединенных приютов к великолепной террасе, украшенной столами с чайными приборами и несколькими пузатыми самоварами и кофейниками. Не успел я кончить вторую чашку светлокоричневого сиропа со сливками, как грянул вальс, и в открытые двери в зале я увидел вертящихся несколько пар.— Когда ж они навертятся! — подумал я и, сходя с террасы, встретил своего Просперо, который сообщил мне по секрету, что сегодняшний вечер начнется концертом, чему я немало обрадовался, хоть, правду сказать, многого и не ожидал. Я, однако же, ошибся.

Вскоре после вечерней прогулки гости собралися кто в чем попало, т. е. кто в сюртуке, кто в пальто, а кто держался хорошего тона или корчил из себя англомана,— такие пришли во фраках. А о костюмах нежного пола и говорить нечего. Это уже всему миру известно, что ни одна [женщина], в какой бы степени ни была она красавица, не задумается раз двадцать в сутки переменить свой костюм, если имеет в виду встретить толпу, хотя бы даже уродов, только не своей породы. Прошу не прогневаться, мои милые читательницы,— это не сочинение, а неопровержимый факт.

Гости собрались и заняли свои места, разумеется, с некоторою сортировкой: что покрупнее, выдвинулося вперед, а мелочь (в том числе и нас, господи, устрой) поместилася кое-как впотьмах, между колоннами. Когда всё пришло в порядок, явился на подмостках, вроде сцены, вольноотпущенный капельмейстер, довольно объемистой стати и самой лакейской физиономии.

— Ученик знаменитого Шпора! — кто-то шепнул возле меня.

Еще миг, и грянула „Буря“ Мендельсона и, правду сказать, грянула и продолжала греметь удачно. Меня задела не на шутку виолончель. Виолончелист сидел ближе других музыкантов к авансцене, как бы напоказ (что, действительно, и было так). Это был молодой человек, бледный и худощавый,— всё, что я мог заметить из-за виолончели. Соло свои он исполнял с таким чувством и мастерством, что хоть бы самому Серве так впору. Меня удивляло одно,— отчего ему не аплодируют. Самому же мне начинать было неприлично. Что я за судья, да и что я за гость такой? Бог знает что и бог знает откуда! Что скажут гости первого разбора!

Между тем „Буря“ кончилась, и я услышал произносимые вполголоса похвалы артисту такого рода: — Ай да Тарас! Ай да молодец! Недаром побывал в Италии!

Пока оркестр строился, я успел узнать от соседа кое-что о заинтересовавшем меня артисте. Началася увертюра из „Прециозы“ Вебера, и я, к удивлению моему, увидел виолончелиста со скрипкою в руках почти рядом с капельмейстером и теперь я его мог лучше рассмотреть.

Это был молодой человек лет двадцати с небольшим, стройный и грациозный, с черными оживленными глазами, с тонкими, едва улыбающимися губами, высоким бледным лбом. Словом, это был джентльмен первой породы и, вдобавок, самой симпатической породы.

Когда он исполнил арию Прециозы, я не утерпел, закричал „браво!“ — и изо всей мочи стал аплодировать. Все посмотрели на меня, разумеется, как на сумасшедшего. Я, однако ж, не струсил и продолжал хлопать и кричать „браво!“ — пока наконец воловьи глаза самого хозяина не заставили меня опомниться.

Оркестр снова строился, но я, не ожидая услышать что-нибудь лучшее, вышел из залы в сад. Ночь была лунная, теплая и спокойная. Я бродил около дому недалеко, и до меня долетали из хаоса

звуков чудные звуки виолончели или скрипки, и образ грустного артиста со своею меланхолическою улыбкою носился, как бы живой, передо мною.— Где я его видел? Где я с ним встречался?—спрашивал я сам себя и, после долгого напряжения памяти, я вспомнил, что я видел его во время обеда, с рукой обернутой салфеткой, за стулом самого хозяина.

Мне сделалося почти дурно после такого открытия.

Музыка затихла, и я пошел через леваду по дорожке, к старосветским таинственным дубам. Пройдя немного, я услышал тихий шорох шагов за собою, оглянулся и узнал преследующего меня виолончелиста. Я обратился было к нему с вопросом, но он предупредил меня, схватил мои руки и со слезами прижал их к губам своим.

— Что вы, что вы? Что с вами сделалось?—спрашивал я его, стараясь освободить руки.

— Благодарю вас! благодарю!—говорил он шопотом.— Вы! вы один-единственный человек, который слушал меня и понял меня!

Он не мог продолжать за слезами. Я молча взял его под руку и привел к дерновой скамейке, устроенной вокруг столетнего развесистого дуба.

Долго мы сидели молча, наконец он заговорил:

— Вы со мной очень милостивы.

В это время раздался голос, называвший его по имени.

— Идите в виноградную беседку,— сказал он, вставая,—я сию минуту приду к вам.

И он поспешно удалился.

Глядя вслед ему, я думал:—Вот вдохновенный миннезингер XII века. Как мы недалеко, однако ж, ушли от благородных рыцарей, разбойников того плачевного века! А просвещение идет себе вперед крупными шагами.

Я встал со скамьи и пошел по дорожке, ведущей к виноградной беседке. Не знаю почему, а я не надеялся услышать от него [его] безотрадную повесть, как это обыкновенно бывает, и я, слава богу, не

совсем ошибся. Правда, он передо мной высказался даже, может быть, больше, нежели сам хотел, но то не простой наш бедный язык, которым он заговорил со мною,— то были чудные божественные звуки, в которых отразились стоны рыдающего непорочного сердца.

Пришел он ко мне в беседку с виолончелью и, не сказав ни слова, начал настраивать инструмент и вроде пробы, как бы шутя, проиграл знаменитую каватину из „Нормы“. У меня дух захватило при этих звуках.

Не отнимая смычка от струн, он заиграл одну из задушевных мазурок вдохновенного Шопена. Кончивши мазурку, он едва внятно проговорил: — Вот у нас свой бал.— Проиграл он еще несколько мазурок Шопена, одну другой лучше, одну другой задушевнее.

К концу последней мазурки я заметил сквозь виноградные листья безмолвные лица многочисленных слушателей, то были горничные, лакеи и форейторы приезжих господ. Они оставили окна, в которые глазели на немецкие танцы вымуштрованных господ и госпож своих, и пришли послушать, как Тарас играет.

Орфей мой, отдохнув немного и настроив свою лиру, повел медленно смычком по струнам, и полилася полная сердечной сладкой грусти моя родная мелодия (на слова):

Котилися вози з гори,
А в долині стали.

Проигравши тему, он варьировал ее на тысячу ладов, и так варьировал, что я ничего подобного в жизнь мою не слыхал, да, кажется, и не услышу никогда. Слушатели вокруг беседки в продолжение игры не пошевелились и, когда он кончил свои чудные вариации, слушатели долго еще слушали, не переводя духа, разразились, наконец, общим вздохом и снова замолчали.

Я молча взял его за руки и знаком просил его

выйти из беседки. Мы вышли и долго молча ходили по дорожке, как бы боясь заговорить. Наконец, я, овладевши собой, спросил его:

— Где вы учились?

— Сначала дома.

— А потом?

— А потом барин с барыней ездили за границу и меня с собою брали, и, пока они жили в Берлине, я ходил несколько раз к Шпору и больше нигде не учился.

— Да ведь Шпор играл на скрипке.

— Я на скрипке у него и учился, скрипка и есть мой настоящий инструмент, а виолончель — это уже так.

— Что же вы намерены теперь с собою делать? Ведь вы настоящий великий артист!

— А что с собою делать? Повеситься, ничего больше.— Правду сказать, я и сам не мог ему ничего лучшего предсказать.

— Прошедшего лета,— заговорил он,— приезжал к нам из Кочановки Глинка, слушал мою игру на скрипке и на виолончели, хвалил меня и просил барина, чтобы отпустил меня на волю. Они обещали ему, но тем, кажется, и кончилось.

— Не унывайте, молитесь богу. Даст бог, все устроится.

— Я не отчаиваюсь. Михайло Иванович, кажется, добрый такой,— на него можно надеяться.

— Совершенно можно, если только он про вас не забыл. Напишите вы ему письмо.

— Написать-то я напишу, да как же я перешлю его? Ведь я адреса не знаю.

— Я знаю, и вы передайте письмо мне. Напишите письмо сегодня, а я завтра буду в городе и подам его на почту.

В это время мы подошли к беседке, и он спросил меня, наклонясь к виолончели:

— Не сыграть ли вам еще что-нибудь?

— Весьма вам благодарен. Вы устали, отдохните немного и приготовьте к завтрему письмо.

И мы расстались.

После ужина (перед восходом солнца), раскланявшись с хозяином и хозяйкой, я, не заходя в табор, пошел в село нанять лошадь с телегою для совершения обратного путешествия до города или хоть до почтовой станции. Но увы! во всем огромном селе ни лошади, ни телеги не оказалось. Нечего сказать, мужики зажиточные! Пьяницы, я думаю, да лентяи по большей части, а то как бы не найтись во всем селе одной лошади с телегою! Удивительный народ наши мужики! Не припугни его, так ничего и не будет. А вас, однако ж, как видно, чересчур припугнули,— подумал я, глядя на обнаженное село.

Делать нечего, отправился я в корчму и нанял клячу на пять верст до какой-то фермы.— А там,— уверял меня корчмарь,— хоть четверку можно нанять до самой Прилуки.

С помощию услужливого Тараса Федоровича (виолончелиста) мы уложили кое-как свою мизерию и выехали из села по дороге в Прилуки.

— Скажите мне, что это такое за ферма, на которую он нас теперь везет?— спросил я у своего полусонного ментора.

— Ферма? Это хутор Антона Карловича. Прекраснейшие люди, т. е. он и Марьяна Акимовна! Прекраснейшие люди! Заедем, непременно заедем! Я уже их давно не видал.

— Пожалуй, заедем. Мне теперь заодно уж шляться, пока не выберусь на почтовую дорогу.

— Не будете жалеть. Антон Карлович презамечательный человек. Он, изволите видеть, начал и кончил свою службу во флоте лекарем, путешествовал раза два вокруг света, оставил службу, получает себе полный пенсион, да теперь приватно занимает место домашнего лекаря у нашего амфитриона, а он ему, вдобавок, еще и хутор подарил со всеми угодьями. Чего ж еще? Живи да бога хвали!

— И давно он уже живет здесь?

— Да будет лет около десяти с небольшим.

— Что они, семейные люди?

— Нет, только вдвоем. Правда, под их непосредственным надзором воспитываются две дочери помещика — премиленькие дети, и они-то, можно сказать, и заменяют им настоящих детей. Одной, я думаю, будет уже лет около шести, а другая годом меньше.

— Что же их не видно было на бале? Ведь они, я думаю, уже качучу танцуют. А это, вы знаете, какое украшение бала!

— Нет, я думаю, что они еще качучи не танцуют. И, знаете, мать хочет их воспитать в совершенном уединении и после выпустить их на свет совершенно невинных, как двух птенцов из-под крылышка. Знаете, мне эта идея чрезвычайно нравится,— нравственно-философская и, можно сказать, поэтическая идея,— как вы думаете?

— Действительно, поэтическая идея, но никак не больше. Я не подозревал, однако ж, чтобы у Софьи Самойловны были дети. Она еще так свежа.

— И прекрасна, прибавьте!

— Действительно, прекрасна.

В это время повстречался нам мужик и, снявши свой соломенный бриль, поклонился. И когда мы проехали мимо него, то он всё еще стоял с открытой головой и смотрел на наш экипаж и, вероятно, думал: — Чорт его знае, що воно таке,— чи воно паны, чи воно що? — Паны, да еще из балу возвращающиеся.

Конечно, вы знаете лубочную картинку, изображающую, как евреи на шабаш поспешают. Много было общего между этою картинкою и нашим экипажем,— пожалуй, и пассажирами. Как же тут было мужику не остановиться и не полюбоваться таким величественным поездом? А надо вам сказать, что пыль не скрывала нашего великолепия, потому что мы двигалися шагом, и только наши особы торчали из глубокой еврейской брички, а сам хозяин шел пешком, погоняя свою тощую клячу.

Несколько раз до меня долетали какие-то еврей-

ские слова, со вздохом произносимые нашим возницею. И так часто повторял он одну и ту же фразу, что я невольно ее затвердил и просил его перевести мне ее, на что он неохотно согласился, уверяя меня, что то были нехорошие слова.

— Такие скверные,— прибавил он,— что об них и думать нехорошо, а не то, чтобы еще их говорить.

Когда же я ему посулил гривну меди на водку, то он, посмотревши на меня недоверчиво, сказал:

— Уни хушавке мес. По-вашему будет означать, что живой человек без денег — все равно, что мертвый.

Вот мы и едем себе тихонько по дорожке между прекраснейшей зелени, освещенной утренним солнцем. Роса уже немного подсохла, и кузнечики начинали в зеленом жите свой шопот, такой тихий, такой мелодический шопот, что если бы меня не укусила муха за нос, то я непременно бы заснул. Согнавши проклятую муху, я невольно взглянул вперед. Боже мой, да откуда же все это взялося? Представьте себе, из зеленой гладкой поверхности, можно сказать, перед самым [носом] выглянули верхушки тополей, потом показалися зеленые маковки верб, потом целый лес разостлался под горою, а за ним во всю долину раскинулося, как белая скатерть, тихое светлое озеро. Прекрасная, душу радующая картина!

Я растолкал своего товарища и показал ему рукою на великолепный пейзаж.

— Это ферма Антона Карловича. Мы тут встанем и пойдем через рощу пешком; а он пускай остановится около млына под горою.

Сделавши наставление еврею, мы пошли к роще, но в рощу мы не так легко попали, как думали, потому что она обведена довольно широким рвом, а противоположная сторона рва была защищена живою изгородью, т. е. усажена крыжовником.

Взявшись с приятелем под руки (чего я, между прочим, терпеть не могу), мы пошли вдоль изгороди, уставленной высокими роскошными тополями.

Из-за тополей кой-где просвечивалась молодая березовая рощица или темнел стройный молодой дубняк; то вдруг стройный ряд тополей прерывался усевшимся над самым рвом старым дубом, протянувшим свои живописные ветви далеко за ров, на самую дорогу.

Пройдя добрые полверсты, мы дошли до угла изгороди и поворотили влево по тропинке, идущей параллельно со рвом под гору. При этом повороте нам открылося во всей красе своей тихое светлое озеро, окаймленное густым зеленым камышом и раскидистыми огромными вербами. Подойдя к озеру, мне так и хотелося окунуться раза два-три в его прозрачной воде. Но вожатый мой заметил мне довольно основательно, что подобное действие было бы неприлично, тем более, что в это время мы подошли к воротам парка, осененным двумя старыми вербами. Мы без труда отворили ворота и вошли в парк. Длинная тенистая дорожка вела к дому, вдали белеющему сквозь ветви. Не доходя до дома, мы в стороне, недалеко от дороги, между деревьями увидели человеческую фигуру в белой полотняной блузе, в соломенной простой шляпе и с сигарою в [зубах].

— Антону Карловичу имеем честь кланяться! — закричал мой вожатый.

Фигура в блузе приподняла шляпу и, вынувши сигару изо рта, сказала:

— Добро пожаловать!

Мы подошли друг к другу поближе. Это был сам хозяин парка или фермы, свежий, коренастый старик самой немецкой физиономии. Я был отрекомендован моим разбитным путеводителем со всеми прилагательными, на что Антон Карлович с добродушной улыбкой протянул мне руку и проговорил:

— Очень рад.

Я со своей стороны проговорил тоже какую-то лаконическую вежливость, и мы вышли снова на дорогу. Не успели мы ступить несколько шагов, как к нам выбежали из-за куста цветущей душистой

черемухи две белокурые прекрасные девочки лет пяти или шести и бросились к Антону Карловичу, крича:

— А что, испугали, испугали!

Антон Карлович молча указал им рукою на нас, и девочки оставили его и спряталися за куст черемухи.

Тем временем мы вышли на зеленую площадку, примыкающую одной стороной к озеру, а другой к крылечку чистенького беленького домика, кругом усаженного кустами сирени.

Дивное впечатление произвела на меня эта тихая грациозная картина!

Вслед за нами девочки выбежали на лужок, а из дома на крылечко [вышла] молодая, прекрасная собою женщина, с книгою и с зонтиком в руке, и пошла к детям. Это была гувернантка француженка, как я после узнал.

Мы вошли на крылечко, и хозяин предложил нам отдохнуть в тени, а сам пошел в дом.

Я на досуге залюбовался на детей, играющих на зеленом лужке, и, правду сказать, на стройную, величественную фигуру прекрасной гувернантки, залюбовался до того, что не заметил, как к нам вышла на крылечко сама хозяйка.

Я, поклонившись, извинился в своей рассеянности.

— Ничего, ничего, любуйтесь. У нас, слава богу, есть на что полюбоваться.

И она лукаво улыбнулась и обратилась к моему товарищу. Тот начал было рекомендовать меня, но она ему сказала нецеремонно:

— Не беспокойтесь, мне уже Антон Карлович отрекомендовал. А вы лучше расскажите, каково вы повеселилися на бале.

И приятель мой пустился описывать ей бал, а я тем временем стал рассматривать нецеремонную хозяйку дома.

Это была лет тридцати пяти, по крайней мере, прекрасно сохранившаяся брюнетка, с большими выразительными карими глазами, с довольно све-

жим для ее лет румянцем на полных щеках, со вздернутым носом, с прекрасными белыми крупными зубами и с едва отвисшим подбородком. А в целом, она была настоящий тип малороссиянки. Даже голос ее, и особенно произношение, напоминал мне мою землячку, какую-нибудь чиновницу средней руки или высокой руки протопопшу, несмотря на то, что она была одета, как настоящая барыня.

— А ну-те вас с вашим балом! — проговорила она скороговоркой; остановилася в дверях да и затараторила:

— Прошу покорно в покои! Вы хоть из балу сегодня, а, верно, еще чаю не пили. Правду сказать, и мы еще только что поднялися.

Я пошел вслед за хозяйкою, а товарищ мой, как человек, знакомый с местностью, пошел отыскивать еврея и распорядиться насчет помещения.

В первой комнате, довольно большой, встретил нас Антон Карлович, уже не в полотняной блузе, а в сером пальто из летнего трико, и просил меня садиться без церемонии.

— А вы, Марьяна Акимовна, пошлите свою Ярину просить к завтраку Адольфину Францевну с детьми.

На зов Марьяны Акимовны явилась горничная, скромная и миловидная, в деревенском костюме и, получивши приказание от Марьяны Акимовны на чистом малороссийском языке, вышла из комнаты.

Через несколько минут вошла в комнату гувернантка с двумя девочками, а за нею и мой товарищ. И все мы уселись вокруг стола, увенчанного изрядным самоваром. Если бы я не знал, чьи это были дети, то я подумал бы, что Марьяна Акимовна была им настоящая мать,— так мило, так матерински мило она ухаживала за ними. И, к немалому моему удивлению, она, обращаясь к гувернантке, разговаривала с нею по-французски.— Вот тебе и чиновница средней руки! Вот тебе и протопопша высшей руки! — подумал я.— Я был просто очарован Марьяной Акимовной, и если б она обращалась к своей Ярине

(кажется, единственной прислуге) хоть на великороссийском диалекте, то я подумал бы, что я имею счастие видеть перед собою, по крайней мере, графиню или хоть просто даму высшего полета.

Такова сила предубеждения против своего родного наречия.

За чаем я случайно узнал имена двух девочек; одну, кажется, старшую (потому что они обе одинакового роста), звали Лизой, а другую Наташей. И так они были похожи одна на другую, что, пересади их с места на место, то и не знал бы, которая из них Лиза, а которая Наташа. А обе они были чрезвычайно похожи на свою милую маменьку.

Хозяйка, между прочим, обратилась ко мне и спросила, понравился ли мне концерт в Дигтярях.

— Ведь уж, верно, там не обошлося без концерта? — прибавила она.

Я отвечал утвердительно.

— А каков виолончелист? Не правда ли, прекрасный?

— Превосходный! — отвечал я.

— Это наш большой приятель, и, кроме того, что он артист превосходный, нужно знать, что он и человек самого нежного, самого благородного сердца. Но что будешь делать? — прибавила она со вздохом.

— Лиза и Наташа плачут, когда не видят его два дня сряду,— а про Адольфину Францевну и говорить нечего,— сказала она шутя и поцеловала гувернантку в загоревшуюся щеку, из чего я заметил, что она понимает по-русски.

Мне было чрезвычайно приятно слышать подобный отзыв о человеке, которого я с одного разу полюбил, как что-то близкое моему сердцу.

После чая Антон Карлович обратился к нам и просил в свою хату.

— Я к ним только в гости захожу, а хата моя там, в саду.— И он взялся за свою шляпу. Мы последовали его примеру.

Белая, соломой крытая хата, к которой нас при-

вел Антон Карлович, стояла между фруктовыми деревьями и служила кабинетом Антону Карловичу и вместе караульней. Чисто немецкая штука.

Хата Антона Карловича, как вообще малороссийские хаты, разделялася сенями на две половины: собственно на хату с комнатою и на так называемую комору. В коморе, освещенной одним окном, помещалась у него аптека и библиотека, в сенях — лаборатория. Это можно было заключить из стоявшего на широком камине алембика, реторты и стеклянных и глиняных банок. Стены светлицы или кабинета были украшены луками, стрелами, томагауками и другими орудиями дикарей, что и свидетельствовало о кругосветном странствовании Антона Карловича.

Около стен стояло две кушетки, а между ними, у стены, простой дубовый стол и на нем электрическая машина.

— Не угодно ли будет отдохнуть с дороги, а я пока наведаюсь в Дигтяри: ведь я их домашний медик. До свидания!

И он оставил нас в своем кабинете совершенными хозяевами.

— Не думал я, отправляяся на бал, попасть в кабинет ученого путешественника и, вдобавок, путешественника скромного, — подумал я вслух, когда мы остались одни.

— Да это что еще! — сказал мне товарищ: — вы загляните в комнату,— вот где редкости!

И действительно, редкости! Во всю длину комнаты, около стены, дубовый широкий стол уставлен разнообразнейшими и красивейшими раковинами тропических морей, а посередине стола, как раз против окошка, плоский ящик в аршин длины и ширины со стеклянной крышкой, заключавший в себе нумизматические редкости Антона Карловича.

Между разной формы и величины монет я увидел австрийский талер XVII века, с глубоко вдавленным клеймом, изображавшим московский герб.

— Не правда ли, любопытная монета? — сказал

мне товарищ, указывая на талер,— или, лучше сказать, любопытное клеймо.

— Но что оно значит, это клеймо? — спросил я его.

— А вот, изволите видеть, когда в 1654 или 5-м году ходил наказным гетманом Иван Золоторенко с полками малороссийскими добывать Смоленска московскому царю, то не знаю почему-то наши козаки не захотели брать жалованья московскою монетою, вот им и выдали австрийскими талерами, положивши московское тавро на каждый талер.

Налюбопытствовавшись редкостями Антона Карловича, я вышел в сад, оставивши своего товарища помечтать наедине, т. е. маленько приуснуть.

Я обошел весь сад или, лучше сказать, парк и не мог довольно налюбоваться прелестью деревьев, чистотою дорожек и вообще истинно-немецкой аккуратностию, с какой всё это содержится. Например, у кого вы увидите, кроме немца, чтобы между фруктовыми деревьями были посажены арбузы, дыни и даже кукуруза? В Германии это понятно, но у нас это просто непостижимо.

Из сада вышел я на греблю, усаженную вербами. Полюбовался чистенькой, аккуратной мельницей об одном шумящем колесе и, пройдя плотину, я очутился в селе.

Село всего-навсе, может быть, хат двадцать. Но что это за прелесть! — что ни хата, то и картина!

— Вот,— подумал я,— и не великое село, а весело.— Попробовал я у встретившегося мужика спросить, можно ли будет нанять у них лошадей до Прилук.

— Можна, чому не можна,— хоть пару, хоть дви пары, так можна!

— Хорошо, так я зайду после, поторгуюсь.

— Добре, поторгуйтесь.

За селом я увидел панскую клуню, или господское гумно, уставленное скирдами разного хлеба. Подходя к гумну, я встретил токового, и он показал мне подведомственный ему ток, или гумно. Я, как

не агроном, то и смотрел на всё поверхностно и расспрашивал тоже поверхностно, и из всего виденного и слышанного мною заключил, что не мешало бы записным агрономам поучиться кой-чему у Антона Карловича или хоть у его токового. Насчет винокурни, когда спросил у него, почему, дескать, Антон Карлович, имея столько хлеба, не построит себе винокуренку, хоть небольшую, [токовой ответил]:

— Бог их святый знае. Я и сам им говорил, чтобы построить хоть небольшую.— Зачем,— говорит:—чтобы пьяниц голых пускать по свету? Не нужно!—Они у нас такие чудные, и, боже сохрани, как они того проклятого вина не любят.

— Действительно, странный человек. Ну, а мужики у вас в селе есть таки пьющие?

— Ни одного.

— Прекрасно! Куда же вы сбываете свой хлеб?

— А куда сбываем? Никуда больше, как у Диктяри. Видите, паны там банкетуют, а мужики голодают. Да еще мало того, в селе, кроме корчмы, что ни улица, то и шинок, а в каждом шинке, для приману людей, шарманка играет. Вот мужик бедный и пропивает последнюю нитку под немецкую музыку. Сказано, мужик дурак.

— Зато паны умудрилися. О, филантропия!—подумал я и простился с токовым.

Подходя к гребле, я невольно остановился полюбоваться старыми вербами, опустившими свои длинные зеленые ветви в светлую прозрачную воду. А из-за этих роскошных ветвей, с противоположной стороны пруда, выглядывает из темной зелени беленький, улыбающийся домик Антона Карловича, и, как красавица любуется своею прелестью перед зеркалом, так он любуется собою в прозрачном тихом озере.

— Благодать!—подумал я и пошел через греблю к кокетливому домику.

К этому времени Антон Карлович возвратился от своих пациентов и, к великой моей радости, привез

с собою милого моего виртуоза — и с виолончелью. Мы встретилися с ним при входе в сад и дружески приветствовали друг друга, как самые старые знакомые.

К нам подошла Марьяна Акимовна, нецеремонно взяла меня за руку и сказала:

— Вы должны быть благороднейший человек, коли полюбили нашего милого Тараса Федоровича. От души вам благодарна.

Я молча поцеловал ее руку. В это время подходил к нам Антон Карлович.

— Посмотри, посмотри, что наш гость делает! — сказала она, обращаясь к мужу.

— Ничего, ничего,— говорил Антон Карлович, улыбаясь.— А не лучше ли будет, если мы пойдем да с борщом покуртизаним? Как вы думаете, Марьяна Акимовна?

— И в самом деле лучше. Прошу покорно, господа,— сказала она, обращаяся к нам, и мы пошли обедать.

Многие ли из вас, господа, имеющие хоть одну крепостную душу, посадят рядом с собою крепостного человека, хоть бы этот человек был величайший гений в мире? Ручаюсь, что ни одного не найдется, кроме истинно-благородного Антона Карловича.

Тарас Федорович сидел между шалуньями Лизой и Наташей, и они ему, бедному, покоя не давали во время обеда. Чудное, благородное равенство! Вот бы как надо людям жить между собою. Да что же ты будешь делать? Нельзя. Между прочим, я услышал несколько французских фраз, произнесенных Тарасом Федоровичем с гувернанткою. Этим окончательно полонил меня мой милый виртуоз.

После обеда мы, т. е. мужчины, отправилися к Антону Карловичу в хату покурить. Но так как я человек некурящий и виртуоз мой оказался таким же, то мы пошли себе гулять по саду, пока не вышли на небольшую лощину, на которой стоял небольшой стог свежего сена. Не устоял я против такого

могучего соблазна. Снявши галстук и сюртук, прилег, опустился на ароматное сено и за мною, разумеется, и товарищ мой тоже. А чтобы дрема не одолела, я повел издали речь о двух девочках, живших, так сказать, на хлебах у почтеннейшего Антона Карловича.

— Какие милые, прекрасные дети! — сказал я.

— И, прибавьте, счастливые дети. Я не знаю, что бы из них было,— продолжал он,— если б не существовало около нашего роскошного села этой фермы и этих добрых благородных людей!

— Да, в самом деле, расскажите мне, что это за оригинальная мать, которая воспитывает своих детей таким образом. Мне кажется, что в этом возрасте детям никто не может заменить матери.

— Марьяна Акимовна им совершенно ее заменила. Вот что: Софья Самойловна, мать их по названию, великосветская дама, а главное — красавица, красавица, которая конфузится, когда ее кто спросит о здоровьи ее детей. Для нее это все равно, что сказать: „как вы, Софья Самойловна, подурнели". И притом, как дама светская, она после каждого бала (а их у нас в году бывает три, а в высокосный и четыре) должна отдать визиты своим гостям. А гостей, вы сами видели, сколько наехало. А 17 сентября так вдвое столько наедет, несмотря ни на какую погоду, потому что она сама тогда бывает именинница. Пока отдаст визиты, смотрит — другой бал готовится, там третий. Так и год проходит. А там, если выберется время, надо и в Петербург съездить, а то, говорит, между этими хохлами совсем очерствеешь. Так, сами посудите, до детей ли ей при такой жизни? И, по-моему, она лучше ничего выдумать не могла, как отдать их на руки Марьяне Акимовне.

— Я с вами согласен, что она умно сделала, но хорошо ли, это другой вопрос.

— Конечно, здесь сердце матери спрятано под себялюбием светской красавицы. Я слышал, однако ж, она недавно как-то о них вспоминала. Года

через два она хочет их отправить в Смольный институт: в полтавском,— говорит,— они хохлачками сделаются.

— И то правда. Как же она не побоялась их отдать Марьяне Акимовне? Или она думала оградить их француженкою гувернанткою да немкою горничною?

— Какое! немецкая горничная сама скоро сделается хохлачкою, а про гувернантку и говорить нечего. Послушайте, что я вам расскажу. Адольфине Францевне вздумалося учиться говорить по-русски. Вот Марьяна Акимовна и ну ее учить, да вместо того, чтобы по-русски—выучила ее по-малороссийски. Софья Самойловна чуть было не поссорилась из-за этого с Марьяной Акимовной. И знаете, что еще: она прекрасно поет некоторые наши песни. Будем ее просить, чтобы она нам хоть одну спела.

— Непременно.

— Вон они! вон они!—услышали мы невдалеке детские голоса, и едва успели мы надеть сюртуки, как подбежали к нам Лиза и Наташа и, ухватившись за полы сюртука Тараса Федоровича, потащили в сад, приговаривая:

— Пойдемте! пойдемте! Вас мама просит играть.

Пройдя несколько шагов вслед за „арестантом“, я увидел прислонившуюся к дереву Адольфину Францевну и, подойдя к ней, сказал ей какую-то любезность по-малороссийски, на что она, сделавши милую гримасу, очень незастенчиво отвечала мне: — Спасыби.— Мы пошли вслед за детьми, разговаривая, как короткие знакомые. Между прочим, в доказательство своего знания в малороссийском языке, [гувернантка] прочитала мне два стиха:

Катерино, серце моє,
Лишенько з тобою.

И с таким милым выражением прочитала она эти стихи, что, не знай я, что она француженка, то я, не запинаясь, сказал бы, что она моя истинная землячка.

Любезничая с m-lle Адольфиной по-хохлацки на

французский лад, мы немного отстали от детей и арестованного артиста, и когда подошли к дому, то наш артист уже на крылечке играл на скрипке плясовую малороссийскую песню, а Лиза и Наташа перед крылечком с поднятыми ручонками, как бы прищелкивая, танцовали, приговаривая:

Гоп - чук, гречаники,
Гоп - чук, печенії.

Антон Карлович, сидя на крылечке, добродушно улыбался, а Марьяна Акимовна брала поочередно детей на руки и целовала с самой искренней материнской нежностью. Поодаль стояла немка горничная и, увлекшись живым мотивом песни, прищелкивала в такт пальцами.

Одни простодушные счастливцы могут группировать из себя подобную картину.

В саду, кроме хаты Антона Карловича, была еще небольшая хатка с навесом, и вместо завалинок стояли вокруг решетчатые деревянные скамейки, а перед хаткою — старая липа, тоже со скамейкою вокруг, только не деревянною, а дерновою. Хатка эта была мастерская или рабочая Марьяны Акимовны. Здесь сушилися фрукты, варилися варенья и созидалися разные великолепные настойки и наливки. А под липою Марьяна Акимовна отдыхала по трудах.

В эту хатку на все лето выносилося фортепиано, потому что Марьяна Акимовна, несмотря на свои прозаические годы и занятия по части спитобной и съедобной, осталася в душе артисткой и любила в часы досуга забывать свое прозаическое насущное существование и уноситься в мир созвучий, в небесные пределы божественной фантазии.

Часто и долго, сидя под липою, слушал и добрый Антон Карлович, куря свою сигару, слушал, — и холодные практические думы таяли, как снег перед лицом весеннего солнца. Немецкая фантазия оживала, сигара гасла во рту, и старик молодел.

В эту - то заветную хатку Марьяна Акимовна просила своих гостей чай пить.

После чаю в хатке зажгли свечи. M-lle Адольфина без всяких просьб и уговариваний, как это обыкновенно бывает с порядочными барышнями, села за фортепиано, а Тарас Федорович вооружился виолончелью, и, после нескольких аккордов, тихо, стройно, как будто с неба, раздалася одна из божественных сонат божественного Бетховена.

Мы все осталися под липою и, в продолжение сонаты, сидели, притая дыхание. Даже резвые дети — и те прильнули к Марьяне Акимовне, затихли и только, улыбаясь, посматривали друг на друга.

За сонатой Бетховена были сыграны с одинаковым мастерством и чувством две сонаты Моцарта и после некоторые места из знаменитого „Реквиема“ и, в заключение, совершенно неожиданно:

Ходить гарбуз по горо́ду ...

Дети запрыгали около Марьяны Акимовны, а Антон Карлович пошел в хатку закурить сигару.

Тарас Федорович такие раскинул вариации на этот полувеселый, полугрустный мотив, что дети опять молча прильнули к коленям Марьяны Акимовны, а у Антона Карловича опять сигара погасла.

Многие ли из людей в блеске и роскоши проводят свои длинные вечера так нецеремонно-просто и так возвышенно-изящно, как мы, простые, почти бедные люди, провели этот незабвенный вечер? Я думаю, немногие. И выходит, что истинно-прекрасное и возвышенно-духовное не нуждается в ремесленных золоченых и даже золотых украшениях.

Кончивши вариации, артисты наши вышли из хатки и обратились с просьбою к Марьяне Акимовне, чтобы и она сыграла для них что-нибудь. Она отказывалась. Мы присоединилися к ним, — решительно ничего не помогло.

— Завтра, — говорит, — я вам сыграю, а то сегодня: это значит — после меду хрену. Пойдемте лучше гулять. Вон, смотрите, из-за деревьев луна выглядывает.

И с этими словами вошла в хатку, погасила све-

чи, притворила и замкнула двери, и все мы, весело разговаривая, пошли любоваться, как полная луна из-за мельницы и из-за старой вербы выглядывает и отражается в темной прозрачной воде.

Я совершенно был очарован и декорацией, и этими добрыми, простыми людьми.

Долго мы еще гуляли по саду вдвоем с Тарасом Федоровичем,— он меня просто приворожил к себе. Он (как это обыкновенно бывает с доверчивыми добряками) рассказал мне историю своего печального детства, без всякого с моей стороны домогательства (как это тоже обыкновенно бывает с пишущей братиею),— он рассказал мне потому, что я его со вниманием или, лучше сказать, с участием слушал.

— Отца,— говорил он,— я не помню, и мать моя мне никогда о нем ничего не говорила. Хаты у нас своей тоже не было, и мы, как у нас говорят, жили в соседях, т. е. переходили от одного мужика к другому, пока я начал ходить. Тогда она, как стала уже свободнее, то хотела было наняться у когонибудь на год, но ее никто не хотел нанять, не знаю почему: может из-за меня или потому, что она была такая худая и бледная. Только обойдя всё село без успеха, нанялася, наконец, в корчму. Не могу вам сказать, сколько именно лет она служила [там], только знаю, что я уже был порядочный мальчуган, когда она умерла. А умерла она, сколько я припоминаю, от чахотки. И, как теперь помню, за несколько дней перед смертью, пришла в свой чулан или, лучше сказать, стойло в стодоле, слегла и уже больше из стойла не выходила. За несколько минут перед ее смертью я принес ей воды в кружке. Но она уже пить не могла и говорить тоже, а только поманила к себе рукою и, когда я нагнулся к ней, она едва-едва прикоснулась к моей голове рукою, поцеловала меня, и две слезы выкатилися из ее потухающих очей. Она тихо вздохнула и умерла.

Сотский похоронил ее за тот рубль, что остался у корчмаря, ею не полученный. А я шлялся по селу,

пока не пристал к партии нищих. Между нищими был слепой кобзарь или бандурист; ему и рекомендовали меня, как мальчика скромного. Он и заменил мною своего прежнего вожака.

И, знаете, мне понравилось мое новое положение, потому что я имел хотя какой-нибудь, а все-таки приют. А еще больше мне нравился слепец, которого я водил. Он был еще молодой человек и, помню, чрезвычайно сухощавый и с длинными пальцами. А в особенности мне нравилось, когда он сам для себя, медленно перебирая струны бандуры, тихонько напевал:

> На морі синьому, на камені білому
> Ясний сокіл квилить-проквиляє...

Что-то необыкновенное представлялось моему детскому воображению в звуках и словах этой унылой песни.

Вот такой же, как и теперь, был в Дигтярях бал, с тою только разницею, что тогда и для нищих обед готовили, а теперь уже не готовят. Вот и мы с толпами нищих пришли на обед. Вот мы сидим себе под деревом, и в ожидании обеда, настроивши кобзу, заиграл мой кобзарь. Нас народ так и обступил. Вот он играет, а я смотрю по сторонам и вижу, к нам [идут] господа — и с барышнями. Толпа, разумеется, расступилася перед господами, и сама Софья Самойловна подошла ко мне и, потрепавши меня по щеке, проговорила: — Какой хорошенький! — и, обратяся к господам, сказала: — Я его непременно возьму к себе в пажи.

Так и сталося. На другой день я был уже в числе многочисленной дворни. Но как я, не знаю, почему-то оказался неспособным для должности пажа, то меня начали учить пению, и я оказывал успехи. А потом стали учить и играть — сначала на скрипке, а потом и на виолончели. Вот вам моя простая история, — прибавил он и замолчал.

— Грустная, правду сказать, история.

— Что делать? Прошедшее мое действительно грустно, но настоящее так безнадежно, так безот-

радно, что если б не эти благородные люди, то я не знал бы, что с собою делать.

— Не отчаивайтесь, друг мой, любите свое прекрасное искусство, и господь успокоит вашу страждущую душу и пошлет вашему терпению счастливый конец.

— Не знаю, найдет ли мое письмо Михайла Ивановича в Петербурге?

— О, наверное, он никуда не уехал: это было бы известно.

— Да и можно ли надеяться, чтобы мое письмо могло иметь успех?

— Без всякого сомнения. Я очень хорошо знаком с Михайлом Ивановичем. Это добрейшее, благороднейшее создание, словом, это самый благодушный артист. Еще вот что. Я завтра расстанусь с вами надолго, а быть может и навсегда, но вы и эти добрые люди, и эти часы, проведенные вместе с вами, так дороги моему сердцу, что для меня были бы величайшим подарком ваши хоть коротенькие письма. Прошу вас, извещайте меня хоть изредка. А о результате вашего письма Михайлу Ивановичу вы непременно меня уведомьте. Я вам завтра сообщу свой адрес.

И он обещался мне вести дневник и посылать его каждый месяц ко мне вместо писем.

— Мне так приятно вам открываться во всем, и вы с таким вниманием слушаете меня, что я и тогда буду воображать, что рассказываю вам лично о моих впечатлениях.

В хате Антона Карловича светился еще огонь, когда мы подошли к ней, но движения уже никакого не было. Виргилий мой так усердно храпел, что за хатою было слышно. Вскоре и мы ему начали вторить.

На другой день поутру я пошел было на хутор нанять лошадей с повозкою для перевезения себя с товарищем в Прилуки, но Антон Карлович догнал меня уже на гребле и воротил в дом, говоря, что порядочные люди так не делают.— А Марьяна Аки-

мовна и слышать не хочет, чтобы вы ранее трех дней оставили нашу ферму. Дети — и те даже заплакали, услыхавши о таком вашем неделикатном поступке.

От Марьяны Акимовны я выслушал еще убедительнее рацею.

— И не думайте,— говорила она,— и не помышляйте. Как на свете живу, то еще не видала, чтобы порядочные люди на другой же день из гостей уезжали, да еще и на мужицких конях! Этого не токмо что у нас,— я думаю, и у немцев не водится. Так, Антон Карлович, ты ведь немец, а?

— Такой я немец, как ты немкиня,— проговорил Антон Карлович и засмеялся.

— Вот и Тарас Федорович останется у нас,— продолжала Марьяна Акимовна.— Ему теперь после бала совершенно там делать нечего. А Адольфина Францевна обещается нам петь сегодня малороссийские песни. А дети обещаются вам танцовать хоть целый день гречаныки.

— И метелыцю, мамаша,— проговорили разом обе девочки.

Противостоять не было возможности, и я сдался. Виргилий мой заговорил было о службе, об обязанностях, о попечителе.

— Уж хоть бы вы молчали, а то разносились со своим попечителем, право, ей-богу, а еще старый знакомый. Пойдемте лучше в мою хату чай пить, а то с вами не сговоришься.

Переглянулись мы с Виргилием и пошли молча за Марьяной Акимовной.

Прогостили мы еще два дня у этих добрых людей, и в это время удалося мне сделать карандашом несколько видов счастливой фермы и почти одними чертами всю нашу компанию, а на первом плане — Наташу и Лизу, танцующих гречаныки. Все это едва-едва набросано. Но вот уже проходит двадцатый год, как любовался я этой живой картиной, а, глядя на этот эскиз, я как будто снова любуюся этой живой картиной и даже слышу скрипку и прищелкиванье пальцами немецкой горничной.

Мне кажется, никакое гениальное описание лиц и местности не может так оживить давно минувшее, как удачно проведенные карандашом несколько линий. По крайней мере, на меня это так действует.

На четвертый день нашего пребывания на благодатной ферме, часу в десятом утра, проводили нас, как самых близких своих друзей, гостеприимные и счастливые обитатели фермы со всем своим домом. Даже Наташу и Лизу взяли с собой. И проводили не только через греблю, даже через село до самой клуни. Тут мы уселися в спокойную нетычанку Антона Карловича, запряженную парою добрых коней, и покатилися по гладкой извилистой дорожке.

Долго стояли друзья наши на одном месте и махали нам платками, а одна из девочек, чтобы виднее виден был ее платок, вскочила на плечи Антону Карловичу и преусердно махала своим платком. Нетычанка покатилася быстрее и быстрее, и группа наших друзей [была] едва заметна на горизонте. Еще четверть версты, маленькая ложбина,— и друзья исчезли за горизонтом. Я взглянул еще раз назад, выехавши на пригорок, но, увы, кроме клуни и скирд, на горизонте ничего не было видно.

Мне стало грустно, так грустно, как будто я расставался со своими родными на долгое, на неопределенное время. Оно так и сталось.

Во всю дорогу приятель мой молчал, чему я был очень рад, потому что не чувствовал в себе способности вести самый пустой разговор. Вскоре на горизонте показалися нам Прилуки, а несколько ближе, из-за темного леса; выглядывали главы, белым железом крытые, соборной церкви Густынского монастыря.

Проезжая мимо этого обновляющегося замка-монастыря, меня чрезвычайно неприятно поразила новая, еще неоштукатуренная четырехугольная башня с плоской крышей, точно каланча.

— Что это такое за урод торчит? — спросил я у своего приятеля.

— Это колокольня вновь отделанной домашней настоятельской церкви, что над малыми воротами.

— И верно, какой-нибудь досужий костромской мужичок смастерил этакую штуку?

— Нет, извините, не мужичок, а настоящий патентованный художник!

— Как же он мастерски подделался под византийский стиль!

— Не извольте смеяться над нашим художником. Его торопят и денег не дают. А вот когда поедете из Прилук в Нежин, так увидите в селе помещицы N. настоящий храм царя Соломона, этим художником сооруженный. Уже на что наш просвещенный знаток и покровитель искусств, можно сказать, меценат наших дней N.,— и тот посмотрел да только рот разинул, а про преосвященного и говорить нечего.

— Честь и слава вашему художнику!

Тем временем мы въехали в город, а через час я уже прощался с почтеннейшим педагогом, прося его для пользы науки записывать все, что касается археологии и вообще народного характера, как-то: пословицы, присказки, песни, предания и тому подобное. А наипаче просил я его по временам извещать меня о наших добрых друзьях на ферме. Он обещался мне всё исполнить по мере сил своих.

И мы расстались, и расстались надолго.

Расставаяся с моим путеводителем, не думал я тогда, что я с ним на долго-долго расстаюся. Я тогда думал, что авось либо в будущем году поеду снова по Малороссии по поручению Киевской археографической комиссии, буду в Чернигове, а из Чернигова поеду через Нежин в Прилуки и по дороге посмотрю хваленый храм, воздвигнутый коштом помещицы N. и трудами патентованного художника, архитектора N., а в Прилуках погощу денек-другой у моего Виргилия и, если можно будет, навестим попрежнему достойнейшего Антона Карловича и Марьяну Акимовну и полюбуемся их прекраснейшею фермою.

Так я тогда думал, а вышло, что человек распределяет, а бог определяет. Вышло то, что я в про-

должение двадцати лет (со дня выезда моего из Прилук) не только что не видел Киева, Чернигова, Нежина, Прилук и моего автомедона, и фермы, и всего, что я там видел прекрасного,— я в продолжение двадцати лет не видел, не видел моей милой родины, ни даже звука родного не слыхал.

Вот что иногда судьба с нами делает!

После двадцатилетнего моего странствования по нечужим краям возвращаюсь я в Малороссию и, проезжая смиренный город Прилуки, вспомнил я серенький домик на углу грязных улиц и велел ямщику, или почтарю, остановиться у этого мизерного домика. Вылез я из телеги, вхожу на дворик. Меня встречают два мальчугана; я спрашиваю, здесь ли живет Иван Максимович С.

— Здесь! — отвечают оба разом мальчуганы.

— Дома он?

— Нет! они в училище.

— А есть ли у вас дома кто-нибудь постарше вас?

— Есть маты дома, только они опочивают; мы ее разбудим.

— Не нужно, не будите. Я после зайду.

И я поехал на почтовую станцию.

День был прекрасный и уже клонился к вечеру, и я, сложивши вещи свои, т. е. чемодан и кошомку, на крылечке станционного дома, а подорожную отдавая смотрителю, просил его не торопиться с лошадьми.

Учредивши всё таким образом, я уселся на своей мизерии, т. е. на чемодане, и принялся рисовать прекрасно освещенную вечерним солнцем каменную церковь, довольно неуклюжей, но оригинальной архитектуры, построенную полковником прилуцким Игнатом Галаганом, тем самым, что первый отложился от Мазепы и передался царю Петру, за что и был, по смерти полковника Носа, возведен в звание прилуцкого полковника и одарен великими маетностями в том же полку. Пока я рисовал сей памятник знаменитого полковника, солнце повисло над горизонтом, и толпа школьников показалась на улице, а за толпою школьников, в некотором отда-

лении, появилась на улице и тощенькая, согбенная фигурка, с зонтиком вместо палки в руке. Это был мой Виргилий, и я почти побежал к нему навстречу.

Долго мы стояли среди улицы друг против друга, и, наконец, после подробных припоминаний, он протянул мне руку и сказал:

— Антикварий! антикварий! Так это вы? А я было уже вас совсем похоронил. Да как же вы переменились! Совсем было не узнал!

— Спасибо еще, что хоть вспомнили.

— Да я вас всегда вспоминал, только по наружности не узнал. Прошу же вас покорнейше навестить меня в моей убогой келии.

И мы, разговаривая, подошли медленно к воротам серенького, давно знакомого мне домика.

У ворот, как это обыкновенно бывает в маленьких городах, стояла в землю вросшая скамейка. И мы молча посмотрели на нее и сели.

— Да, так вот вы и попутешествовали,— проговорил он грустно,— и свет божий посмотрели. Чай, и за границей не раз побывали? А я, как залез в этот темный [угол], так и на свет божий не показываюсь: сижу себе, можно сказать, без всякого движения.

И долго мы беседовали, вспоминая каждый из нас свое прошедшее. И между прочим, он мне рассказал, что он вскоре после нашего расставанья женился на благородной и прекрасно воспитанной, хотя и бедной, девушке.— И думал я с нею век свой прожить в счастии и любви, но бог судил мне в одиночестве век свой коротать.— И старик заплакал.

— Братец!— раздался женский голос из-за ворот,— идите в комнаты, пора вечерять, дети спать хотят.

— Накормите их, сестрица, и уложите, а мы еще немного здесь посидим. Сестрица,— прибавил он,— с нами гость сегодня вечеряет, то вы бы там что-нибудь лишнее, хоть карасика поджарили, да послали б Феклу, знаете, насчет того, сестрица.

— Пошлю, братец.

— Да... На третьем году,— продолжал он с рас-

становкой,— нашего блаженства она оставила меня навеки. Правда, я не совсем еще сирота: она оставила мне малое дитя свое, для которого, можно сказать, и прозябаю я.

В тот самый год у сестры моей муж скончался скоропостижно и оставил ее тоже с маленьким сиротою. Вот мы с нею и сошлися в один куток, да и делим свое горе, как нам бог помогает. Детей, я думаю, с божиею помощию, в гимназию... а там...

— Братец,— раздался снова женский голос из-за ворот,— идите в комнаты. На дворе роса и холодно, а вы только во фраке.

— Сейчас! сейчас, сестрица! Пойдем в нашу хату, а то и в самом деле, как бы нам с вами не простудиться. Ведь мы с вами не можем похвалиться молодостью, цветущей здоровьем. Пойдемте.

И мы оставили скамейку и молча вошли в комнату.

Комнатка, в которой я двадцать лет тому назад провел несколько дней на холостую ногу, комнатка была та же, да не та. Бедность та же, да только бедность эта была умытая и принаряженная женскою рукою. На чистеньком полу чистенькие половики, у окон беленькие занавески, на окнах бальзамины и герань в горшках. Стол, дощатый диван, табуретки липовые те же самые, да как-то иначе смотрели. Что значит женская рука в домашнем быту даже аккуратного мужчины.

В быту гражданских мужчин это еще не так резко бросается в глаза, как у военных. Например, зайдите вы в комнату холостого офицера: изба избой, так и несет от нее псиной и табачищем. А у женатого офицера тоже изба, да только в этой избе сундук, на котором у холостого денщик спит с собакою,— у женатого он покрыт ковриком и заменяет диван. На дощатом столике, вместо табачницы и гвоздя для ковыряния трубок, пестренькая ярославская салфеточка, зеркальце и какое-нибудь женское рукоделье. Словом, в семейной жизни, даже в бедности, есть какая-то свежая материальная прелесть, а о нравственной прелести я и не говорю.

Из другой комнаты вышла к нам старушка в черном платье и в белейшем чепчике, такая милая, чистенькая старушка, какую я редко встречал на своем веку.

— Рекомендую вам: моя сестрица, Марья Максимовна.

Я поклонился.

— А они, сестрица, мой старый добрый знакомый N. N.

Я снова поклонился, а она проговорила:

— Прошу садиться.

Я сел. А Иван Максимович заглянул в другую комнату и, обращаясь ко мне, сказал:

— Какая у меня добрая, умная, догадливая сестрица. Представьте, мне и в голову не пришло, чтобы предложить вам с дороги чаю, а ведь это как приятно. Я просто живу у нее, как у бога за дверьми. Ну, попотчуйте ж нас, моя дорогая, моя бесценная хозяйка. А дети спать уже легли, сестрица?

— Уже легли, братец,— отвечала старушка, ставя на стол чашки с чаем.

— Ну, хорошо, я вам завтра их покажу. А по которому уже годочку им пошло теперь, сестрица? Они у нас, знаете, однолетки,— прибавил он, обращаясь ко мне.

— Да вот на Петра и Павла минет по двенадцатому.

— Уже по двенадцатому! Боже мой, с какою быстротою летят наши старые лета!— проговорил он, как бы с самим собою.

— Двенадцать! Двенадцать! Да!..— почти вскрикнул он, ударивши себя по лбу ладонью.— Чуть-чуть было не забыл! У меня есть письмо на ваше имя, еще до моей свадьбы полученное мною. Так и лежит нераспечатанное. И знаете от кого?

— Не знаю,— отвечал я.

— От нашего почтеннейшего, благороднейшего Тараса Федоровича. Помните виолончелиста у Антона Карловича на ферме?

— Боже мой, как не помнить! Я только хотел было спросить о нем у вас.

— Всё расскажу, дайте время. Много трогательного и даже поучительного в жизни этого достойного человека. У меня даже есть записаны некоторые случаи из его жизни. Я, знаете, сам хотел было на старости лет пуститься в литературу, да как прочитал Марлинского, так у меня и руки опустились. Что за блестящий, что за гениальный слог! Сестрица! потрудитесь там вынуть из нижнего ящика комода пачку бумаг, веревочкой перевязанных.

Старушка не замедлила внести порядочную папку бумаг, сахарной веревочкой перевязанную, и, отдавая их брату, спросила:

— Эти, братец, бумаги?

— Эти, сестрица, благодарю вас. Вот,— сказал он, обращаясь ко мне,— вот сколько перепорчено бумаги, а всё это литература виновата.

И, развязавши бумаги, он стал их перелистывать и, остановясь на лоскутке синей бумаги, сказал:

— А помните ли, вы меня тогда просили записывать всё, что я ни услышу, касающееся поэзии и философии нашего простого народа, помните?

— Помню,— я говорю.

— Вот я и исполнил вашу просьбу. Здесь вы много премудрости найдете... Да где же это письмо? Уж не потерял ли я его? О, нет, нет, вот оно. Я посылал его в Киев на ваше имя, а мне, знаете, и возвратили его. Вас уже в Киеве не было.— И он подал мне пожелтевший конверт, говоря:

— А знаете что? Сегодня у нас середа, погостите у нас до воскресенья, а в воскресенье пустимся мы с вами в путешествие, помните, как когда-то, только не на бал, а просто запросто на ферму. Там вы лично увидите и автора сего письма. А до воскресенья я разберу эти лоскуты, а, может быть, и вам кое-что прочитаю.

Я согласился и после долгих упрашиваний со стороны брата и сестрицы остаться ночевать у них взял письмо и отправился на почтовую станцию.

Случалось ли вам читать письмо, написанное вашим искренним другом и полученное вами пятнадцать лет спустя? Кто не читал подобного письма, тому напрасно бы я стал рассказывать и описывать впечатление, произведенное на меня письмом моего достойнейшего друга Тараса Федоровича, впечатление невыразимое, впечатление, которое только тот поймет, кому случалося читать подобное письмо.

Главный эффект такого письма тот, что вы как будто только что проснулись и читаете строки, только вчера написанные, а пятнадцать лет вам покажутся каким-то неопределенным сновидением.

Вот что писал мне мой бесталанный друг:

„Я был близок к смерти или, лучше сказать, к помешательству, когда мы приехали в Петербург и я узнал, что Михайло Иванович уже другой год за границею. Вот причина, почему мое письмо, которое вы ему переслали, осталося без всяких последствий. О! как горько! как невыразимо горько нам, когда наши прекрасные, блестящие надежды разбиваются молотом неумолимой судьбы!

Я обещался писать вам сейчас же, как только узнаю какой бы ни было результат моего письма к Михайлу Ивановичу, и вот уже проходит третий год, как я только что собрался с духом написать вам о своих так безжалостно разрушенных надеждах.

После бала или, лучше сказать, после того концерта, где вы мне так чистосердечно аплодировали и вследствие которого я вас так полюбил, как родного моего брата,— так после этого бала, недели две спустя, у нашей Софьи Самойловны показался прыщик на левой щеке; она его расцарапала, из прыщика сделался веред, а из вереда к августу месяцу сделалася рана такая, что она едва ее рукою закрывала. Вообразите себе ее положение: красавица — и не прошло месяца, как на нее смотреть нельзя было; красавица, заметьте, такая, которая именем матери пожертвовала красоте своей.

Не страдал так величайший музыкант Бетховен, когда оглох, и не страдал так великий ваш Буонаротти, когда ослеп, как она, бедная, страдала.

В половине августа решено было ехать в Петербург. В числе квартета и я был назначен. Радость мою только вы можете понять. Я думал: вот когда настал конец моим страданиям. А страдания только что начинались. Поехали мы. Дорогою и сам захворал и, не доезжая Великих Лук, на станции Сыруты умер. Думаю, что она его во гроб вогнала своими капризами. И, правду сказать, ничего в свете не может быть ужаснее, как внезапно обезображенная красавица. Гиена, просто гиена!

По приезде в Петербург, разумеется, было не до гостей и не до квартетов, лакейская же моя обязанность была не велика: уберу поутру комнаты, да и марш на целый день, куда глаза глядят.

О, лучше бы я никогда не видал света божьего, чем видеть его, чувствовать и не сметь ни чувствовать, ни смотреть на него!

После того дня, в который я узнал, что Михайло Иванович за границей, я заболел — сначала лихорадкою, а потом горячкою, и месяц спустя я увидел или сознал себя в Петровской больнице, что на Петербургской стороне.

Меня стали посещать по середам и по субботам товарищи мои, лакеи-виртуозы.

И во едину от суббот сказали мне, что наша Софья Самойловна скончалася под ножом какого-то знаменитого хирурга, и мы осталися сиротами.

Я плохо поправлялся, так плохо, что даже сам главный доктор Кох, проходя мимо моей койки, и не останавливался. Весною, однако ж, я мог уже прогуливаться по длинному широкому коридору, а в мае месяце меня уже в полдень и в сад выпускали часа на два.

Надо вам сказать, что в Петровской больнице есть и женское отделение, в третьем этаже, и женщин выздоравливающих тоже выпускают в полдень погулять в саду. Вот однажды я сижу на скамейке,

подходит ко мне больная в тиковом халате и в белом чепчике или таком же колпаке, как и я. Мы просидели молча, пока служитель не загнал нас в палаты. На другой день была погода хорошая, и нас снова послали гулять в полдень. Походивши немного, я присел на скамейке. Вчерашняя дама снова приходит и садится около меня. Я как-то нечаянно взглянул ей в лицо и увидел, что она была красавица, но только такая исхудалая, такая грустная, что у меня сердце заболело, на нее глядя. Я не утерпел и спросил ее:

— О чем вы так грустите?

— О том, я думаю, о чем и вы, о здоровьи.

Я не удовольствовался ее ответом и, немного помолчав, сказал ей:

— Здоровье ваше возобновится, да о здоровьи так и не грустят, как вы грустите.

— Да, это правда,— сказала она и закрыла глаза рукою.

Служитель опять загнал нас в палаты.

Несколько дней сряду шел дождь, и я скучал, не видя моей знакомой незнакомки. Наконец, дождик перестал, и нас опять выпустили в сад. Я прямо пошел к скамейке и, к удивлению моему, на скамейке уже сидела моя грустная знакомка. Я ей поклонился, она мне тоже, с едва заметною, но такою грустною улыбкой, что я чуть было не заплакал.

— Вы, должно быть, страшно несчастны? — сказал я ей, садяся на скамейку.

— А вы счастливы? — спросила она, взглянувши на меня так выразительно, что я затрепетал и, придя в себя, взглянул на нее, а она всё еще смотрела на меня с прежним выражением.

— Всмотритеся в меня,— сказала она.

Я силился посмотреть на нее, но не мог вынести устремленного на меня взгляда ее глубоко впалых больших черных очей.

— Неужели вы меня не узнаете? — спросила она едва внятным шопотом.

— Не узнаю,— ответил я.

— Так я, должно быть, страшно переменилась? — И, немного помолчав, сказала:

— Ну, так вспомните Кочановку и 23 апреля 18... года. Что, вспомнили?

— Боже мой! неужели это вы, m-lle Тарасевич?

— Я, — едва проговорила она и залилася горькими слезами.

На другой день мы снова с нею встретились у заветной скамейки, и она мне рассказала свою грустную историю.

Я и без того писать или выражать свои мысли на бумаге не мастер, а как буду пускаться в отвлеченности да в отступления, то письму моему и конца не будет. Но гнусная история, которую мне про себя рассказала бедная Мария Тарасевич, должна заставить и немого говорить и глухого слушать.

О, если бы я имел великое искусство писать! Я написал бы огромную книгу о гнусностях, совершающихся в с. Кочановке.

Не помню, в какой именно книге я вычитал такое изречение, — что если мы видим подлеца и не показываем на него пальцами, то и мы почти такие же подлецы. Правда ли это? Мне кажется, что правда!

[Поэтому] я и рассказываю вам историю Марии Тарасевич и кочановского пана. А вы с нею что хотите, то и делайте, а если напечатаете, то это будет самое лучшее. Только перепишите ее по-своему, потому что у меня складу недостает.

Была у нас помещица П*. уезда, богатая помещица, душ около 4000, бездѐтная вдова, старушка добрая такая, благочестивая, да бог ее знает, что ей вздумалось: раз поехала она в Киев на поклонение, да и вышла замуж за молодого человека, красавца собою, некоего г. Арновского. Она, может быть, бедная, в летах заматерелая, о наследнике чаяла, — не знаю. И сказано: человек из ума выжил, — передала всё свое имение, вместе с собою, в руки молодого красавца мужа. А он, не будучи дураком, по-

вернул всё по-своему. И то правда, ведь не на старухе ж он женился, а на ее деревнях. Кроме разных улучшений по имению, от которых мужички запищали, он завел у себя оркестр (это прекрасно), сначала наемный, а потом и крепостной, выстроил великолепный театр, выписал артистов и завел театральную школу, разумеется, крепостную. Пирам и банкетам конца не было. Старушка была в восторге от своего молодого мужа. Когда же собственные актрисы подросли и начали уже играть роли любовниц и одалисок, то он, смотря по возрасту и наружным качествам, учредил из них гарем на манер турецкого султана. Разумеется, подобное заведение в тайне не могло процветать, только странно, что последняя о нем узнала старуха-жена. А узнавши всё это, занемогла, бедная, от ревности и вскоре богу душу отослала. На смертном одре она простила своего вероломного мужа и со слезами просила его исполнить ее последнюю волю, т. е. положить капитал в банк и на проценты его воспитывать трех сирот-девиц в Полтавском институте. Он, разумеется, поклялся в точности исполнить волю умирающей.

Он ее и исполнил, да только по-своему.

После смерти жены его выбрали предводителем дворянства, как человека достойного и благонамеренного. Он тут же у себя в уезде нашел не трех, а пять сироток и завел у себя в селе благородный пансион. Нанял учителя, какого-то отставного поручика, и гувернантку без аттестата, а главный надзор за нравственностью воспитанниц поручил сестре своей, грязной и красноносой старухе.

Когда сиротки стали подрастать, то им, кроме русской грамоты, стали преподавать и изящные искусства, т. е. пение, музыку (игру на гитаре), танцы и сценическое искусство. И всё это, разумеется, свои же крепостные наставники и наставницы.

В число этих-то несчастных воспитанниц попала и m-lle Тарасевич. Когда они уже порядочно подросли, то, которые покрасивее были, сделалися, по ходатайству главной надзирательницы, украшением

гарема,—не как рабыни, а как благородные султанши. Мария Тарасевич хотя была и красивее всех их, умнее и благороднее, а главное была тощенькая и потому-то не обратила на себя ласкового султанского взора. Не завидовала она своим счастливым подругам, тому, что они и на балах являлися и танцовали, и на театре являлися перед многочисленными гостями, разумеется, с крепостными артистами (да и в самом деле, не образовывать же для них сироток-мальчиков благородного происхождения). Она, бедная, ничему этому не завидовала, а возьмет, бывало, себе потихоньку какой-нибудь роман из библиотеки, да спрячется где-нибудь в саду, читает его да плачет. Так она прочитала все романы, какие только были в библиотеке. И вышло то, что она не знала, что с собою делать; пуще прежнего похудела,— так и думали все, что умрет. Уже и в постель было слегла, на ладан, как говорят, дышала. Уже (поверите ли) и крест намогильный сделали, хотели было и гроб делать, да боялися, чтобы не укоротить, потому что люди, когда умирают, то, говорят, вытягиваются. А крест сделали сажени в две вышины, дубовый. Выкрасил его домашний живописец зеленою краскою и на одной стороне намалевал распятие, а на другой скорбящую божию матерь, а внизу прибил железную доску и написал на ней: „Здесь покоится раба божья Мария Тарасевич, воспитанница г. Арновского, скончавшаяся 18... года,... месяца,... числа". Только случилося так, что она выздоровела, а умерла любимая горничная сестры г. Арновского, и умерла, говорят, не своею смертию. Она гладила утюгом своей барыне платье в воскресенье, да немного опоздала: уже во все колокола прозвонили, а платье не было готово. Вот барыня рассердилась, выхватила у нее из рук утюг да и хвать ее „нечаянно" по голове так, что та, бедная, тут же и ноги протянула. Правда ли, нет ли, наверное не знаю. А крест я сам собственными глазами видел и надпись читал. И, знаете ли, такой крест — это своего рода картина, особенно на убогом сельском кладбище, где все

крестики бог знает какие: то пошатнувшиеся, а то и совсем упавшие, а то и просто десяток-другой могил совсем без крестов. А тут вдруг фигура, да еще и какая фигура! Я думаю, Арновский сам рассчитывал на этот эффект: смотрите, дескать, как мы своих воспитанниц хороним! А вышло, что похоронили не воспитанницу, а горничную. Ну, да это все равно, лишь бы крест даром не пропал.

Музыкантская была в одном флигеле с нашим пансионом (так продолжала свой рассказ больная), и когда я начала выздоравливать и понимать себя, то мне чрезвычайно приятно было слушать, когда они сыгрываются: моему больному воображению представлялся какой-то необыкновенно чудный мир, особенно, когда весь оркестр, как лес или море, вдали шумит, и из этого неопределенного ропота выходит какой-нибудь один инструмент, скрипка или флейта. О! я тогда была выше всякого блаженства! Звуки эти мне казалися чистейшею, отраднейшею молитвою, выходящею из глубины страдающей души. О, зачем я выздоровела, зачем навеки не осталася в том болезненно-блаженном состоянии!

В доме было прекрасное фортепиано, и когда я могла уже выходить, то пошла прямо к нашему капельмейстеру и просила его, чтобы он меня научил читать ноты и показал первые приемы на фортепиано. Он... О, я давно прокляла его за его науку! Зачем открыл он мне тайну сочетания звуков, зачем открыл он мне эту божественую, погубившую меня гармонию!

Я быстро поглощала его первые уроки, так что не успели у меня на вершок волосы отрасти (я больна была горячкой), как я уже быстрее его читала ноты и вырабатывала свои пальцы на сухих этюдах Листа.

Но не одни звуки питали мое больное сердце. Мне нравилася сцена. Я прочитала всё, что было в нашей библиотеке драматического (репертуар нашего домашнего театра мне не нравился), начиная с „Синеуса и Трувора“ Сумарокова до „Гамлета“ Висковатова.

Я дни и ночи бредила Офелией, а делать было нечего: я для своего дебюта принуждена была выучить роль дочери Льва Гурыча Синичкина. Успех был полный, и я окончательно погибла!

Когда видели вы меня в Кочановке, я уже тогда бредила петербургской сценой: домашняя для меня была слишком тесна. На несчастие мое, того же лета заехал к нам Михаил Иванович Глинка,— он тогда выбирал в Малороссии певчих для придворной капеллы.

Увидевши меня на сцене и услышавши мой голос и игру на фортепиано, он решил, что я великая артистка. А я... О горе, мое горе,— я простосердечно ему поверила. Да и кто бы не поверил на моем месте?

Не заметили ли вы тогда у нас на бале молодого, весьма скромного человека, с большими выпуклыми глазами, со вздернутым носом и большим ртом? Это был художник Штернберг. Он тогда у нас всё лето провел. Кроткое! благороднейшее создание!

Однажды я (мне аккомпанировал сам Глинка) пела для гостей из его еще не оконченной тогда оперы „Руслан и Людмила“ арию,— помните, в чертогах Черномора поет Людмила? Только что я кончила петь, посыпались аплодисменты, разумеется, не мне, а автору. И, когда всё замолкло, подходит ко мне Штернберг со слезами на глазах и молча целует мои руки. Я тоже заплакала и вышла вон из залы. С тех пор мы с ним сделались друзьями. Я часто для него в сумерки пела любимую его арию из „Прециозы“, и он каждый раз, слушая меня, плакал.

Спустя два года после моих успехов в Кочановке г. Арновский со своею сестрицею начали собираться в Петербург на зиму. Я, разумеется, начала проситься с ними. Они долго не соглашались. Наконец, он согласился с условием, но с каким условием! Вы понимаете меня? Да! понимаете! И знаете что? Я согласилась! О! будь я проклята! проклята! и проклята! Я всё забыла для искусства и для столицы, всё! всем пожертвовала! И вот результат моей великой жертвы: нищая, в больнице и, вдоба-

вок, под именем его крепостной девки.— Она за слезами не могла говорить.

На другой день я услышал от нее подробности такого рода. Впрочем, они так гнусны, что гнусно их и повторять.

Скажу вам вкратце конец ее бедственной истории. Приехала она в Петербург уже беременною и через несколько месяцев, не выходя из квартиры, разрешилась мертвым ребенком. После родов заболела горячкой. А г. Арновскому нужно было ехать в свою Кочановку, вот он ее и отправил в Петровскую больницу под именем своей крепостной девки. Вот вам и вся недолга.

Я пробыл еще две недели в больнице и каждый день, в урочные часы, выходил в сад и садился на заветную скамейку и дожидался несчастной больной.

Какой же в самом деле подлый эгоист человек вообще, а в особенности я. Мне стало на душе легче, я видимо стал поправляться после ее исповеди. Это значит, я доволен был, что есть несчастнее меня.

Страдальцы! Воображайте так, и вы будете хоть на полграна менее страдать.

Я каждый день спрашивал у знакомого мне служителя из женского отделения, что̀ № такой-то? и он отвечал мне совершенно равнодушно:— Лежит.— За день перед моей выпиской из больницы спросил я у служителя, что̀ № такой-то? — В покойницкой! — ответил он мне и пошел за своим делом, быть может, за длинною плетеною корзиною, вроде гроба, чтобы другого, уже не страдальца, вынести в покойницкую.

На другой день, выписавшись из больницы, я просил позволения похоронить труп такой-то №, такого-то, и мне было позволено.

Я пригласил своих товарищей (вы помните, что нас было четверо привезено в Петербург, т. е. квартет), и мы вынесли ее на Смоленское кладбище, а после панихиды пропели „Со святыми упокой“ да бросили земли по горсти в ее вечное жилище, и больше ничего.

Вскоре после этого прислал нам управляющий имением **п л а к а т н ы е** билеты, и мы осталися еще на год в Петербурге. И знаете, что мы сделали? Прикинулись немцами да и пошли по улицам потешать добрых людей своим искусством. И знаете, нам хорошо было: мы почти что каждый по рублю серебра домой приносили.

За исключением харчей и квартиры, я каждое воскресенье получал рубль серебра, и каждую неделю я был два-три раза в театре (разумеется, в райке), откладывая каждую неделю полтину серебра на непредвиденный случай, т. е. для Серве,— [чтобы] приобрести несколько его этюдов для виолончели, а главное, самого его послушать. В газетах давно уж публикуют, что он непременно будет к великому посту в Петербурге. Дай-то бог. Мне как-то страшно становится, когда я подумаю, что я буду слушать Серве. Неужели слава так могущественна?

Приближается зима, и наши уличные квартеты должны будут прекратиться. Что нам делать? Товарищи мои хотят бросить искусство и искать лакейских должностей. А мне бы хотелося удержать их от этого соблазна. Да как удержать?

С этой благой мыслию пошел я однажды на Крестовский остров в немецкий трактир, поговорил с хозяином, что так и так, есть у меня квартет богемцев, можно ли им будет прийти в воскресенье попробовать счастья в вашем заведении? Хозяин согласился, и мы в первое же воскресенье спотешали вальсами почтеннейшую публику, как истинные чехи, и спотешали не без пользы. Мы в один день достали себе пропитание на целую [неделю] с избытком. Товарищи мои ободрились. Следующее воскресенье нам еще лучше повезло, а следующее еще лучше, потому что уже настала настоящая зима.

Тут же, в трактире, мы стали получать заказы через содержателя трактира на вечеринки, на свадьбы и т. п. Товарищи выбрали меня подрядчиком и казначеем, и мы зиму прожили припеваючи.

С Песков мы перебралися к Николе Мокрому.

Квартира у нас была уже не одна маленькая комнатка, а две большие с прихожей.

В свободное время, в продолжение зимы, я проштудировал всего Ромберга и Серве, что мог достать. Большой театр посещал я постоянно два и три раза в неделю и хоть из райка, а я видел и слышал всё, что было лучшего в ту зиму в столице.

Прошла, наконец, и бешеная масляница, прошла и первая неделя великого поста.

О незабвенная афиша!.

Надо вам сказать, что я часто делал большой крюк, чтобы пройти мимо которого-нибудь театра, собственно для того, чтобы прочитать афишу.

В воскресенье был я на соборном проклятии в Казанском соборе. Вышел из церкви, перехожу Невский проспект и издали вижу, что что-то белеет за проволочной решеточкой у подъезда дома г. Энгельгардта. Я прибавил шагу. Подхожу к подъезду или, лучше, к проволочному ящику, и мне показалося, что я вижу самого Серве и Вьетана. А это были только буквы. Долго я читал эти заветные буквы, пока добрался до настоящего их смысла. А смысл был такой, что Серве дает концерт сегодняшний же день. Начало в 7 часов вечера. Я сейчас же купил билет и целый день ходил по Невскому проспекту, заходя иногда к Александринскому и Михайловскому театру прочитать афишу. В 6 часов вечера я уже был в зале. Зала уже была вполовину освещена, и я вошел в нее первый. Швейцар, впуская меня в залу, сначала пристально осмотрел меня с ног до головы, потому, вероятно, что я вовсе не был похож на человека, для которого пятирублевая депозитка ничего не значит. Ну, да бог с ним, пускай думает, что хочет.

Публика начала собираться, и к половине седьмого зала уже была полна. Меня пронимала дрожь. Но когда кто-то около меня сказал:—Уже семь часов,—я затрепетал, а сердце у меня обдалося каким-то холодом, как будто в одно мгновение теплая кровь оставила его и вместо крови потекла холодная вода.

Кончилась увертюра, которую я не слущал. Ор-

кестр отдохнул, поправился, и через несколько мгновений выходит Серве и за ним Вьетан.

Боже мой, я не слышал, да и не услышу никогда ничего прекраснее!

Лист перед Серве — фанфарон, простой механик, ремесленник перед художником, больше ничего. Я смутно помню, как я вышел из залы и как пришел домой. Помню только, что товарищи отняли у меня виолончель и спрятали.

С того вечера я уже не беру виолончели в руки и звуков ее слышать не могу; для меня это все равно, что ножом по сердцу.

В продолжение поста я читал только афиши и только раз был в Большом театре, когда давали ораторию Гайдна „Сотворение мира". Это истинное сотворение мира. Только для Большого театра слишком громко: трудно слушать. Тут нужно по крайней мере Михайловский манеж.

Еще давали концерт в Патриотическом институте, в котором участвовал, между многими знаменитостями, и граф Виельгорский.

Чего бы я ни отдал, чтоб послушать его! Но, увы! Свет сей не для всех равно создан!

Как раз в великую субботу позвали нас всех четырех в часть и объявили нам, что помещик требует нас к себе в деревню и чтобы мы приготовились к следующей середе выступить в поход с севастопольской партией.

К середе мы были совершенно готовы и рано утром в середу вышли за толпою колодников из ворот Литовского замка с инструментами за плечами и грустно, молча потянулися к московской заставе.

Не описываю вам путешествия нашего, потому что оно нестерпимо однообразно и отвратительно гнусно.

На третий месяц нашего путешествия с толпою злодеев мы прибыли, наконец, в Прилуку.

Странное и страшное чувство обуяло меня при виде родного места.

Я долго не решался послать из острога к нашему

доброму Ивану Максимовичу. Наконец, через великую силу превозмог ложный стыд и страх и послал за ним тюремного служителя. Через полчаса явился Иван Максимович и взял меня на поруки.

В продолжение целой ночи мы глаз не смыкали, сообщая [всё] друг другу, как родные братья после долгой разлуки. Между прочими новостями он мне сообщил, что промотанное и разоренное имение нашего покойного господина купил с публичного торгу г. Арновский и что хотел было взять Лизу и Наташу к себе на воспитание, но Антон Карлович отдал только Лизу, а Наташу у себя оставил и что m-lle Адольфина оставила их вместе с Лизою.

На другой день я оставил Прилуку и ночевал на ферме. На ферме всё, как было и прежде, только Лизы и m-lle Адольфины недостает, а хозяева ее, кажется, и помолодели и подобрели.

Солнце уже спускалося за горизонт, когда я подходил к ферме. Мужички, попадавшиеся мне около села, приветствуя меня с добрым вечером, посматривали на меня и, снявши шапки, крестилися. Меня это немало удивляло. — Что бы такое значило, что они крестятся? — спрашивал я сам у себя. [Когда я] входил в село, дети, завидя меня, бросили игры и, остановившись около хаты, молча посматривали на меня, а которые были постарше, те крестилися. Я хотел было подойти к ним и узнать причину благоговения к моей особе, но дети разбежалися. Я пошел далее, и уже на гребле попалась мне навстречу старушка и, перекрестясь, остановила и спросила у меня:

— Куды це вы гробык несете? У Дигтярях священник умер, поховать никому буде, бо нового попа ще не прислано.

Тут-то я только догадался, что они скрипичный ящик мой принимали за детский гроб.

Подойдя к самым воротам сада, я остановился в раздумьи, заходить ли мне к ним или пройти мимо, и только было решился на последнее, как

послышался мне детский голос в саду. Это был голос Наташи. Я отворил ворота, но войти в сад всё еще как бы боялся. Только Наташа, увидя меня, закричала: — Мамо, мамо, нищий пришел. (Марьяну Акимовну она мамою звала.)

— Где ты видишь нищего? — спросила ее Марьяна Акимовна, выходя из-за дерева.

— Он за воротами.

И они подошли ко мне на несколько шагов, и Наташа бросилась ко мне, крича:

— Мамо! мамо! Это не нищий: это наш Тарас Федорович!

Меня и в самом деле немудрено было принять за нищего: оборванный, запыленный, с палкою в руке и с ящиком за плечами. Марьяна Акимовна подошла ко мне, посмотрела на меня, взяла меня за руку, сказавши: — Войдите, — и заплакала. У меня ноги подкосились, и я упал на землю и зарыдал, как дитя. Наташа побежала за Антоном Карловичем, и через несколько минут мы уже все трое шли к дому и все трое плакали. Наташа тоже плакала, разумеется, бессознательно. Впрочем, ей уже 12-тый год.

И что это за дитя, если б посмотрели! Это такая красота, такая детская прелесть, какой мне не удавалось видеть даже на картинах.

Подходя к дому, Антон Карлович почти что вырвал меня из рук Марьяны Акимовны и повел в свою хату.

— Подождите меня здесь, — сказал он мне, сажая меня на стул в своей хате. — Я сию же минуту, — прибавил он уже за дверью.

В хате его было всё попрежнему. Даже запах, воздух был прежний, и мне казалося, что я вчера только вышел из этой комнаты.

Через минуту вошел мальчик с умывальником и бельем, а за ним и сам Антон Карлович, неся в руках свое серенькое пальто и прочие принадлежности туалета.

— А сапоги найдете здесь, в этой комнате, — сказал он, указывая на боковую дверь. — А когда всё

кончите, приходите чай пить. Мы вас ждем! — прибавил он, уходя из хаты.

Преобразившися, я пошел в дом. На крыльце встретила меня Наташа и, схватя за руку, закричала:

— Мамо! мамо! посмотрите, я его и не узнала!

И с этими словами ввела меня в комнату и, сажая меня на стул около стола, прибавила:

— Садитеся вот здесь, как раз против меня и против мамы. Мы на вас будем смотреть: ведь мы вас давно не видали!

Я осмотрелся кругом и сел. С минуту длилося молчание. Марьяна Акимовна, молча глядя на меня, заплакала и проговорила:

— Теперь нас только трое, а помните, было пятеро.

И, наливая чай, рассказала знакомую уже мне историю с прибавлением, что m-lle Адольфине чрезвычайно не хотелося расставаться с ними и что они ее насилу уговорили перейти к г. Арновскому, что она там будет необходима для Лизы, потому что Лиза такая бойкая. — Что Наташа против Лизы? Это просто ангел у меня, а не дитя, — прибавила она, целуя Наташу.

Марьяна Акимовна начала было спрашивать меня о моих похождениях, но Антон Карлович перебил ее, говоря, что для этого будет завтрашний день, а что сегодня нужно спросить у гостя, не хочет ли он есть и спать.

После ужина пошел я в хату, где уже для меня была приготовлена постель. — Боже мой, — подумал я: — за что эти добрые люди так полюбили меня? Встречал ли отец с матерью с такой любовию своего сына после долгой разлуки, как они меня встретили? Добрые, благородные люди!

На другой день поутру Антон Карлович съездил в Дигтяри и исходатайствовал мне позволение у управляющего остаться на ферме по случаю болезни.

Весь август месяц я прожил в кругу этих добрых людей, совершенно как сын у отца и матери, и совершенно забыл о моем грустном пребывании

в Петербурге и о моем горьком странствовании, несмотря на то, что я каждый день повторял свои рассказы.

В раю праведники едва ли так блаженствуют, как я теперь блаженствую.

Наташа от меня совершенно не отстает, просит меня, чтобы я ее учил на фортепиано, хотя она сама не хуже играет. Просит меня учить ее по-французски говорить, а сама меня поправляет. А когда я по вечерам рассказываю о моих приключениях на этапах, она плачет пуще самой Марьяны Акимовны. Просто она меня чарует своею привязанностью ко мне.

В четвертый раз принимаюсь я за письмо это и не знаю, удастся ли мне хоть теперь кончить. Просто свободной минуты не имею. Представьте, что мы сидим иногда напролет ночи в уютной хатке Марьяны Акимовны, она за фортепиано, а я со скрипкою.

Виолончель я думаю совсем оставить. Да и ужели хватит духу играть на ней, слышавши Серве?

Конец моему блаженству близится: на-днях я оставляю ферму и являюся к моему новому властителю. Не предчувствую ничего для себя доброго впереди, а впрочем, всё в руках божиих.

Я это письмо так долго писал, что наконец привык к нему, и мне грустно стало, когда я его кончил. Я мысленно никогда не расставался с вами, но в это время я с вами просто жил и открывал вам все мои мысли и чувства, и теперь, как подумаю о предстоящей мне жизни,—а в ней предвижу я много для себя грустного, и грустное это некому будет передавать,— то мне теперь уже тяжело.

Напишите мне хоть три слова, напишите только, что вы получили мое письмо, и я буду счастлив.

Прощайте, незабвенный друг мой, не забывайте преданного вам и бесталанного музыканта N.

Ферма,
18... года,
августа... дня".

По прочтении письма я думал было заснуть хоть немного с дороги, но не тут-то было. Передо мною стоял, как живой, мой бедный музыкант со своей виолончелью и, глядя на меня, грустно улыбался, и так грустно, что я хотел было достать огня и прочитать снова его печальное послание, только смотрю — в окнах уже белеет. Я накинул на себя шинель и вышел на крылечко. Не прошло пяти минут, как подходит ко мне Иван Максимович и, после обоюдных приветствий, жалуется мне, что ему тоже всю ночь не спалося и что он давно уже ходит и посматривает, не выйду ли я.

— Мне, не знаю почему, казалося, — говорил он, — что и вам тоже не спится. Я хотя и не читал письма Тараса Федоровича, но знал, что оно невеселое, не правда ли?

— Правда! — отвечал я, — даже очень невеселое.

— И оно, конечно, вам заснуть не дало?

— Действительно так.

— Я так и думал. Но это всё ничего, а вы послушайте, что после с ним было!.. А впрочем, я вам лучше прочитаю. Я, знаете, на старости туда же пустился, в литературу. Да что, думаю, ведь не святые же горшки лепят. Предмет же и сам по себе интересный, а если его обработать, так это выйдет просто роман. Вот я и принялся... А сестрица, я думаю, давно уже нас с самоваром дожидает. Ей, бедной, тоже что-то не спалося в эту ночь. Впрочем, это с нею часто случается. Пойдем-ка, это будет лучше литературы.

И действительно, старушка нас дожидала с чаем, только не в комнатах, а в садике, в летнем кабинете братца. Садик заключал в себе несколько тощих фруктовых деревьев и дощатый чулан, приткнутый к соседнему забору. Это-то и был летний кабинет Ивана Максимовича.

Несмотря, однако ж, на нищету этого садика, в нем было так всё уютно, так спокойно, что я невольно позавидовал бедному Ивану Максимовичу.

Напившись чаю под кустом цветущей бузины,

Иван Максимович повел меня в свой кабинет, усадил на дощатом обнаженном диване и, вынимая из столика бумаги, сказал:

— Теперь мы в тиши уединения займемся литературою. Вот эти бумаги, — сказал он, откладывая в сторону несколько листов мелко исписанных: — эти бумаги принадлежат вам. Помните, вы просили меня когда-то собирать для вас всё, касающееся истории, философии и поэзии нашего народа. Тут всего есть понемногу. Исторические сведения, касающиеся собственно города Прилук, сообщил мне покойник отец Илия Бодянский, а прочее я записывал где попало. А вот это уже чистая литература, — говорил он, разбирая другие бумаги.

— Я описываю всё случившееся с нашим музыкантом, со дня его выезда в Петербург, со слов его же самого, только украшаю иногда слог на манер Марлинского (божественный писатель!). Даже и название даю моему рассказу вроде незабвенного Марлинского, т. е. „Музыкант, или две сиротки". Помните Лизу и Наташу? Они у меня тоже играют немалую роль. Так с чего же нам начать? Он вам, верно, в письме своем описал все, хотя вкратце, по день прибытия своего на родину?

— Действительно, всё, — сказал я, — кроме обратного своего путешествия из столицы.

— То-есть следования по этапам. Я так и думал, потому что и мне немало стоило труда выспросить у него некоторые подробности этого, можно сказать, живописного путешествия.

И Иван Максимович улыбнулся своей остроте.

— Так я начну вам именно с путешествия.

„Уже вечерний солнца луч златил величественное и широкое ложе реки Луги (так начал читать Иван Максимович), и когда мы перешли бесконечно длинный и разными вавилонами на сваях воздвигнутый мост через едва выглядывавшую из камышей реку Лугу, то лучезарный Феб уже скрылся за горизонтом в объятиях Фетиды.

Но так как в полярных странах летние ночи бы-

вают довольно ясны, то мы засветло еще вступили в город Лугу. Нас, разумеется, препроводили в острог...“

— Но тут, знаете, картина не авантажная,— говорит Иван Максимович,— и потому-то я ее не описываю. По-моему, чисто-изящного произведения не должны касаться картины грязные, хоть это теперь, к несчастью, вошло в моду. Но я все-таки люблю придержаться классического стиля. Да и где нам, старикам, переделывать себя.

Вот они (я вам буду простые происшествия рассказывать, а что коснется поэзии, то уже прочитаю)... Так вот они на другой день у этапного командира испросили позволение, потому что у них была дневка и, к тому же, день праздничный... Так вот они и испросили позволение (разумеется, предложивши ему часть заработка) пройтись по улицам с инструментами и дать несколько концертов.

Предприятие (несмотря на то, что город Луга, можно сказать, нарочито невеликий), предприятие их увенчалося полным успехом, так что, несмотря на значительную часть приобретения, отделенную ими командиру этапа, у них хватило пропитания до самого Порхова. Близ Порхова я описываю (по его же рассказу) длинную, тонкую возвышенность вроде циклопического вала, по которому тянется почтовая дорога почти до Порхова; потом самый Порхов и величественную Шелонь, на левом берегу которой высятся древние развалины замка.

На счастье их, в Порхов они пришли как раз на духов день. Пошли по улицам на другой же день с музыкою, как и в Луге это сделали. Но только Порхов не Луга: тут их забросали гривенниками. Один приказчик какого-то мыловаренного завода Жукова (знаменитого табачного фабриканта) разом выкинул три целковых. Им так повезло в Порхове, так, что они уже нанимали на каждом этапе лошадку с телегою для своих инструментов до самых Великих Лук, а из Великих Лук у них уже своя была лошадка, правда, немудрая, но все-таки своя.

Так как они приближалися к стране постоянно голодной, т. е. к Белоруссии, то, кроме инструментов, от города до города везли за ними и порядочный запас печеного хлеба.

Трогательные картины случалося ему видеть в сей убогой стране. Знаете, голод, нищета, разврат и гнусные спутники разврата. Всё это я описываю в назидательном тоне.

Так, например, когда они проходили чуть ли не Усвяты, то, вместо того, чтобы арестантам подать милостыню, толпа мальчишек с толстыми коленями бросилась к арестантам и стала просить хлеба, а когда увидели, что им давали хлеб наши артисты, за мальчишками бросились и взрослые и старики. Голод не знает стыда.

Пройдя страну сетования и плача, они вступили наконец в благословенные пределы нашей милой Малороссии и, наконец, в нашу скромную Прилуку. В тот же вечер пили мы чай с нашим милым, дорогим музыкантом и дружески беседовали в этой самой беседке.

— Теперь вот что я вам скажу. Вы извините меня: я человек, знаете, обязанный службою.

— Сделайте милость, распоряжайтесь как вам угодно,— сказал я ему.

— Я вот что сделаю,— говорил он.— Я схожу ненадолго в училище, а вы читайте мою рукопись. Тут вы встретите несколько подлинных писем Тараса Федоровича, в которых он изображает большею частию состояние души своей и прочие домашние обстоятельства. И еще знаете что: я забегу на станцию и скажу, чтобы принесли и ваши вещи сюда, и мы с вами так и прокочуем до воскресенья, а в воскресенье и на ферму вместе. Bene?— прибавил он, сжимая мою руку.

— Benissimo! — отвечал я, и мы расстались.

Рукопись, правду сказать, пугала меня, зато письма, в ней помещенные, меня чрезвычайно интересовали, а потому я и принялся за нее.

Письма были вклеены в рукопись, а потому-то мне их не трудно было и отыскать.

И первое из них такого содержания:

„Я обещался вам, мой незабвенный Иван Максимович, извещать вас по временам, как о себе самом, так и о предметах меня окружающих. И вот уже скоро наступит третий год, как я пресмыкаюся у ног моего нового властителя, и только теперь вспомнил я данное вам обещание. Мое горе такого рода, что само себя питает и не любит утешения. Простите меня, добрый Иван Максимович, за такое выражение, но что делать? — истина. Теперь мне лучше, и так лучше, что я могу беседовать с вами. Что это вы к нам никогда не заглянете? То-то бы наговорились! Приезжайте-ка, да и супругу вашу привозите. У нас 23 апреля праздник. Ведь вы прежде таки любили увеселения. Я этой любви обязан и знакомством моим с антикварием, помните? Где-то он теперь, бедный! Напишите мне, если получите о нем какое известие.

Вчера я возвратился с фермы. Я там гостил три дня. Впрочем, я там никогда меньше трех дней не гощу. Вот мое одно-единственное счастие. И правда, великое счастие! От сотворения мира, я думаю, ни одному страдальцу [не удавалось] так заживлять свои сердечные раны, как я их заживляю в кругу этих благородных людей. А Наташа, вообразите себе, так меня полюбила, что, когда я уезжаю, она, бедная, навзрыд плачет. И что это за девочка, что это за чудное создание! И в этих летах (ей четырнадцатый год) сколько глубокого чувства и недетского ума. Она полюбила музыку, и так полюбила, что дни целые проводит за фортепиано. И, представьте, она до сих пор не знает, что она сирота. Правда, при Марьяне Акимовне трудно ей это узнать, потому что она для нее больше, нежели мать родная. Зато и Наташа вполне ее вознаграждает своею детскою безотчетною любовью. А Антон Карлович просто не знает, где и посадить свою Наташу. Представьте, он для нее целый день не

выходит из своей лаборатории, чтобы вечером потешить Наташу какою-нибудь замысловатою игрушкой. Я вам рассказываю то, что вы сами недавно видели. Мне говорили, что вы недавно с супругою вашею гостили у них. Как жаль, что я не знал, а то бы непременно отпросился.

Странная, однако ж, психологическая задача. Например, Лиза две капли воды похожа на Наташу, и я ее каждый день вижу, а не могу любоваться ею, как Наташею любуюсь. Она, мне кажется, слишком бойкая, более похожа на мальчика, ни к кому не привязывается, неохотно учится и музыки не любит.

Что бы это значило? Детство их было совершенно одинаково, а теперь такая разница.

M-lle Адольфине, как вам известно, в тот же год отказал г. Арновский. И знаете за что? Гнусный сластолюбец! Он не мог обольстить ее и выгнал из дому, назвавши при всех распутною девкою.

Бог ее знает, где она теперь. Доброе, непорочное создание! Вы знаете, что я ей обязан французским языком, и теперь только узнал я ему настоящую цену. Библиотека у нас состоит почти вся из французских книг, хоть, правду сказать, более из романов, но все-таки лучше, нежели ничего.

Да, m-lle Адольфина была необходима для Лизы. Бедное дитя! Чему она выучится, что усвоит себе хорошее от своей воспитательницы, безграмотной, старой, подлой девки! Это почтеннейшая сестрица г. Арновского. Она отделила ее от общества пансионерок и перевела к себе и всё это, я подозреваю, по приказанию братца. Гнусные люди! Лиза чрезвычайно быстро вырастает. Г. Арновский пишет, чтобы его нынешний год не ждали из-за границы. Он ведь еще в прошлом году уехал принимать ванны от какой-то застарелой болезни.

А знаете что? Приезжайте-ка 26 августа на ферму. Вы знаете, в этот день Наташа именинница. Уверяю вас, будет весело. Приезжайте, я хоть посмотрю на вас.

К этому дню я готовлю несколько квартетов, т. е. я с товарищами моего странствования. Только

чур, не проболтайтесь, если раньше нашего приедете. Я хочу сделать это в виде сюрприза.

Антон Карлович готовит для нее же иллюминацию и щит с ее вензелем. Щит будет поставлен между кустов, а за щитом поместится наш квартет. Не правда ли, хорошо придумано? Еще я приготовил для Наташи сюрприз, не знаю только, понравится ли ей. За ноты я не боюсь: я ноты просто печатаю, а фронтиспис меня беспокоит. Я, видите ли, как умел переписал на веленевой бумаге „Серенаду" Шуберта и украсил заглавный лист собственным изделием, скопировал, правда, с какого-то ничтожного романса, ну, да это ничего.

Приезжайте 26 августа, бога ради, приезжайте! Только непременно вместе с супругою".

Едва кончил я первое письмо, как вошел ко мне Иван Максимович, запыхавшись:

— Фу, как устал! Почти бежал всю дорогу. Боюсь, не соскучились ли вы? А, да вы читаете, прочитываете. Что, каково, а? По-стариковски, не правда ли? Слог! слог главное, а прочее само собой придет, не так ли?

— У вас слог прекрасный!

— Устарел маленько, что же делать, мы и сами устарели, не так ли?

Я в знак согласия кивнул головою, а он, взглянувши на рукопись, сказал:

— А, так вы на письме остановились? Продолжайте, продолжайте!

— Я уже кончил письмо.

— Кончили?—И, немного помолчав, он проговорил:

— Да, оно кончается приглашением меня на именины Наташи, с моей незабвенною ... — и он замолчал и отвернулся.

— Музыка... иллюминация... Наташа! — приходя в себя, говорил он с расстановкою.

— Да, прекрасно, торжественно-прекрасно было. Нет, мы лучше прочтем: этот праздник у меня торжественным стилем описан.

— Братец! пожалуйте обедать! — раздался голос сестрицы.

— И в самом деле, лучше пойдемте пообедаем, а потом уже придем и прочитаем.

И мы пошли обедать.

Не знаю, дело ли то было аппетита, или дело простосердечного радушия, или просто борщ с сушеными карасями (который так гениально варят мои землячки), — не знаю, что именно было причиною, знаю только, что я преплотно пообедал и еще плотнее заснул после обеда.

Вещи мои были принесены с почтовой станции, и я поселился до воскресенья в беседке гостеприимного Ивана Максимовича и во время его отсутствия прочитывал простосердечные письма моего непорочного музыканта.

Второе письмо, предлагаемое здесь, было писано спустя два с лишним года после первого.

„Милостивый Государь Иван Максимович!

В последнем письме своем вы повторяете свою прежнюю просьбу, чтобы я записывал из уст нашего народа, как вы пишете, всё, что касается его философии, поэзии и истории. Благодарю вас, что вы напоминаете мне об этом. Это значит, что ваше горе вполовину уменьшилось, что вы, наконец, вспомнили и нашего антиквария и, наконец, меня, вашего искреннего друга. Антиквария нашего и я помню хорошо, только бог его знает, где он теперь находится, а я для него или всё равно для вас записал на-днях дивную песню.

Иду я однажды по самой большой улице в селе и, правду сказать, иду к корчме, чтобы посидеть с добрыми людьми на завалинке, — не услышу ли чего-нибудь поучительного. Только иду и вижу, по самой середине улицы идет пьяная баба и, как видно, не убогая. Идет и во всё горло поет, поглядывая на высунувшиеся на улицу хаты:

Упилася я,
Не за ваші я:
В мене курка неслася —
Я за яйця впилася!

Это ли не философия? Это ли не поэзия?

Мне хотелося сделать вариации на эту тему, но, увы! Музыка не в силах выразить этого великого сарказма.

Вы теперь, как видно из вашего письма, немного успокоились после вашей невознаградимой потери. „Быйте лыхом об землю, як швець мокрою халявою об лаву“ та приезжайте в воскресенье на ферму. А я приеду туда с виолончелью и буду играть для вас целый день и все ваши и мои любимые малороссийские песни.

Я вам, кажется, не писал еще о виолончели? Чудный! дивный инструмент! И я не знаю, где он мог его достать за такую ничтожную цену.

В прошлом году наш поправившийся г. Арновский возвратился из-за границы и, между многими диковинными игрушками, привез и виолончель. Боже мой, что это за игрушка! Только одна душа человека может так плакать и радоваться, как поет и плачет этот дивный инструмент.

Мастер, создавший его, не кто иной был, как сам Прометей. Я спать ложусь и кладу его около себя. Это моя любовница, моя жизнь, мое „я“. И если б я был два раза раб, то за этот инструмент продал бы себя в третий раз. О, я теперь совершенно забыл Серве.

А если бы видели, что делается с Наташей, когда я заиграю на этом божественном инструменте! она цепенеет — и больше ничего.

А Марьяна Акимовна уверяет меня, что я на скрипке лучше играю, нежели на виолончели. Но это она говорит только так, она сама не может равнодушно слушать виолончели.

Разносился я, однако ж, со своею виолончелью, как дурень с писаною торбою, а о главном-то чуть было и не забыл.

Предчувствия мои сбылись. Едва оживший г. Арновский ухаживает уже за Лизою собственною персоною. Как видно, усердие милой сестрицы не имело успеха.

А Лиза и знать ничего не хочет. Бегает по залам, бьет горшки с цветами, ломает стулья, совершенный ребенок. А этому ребенку, заметьте, 17 годов. Меня одно только утешает: если я не ошибаюсь, что если и успеет г. Арновский, то этот успех обойдется ему не так-то дешево.

Мне, по крайней мере, не случалось еще встречать так сильно развитой природы в Лизанькины лета. Это совершенная женщина!

Сестрица г. Арновского втупик становится перед ее выходками.

Что если бы хоть какое-нибудь образование этой девушке? Это была бы совершенная Семирамида или Клеопатра.

Месяца два тому назад, однажды сидят они все трое за обедом молча и только поглядывают друг на друга исподлобья. Кушанья подавали только для формы, никто к ним и не прикоснулся. А я от нечего делать (стоя за стулом Лизы) стал всматриваться в лицо г. Арновского. Руина, совершенная руина! Он не старик еще, но опередил даже дряхлых стариков. Повисшие, едва сжимающиеся губы, полураскрытые бесцветные глаза, желтозеленый цвет лица и, вдобавок, серые, жиденькие волосы и глухота делают его чем-то отвратительным, чем-то на полипа похожим.

Обед кончился. Лиза, выходя из-за стола, заплакала и, обращаяся к г. Арновскому, сказала:

— Прикажите заложить лошадь или я пешком уйду к Антону Карловичу.

— Быть беде,— подумал я и не ошибся. Через несколько дней дворня шопотом заговорила о женитьбе барина на Лизавете Павловне, а еще через несколько дней явилися уже и подробности, сопровождающие всякую будущую свадьбу. Из Прилуки, между тем, приехал стряпчий г. Арновского

И. П. Ярмола, пробыл у нас двое суток и уехал так, что его почти никто и не видал.

Это тоже что-нибудь да значит!

Не прошло и месяца после этого происшествия, как сестрица г. Арновского засуетилася, забегала, всю дворню подняла на ноги и своим благородным воспитанницам приказала приготовить самую лучшую пьесу к свадьбе.

— К свадьбе,—подумал я. Стало быть между Лизой и г. Арновским это вещь возможная. Странно! Я на другой же день съездил на ферму, рассказал все виденное и слышанное. Антон Карлович сказал: — Хорошо,—а Марьяна Акимовна только головой кивнула.

Свадьба совершилася тихо: ждали гостей много, но собралися только ближайшие соседи. Театра тоже не было. Хотели было дать концерт, да тоже до завтра отложили.

Завтра прошло тоже без особых приключений, а послезавтра управляющий получил приказание от г. Арновской приготовить экипажи, людей и лошадей для поездки в Киев.

Все это происшествие вам покажется невероятным, фантастическим, как и самому мне оно показалося. Но вспомните, что Лиза вырастала под непосредственным смотрением распутной старой девки. Вспомните это, и неестественное замужество Лизы делается самым натуральным. Грустно только смотреть на это милое созданье, так бесчеловечно нравственно изуродованное. В ней и тени не видно той ангельской прелести, какая так свойственна ее возрасту. Воспитательница, однако ж, ошиблась в своих расчетах. Цель ее была развратить Лизу до такой степени, чтобы она была способной выйти замуж за ее отвратительного братца. В этом она успела. Но главное — ей надоел братец своим самовластием, и ей нужно было сокрушить эту власть. Она и сокрушила, т. е. она сделала Лизу полной, независимой помещицей всего имения, прежде принадлежавшего г. Арновскому. Для того и приезжал стряпчий из Прилуки. Дело в том, что когда Лиза

сделалась помещицей, то, вместо половинной власти и состояния, предложила своей наставнице место ключницы у себя в доме.

Рассчитавшися так со своей милою наставницею, она вручила полную власть своему управляющему над домом и всем имением, взяла своего дряхлого мужа и отправилася в Киев, якобы пользоваться тамошними минеральными водами.

В доме оставалося все попрежнему. Хозяйка обещалася зиму провести в имении, а до зимы, следовательно, мне в доме было нечего делать, и я, пользуяся сим добрым случаем, отпросился у управляющего месяца на два в Дигтяри, т. е. на ферму.

И вот уже третий день я разыгрываю моцартовские сонаты в хатке Марьяны Акимовны на моей милой виолончели.

Как тепло, как хорошо мне в кругу этих милых моих друзей. Наташа день-ото-дня становится всё краше и милее. И что за умница, что за скромница, просто прелесть! Она, знаете, со мною хочет этикетничать, держать себя, как прилично взрослой девице, но никак не может: важничает, важничает, да вдруг схватит с меня шляпу, побежит и спрячется в кустах. Я ищу ее, а она перебегает из куста в куст, пока устанет. А потом пойдет жаловаться Марьяне Акимовне, что я ей покою не даю, что она на мой соломенный бриль без смеху смотреть не может. Милое, прекрасное создание! Глядя на нее, иногда я себя чувствую выше человека, таким безгранично счастливым существом, каким человек никогда быть не может.

С некоторого времени, я замечаю, она начинает задумываться и почти плачет, когда я играю ее любимую серенаду Шуберта.

Марьяна Акимовна предлагает Антону Карловичу поехать с Наташею на зиму в Киев. Но Антон Карлович упорно молчит и только головою потряхивает. Раз было сказала Марьяна Акимовна:

— Ну, коли не в Киев, так хоть в Кочановку к Лизе.

Но он на нее так посмотрел, что с тех пор о Лизе и помину не было.

Я совершенно понимаю и оправдываю мысль Марьяны Акимовны, но никак не могу равнодушно вообразить себе Наташу в кругу незнакомых ей людей. Мне делается страшно за нее. Она такая живая, впечатлительная, и ей уже семнадцать лет. Ей предстоят большие опасности впереди.

Вот еще что меня немало удивило. Когда я рассказал с подробностями про свадьбу Лизы, Наташа равнодушно дослушала мой рассказ, проговорила: — Несчастная она, — и залилась слезами.

Неужели она, в эти лета, так глубоко успела заглянуть и уразуметь, в чем состоит истинное наше счастие?

Я завтра поеду в Кочановку за партитурою Мендельсона „Сон в Ивановскую ночь". Наташа еще не слыхала ее.

Я положу для нее эту чудную симфонию для фортепиано и баса.

Приезжайте когда-нибудь в праздник и вы послушаете. А между тем, напишите о себе хоть пару слов с нашим посланным, напишите хоть только то, что вы получили мое послание.

Преданный вам ваш Музыкант".

На оставшемся от письма чистом полулисточке бумаги вроде примечания было написано рукою Ивана Максимовича так:

„29 июня, в день Петра и Павла, ездил я в гости на ферму и гостил два дня с великим удовольствием. Виолончель с фортепиано — это такая божественная гармония, что вечно бы слушал ее и не наслушался, особенно, когда они вдвоем исполняют эту волшебную серенаду. Я, впрочем, думаю, и не без основания, что, кроме гармонии звуков, между ними существует высочайшая гармония самых нежных чувств.

Мне даже об этом сама Марьяна Акимовна косвенно намекнула, когда они играли серенаду. Она обратилась ко мне и, взором показывая на музыкантов, шепнула:

— Не правда ли парочка? Как вы думаете?

Я, разумеется, в знак согласия кивнул головою.

Другой раз, когда мы гуляли по саду, и они вдвоем шли впереди нас и о чем-то тихо разговаривали, Антон Карлович, глядя на них, проговорил, как бы сам с собою:

— Во что бы то ни стало, а я ему добуду свободу.

— Благородное чувство!—подумал я.—Это значит, стать выше предрассудков века. Давно пора бы всем так думать и чувствовать. Но, увы! гордыня обуяла нас. А как бы они счастливы были! Я всякий бы день ездил на ферму любоваться на их счастие. Я тут не вижу ничего невозможного. Все будет зависеть от Антона Карловича, а сомневаться в искренности и чистосердечии этого благородного человека, значит не верить в бога. Подождем — увидим!"

В следующем за письмом повествовании собственного изделия Ивана Максимовича продолжаются рассуждения в этом же роде, т. е. в роде филантропическом, только уже слогом возвышенным, обработанным,— таким слогом, что я с трудом прочитал полстраницы. Настоящий Марлинский! Мир памяти его.

Перевернувши несколько листов красноречивой рукописи, я открыл еще одно письмо музыканта, писанное год спустя после предыдущего.

Письмо начинается так:

„Незабвенный Иван Максимович!

Я так счастлив, так бесконечно счастлив, что едва могу писать вам, а писать необходимо, потому что счастие задушит меня, если я не выскажусь. Но с чего же вам начать? Дайте прийти в себя. Да, начну с того, что прошедшей осенью возвратился из Киева г. Арновский, совершенно больной и без жены.

Лизавета Павловна бросила его в Киеве на попечение сестрицы, а сама уехала с каким-то гусаром на маневры в Вознесенск, да и не возвращалась. А уже из-за границы, кажется, из Вены, написала управляющему письмо, чтобы он всю дворню и музыкантов распустил на оброк, кто пожелает, а остальных обратил бы в хлебопашцев; благородным воспитанницам выдал бы по тысяче рублей и тоже распустил бы, а дворовых девушек повыдавал бы замуж с приданым по сту рублей, хоть за солдат; г. Арновскому и сестре его выдавал бы по сту рублей в месяц, и больше ничего.

Жалко и отвратительно было смотреть на этого изувеченного сластолюбца, когда он смотрел на сборы в дорогу своих воспитанниц и не мог остановить этих сборов. Ему не хотелось расставаться со своими жертвами, и он плакал в бессилии. Он пошел было к ним во флигель проститься с ними, но они перед ним двери заперли. Достойная благодарность развратителю!

Лизавета Павловна, может быть, и бессознательно, но вполне справедливо и достойно наказала своего развратителя. Я в душе ей благодарен. За одну бедную Тарасевич его следовало бы сделать каторжником. Если совесть его проснется когда-нибудь, то она забичует его лучше всякого палача. Только мне не верится в присутствие совести в развращенном сердце.

Оркестр наш почти весь пущен на оброк и отправился в Киев. Выбрали было меня капельмейстером, но я решительно отказался и выпросил себе у управляющего место лесничего в Дигтярях. Эта должность как раз пришлась по мне: брожу себе целый день по лесу, как будто дело делаю, а к вечеру отправляюсь на ферму. Виолончель осталася со мною. Слушатели мои — самые искренние слушатели, и я просто блаженствую. Если бы ко всему этому прежняя резвость и беззаботность Наташи, я был бы совершенно счастлив. А то она, бедная, такая грустная ходит, что я плачу, на нее глядя.

Марьяна Акимовна тоже будто бы переменилась, тоже чего-то по временам задумывается и скучает. Один только Антон Карлович попрежнему молчит и добродушно улыбается. В отношении же меня они все попрежнему ласковы, только что-то как будто бы скрывают.

Меня это мучит, и я по целым дням иногда хожу по лесу и плачу, сам не знаю отчего.

Несколько дней тому назад Антон Карлович ездил к нашему управляющему и возвратился чрезвычайно весел, так весел, что заставил меня с Наташею играть „Горлыцю“, а сам чуть было танцовать не пустился.

А между прочим все-таки ни слова никому не говорит о причине такой радости.

Через неделю после этой радости Антон Карлович, не сказав никому ни слова, уехал опять к управляющему, а к вечеру того же дня прислал записку, чтобы его не ждали вечерять, что он с управляющим уехал в Полтаву.

Мы, разумеется, ахнули и минут пять не могли проговорить ни слова, только смотрели друг на друга. Наконец, заговорила первая Марьяна Акимовна:

— Что же это он сделал со мною? Вот уже тридцать лет, слава богу, и мы с ним не разлучались ни на день единый, а тут взял да и уехал, и хоть бы сказал слово. Вот до чего я дожила, горькая!

И, минуту помолчав, она тихо заплакала. Наташа тоже, и, взявшись за руки, они пошли в покои.

Я, как вкопанный, остался на месте и долго бы простоял еще, если бы Наташа не позвала меня в комнаты.

После долгих рассуждений и предположений, зачем и для чего так, можно сказать, воровски уехал Антон Карлович в Полтаву, я вызвался сейчас же съездить в Кочановку и узнать всё положительно на месте. А чтобы им не страшно было без мужчины, я сходил на мельницу и пригласил старого мирошника на ферму, в виде сторожа и собеседника. (Наташа чрезвычайно любила слушать его старые сказки и прибаутки.)

На рассвете я возвратился на ферму из Кочановки, не узнавши ничего. Конторские писаря, пользуясь отсутствием управляющего, перепились пьяны, и на вопрос мой отвечали: — Уехали в Полтаву,— и больше ничего.

Наташа заснула, а Марьяна Акимовна ждала моего возвращения у ворот сада и, завидя меня, подбежала ко мне с вопросом: — Что? — Я, хоть и горько мне было, сказал ей, что в Кочановке никто ничего не знает.

— Идите же в его хату да отдохните с дороги,— сказала она мне и, закрыв лицо руками, тихо пошла к дому.

— Бедная женщина! — подумал я, глядя ей вслед: — Неужели так тесно сдружилася ты с ним, что не можешь один день прожить без него? Счастливая, завидная твоя доля, и многие, многие жены тебе вправе позавидовать. А тебе еще больше, счастливый, благородный старче, должны завидовать мужья-горемыки!

Прошел день, другой, наконец, и третий, а об Антоне Карловиче ни слуху, ни духу. На ферме всё так притихло и приуныло, что я боялся и подумать о музыке.

Марьяна Акимовна все дни ходила взад и вперед по одной дорожке и только молча вздыхала, а Наташа ей вторила.

Казалося, что мы уже навеки расссталися с нашим Антоном Карловичем. В продолжение дня Марьяна Акимовна заходила в его хату, чего прежде никогда не делала, обмахивала платком пыль с электрической машины и с других вещей, садилась на кушетку и плакала, словом, она походила на самую нежную любовницу.

В продолжение этих дней я только и слышал от нее, — и то она говорила как бы сама с собой:

— Ну, слыхано ли на свете такое горе? Уехать в такую даль и не сказать жене ни слова! О, я несчастная!

Дни проходили медленно, а вечера еще медленнее. А 26 августа быстро близилось. Я думал было

прежде о сюрпризах для дня ангела Наташи, но после этого случая я так растерялся, что совершенно обо всем забыл.

Я ездил еще раз в Кочановку и хотел было проехать в Прилуку к поверенному Лизаветы Павловны, но мне сказали в Кочановке, что и он уехал вместе с ними.

Вот уже и 25 августа, а на ферме будто бы ничего не бывало: ни малейшего движения, о предстоящем празднике и помину нет.

Я вспомнил про месячную розу в Дигтярях в оранжерее, которую я давно выпросил у садовника для дня ангела Наташи, и, не сказав никому ни слова, отправился пешком в Дигтяри. Возвратился я с цветком на ферму уже вечером, и вообразите мою радость: Антон Карлович сидел за столом между Марьяной Акимовной и Наташей и по обыкновению, улыбаясь, пил чай.

— А, и вы пришли! — сказал он, увидевши меня. — Садитесь-ка, я вам расскажу, что я видел в Полтаве.

Я сел, и несколько минут прошло в молчании.

— Ну, рассказывай же, — проговорила Марьяна Акимовна, — беспутный, что ты там видел в твоей скверной Полтаве?

— А что я там видел? Грязь и больше ничего!

— А что же ты там делал столько времени?

— Тоже ничего!

— Зачем же ты ездил туда, ветрогон ты старый?

— Так, прогуляться.

— Так, прогуляться? Слышите, люди добрые: так, прогуляться! Ах, ты седая, старая голова. И это тебе не совестно так мучить меня на старости лет?

И Марьяна Акимовна поцеловала его так нежно, так просто, сердечно, как самая нежная мать целует покорное дитя свое.

Вечер прошел тихо и весело.

На другой день проснулися все рано, а Антон Карлович раньше всех и, разбудивши меня, сказал:

— А что, ты приготовил что-нибудь для именинницы?

— Приготовил, — проговорил я.

— Ну, так вставай же, одевайся и пойдем поздравим, — она уже бегает по саду.

Я наскоро умылся, оделся и, взявши свою розу, пошел к дому вслед за Антоном Карловичем. Наташа, увидя нас, побежала в комнаты.

Мы вошли вслед за нею, а она уже сидела за чайным столом, как ни в чем не бывало, около Марьяны Акимовны и просила сухарика к чаю.

Я поздравил ее, преподнес ей свой скромный подарок. Антон Карлович поздравил тоже и, вынув из бокового кармана сложенную вчетверо бумагу и подавая Наташе, сказал ей:

— Вот тебе гостинец из Полтавы.

Сказавши это, он, улыбаясь, сел около нее. Наташа долго молча читала бумагу и, не дочитавши, выпустила ее из рук и со слезами бросилась обнимать и целовать Антона Карловича, а мы с Марьяной Акимовной с изумлением посматривали друг на друга.

Наконец, я поднял бумагу, посмотрел на нее, и... то была моя отпускная!

Всё, что ни сказал бы я вам про свои ощущения в эту великую минуту, всё бы это и тени не было похоже на то, что я чувствовал.

— Виолончель тоже наша, — проговорил, улыбаясь, Антон Карлович.

Я упал перед ним на колени и целовал его руки, обливая их слезами.

— Ну, Наташа, теперь за тобою очередь, продолжай, — сказал Антон Карлович, обращаясь к Наташе. — Возьми эту бумагу и отдай нашему другу и скажи: — Вот, мол, тебе мое приданое. — А мы с Марьяною скажем: — Боже вас благослови!

Все четверо мы бросились друг к другу и залились слезами.

И вот уж более недели, как мне мое счастие спать не дает. И знаете, кто всё это сделал? — Наташа! моя милая, моя бесценная Наташа! Она предпочла меня и знатным и богатым, меня, крепостного музыканта, и, открывшися во всем своим благород-

На конецъ я подалъ бумагу посмотрѣлъ на нее и— то была моя отпускная!

Все что ни сказалъ бы вамъ прескверно изобразилъ бы эту великую минуту. вы бы это и такъ не поняли похоже на то что я чувствовалъ.

— Вы позволите теперь мнѣ.— проговорилъ улыбаясь Антонъ. Я упалъ предъ нимъ на колѣни и цѣловалъ его руки облитыя моими слезами.

— Ну Катюша теперь за тобою очередь, продолжалъ сказалъ Антонъ обращаясь къ Катюшѣ.

— Возьми эту бумагу и отдай нашему другу, и скажи, вотъ молъ тебѣ мое приданое. а при семъ Марья Ивановна скажетъ Боже васъ благослови! —

Все четверо мы бросились другъ къ другу и залились слезами.

И вотъ уже болѣе недѣли какъ мое счастіе мнѣ покоя не даетъ. и знаете кто все это сдѣлалъ? Катюша! моя милая безцѣнная Катюша! она предпочла меня знатнымъ и богатымъ. меня крѣпостного музыканта. и открылась во всемъ своимъ благороднымъ благодѣтелямъ просила ихъ допытать отъ него что нибудь. лучшимъ. а добрый молчаливый Антонъ и недолго размышлялъ и не говоря никому ни слова рѣшилъ по своему одному разуму. онъ заплатилъ за мою свободу и ее немного 2000 рублей. Если бы Г. Арновскій былъ моимъ владѣльцемъ этого бы никогда не случилось. Спасибо тебѣ Елисавета Павловна. тебѣ и всемъ нежели что ты хотя совершенно невольно причина моего нынѣшнего благоденствія.

Теперь Антонъ ѣдетъ въ Полтаву онъ опредѣляетъ меня въ канцелярію дворянского предводителя, уже это я и самъ не знаю для чего. а когда это сбудется тогда мы съ вами будемъ видѣться по крайней мѣрѣ раза три въ недѣлю. и пока прощайте. въ воскресенье на фуру и помолитесь за совершенно счастливыхъ людей.

Преданный вамъ Музыкантъ К.

Автограф повісті „Музыкант".

ным благодетелям, просила их делать с нею, что найдут лучшим. А добрый, молчаливый Антон Карлович, не долго рассуждая и не говоря никому ни слова, решил по-своему, одним разом. Он заплатил за мою свободу с виолончелью 2500 рублей. Если бы г. Арновский был моим владыкою, этого бы никогда не случилось.

Спасибо тебе, Лизавета Павловна! Тебе и во сне не снится, что ты, хотя совершенно невинная, причина моего настоящего блаженства.

Теперь Антон Карлович хлопочет об определении меня в канцелярию дворянского предводителя. Уж это я и сам не знаю для чего, а когда это сбудется, тогда мы с вами будем видеться, по крайней мере, раза три в неделю. А пока приезжайте в воскресенье на ферму и полюбуйтеся на совершенно счастливых людей.

Преданный вам Музыкант".

Дочитавши это самим счастием написанное письмо, я впал в какую-то болезненную задумчивость. Боже мой, неужели это была зависть? Нет, я не завидовал никому на свете. Это было горькое, невыразимо горькое чувство одиночества... Я чуть не заплакал от внутренней боли. В то время, как я собирался плакать, вошел ко мне Иван Максимович и спросил:

— Ну что, далеко уже прочитали мое немудрое повествование?

— Всё прочитал,— ответил я.

— И описание свадебного пира?

— Нет, не читал.

— Так прочитайте, непременно прочитайте, потому что я, можно сказать, больше всего рассчитываю на эффект этого великолепного изображения.

— А скажите, Иван Максимович, старики еще живы?

— Здоровехеньки, а о счастьи и говорить нечего. А если б видели, что за внучку им бог послал! Совершенный ангел божий!

Я снова задумался.

— А знаете что, Иван Максимович? — спросил я его через минуту.

— А что?

— Отпустите меня завтра одного на ферму, а сами в воскресенье приезжайте.

— Низачто! а коли уж вам так загорелось, то и я завтра могу с вами ехать. Да что это вам так вдруг?..

— У меня уж характер такой: я ужасно люблю смотреть на счастливых людей, и, по-моему, нет прекраснее, нет усладительнее зрелища, как образ счастливого человека.

— Это совершенная правда.

На другой день мы были на ферме, и я видел и был совершенно счастлив счастием этих простодушно благородных людей! Видел и свидетельствую истину сего неложного сказания. Аминь.

28 ноября [1854] — 15 января 1855.



НЕСЧАСТНЫЙ

Крепость Орск местные киргизы называют Яман-Кала, и это название чрезвычайно верно определяет физиономию местности и самой крепости. Редко можно встретить подобную бесхарактерную местность: плоско и плоско. Для киргиза, конечно, это ничего не значит — он сроднился с этим пейзажем, но каково для человека, привыкшего в окружающей его природе видеть красоту и грацию, очутиться вдруг перед суровым однообразным горизонтом неисходимой бесконечной степи? Удивительно, как неприятно такой пейзаж действует на одинокую душу новичка.

Крепость Орск, как нельзя более, в гармонии с окружающей ее местностию. То же однообразие и плоскость. Только и отделяется немного от общего колорита крепости эта небольшая каменная церковь на горе, заметьте, на Яшмовой горе. Под горою, с одной стороны, лепятся грязные татарские домики, а с другой стороны, кроме таких же грязных домиков,— инженерный двор с казематами для каторжников. Против инженерного двора длинное низенькое бревенчатое строение с квадратными небольшими окошками,— это баталионные казармы, примыкающие одним концом к деревянному сараю, называемому экзерцис-гауз, а другим концом выходящие на четырехугольную площадь, украшенную новою каменною церковью и обставленную дрянными деревянными домиками. Где же самая-то крепость,— спросите вы? Я сам два дня делал такой же самый вопрос, пока на третий день, по указанию

одного старожила, не вышел в поле, по направлению к меновому двору, и не увидел едва приподнятой насыпи и за ней канала. Канал и насыпь сравнительно не больше того рва, каким у нас добрый хозяин окапывает свое поле. Вот вам и второклассная крепость. Налюбовавшись досыта на это диво фортификации, я уже перед вечером возвращался через слободку на квартиру и, поворотя за угол одной бедной лачуги, я увидел идущую толпу солдат с балалайкою и бубном. Толпа против лачуги остановилась, из толпы образовался кружок, грянула лихая песня с бубном и присвистом и из толпы послышалось:

— Ай да помещик! ай да дворянин! Орел! просто орел!

Такие восклицания меня остановили. Я уже думал было подойти к веселым ребятам и полюбопытствовать, что там такое за помещик, только в это время толпа расступилася, не прерывая песни, и впереди ее явился в разорванной рубахе статный белокурый юноша и, ловко подбоченясь, пошел вприсядку.

Меня поразила наружность этого юноши. Что-то благородное было в нем и что-то низкое, отталкивающее. Я не мог его рассмотреть подробно, мне что-то мешало смотреть на него, и, отходя прочь от толпы, я спросил у солдата, который мне показался трезвее своих товарищей:

— Кто это такой у вас так славно пляшет?

— Несчастный! — ответил мне солдат скороговоркою и поспешил за толпою.

Слово „несчастный“ странно как-то было произнесено солдатом. Мне показалося, что он этим словом называет какое-то сословие, а не то, что оно собственно выражало.

После я узнал, что там и кроме солдат так произносили это слово, а когда я освоился с ним, то я и сам его произносил точно так же.

Человек сам не замечает, как он быстро осваивается с людьми, его окружающими.

В продолжение ночи мне все мерещился белокурый молодой атлет и слышались слова: — ай да помещик, ай да дворянин!

На другой день пошел я разузнавать, кто такой этот несчастный, и я, разумеется, не мог узнать ничего, потому что он не один [такой], как мне после сказали, находится в Орской крепости.

Был какой-то праздник, и я от нечего делать пошел побродить по безотрадным окрестностям крепости и перед вечером, возвращаясь домой, как раз у кирпичных заводов повстречал кучку веселых ребят с бубном и с балалайкой и знакомого незнакомца-плясуна и услышал те же самые возгласы. Чтобы не упустить его опять из виду, я отозвал одного солдата в сторону и потихоньку спросил, как прозывается дворянин, что пляшет. Он мне сказал его фамилию, и я на другой же день в баталионной канцелярии прочитал его грустную конфирмацию. Это был юноша, написанный в рядовые по просьбе родной матери. Это происшествие меня сильно заинтересовало, но как разгадать подобную загадку? Я лучше ничего не мог придумать, как познакомиться с самим субъектом и узнать от него самого всю истину. И как же я ошибся, увы!

Это было что-то вроде идиота. Трезвый, он упорно молчал, от одной рюмки водки он пьянел и начинал проклинать мать свою, самого себя и всё, что его окружает. Одна пляска для него имела еще какую-то прелесть, а больше ничего.

Я попробовал было его со стороны образования, и он мне такую чепуху загородил, что лучше было б и не пробовать. Однажды приходит он ко мне навеселе и видит у меня развернутую книгу на столе.— Что это вы почитываете? — спрашивает он.— „Мертвые души".— А, это сочинение Эжена Сю.— Точно так,— ответил я.

Немного, я думаю, найдется моих читателей таких, которые бы мне поверили, что это было действительно так, а это было действительно так.

Так вот такая-то Яман-Кала: сама по себе она неказистая, а вмещает в себе такие редкие субъекты, что не мешает их описывать самым тщательным манером.

В одной из центральных губерний нашего неисходимого отечества, близ уездного городка N., вдоль большой дороги вытянулися в ряд серые бревенчатые, с закоптелыми волоковыми окнами, избы, и этих серых изб я насчитал штук более двухсот. Выходит, село по величине порядочное, но на взгляд далеко не такое. И странно: кругом дремучие леса, а в селе ни одной избы хоть мало-мальски порядочной: та без клети, та без сеней, та пошатнулась, а та совсем повалилась. Кругом всё растет и зеленеет, а в селе, как говорится, хоть шаром покати,— ни одного деревца. Или мужикам запрещено сажать деревья, или, бог их знает, может быть, и сами не хотят, а помещику и невдогад их заставить, благо у самого под рукою английский парк со всеми причудами. А дети, когда выбегут на улицу посмотреть на проезжающего, так это только слава, что дети: медвежата, просто медвежата.

Посередине села церковь с высоким шпицем колокольни, довольно затейливой архитектуры и мало свидетельствующая о вкусе зодчего, а может быть, и самого ктитора. Около церкви была когда-то ограда, о чем свидетельствуют полуразрушенные каменные столбики, не в дальнем один от другого расстоянии и кругом запачканные грязью, надо думать, свиньями во время почесыванья.

И церковь, и село, и полунагие закопченные дети, словом, всё являет из себя вид весьма живописный, совершенно во вкусе Ван-Остада наших подающих надежды жанристов.

Проехавши село, в левую сторону, недалеко от почтовой дороги, на горе видны барские хоромы с бельведером, окруженные темным лесом, а лес обведен, по крайней мере со стороны почтовой

дороги, глубоким и широким рвом с живою на валу изгородью.

Сквозь деревья мелькает светлый пруд, или из-за группы лип мелькнет угол китайской беседки, или куст акаций, или другое что-нибудь вроде Клеопатриной иглы, воздвигнутое на память дружбы и любви,— словом, прелесть! Так бы вот и соскочил с телеги, перепрыгнул бы через живую изгородь да и пошел писать по всем направлениям роскошного барского сада.

Я, правду сказать, так и сделал. Но это было давно. Теперь уж я подобной штуки не выкину. Я тогда прошел из конца в конец весь парк, и меня, как теперь помню, поразила страшная тишина. Я видел великолепный дом, павильоны, беседки, качающуюся раскрашенную лодочку на краю пруда, под наклонившимися деревьями, и посередине пруда гордо плавающих пару лебедей, но не видел ни одного человека, который бы оживлял эту изысканную картину. На меня неприятно подействовало такое отсутствие человека; это все равно, что прекрасный пейзаж, не оживленный человеческой фигурой. Я даже раскаивался, что входил в этот заколдованный парк.

О, если б я знал тогда, что когда-то придется мне писать историю обитателей этого роскошного уединения,— я бы тогда не ограничился одним поверхностным взглядом, а постарался бы проникнуть и в хоромы, и всюду, куда только можно проникнуть, всюду бы заглянул и, может быть, тогда моя история была бы и полнее и круглее. Но прошлого не воротишь. Ограничимся тем, что теперь имеем.

Проехавши версты две, я спросил тогда у ямщика:

— Чье это село мы проехали?

— Господское.

— Знаю, что господское!— да господина-то как звать?

— Помещик Хлюпин.

— Что, он сам, видно, мало живет в своем селе?

— Только за оброком приезжает и то не каждый год.

Этим сведения мои тогда и кончились. После этого, спустя десятка три лет, встретился я в Орской крепости с несчастным однофамильцем названного мне ямщиком помещика, и после двух-трех вопросов я узнал от молодого человека, что он единственный его родной сын и наследник знакомого мне села и парка.

Дело было вот как.

Ротмистр Хлюпин, отец этого несчастного юноши, не расположен был вовсе жениться, но обстоятельства заставили, и он женился на богатой и немолодой вдове, взявши за нею в приданое описанное мною село.

Вдова, родивши ему сына, а потом дочь и поживши мало после этого происшествия, переселилась к праотцам, завещавши имение детям, а отца над ними как бы опекуном оставила. Старуха, как видно, не хотела, чтобы он снова женился, да еще, пожалуй, и на молодой. Но ротмистр, как он вообще не имел расположения к семейной жизни, взявши птенцов своих — сироток с причтом нянек и мамок, отправился в Питер. Долго ли, коротко ли он вел там холостую жизнь, не знаю. Только, как он ни близорук был в отношении детей, увидал, однако ж, что детям нужна мать, т. е. необходимо жениться.

С такою-то благою мыслию однажды он вышел со двора. Идет он по Литейной, выходит на Невский, глядь, навстречу ему словно заря алая, словно лебедь белая так и выплывает по тротуару. Замерло ретивое у старого гусара. И во сне ему не снилася никогда такая красавица, какую он теперь увидел.

— Что ж,— думает гусар и отец семейства,— попытка не шутка, спрос не беда,— попробуем! Ливреи же за нею не видно, помешать некому.

И он поплелся вслед за красавицею. Долго она его водила по разным переулкам, наконец, завела его чуть не к Таврическому саду, да в один самый мизерненький домик с двумя крошечными окошеч-

ками и шусть перед самым его носом, а он и остался на улице, да еще и на грязной.

Простоявши с добрый час против домика и махнувши рукой, пошел обратно.

Тут бы, казалося, и всему происшествию конец. Вот то-то и нет, тут только, можно сказать, начало самой истории или, лучше сказать, начало самого зла.

Подвернись эта история другому военному, а не в отставке гусару, разом бы всё покончил, да и концы в воду. Ротмистр мой хоть тоже слыл решительным малым, однако кончил тем, что после многократных и бесплодных хождений на Пески решился, наконец, послать сваху в заветный домик. Сказано — сделано, и счастливейший ротмистр с красавицей супругою катит в свое поместье, а дети с нянькам и мамками и со всякой рухлядью вслед за ними.

Здесь, я думаю, не мешает рассказать хоть вкратце, кто такая вторая супруга решительного ротмистра. А вот кто она такая.

Отец ее служил прапорщиком в каком-то пехотном полку, расположенном на Волыни, да и влюбился в какую-то хорошенькую панянку. Дело могло бы тем и кончиться, да случился грех, его заставили жениться. Он не прекословил, женился и выступил за ротою в поход. Войска в то время начали стягиваться к Вознесенску. На последней дневке перед Вознесенском молодая жена прапорщика разрешилась от бремени дочерью Мариею. Три или четыре года бедная прапорщица с ребенком шлялася за своим прапорщиком или, лучше сказать, за ротою, пока, наконец, от недостатков, горя и всяческих лишений не впала в чахотку и вскоре умерла.

Безумная и трижды безумная девушка, решающаяся влюбляться и выходить замуж за армейского — не только за прапорщика, за поручика даже, если только он не ротный командир. За ротного командира и то много нужно решимости, чтобы итти замуж. Тут должна быть истинная, настоящая любовь. По-моему, это такая великая со стороны женщины жертва, что мало-мальски порядочный мужчина не

должен бы ее не только домогаться, но даже и желать.

Похоронивши свою мученицу-жену и сдавши денщику дитя на руки, прапорщик пустился на обывательских роту догонять. По службе ему как-то не везло; у начальства он был не на выгодном счету: товарищи его давно уже подпоручиками и поручиками, а он всё еще прапор. Что бы такое значило, бог его знает. По службе он молодец, лишнюю рюмку не пьет, разве только что рановато маненько женился,— так кому какое дело! Вот он думал-думал, да и начал испивать маленькую, потом большенькую, и еще и еще большенькую, и кончилось тем, что ему, горемыке, предложили в отставку. Он попросился в перевод в какой-нибудь линейный баталион, его и перевели в 23-ю пехотную дивизию, расположенную, как известно, в Оренбургском крае.

Пока то да сё, глядь, а дочке уже пошел десятый годочек, а она, бедная, и грамоты не знает. Да и где узнать ее? Отцу некогда, денщик безграмотный, а деревенские мальчишки выучили ее в бабки играть.

Он, бедняк, думал, приедет в Оренбургский край, поселится где-нибудь в одном месте и займется воспитанием дочери. Не тут-то было. Не успел он осмотреться на новом месте, как его командировали в одно из степных укреплений. Беда да и только! Делать нечего, пошел он и в степное укрепление. Кто не видал этих степных укреплений, тому советую прилежно молиться богу, чтобы и не видать их никогда. Кроме отчуждения ото всего, что хоть маленький имеет намек на образование, теснота и лишения всевозможные, а о нравах и говорить нечего.

Так вот, в такое-то гнездо попал мой бедный прапорщик со своею уже двенадцатилетнею дочерью. На другой же день она прослыла в укреплении кантонистом в юбке.

Она, действительно, была девочка красивая, умная и бойкая, хоть и мальчику ее лет, так впору. На

горе, он привез с собою еще в качестве няньки какую-то старушонку, безобразную и донельзя распутную. Так что когда они, бывало, подгуляют вдвоем с нянькою, то Маша убежит в женатые казармы, да там и ночует. Бедное дитя! Ее какой-то солдат и грамоте выучил.

Так прошло два года, роты сменились, Маша выросла и удивительно похорошела, и больше ничего. И то правда, главное есть, а об остальном — кому какое дело?

Возвратясь к своему баталиону, отец хотел было приняться за свою Машу, да Маша уже не та: ей уже пятнадцатый год.

— Ну, что ж,—рассуждает невзыскательный отец,— за писаря и так сойдет.

А пока он так рассуждал, Маша росла, росла и выросла красавица на диво: не только что за писаря,— хоть и за генерала, так не стыдно.

Какой-то чиновник, не помню, по питейной, не то по таможенной части, только не военный,— об этом тогда еще и в городе говорили,— так какой-то гражданский чиновник, да чуть ли не из пограничной комиссии, приехал в город по делам службы, увидел где-то Машу и влюбился. Узнал, что и как, и чья, и где живет, да, не рассуждая много, сунул пьяной няньке пять целковых,— она ему и спроворила.

Он уехал по делам службы в Петербург и Машу взял с собою, а там ее и бросил, потому что ему нужно было опять куда-то ехать.

Такими-то путями она очутилася в Петербурге. А как очутилася на Песках, тут уже история другая. Но эту другую историю я готов хоть и не рассказывать, потому что в ней, кроме отвратительного, ничего нет. Как бы там ни было, а Маша, хоть и едва грамотная, а выдержала свою роль лучше всякого синего чулка.

Так вот кто такая вторая супруга моего удалого ротмистра.

Теперь мы ее уже будем звать Марьей Федоровной. На другой же или на третий день после свадьбы

Марья Федоровна настояла на том, чтобы сейчас же ехать в деревню, и она на это имела основательные причины. В деревне кто ее узнает, какого она поля ягода, а живя в городе, да еще и в столице, придется поддерживать мужнины знакомства; они у него, быть может, всё графы да князья. Бог его знает, он человек богатый, всё случиться может, а она, как говорится, и ногой ступить не умеет. Хорошо еще, что солдат грамоте выучил, а не то и того бы не знала.

Так или почти так рассуждала Марья Федоровна, и рассуждала, правду сказать, довольно верно; по всему видно, что она имела ум практический или положительный. Не прошло и месяца, как она вступила в роль провинциальной барыни - хозяйки, как у нее всё задвигалось и заходило.

Ротмистр мой только смотрит да глазами похлопывает. А как она приняла у себя с визитом мелкопоместных соседок, так только ахнули. Но кто прежде всех в доме на себе почувствовал ее влияние, так это сам ротмистр. Он до того сузился перед нею, что стал больше походить на лакея, нежели на барина.

На детей она сначала не обращала никакого внимания, пока не почувствовала себя беременною, — а с той поры и они поступили в ее ведомство, и они, бедные, стали чувствовать какую - то тяжесть. Девочка еще кое - как резвилась, а мальчик, бедный, тот совсем затих. Он, как говорили, весь в отца пошел; и отец тоже хорохорился до первой острастки, а как на него прикрикнули хорошенько, так он — тише воды, ниже травы.

Во избежание же следующих острасток, которые он во множестве предвидел впереди, переселился он во флигель, неподалеку от дома, и зажил настоящим анахоретом. Сначала приходил он в дом обедать, поужинать или просто спросить о здоровьи дражайшей половины, но впоследствии совсем оставил свои визиты. Даже у человека, который приносил ему обед, он не спрашивал о здоровьи Марьи

Федоровны. Детей своих он видел только по праздникам и то с позволения жены. Впрочем, сильного стеснения в быту своем он не чувствовал или, лучше сказать, не мог чувствовать. Большую часть дня он проводил или на псарне, или на конюшне, или же упражнялся в благородном занятии — стрелянием из пистолета в цель, которую устроил у себя в кабинете на случай дурной погоды. Надо заметить, что в этой комнате, кроме стула и цели, ничего не было, даже трубок и книжки, развернутой на 14-й странице, и я не знаю, почему он называл ее кабинетом.

После первых припадков беременности, как я уже сказал, она начала обращать внимание на мужниных детей. Внимание это выразилося так: она каждый день исправно начала посещать детскую, что прежде делала в продолжение месяца один раз; потом начала учащать свои визиты; потом приходила смотреть, как кормят и чем кормят детей, как спать кладут, как поутру их умывают, как одевают. Большего попечения родная мать своим детям оказывать не может, а, странно, дети ее не любили и даже боялися. Бывало, если только заплачет которое из них, то няньке стоит только сказать: — Мама идет,— и дитя в одно мгновение переставало плакать. Ту же тактику употребляли няньки, когда дети слишком разрезвятся, хотя это случалося весьма редко. Они смотрели настоящими сиротками, особенно мальчик. И девочка, сначала такая резвая, румяная, заметно побледнела и присмирела с той поры, как за нею начали так заботливо ухаживать.

Есть люди, которых всё любит и всё к ним ласкается; даже, говорят, их и бешеные собаки не кусают. К числу таких людей принадлежал и знаменитый Вальтер Скотт. А есть опять люди, которые ко всем ласкаются, а их или ненавидят, или боятся и ненавидят. К числу таких людей принадлежит и моя Марья Федоровна.

А может быть, и независимо от этой антипатии [есть] еще что-нибудь такое, почему мачеха детям кажется ненавистною.

Что бы там ни было, только дети под непосредственным наблюдением Марьи Федоровны бледнели и худели. А когда она встречалася со своим благоверным ротмистром, то только и речей было, что про детей, так что он уже начал ее просить, чтобы она поберегла себя, что дети, даст бог, и без нее вырастут.

Лето проходило, близилася осень. Дети давно уже ходили, а летом их не выпускали в сад побегать, боясь простуды: пруд, дескать, близко, сыро. Настала осень, и детей стали посылать в сад гулять, потому что теперь воздух холоден и пруд не может иметь влияния никакого, по физике Марьи Федоровны. А по физике ротмистра — совершенно все равно, лишь бы его борзые не хворали, потому что скоро начнется травля зайцев, а до детей ему какое дело? На то у них есть мать.

А между тем, в селе показалася оспа. Нежному родителю и в голову никогда не приходило, что дети его из такой же плоти и крови, как и чужие дети, и что их так же само может постигнуть эта язва, как и чужих детей, кому не привита оспа. В Петербурге об этом не подумали, а в деревне и вовсе позабыли, и вот дети в оспе.

Марья Федоровна с горя сама даже слегла в постель и велела заколотить все окна и двери и окуривать покои уксусом; у ней у самой заботливый родитель позабыл привить оспу, а сама она, бедная, теперь только вспомнила. Вспомнила и захворала, а к тому еще и на сносе.

Дом был окружен, как зачумленный, куревом; детей перенесли к отцу во флигель. Бедный ротмистр чуть с ума не сошел. Наконец, всё кончилось благополучно. Только мальчик ослеп, потому что у него и прежде глаза краснели и гноились. А девочка ничего, выходилась, хоть и попорченною немного.— Но это ничего,— говорила нянька шопотом,— зарастет; слава богу, что сама барыня захворала, а то и она бы осталася без очей, как вот барчонок.

А между тем роды близились. В доме всё ходило

на цыпочках, разумеется, кроме акушерки-профессорши, уже месяца три распоряжавшейся как в своем собственном доме. Всё молчало и трепетало, а благоверный ротмистр, в ожидании, лягавого щенка дрессировал. Наконец, всё кончилось благополучно. Марья Федоровна разрешилася сыном, который и был во святом крещении наречен Ипполитом.

Обряд крещения был совершен отцом протоиереем, нарочно для этого случая привезенным из города. Воспринимали младенца, кроме дворянского предводителя и других, поважнее, помещиков и помещиц, даже и командир стрелкового баталиона, в то время квартировавшего в их городе. Глядя на фалангу восприемников и восприемниц, можно было подумать, что ротмистр для такой радости готов с целым светом породниться или, по крайней мере, со всем уездом.

Пир по этому случаю был задан на славу. Была мысль у ротмистра устроить и сельский праздник для мужичков, но так как это случилося зимой, то хороводы и отложены до будущего лета, а вместо сельского праздника он предложил своим гостям, кому угодно, облаву на медведя. Желающими оказались все, не исключая и баталионного командира.

После родов Марья Федоровна страдала ровно шесть недель. Не подумайте только, чтобы она физически страдала, ничего не бывало: она на третий день после родов готова была на какой угодно гимнастический подвиг. Она страдала нравственно, и именно потому, что была в доме особа, которая распоряжалася совершенно всем и даже ею самою. Это была акушерка. А для Марьи Федоровны пытки не было хуже, как повиноваться кому бы то ни было.

Наконец, эти мучительные шесть недель кончились; с крестом и с молитвою акушерку выпроводили, и двери заперли. Марья Федоровна вздохнула свободно и, принявши бразды правления, велела позвать к себе мужа.

Прошло полчаса — супруг не является. Марья Федоровна бесится и посылает сказать, что она его ждет. Посланный возвратился и сказал, что „они только-что побрились и изволят одеваться“.

Надо вам заметить, что ротмистр считал себя птицей высочайшего полета, и для него этикет, даже в отношении жены, был чуть ли не первая заповедь. У себя дома он бирюк бирюком, готов даже с собаками и поесть из одного корыта. Но что касается вне дома, тут он совершенная метаморфоза, как выражается один мой приятель. Ротмистр боялся только проговорить самому себе, а в душе совершенно сознавал, что квартира жены для него чужая.

— Насилу-то выбрились! — так встретила Марья Федоровна своего ротмистра.

— Нельзя же, друг мой, приличие!

— А вот что, друг мой! Тут не приличие, а вот что: каковы ваши дети?

— Слава богу, ничего!

— Каково Коле?

— Ничего. Ослеп, совершенно ослеп.

— То-то, ослеп. Я вам говорила, что нужно будет оспу привить, — не послушали.

Соврала: никогда не говорила.

— Не помню, когда вы мне говорили, или я забыл.

— Забыли, сударь. Ну, да не в том дело, а вот что: у вас там помещение хорошее для них?

— Не совсем, друг мой! Тесновато.

— Не будет тесновато. Пускай они остаются с тобою, а бывшую их детскую я велю переделать для нашего сына. Понимаете?

— Понимаю, понимаю, мой друг!

После продолжительного безмолвия:

— Да вот еще что я хотела сказать: нянек я беру к себе, а для них, как они уже взрослые, то можно будет взять двух девок из деревни.

Муж охотно согласился. Ему эти няньки не нравились, особенно младшая: — Дотронуться нельзя, кричит, как будто ее укусили, да еще грозит ба-

рыней, а этих я заставлю плясать по своей дудке втихомолку, — так рассуждал ротмистр, подходя к колыбели спящего шестинедельного своего сына.

— Не правда ли, какое милое создание! — говорила Марья Федоровна, приподнимая занавеску.

— Прекрасное! Позволь поцеловать его, друг мой!

— Нельзя, разбудишь, — и она опустила занавеску. — Ступай теперь домой и пошли ко мне приказчика, я велю привести ко мне всех девок из села и выберу нянек.

— Зачем тебе беспокоиться, друг мой, я сам выберу.

— Хорошо, хорошо, ступайте! Я знаю, что делаю.

И супруги расстались.

Отцу сильно не нравилось постоянное пребыванье детей в его уголке (так называл он свой флигель); все-таки хлопоты, а с другой стороны, так и нравилось, т. е. нравились будущие няньки: — Ведь она не пришлет же мне каких-нибудь квазимодов в сарафанах, — так он полагал — и ошибся!

На другой день ввели к нему во флигель таких двух красавиц, что он только ахнул.

— Ну, одолжила! — проговорил он с ужасом, глядя на неумытых новобранок.

— Зачем вы пришли? — спросил он их.

— Нянчить, — отвечали они в один голос.

— Хороши, нечего сказать!

— Какие есть, барин.

— Ну, хорошо, ступайте домой.

Девки только повернулись к дверям, как дверь растворилась и в комнату вошла сама Марья Федоровна. Ротмистр спрятался в другую комнату, потому что он был в утреннем пальто.

— Полно дурачиться, — говорила входя Марья Федоровна, — я не для комплиментов пришла. Наденьте что-нибудь да выйдите скорее ко мне.

Ротмистр явился в форменном сюртуке и ловко раскланялся, спрашивая о здоровьи и самой Марьи Федоровны, и новорожденного.

— Ничего, слава богу, здоровы. А ваши каковы?

— Ничего, слава богу.

— Покажите-ка мне их! А вот — прошу любить и жаловать, — говорила она, показывая на нянек.

— Друг мой, да откуда ты выкопала этих уродов?

— Ничего, достоинство няньки не в красоте, а в кротости. Пойдемте.

Пройдя сени, они вошли в большую комнату, наполненную щенками всех пород и возрастов. Когда Марья Федоровна зажала нос платком, ротмистр проговорил:

— Ничего, друг мой, я привык, это моя страсть.

За комнатою со щенками прошли они что-то вроде чулана, — это была комната нянек, — а за чуланом уже растворилась детская, немногим больше чулана, об одном окне комната. Полуодетые дети и няньки с ними играли в жмурки, т. е. они прятались, а слепой Коля их искал. Когда вошла в комнату Марья Федоровна, няньки остолбенели, а маленькая Лиза схватила слепого брата за руку и шепнула ему: — Мама! — Коля задрожал и стал прятаться за сестру, а сестра, в свою очередь, за брата.

Марья Федоровна быстро оглянула комнату и едва заметно улыбнулась, потом, обратясь к детям, проговорила:

— Не бойтесь меня, мои крошечки, я вам гостинца принесла.

И она им вынула по леденцу из ридикюля. Подавая Коле леденец, она хотела заплакать, [но], улыбнувшися, сказала:

— Бедное создание! Что вы с ним намерены делать? — спросила она мужа.

— Ничего, — ответил тот равнодушно.

После этого она обратилась к нянькам и сказала:

— А вы, дуры! только знаете детей баловать. Убирайтесь вон отсюда! А вы, мои милые, оставайтеся здесь вместо них, — сказала она, обращаясь к новобранкам.

— Слышим, барыня, — отвечали те и начали снимать свои зипуны.

— Мне пора, я думаю, мой генерал уже проснулся. Прощайте, мои крошечки,— сказала Марья Федоровна, обращаясь к детям.— Пойдемте, — сказала она нянькам и, закрывши нос, вышла из детской.

Ротмистр молча вышел вслед за нею, но в большой комнате, окруженный разномастными и разнородными щенятами, остановился в раздумьи и вдруг, как бы осененный мыслию свыше, хлопнул себя ладонью по узенькому лбу и воскликнул:

— Нет, друг мой, этому не бывать! Я в твои дела не мешаюсь, так не мешайся же ты и в мои,— и с этим словом он вышел из комнаты, не обращая ни малейшего внимания на визг щенят.

До самого почти обеда ходил он по кабинету, заложа руки за спину или останавливаясь перед мишенью, и складывал руки на груди à la Napoléon и даже позицию принимал Наполеона, и в этом положении он был невыразимо смешон. Центр мишени, казалось, поглощал всего его, — так он пристально вперял в него свои серенькие бессмысленные глазки.

Несколько раз брался он за пистолет, отходил от мишени к стулу, становился в позицию, прицеливался и опускал пистолет без выстрела.

— Нет, не могу! — Проговоривши это самым отчаянным голосом, долго тер себе ладонью лоб, потом опускал руки в карманы и принимался ходить взад и вперед.

Наконец, спросил он себе побриться. Потом умылся розовою водой и оделся самым изысканным манером. Остановился перед трюмо, принял важную позу и грозную физиономию, посмотрелся несколько минут, взял шляпу и пошел к жене, как он думал, объясняться по поводу семейных неудовольствий (под этим словом он разумел безобразных нянек).

Марья Федоровна предвидела это критическое посещение и приготовилась. Она надела темносинее бархатное платье, в котором ротмистр так любил ее видеть, и, взявши малютку на руки, встретила его в гостиной.

Грозный Юпитер исчез, а перед нею стоял самый обыкновенный ротмистр и сладко улыбался.

— Говори, душенька: „bonjour, papa“, — говорила она, целуя ребенка и поднося его мужу.— Теперь и ты, друг мой, можешь его поцеловать.

Ротмистр безмолвно приложился.

— А знаешь ли, друг мой, какой я сон сегодня видела? Что будто бы твой Коля и наш Ипполит уже взрослые и оба гусары. И какие молодцы! Просто прелесть! Особенно Ипполит,— две капли воды — на тебя похож. А ведь и в самом деле,— прибавила она, лукаво улыбаясь,— если всмотреться в него хорошенько, он действительно будет на тебя похож. Милочка! — И восторженно она поцеловала ребенка.

После этого всё, что тлело в маленьком сердце ротмистра, совершенно погасло. Даже няньки представлялись ему благообразнее, нежели как они на самом деле были.

— Надеюсь, ты сегодня у меня обедаешь? — сказала Марья Федоровна, уходя с ребенком в детскую.

— С удовольствием, мой друг! — проговорил ротмистр. Но друг его уже был в третьей комнате и ничего не слышал.

Ротмистр был совершенно счастлив и, развалясь в широких мягких креслах, самым великосветским манером, совершенно беспечно насвистывал из „Фрейшютца“ песню: „Ах, что б было без вина!“ И бил в такт лайковой палевой перчаткой по колену.

Марья Федоровна вышла к обеду уже в другом платье, не менее прежнего великолепном. Это окончательно уничтожило бедного ротмистра, потому что это было совершенно в тоне высшего общества, которого ротмистр считал себя (аллах ведает, почему) не последним членом.

После обеда они расстались, как расстаются самые нежные супруги в первый день после свадьбы, в заключение даже поцеловались, а такого происшествия бедный ротмистр и не запомнит.

Придя домой, он, не раздеваяся, перецеловал всех

щенят в восторге, а о детях даже и не подумал. Раздевшись, погрузился он в мягкую перину и, полежавши немного, тяжело вздохнул. А о чем он тяжело вздохнул, бог его ведает.

Убаюкавши таким образом на первый раз своего мужичка-дурачка, Марья Федоровна продолжала такую же тактику до тех пор, пока он не освоился совершенно с безобразными няньками. Она тогда повела с ним другую политику. Она посылала его с визитами к соседям, чтобы, говорит, не одичать и с добрыми людьми не раззнакомиться.

— И я бы поехала с тобой, но ты видишь, у меня ребенок на руках, его нельзя же бросить.

— Правда, мой друг,— говорил он,— ты оставайся с ним, он, видишь, какой милый крошка. Я за тебя перед нашими добрыми соседками извинюся.

— Только вот что,— говорила она, когда он собирался кому визит делать: — ты, пожалуйста, никого не приглашай к себе, пока я кормлю (она сама кормила своего сына).

— Никого, друг мой,— говорил он, садясь в коляску. И, выехавши из дому раз, он не возвращался в него по месяцу, а иногда и по два. А где он пропадал, об этом знали только его верные слуги — кучер и лакей. Они, может быть, барыне и рассказали бы некоторые любопытные похождения своего шаловливого барина, как, например, в губернском городе, в некоторых трактирах, да барыня их об этом не спрашивала: ей какое дело до любопытных похождений своего пустоголового мужа? Она подвигается к своей цели верно — она и довольна.

А цель ее была такая... Но нет, зачем прежде времени развязывать торбу? Может быть, там, боже сохрани, такое спрятано, что совестно и подумать, а не то, что прежде времени показывать да рассказывать. А лучше уже, коли начали читать, мои терпеливые читатели, то читайте до конца: тогда и сами узнаете, какого сорта сатана сидел в прекрасной голове Марьи Федоровны.

Одна из безобразных нянек, та, которая неуклюжее и безобразнее, оказалась доброю и скромною женщиною, и Марья Федоровна, заметя это, наказала ей строго смотреть только за Лизанькою, а к Коле и не подходить.

А той, которая была грубее, злее и прожорливее, наказала строго смотреть за слепым Колей и не давать ему шалить, а главное, объедаться. Бедный! несчастный мальчик! Он давно бы умер с голоду, если б сестра и ее нянька не оставляли для него от своего обеда и не кормили его тихонько по ночам, когда его прожорливая нянька спала.

Ротмистру так понравилися визиты, что он в дом к себе и не заглядывал. Когда случится поблизости где-нибудь, то пришлет записку, попросит денег, белья или чего там понадобится. Разумеется, ему все это отпускалося беспрекословно.

Так прошло несколько лет, т. е. года три или четыре. Всё шло своим чередом, т. е. шло так, как угодно было Марье Федоровне.

Однажды,— это было осенью, не помню, в котором месяце,— барская коляска подъехала к дому, и ротмистра из нее не высадили, как это обыкновенно делается, а вынесли на руках, как это делается только в критических случаях. Марья Федоровна, увидя это, злобно улыбнулась. Она подумала, что он пьяный, потому что только этой еще ему добродетели и недоставало, а теперь и этой украшен. Оказалось, однако ж, то, чего Марья Федоровна и не подозревала.

Дело в том, что у одного богатого соседа, по случаю какого-то семейного праздника, съехались гости, в том числе и наш ротмистр заехал. После разных увеселений собралася порядочная кавалькада охотников и выехала в поле русаков попугать. Разумеется, ротмистр тут был из первых. Он даже хотел было за своими борзыми послать, но ему заметили, что это невежливо, и он пустился с чужими. Случилось так, что он первый поднял зайца и, разумеется, он же и доконать его должен. Вот

он и пустился во весь опор вслед за борзыми, только, на его несчастье, случилась канава в поле, борзые-то ее перепрыгнули, а лошадь со всадником прямо в канаву, да собой его и накрыла. К тому же еще, в канаве была вода, уже тонким льдом покрытая. Он, бедняк, кроме того, что ушибся, да еще и в холодной воде окунулся, так что когда его вытащили оттуда, то он уже едва дышал, таким его и домой привезли.

Так вот какая случилася история.

Сейчас же послали в город за медиком, а на другой день и за попом, а на третий день, перед вечером, благословив своих несчастных детей и поручив их блюдению и заступничеству Марьи Федоровны, послал он свою гусарскую душу на лоно Авраамле.

Как ни кратковременна была его болезнь, однако ж, Марья Федоровна успела сделать все форменно, что нужно было, для обеспечения своей будущности и своего сына, т. е. он третий наследник общего имения, а она и опекунша, и полная хозяйка во всем.

Марья Федоровна похоронила своего обожаемого супруга в тени березовой рощи, близ прозрачного пруда, и при похоронах выказала необыкновенные свои сценические способности. Она так сыграла роль неутешной вдовы, что самые равнодушные соседи, глядя на нее, рыдали, а бедных сироток, особенно Колю, чуть в слезах не утопила, а поцелуям и числа не было, и если б сострадательные соседи не удержали ее, она бы непременно бросилась в могилу. Но, спасибо,— не допустили, а взяли ее на руки и почти мертвую внесли в дом и уже в доме насилу привели ее в чувство нашатырным спиртом (одеколон не помогал).

Когда же пришла она в себя и увидела себя одну в своей спальне и услышала отдаленные голоса поминающих соседей, она едва заметно улыбнулась и сама с собою шопотом проговорила:

— Главное само собою устроилось, а их я сама

пристрою,— и, вставши с постели, она тихонько пошла в детскую к своему милому Ипполиту.

Около вечера гости навеселе разъехались по своим захолустьям, совершенно уверенные, что Марья Федоровна самая несчастная женщина во всем мире.

А Марья Федоровна, чтобы уверить их еще больше в своем ничем не утешимом горе, на другой день велела согнать со всего села баб и девок,— а мужиков не трогать,— сказала она,— они пусть делают свое дело,— согнать на господский двор с лопатами и мешками.

Когда собралися девки и бабы с помянутыми орудиями, она, вся в черном и в слезах, повела их на могилу своего незабвенного ротмистра и повелела (подобно Ольге над Игорем) сыпать курган.

Работа началась, и по прошествии двух или трех недель черный курган высился над прахом незабвенного ротмистра.

Марья Федоровна сама лично распоряжалась работами и при работах рекою разливалась, как говорили простосердечные работницы. Но искреннее и чистосердечнее никто так не плакал и не проклинал и покойника, и Марью Федоровну, как сами работницы. И правду сказать, они на это имели полное право: морозы уже доходили до 10-ти градусов, а они, бедные, выходили на работу, как говорится, в чем бог послал, и на всё это чувствительная, неутешная Марья Федоровна смотрела совершенно равнодушно. Смело можно сказать, что этот памятник любви и воспоминаний был полит кровью и самыми непритворными слезами. Многие,— что я говорю — многие,— никто не поверит, что я рассказываю истину, кроме тех, которые были зрителями такими же, как и я, этой курьезной трагикомедии.

В скором времени разнесся не по всему уезду, а по всей губернии слух, что Марья Федоровна такая-то не показывается даже своим людям и выходит из дому по ночам на могилу своего мужа и там плачет от вечерней до утренней зари.

За достоверность этих слухов и я ручаюсь.

Она, действительно, ходила по ночам, несмотря ни на какую погоду, ходила на курган и там, не скажу плакала, а во всеуслышание выла.

Так она ходила выть на могилу до тех пор, пока сердобольные соседки, утешая, не сказали ей, что Лизе и Коле уже по осьмому пошло.

Тут-то она как будто опомнилась. — Проклятые приятельницы,— подумала она: — будто я не знаю, что делаю. — Делать нечего,— нужно было переменить роль и из нежной супруги сделаться нежной матерью. Не медля нимало, она разослала просить к себе на прощальный праздник мелкопоместных и крупноречивых своих соседок,— что она-де, Марья Федоровна, везет барышню в Смольный монастырь и желает проститься со своими добрыми соседками, а что сама она потому-де их не может посетить, что с детьми постоянно занята.

Слетелися соседки, погостили, позлословили денька два и разлетелися по уезду благовестить о беспримерных добродетелях Марьи Федоровны и об истинно ангельской прелести и скромности Лизы. А Лиза была просто деревенская осьмилетняя девочка и, вдобавок, загнанная.

Марья Федоровна была в восторге от своей выдумки и на другой неделе после прощального пира, в одно прекрасное утро, велела заложить тройку лошадей в крытую бричку, в которой покойник по ярманкам ездил, когда был еще ремонтером. Взяла с собою и своего Ипполита, уже четырехлетнего мальчугана, и безмолвную Лизу, и больше никого — ни слуги, ни служанки,— совершенно налегке отправилась в Петербург определить Лизу в Смольный, а коли удастся, то и в Екатерининский институт.

Приехавши в Петербург, она остановилася на любимых своих Песках у задушевной своей приятельницы Юлии Карловны Шошер, „шведки из Випорх“. Эта Юлия Карловна Шошер была вдова 14-го класса и имела свой собственный домик с мезонином на Песках. Кроме доходов с домика, она получала еще за свои профессии порядочный доход, а профессии

ее были разные: она и поношенным дамским платьем торговала, и лотерейные билеты разносила, и детей принимала, и сватала, и просто... да мало ли какие есть на свете профессии, всех не перечтешь.

На счастье Марьи Федоровны, мезонин был пустой. Она и расположилась в нем. В нижнем же этаже, в четыре окна и с дверью на улицу, помещалось что-то вроде модного магазина. Хотя и трудно предполагать подобное явление на Песках, но я сужу по тому, что это был действительно модный магазин, а не что-нибудь другое,— по тому, что на одном окне постоянно на болванчике шляпка торчала, а в прочих окнах тоже постоянно красовались молодые румяные девицы с какою-нибудь работою в руках.

Марье Федоровне сама судьба помогает. Она только думала о модном заведении, а заведение само очутилося под носом.

Она позвала к себе Юлию Карловну.

— Юлия Карловна,— спросила она,— а кто это у вас в доме содержит модный магазин?

— Моя землячка, тоже из Випорх и тоже чиновница, Каролина Карловна Шпек.

— Я привезла с собою крепостную девушку, чтобы отдать в модный магазин, так чем далеко ходить, поговорите с нею, не может ли она взять у меня эту девушку. Только мне бы не хотелось платить за нее, а не может ли она взять на число лет, т. е. с заслугой.

— Может, очень может,— прекрасная, преблагородная дама. Я сейчас пойду к ней.

И Юлия Карловна, сходя вниз по узенькой лестнице, коварно улыбалась, быть может, рассчитывая на будущий барыш, потому что они вдвоем с Каролиной Карловной содержали двусмысленный модный магазин.

На другой же день был контракт заключен. Лиза, вместо Смольного монастыря, отдавалась в виде крепостной девки Акульки на десять лет в руки корыстолюбивой старой отвратительной чухонки. Когда Лизу взяла к себе Каролина Карловна и назвала ее

в первый раз Акулькой, бедная девочка заплакала и сказала, что она не Акулька, а Лиза. Ее выпороли, и бедная Лиза согласилась, что она действительно Акулька, а не Лиза.

Пристроивши таким образом Лизу, Марья Федоровна заказала для своего милого Ипполита несколько пар детского платья разного покроя и на разные возрасты — до четырнадцати лет.

Когда платье было готово, она, чтобы не проживаться даром в столице, собралась и уехала, поцеловав и благословив бедную Лизу на безотрадную, сиротскую и мученическую жизнь.

Соседки удивилися, когда весть пронеслась, что Марья Федоровна возвратилася из Петербурга, и, разумеется, взапуски полетели поздравлять Марью Федоровну с благополучным успехом. И когда стали они удивляться, что так скоро всё случилось, то она понесла им такие турусы на колесах, что те слушали да только ахали; между прочим, что сам Лонгинов, как только она подала прошение, приехал к ней на квартиру и, взявши с собою Лизу, сам повез ее прямо в Екатерининский институт.

Простодушные соседки, принявши всё это за чистую монету, разъехались по уезду и усердно с прибавлениями передали всем и каждому то, что наговорила им досужая Марья Федоровна.

А Марья Федоровна, отдохнувши после дороги, занялась хозяйством, т. е. поверила приказчика, ключницу и прочие должностные лица, вошла в мельчайшие экономические подробности, как самая опытная хозяйка.

Нужно заметить, что при жизни мужа она была расчетлива и бережлива, а со смертию его она сделалась настоящая скареда, под тем предлогом, что всё это не ее, что она только опекунша сирот и что за каждую утраченную кроху она должна перед богом отвечать.

Часы же досуга она посвящала на одеванье и раздеванье в привезенные из Петербурга наряды своего ненаглядного Ипполита.

Когда Лизу увезли в Петербург, тогда слепой Коля совершенно осиротел, и положение его сделалося еще хуже. Тогда, бывало, или сестра, или ее нянька ему, бедному, хоть что-нибудь оставят съесть. А теперь приносят ему оглодки из дому, да и те прожорливая нянька истребляет, а сама запрет его в комнате да и уйдет на целый день в село на посиделки. Хорошо еще, если щенка бросит ему в комнату, все-таки лучше, по крайней мере, он слышит живое что-то около себя.

В короткое время он, бедный, так исхудал и пожелтел, что даже Марья Федоровна испугалась, когда его однажды случайно увидела. Но она только испугалась, а положения его все-таки не улучшила. Правда, прислала ему новый демикотонный сюртучок, навырост сшитый, и такие же брючки.

В этой-то великолепной обнове нянька повела его в село показать своим родственникам. Родственники, должно быть, были люди мягкосердые и зажиточные,— накормили его кашей с молоком и на дорогу дали ему ватрушку, которая не достигла своего назначения, будучи вырвана из рук у него хитрою собакою.

На другой день он упросил няньку взять его с собою опять в гости, она и взяла. Только дорогой вспомнила, что ей нужно было зайти к знакомой, а ей почему-то не хотелося его туда вести. Вот она усадила его под забором на улице, наказав строго не сходить с места:—а то тебя собаки съедят. Распорядившись так, пошла к своей знакомой, да там и пропала. Долго сидел он под забором молча и только тихо улыбался, когда поворачивал лицо к солнцу. Наконец, он начал плакать, сначала тихо, а потом громко. На плач его сбежались деревенские дети и, окружив его, долго смотрели на него, не зная, что оно и откуда оно. Наконец, два-три мальчика повзрослее предложили ему итти к ним в избу, но он отвечал им, что он слепой, дороги не видит. Один мальчуган бойчее взял его за руку и повел к своей избе и дорогою, для потехи това-

рищей, заставлял его на ровном месте скакать, говоря ему: — Скачи, здесь яма, или лужа.

После многих перескоков, наконец, привел его мальчик в свою избу. В избе старуха накормила его щами и пирогом с кашей, отвела на барский двор и представила самой Марье Федоровне, а Марья Федоровна, предупреждая несчастие, могущее случиться от подобного своевольства, велела его выпороть хорошенько при себе лично, чтоб не бродяжничал - де.

Долго после этого бедный Коля не выходил из своей конуры.

Однажды в воскресенье благовестили к обедне, и звуки колокола тихо долетали до бедного Коли. Он молча с улыбкой слушал, пока звуки затихли, а потом спросил свою няньку:

— Что это такое гудело?

— Вишь, гудело! Это не гудело, а к обедне благовестили,— отвечала с неудовольствием нянька.

— К какой обедне? — немного помолчав, спросил ее Коля.

— Известно к какой — богу молиться в церкви.

— В какой церкви? (Заметьте, Коле пошел уже двенадцатый год).

— В какой? Вон, что в селе.

— Пойдем и мы туда.

— А забыл, как онамедни... Хочешь еще?..

Коля вздрогнул и замолчал.

Каждый день Коля прислушивался, но звуки колокола не долетали до его конуры. Наконец, в следующее воскресенье он опять их услышал и радостно воскликнул:

— Опять загудело!

— Так что ж, что загудело!

— Нянюшка! Голубушка! родная ты моя! поведи меня в церковь!

И он так жалобно и трогательно просил ее, что та, наконец, тронулась его мольбами и, приодевши его во что бог послал, повела в церковь.

В продолжение обедни Коля стоял как окамене-

лый. Его сильно поразило никогда неслыханное пение и чтение, и когда прерывалось то или другое, то он, как бы всё еще слушая, тихонько склонял голову и едва заметно улыбался. Обедня кончилась, а он всё еще стоял на одном месте и дожидался пения. Наконец, нянька взяла его за руку и вывела из церкви, сказавши, что для него другой обедни не будут петь.

Мужички дивились на своего слепого барчонка и вместе удивлялись, что ни один из них не видел, чтобы слепой барчонок хоть раз в церкви перекрестился. Первое, чему учит мать-христианка едва начинающее лепетать дитя свое, это складывать три пальчика, креститься и произносить слово „бозя“.

У бедного Коли рано взяла судьба эту нежную наставницу, а мачеха об этом забыла, и так он, уже двенадцатилетний мальчик, не знал ни одной молитвы и не умел даже перекреститься!

Священник не мог и подозревать этого, тем более, что священник являлся в доме только в известные дни в году,— ему платили как медику за визит, и больше ничего. И большая часть наших помещиков на таком точно расстоянии, как и Марья Федоровна, держит сельских священников. Это истинная правда, и это невыразимо грустно!

После обедни священник зазвал к себе Колю, познакомил его со своим сыном Ванюшей, годом старше Коли, и, покормивши обедом, дал ему просфирку и наказал няньке, чтобы она его каждое воскресенье приводила к обедне.

Неделю целую Коля почти не спал, всё прислушивался [к звуку] колокола, наконец, дождался: в следующее воскресенье зазвонили к заутрене; он в восторге закричал: — К обедне! к обедне пойдем, няня.— А няня его спала. Он нащупал ее постель, разбудил ее и просил, чтобы она вела его в церковь.

— Ах ты, полунощник неугомонный! — закричала нянька спросонья.— Какая теперь церковь? Благо слепой, так тебе все равно, ночь ли, день ли.

И, поворотившись на другой бок, сейчас же захрапела. Коля, немного помолчав, принялся плакать и проплакал до благовеста к обедне. Тут снова он принялся просить свою няньку, чтобы вела его к обедне. На этот раз нянька согласилась.

Священник зазвал его после обедни опять к себе и угощал попрежнему обедом, и наказывал, чтобы он не ленился посещать храм божий. Коля сказал ему, что он готов итти в церковь, как только колокол заслышит, но что нянька не хочет его вести. Священник пригрозил няньке, что если она его не будет водить в церковь, то он ей причастия не даст. Нянька испугалась, и с тех пор Коля после нескольких ударов в колокол исправно являлся в церкви.

Прошло не более полугода с тех пор, как Коля начал посещать церковь и священника, как он знал уже наизусть заутреню, обедню и вечерню, несколько десятков псалмов, все воскресные евангелия и почти все послания апостола Павла. А Ванюша попович, подруживши с ним, выучил его читать наизусть молитвы утренние и на сон грядущий. А кроме всего этого, он не нуждался в провожатом: он сам ходил и в церковь, из церкви заходил к священнику и от него возвращался в свою конуру совершенно как зрячий, так что няньке оставалося только спать.

Иногда приходил к нему гостить Ванюша попович и приносил с собою или псалтырь, или священную историю, а если была погода хорошая, то они гуляли по саду или купалися в пруде.

Так прошло и еще лето. Ванюшу поповича отвезли в семинарию. Бедный Коля опять осиротел. Зато читал он наизусть псалтырь, священную историю и изучил все тропинки в саду.

Марья Федоровна зорко следила за его необыкновенными способностями и не мешала им развиваться, не видя в том никакого препятствия сделать со временем своего Ипполита настоящим хозяином имения.

Ипполитушка тоже вырастал, как пресловутый богатырь, не по дням, а по часам, и купался, как

говорится, как сыр в масле. Зачерствелая ко всему, Марья Федоровна к сыну своему была бесконечно нежна, позволяла ему всё, что только позволяет дитяти глупо любящая мать. Ему уже кончилося десять лет, а мать и не думала начинать его учить грамоте. — Выучится еще,—говорила она соседкам.— Зачем прежде времени изнурять дитя.— И дитя продолжало развиваться между няньками и между горничными.

Однажды священник, проэкзаменовав Колю, заставил его прочитать первую кафизму в церкви в субботу за вечерней. Коля прочитал, как будто бы по книге. В воскресенье прочитал заутреню и первый час, а за обедней — часы и 25-й псалом. Прихожане и сам священник восхищалися чтением Коли. Только некоторые набожные старушки заметили, что хорошо-де слепой барчонок читает, только больно жалостливо.

Церковь для его души сделалась одним-единственным прибежищем, куда он приходил как к самому милому другу, как к самой нежной матери. Возвышенные, простые наши церковные напевы потрясали и проникали всё существо его, а божественная мелодия и восторженный лиризм Давидовых псалмов возносили его непорочную душу превыше небес.

Так укреплялася и мужала его детская душа для грядущих ужаснейших страданий.

Священник, а в особенности причет церковный, полюбили его, как безмездного и самого усердного помощника. Часто, например, случалося, что он придет и сидит около колокольни в ожидании вечерни или заутрени. Пономарь, приняв благословение от священника на благовест к вечерне, идет, отпирает церковь, а его посылает на колокольню благовестить. Он и благовестит себе, пока трижды пятидесятый псалом не прочитает.

Или случится покойник в селе, дьячка просят псалтырь почитать над покойником, а он попросит Колю, и Коля, взявшись за полу или за палку, идет

за мужиком, куда его приведут; придет, станет, прочитает „Трисвятое“, „Приидите“ и начнет с „Блажен муж“, даже до „Мал бех“,— хоть бы тебе в одном слове ошибся! А старушки, слушая его, плачут, потому что он читал чрезвычайно выразительно, и в голосе его было что-то задушевно-трогательное.

Как же его было не любить причетникам?

А бывало, настанет великий пост, то он по целым дням и домой не приходит. Зайдет, бывало, к дьячку или священнику, пообедает, а там, глядишь, и на повечерие пора благовестить. А после благовеста становится посередине церкви и начинает читать большое повечерие. И когда дойдет до „С нами бог“, остановится, переведет дух и чистым сердечным тенором с расстановкою прочитает: „С нами бог, разумейте, языцы, и покоряйтеся, яко с нами бог“.

Без сердечного умиления слушать нельзя было, когда он прочитывал эту молитву.

После повечерия, когда священник прочитал отпуск и Коля вместе с дьячком и священником тихо и уныло пел: „Все упование мое на тя возлагаю, матерь божия“, редкий из прихожан выходил из церкви, не заплакав.

Марья Федоровна видела в Коле слепого идиота и больше ничего, не мешала ему хоть, ежели хочет, даже и поселиться на колокольне. Одевала она его, по ее мнению, для слепца даже франтовски, т. е. две пары демикотонного платья в продолжение года, полдюжины рубах домашнего холста и прочее, чего ж больше! Квартира — целый флигель, по ее выражению, хоть собак гоняй. Одно только, что бог зрение отнял, так она этому не причина.

Соседки сначала говорили ей, что не мешало бы его отдать в институт слепых, — все-таки лучше.

— Э, матушки! — отвечала она им,— зрения ему не возвратят, а слепого чему они его научат?

Соседки, разумеется, противоречить не смели ей и единогласно соглашались с такими практическими доводами.

Вследствие такой-то политики Коля был предо-

ставлен на произвол случая, и хорошо. Случай сроднил его невинную, восприимчивую душу со святыми словами и звуками, и он, возвышаясь духом в звуках божественной гармонии, был тысячу раз счастливее тысячи тысячей зрячих людей, чего, разумеется, Марья Федоровна не могла подозревать. А иначе она, пожалуй, запирала бы его в своей конуре на время богослужения.

Так как для него не существовало дня, то Коля часто проводил летние ночи или в саду, или под колокольнею, читая вслух свой любимый псалом: „Не ревнуй лукавнующим, ниже завидуй творящим беззаконие".

Крестьяне сначала боялися ходить ночью мимо колокольни, думали, что мертвец какой-нибудь неотпетый сам по себе отходную читает. Но после, когда узнали, что это слепой барчонок пробавляется, то проходили в полночь мимо церкви, даже и не крестилися.

Некоторые, разумеется, более или менее независимые, а потому и дерзкие вольнодумки-соседки напоминали иногда Марье Федоровне, что Ипполитеньке уже четырнадцатый годочек, что пора бы его уже и грамоте учить.— Дуры вы,— думала Марья Федоровна,— со своею грамотою; ведь он столбовой дворянин, помещик, да еще и помещик какой! 1000 душ чистогану, не по-вашему — три с половиною души, да и те три раза заложены и перезаложены,— вот оно что! К нему, неграмотному, вы же, грамотные, придете да в ноги поклонитесь.

Такими видимыми аргументами доказывала она бесполезность грамоты для своего милого Ипполитеньки. Однако ж, как ни глубоко она веровала в свои доводы, а все-таки в одно прекрасное утро послала в экономическую контору за писарем Федькою и велела ему учить Ипполитеньку грамоте.— Так, для проформы,— говорила она.

Ипполитушка, кроме того, что был самый избалованный ребенок, оказался еще и необыкновенно туп. Ученику, разумеется, ничего, а крепостного

учителя таки частенько водили на конюшню (а на конюшню известно зачем водят). Бедный Федька мучился, мучился со своим пустолобым учеником, наконец, хватился за ум. Однажды Ипполитушка в числе игрушек принес в учебную комнату и несколько медных пятаков. Федька смекнул делом, расспросил у ученика, откуда он взял эти кругленькие игрушки, и тот сказал ему, что у маменьки под кроватью полный мешок лежит этих игрушек.

— Так вот что, Ипполитенька,— сказал вкрадчиво Федька; — хотите вы совсем не учиться?

— Хочу,— отвечал ученик весело.

— Так подарите мне сегодня эти игрушки и ступайте гулять на целый день, а завтра, когда придете учиться, то приносите еще, и если можно, захватите побольше, только смотрите, чтобы маменька не видала, а то она все-таки будет заставлять вас учиться.

Напрасно наставник хлопотал: ученик уже давно имел ясное понятие о художестве, называемом воровством. Нянька Аксинья уже года три как пользуется от своего питомца краденым сахаром, конфетами и разными лакомствами, в том числе изредка и медными круглыми игрушками. Следовательно, предосторожности были совершенно лишние.

На другой день, по условию, ученик принес учителю штук десять пятаков и был свободен от ученья. На третий день сумма была увеличена, на четвертый день тоже. День за днем продолжалось то же и то же, так что к концу месяца мешок уже был пустой.

Когда объявил ученик своему наставнику об этом истинно печальном происшествии, то наставник, подумавши немало, сказал:

— А не заметили ли вы, Ипполит Иванович, где у маменьки хранятся такие же игрушки, только беленькие?

— Не знаю, не видал,— отвечал ученик.

— А когда не знаете, так садитесь учиться!

— Я завтра же узнаю! — завопил испуганный уче-

ник,— и принесу тебе, сколько угодно, только не учи меня!

— Хорошо, посмотрим: идите гулять, только помните, до завтрашнего дня.

А на завтрашний день понадобились на что-то медные деньги Марье Федоровне. Она к мешку, а мешок пустой.

Горничных и нянек налицо. Явились те и другие.

— Вы,— говорит Марья Федоровна,— такие и сякие, деньги из мешка вытаскали?

— Нет, барыня, мы и не видали.

— Розог! — крикнула она лакею.

Явилися розги и еще два лакея. Началася пытка. Перебрали всех. Аксиньи не было дома, послали и за ней. Приходит Аксинья и говорит: — Да вы,— говорит,— барыня, за что людей мучите? Барчонок-то деньги перетаскал своему учителю.

Дорого же поплатилась бедная Аксинья за свою дерзость: ей было отпущено вдвое против прочих.

Отпустивши горничных, Марья Федоровна пошла по комнатам искать Ипполитеньку. Но Ипполитенька, как ни был туп, смекнул, однако же, что недаром девки благим матом завыли, и, не дожидаясь конца вытью, убежал в сад. После тщетных поисков в комнатах, Марья Федоровна разослала всю дворню и сама пошла искать Ипполитеньку. А он, не будучи дурак, пока есть не хотелося, сидел в кустах, а когда увидел, что обед пронесли к слепому Коле, и себе пошел к нему во флигель и без церемонии истребил его скудную трапезу. Но, увы! тут его за трапезою и накрыла сама Марья Федоровна.

И досталось же бедному Коле за укрывательство вора! Кроме ругательств, попреков и угроз, ему не велено было давать ничего, кроме куска черного хлеба и ковша воды, впредь до разрешения.

Нежно, ласково, настояще по-матерински, выведала Марья Федоровна от Ипполитеньки, когда и кому он отдавал деньги, и узнавши всё обстоятельно, велела Федьку-наставника выпороть хорошенько

и отдать на скотный двор до Кузьмы и Демьяна, а там в город да и в солдаты. Сказано — сделано.

Теперь оставалося подумать об Ипполитеньке, что с ним делать. Ведь ему уже шестнадцатый год пошел, а эти изверги его в деревне, пожалуй, испортят. Нужно отвезти его в Петербург и отдать в какой-нибудь благородный пансион. Так думала Марья Федоровна, так и сделала.

Оставивши наказ или инструкцию приказчику насчет управления имением, она вооружила снова ремонтерскую бричку и, взявши милое чадо свое и любимую его няню Аксинью, отправилася в Петербург, не простившись даже с самыми близкими и самыми долгоязычными соседками своими.

Теперь ей незачем сообщать им, куда она намерена отдать своего сына на воспитание. Да и то еще, их, пожалуй, пригласи, а они проведают еще как-нибудь о поступке Ипполитеньки,— тогда на всю губернию ославят вором, а того, дуры, не рассудят, что он еще дитя!

Приехавши в Петербург, она остановилася не на Песках, как можно было предполагать, а в Ямской слободе, около церкви Ивана Предтечи, на постоялом дворе.

На другой день она отправилася сама поискать квартиру, потому что на постоялом дворе и неудобно и грязно, а главное, дорого; она же намеревалась остаться в Петербурге по крайней мере года два, если не более.

Выйдя за ворота, она перекрестилась на церковь (с некоторого времени она сделалась чрезвычайно набожна) и, не переходя Лиговки, пошла к Знаменью. У Знаменья остановилась, посмотрела вдоль туманного Невского проспекта, помечтала немножко о своем давно прошедшем и, перейдя Невский проспект, пошла на Пески, прямо к известному домику о четырех окнах с мезонином.

В одном из окон этого домика торчала на бол-

ванчике та же самая шляпка, что торчала и назад тому десять лет, а в прочих окнах торчало по девушке, как будто они десять лет и с места не сходили. В числе этих девушек была и Лиза, но уже не та, восьмилетняя, рябенькая, безмолвная Лиза, а сидела у окна, сложа руки и опустя на высокую грудь кудрявую прекрасную голову, девятнадцатилетняя, вполне развившаяся, как роза, пышная красавица.

На свежем, молодом ее лице и следов не осталося прежних рябин, нужно было близко и внимательно присматриваться, чтобы их заметить.

В то самое время, как проходила мимо окон Марья Федоровна, Лиза подняла свои длинные бархатные ресницы, взглянула в окно и побледнела. Она, бедная, узнала свою мачеху, и ей разом представилося все ее горькое, гнусное прошедшее. Она закрыла лицо руками, хотела встать со стула, но не могла; приподнялася еще раз и без чувств повалилася на пол.

Подруги подняли ее и унесли за ширмы.

Марья Федоровна, проходя мимо окна, и не подозревала, что она была причиною такой катастрофы. Она вошла себе спокойно на давно знакомый ей дворик, подошла к известной лачуге близ помойной ямы и постучала в маленькую, наскоро сколоченную, но уже весьма ветхую дверь. Дверь с каким-то дребезжаньем отворилась, и перед нею явилася Юлия Карловна с опрокинутою чайною чашкою в руке. (Юлия Карловна к бесчисленным своим профессиям прибавила еще одну — гадание на кофе). После первых ахов на пороге Марья Федоровна была введена в хижину, и тут уже торжественно старые приятельницы поцеловались.

Когда Юлия Карловна пришла в себя от внезапного потрясения и усадила свою дорогую гостью на полусломанном стуле, тогда представила ей молодую, стройную и весьма бледную девушку с черными большими и заплаканными глазами, всю в черном.

— Рекомендую вам,— сказала Юлия Карловна, обращаясь к Марье Федоровне,— моя хорошая, мож-

но сказать, приятельница мамзель Шарнбер, тоже моя землячка, только по отцу. Из хорошей фамилии. Я им сейчас гадала на кофе и так прекрасно, так прекрасно выходит, что лучше требовать нельзя, а они все не верят и плачут.

— Я уж два года верила,—тихо проговорила девушка.

— Так как же, матушка, и по десяти лет ждут, да не плачут,—с неудовольствием проговорила Юлия Карловна.— Что ж делать? Такая ваша судьба. А коли наскучило так дожидаться своего суженого, то я давно предлагаю, переходите ко мне в дом. Если не хотите вместе с барышнями, то займите мезонин. Я с вас не бог знает что возьму. И мне прибыль, и вам не в убыток.

Девушка заплакала и, едва проговорив: — Прощайте! — вышла из комнаты.

— Прощайте, заходите завтра. У меня будет свежая гуща, я вам еще поворожу,— говорила Юлия Карловна, провожая свою пациентку глазами. И когда та притворила за собою дверь, Юлия Карловна прибавила:

— Больно горда! Подожди еще годик-другой своего возлюбленного, небось переменишься, проситься будешь — не пущу,— чорт ли тогда в тебе! Ты и теперь смотришь старухой, а тогда на тебя никто и взглянуть не захочет.

— Вот, Марья Федоровна, вот где истинно несчастие,— обратилась она к своей гостье, как бы умоляя о сострадании.— Видели вы, ведь можно сказать красавица собою, благородных родителей дочь. И пропадает, ни за что пропадает, и так-таки и пропадет. А кто — сами же родители и виноваты — никто другой!

Жили они, матушка моя, в Кронштадте при должности, и при хорошей должности, при каких-то магазеях. Каждую неделю вечера давали. И повадился к ним в дом какой-то мичман. Ну, известное дело, молодой мужчина, молодая девушка, увиделися раз-другой и влюбилися друг в друга. А там

и до греха недолго. Так и случилося. Бывало, в доме танцы да плясы, а они незаметно выйдут на двор или на улицу, укроются шинелью да и воркуют, что твои нежные голубки. А мать-то сама, чай, с молодыми офицерами амурничает. Я отца и не виню. Не мужское дело смотреть за дочерью, а мать, мать всему причина. Она видела, старая дурища, что молодой человек около дочери увивается, — что бы спросить: — А что тебе, голубчик, надо? Когда так только, куры-муры, так вот тебе и двери, а коли на сурьез пошло, женись! — А то думают: — Ничего, пускай себе молодые люди побалуют. Он человек благородный, лишнего себе ничего не позволит.— А вот он и не позволил, благородный-то человек. Дело-то сделал, да и перевелся в Астрахань или куда-то еще дальше. А сами-то тогда только заметили, когда начали соседи пальцами на дочку-то показывать. А вечер-то сделают, залы осветят, а гостей-то никого; разве два-три пьяные ластовые забредут. Видят, что дело-то плохо, давай из Кронштадта убираться. Теперь вот в Петербурге и проживается без места. А она, дура, ворожит. Да, много я тебе выворожу! Приедет он тебе сейчас, держи карман! Не видал он, вишь, краше тебя. Говорю, переходи ко мне, пока еще хоть что-нибудь осталось, а то так ведь состареется.— Ох, горе, горе, как подумаю,— прибавила она со вздохом.

— Вот что, Юлия Карловна,— сказала Марья Федоровна после долгой паузы,— я к вам имею великую просьбу.

— Какую, Марья Федоровна? Все на свете для вас!..

— Найдите для меня небольшую квартирку, так комнатки три, если можно, чтобы близко был какой-нибудь благородный пансион. Я, знаете, привезла сына.

— Есть, есть благородный пансион, мадам... мадам... как бишь ее... квартира... квартира... — И она начала считать по пальцам дома всего квартала, в котором находился благородный пансион

мадам N. — Ну, да как-нибудь найдем,— прибавила она, подобострастно глядя на Марью Федоровну.

— Вы мне сделаете большое одолжение. Только не больше как комнатки три: я совершенно разорилась, совсем теперь без денег, — скотские падежи, да неурожаи, да пожары совсем меня доконали.

И Марья Федоровна чуть-чуть не заплакала.

— Ах, да! — сказала она после длинной паузы,— чуть-чуть было не забыла. Ну, что моя Акулька у вас поделывает? Я думаю, уже большая выросла?

— Пребольшущая! И какая мастерица! И какая красавица, просто прелесть! Только она что-то всё скучает.

— Молода, ничего больше. А вот что, Юлия Карловна, не сделаете ли вы ей партию? Она мне теперь не нужна, я буду жить в Петербурге, а здесь своя швея только лишняя тяжесть, сами знаете.

— Партия-то ей давно находится, только я без вас не смела, а написать вам не знала куда,— адрес, что вы оставили покойной Каролине Карловне, затерялся, так вот и не знала, что делать, пока вас самих бог не принес к нам. А партия вот какая,— продолжала она: — кухмистер, на пятьдесят человек стол содержит, все чиновники, по пяти целковых в месяц. Шутка, какой капитал,— так нет, не хочет. Примазывается еще к ней какой-то пьянчужка чиновник, правда, молодой человек, только, видно, голь-голо. Не знаю, так ли он к ней приходит или и впрямь сватать хочет, не знаю.

— Лучше было б, если б за кухмистра — верный кусок хлеба, по крайней мере. Ну, а когда не хочет, так, пожалуй, и за чиновника. Я, пожалуй, и приданое маленькое могу дать. Устройте это дело, Юлия Карловна, я вам буду весьма благодарна.

— Постараюся для вас, Марья Федоровна, непременно постараюся. Куда же вы?

— Я пойду, мне пора,— и Марья Федоровна начала собираться.

— Да подождите минуточку, сейчас кофе будет готов.

— Нет, благодарю вас, другой раз. Прощайте! Не забудьте же насчет квартиры.

— Не забуду, не забуду, Марья Федоровна.

И приятельницы расстались.

Возвратясь на квартиру, Марья Федоровна застала своего Ипполитушку играющим в бабки с дворниковым белокурым румяным мальчуганом. Это был первый урок на поприще образования Ипполитушки. Он этого великого искусства во всю жизнь бы не мог постигнуть в деревне, а в столицу не успел приехать, как на другой же день постиг, что такое значит свинчатка.

Дня через два понаведалась Марья Федоровна к своей приятельнице узнать насчет квартиры. Квартира была приискана усердной Юлией Карловной именно такая, какая ей была нужна — светленькая и уютненькая, а главное, дешевенькая, и почти рядом с благородным пансионом, т. е. с приходским училищем.

Выпивши чашку кофе или, лучше сказать, цикорию у своей приятельницы, они пошли посмотреть квартиру. Проходя через дворик, они услышали в модном магазине дребезжащие звуки фортепиано, пронзительно визжащий женский голос и вторивший ему хриплый мужской бас, твердо и внятно выговаривавший слова песни:

Во лузях, лузях, лузях,
В монастырских лузях.

Приятельницы переглянулись и, улыбнувшись, вышли на улицу. Дорогою Юлия Карловна жаловалась на неприятности и хлопоты, сопряженные с подобным заведением, особенно в таком захолустии, как Пески, куда порядочный человек боится и заглянуть.

— Хорошо еще,— говорила она,— если эти беспокойства вознаграждаются, а то хоть ваша Лиза, то бишь Акулька, бог ее знает, что с нею сделалось,—

совершенная деревяшка : ни приласкаться, ни слова сказать, сидит себе, как заколдованная. Я не знаю, что с ней и делать. Ни себе, ни людям, только даром хлеб ест.

— Замуж, замуж ее, Юлия Карловна,— говорила Марья Федоровна.— И чем скорее, тем лучше.

— Да кто возьмет ее из такого места?

— Возьмут, только посулите приданое, а уж как бы я вам была благодарна, Юлия Карловна, если бы вы ее хоть как-нибудь пристроили.— Да...— как бы вспомнивши, прибавила Марья Федоровна:— о чем думала, то и забыла. Нет ли у вас, Юлия Карловна, знакомого какого-нибудь чиновника, мне нужен стряпчий, только, знаете, не дорогого, потому что дело грошовое,— из одной амбиции тягаюсь, уступить не хочется.

— А как же, есть, есть, прекрасный человек, а уж делец какой, так просто прелесть, только немножко горького придерживается. Ну, да это ничего, кто его теперь не придерживается? Да если бы не он, не сдобровать бы мне с вашей Ли... Акулькой.

— А что такое?

— Да помните, моя товарка, с которой мы вместе магазин содержали,— дитя наговорило ей бог знает чего, а она сдуру и ну... чуть-чуть было не утопила, да, слава богу, умерла. А все-таки я благодарна Кузьме Сидорычу.

Марья Федоровна шла молча, как бы что-то соображая, и, перейдя на цыпочках грязный переулок, обратилась к Юлии Карловне и сказала:

— Ведь у меня дело самое ничтожное, нет ли у вас какого-нибудь простого писаря? Я сама буду ему говорить, что писать.

— Есть и писарь, из самого главного штаба. И уж как он за вашей Акулькой ухаживает, так просто прелесть. А знаете что,— прибавила она, подумавши,— чего долго хлопотать? Вы посулите ему что-нибудь, вот вам Акульке и карьера.

В это время они подошли к весьма не новому домику с билетиком на воротах, который гласил,

что здесь отдается квартира и угол. Они постучали в затворенную калитку. На стук вышла, вместо дворника, дряхлая старушка в чепце и впустила их во двор.

Квартира оказалась как раз по руке Марье Федоровне — и светленькая, и уютненькая, точь-в-точь как говорила Юлия Карловна. Только одно... немножко дороговато: 10 рублей серебром в месяц с дровами. Этак недолго, пожалуй, и Покотиловку проживешь. Она попробовала было заговорить с хозяйкой дома о том, что она почти нищая, что она вдова беззащитная. Но хозяйка была непоколебима, а чтобы скорее покончить, она сказала, что она сама сирота бесприютная и вдова беззащитная и что ей укрывать и кормить не из чего.— И если б вы были не женский пол, а мужской, то и за двадцать бы целковых не пустила, потому что наше дело женское,— все случиться может.

Марья Федоровна молча вынула рубль и, отдавая хозяйке, сказала сухо:

— Квартира за мной, я завтра переезжаю.

И, действительно, на другой день она угощала уже Юлию Карловну хоть и жиденьким, но настоящим кофе у себя на новосельи.

Аксинья, нянька, успела уже поссориться с хозяйкою, а Ипполитушка, упражняя свои руки в метании бабки, выбрал мишенью белого петуха, тщательно перебиравшего мусор на дворе. Удар был просто гениальный, бедный петух только крыльями судорожно потряс и тут же ноги протянул.

— Ай да свинчатка,— воскликнул Ипполит в восторге.— Недаром маменька гривенник заплатила!

О трагической кончине белого петуха быстро дошли слухи до ушей хозяйки. В доме поднялся содом, и такой, что если б не посредничество Юлии Карловны, то Марье Федоровне пришлось бы тот же день очистить уютненькую квартирку. Дело, однако ж, кончилось полтинником.

Это неприятное происшествие имело ту свою хорошую сторону, что напомнило Марье Федоровне

о том, зачем она приехала в столицу. Она тут же обратилась к Юлии Карловне и просила ее, чтобы она завтра же, если можно, прислала к ней на дом какого-нибудь учителя из благородного пансиона, [потому] что она намерена сначала дома приватно Ипполитушку приготовить, а потом уже совсем в пансион отдать.

Сказано — сделано. На другой же день явился педагог из приходского училища, и уговорились они, чтобы Ипполитушка ходил к учителю на квартиру до обеда и после обеда, что для него будет так веселее, потому что у педагога училося на квартире еще несколько мальчиков. И это дело кончено, теперь оставалося еще одно и чуть ли не самое трудное. Марье Федоровне необходимо нужно уведомить письмом одну свою protégé, соседку, о смерти Лизы, случившейся как раз в день ее приезда в Петербург. Кто же ей напишет такое хитрое письмо? Самой написать, так, пожалуй, засмеют, потому что она едва может кое-как свою фамилию нацарапать. Просить рекомендованного писаря ей бы не хотелось, тем более, что он еще и знаком с Лизою, хоть он и не знает, что она — Лиза, а чорт его знает, может быть, и знает! Нет, ему нельзя доверить такую важную корреспонденцию.

— Ах я дура! — воскликнула Марья Федоровна после долгого размышления.— Да чего же я думаю? А учитель-то на что?

Сейчас же послала Анисью просить учителя к себе. Когда тот явился, то она под видом испытания просила его написать коротенькое письмо, а о чем писать, то рассказала ему на словах.

Педагог выслушал и, подумавши немало, сказал:

— Тема серьезная, нужно обдумать. Я сначала так только набросаю, а потом уже, если апробуете, то и перебелю. Завтра будет готово!

— Хорошо, так вы принесете ко мне, когда будет готово.— И они расстались.

Через день или через два явился педагог к Марье Федоровне с великолепною рукописью под мышкой.

Хозяйка просила его садиться, он смиренно сел на стул и развернул манускрипт, образец каллиграфии. Марья Федоровна, полюбовавшись почерком, просила педагога прочитать. Он прочитал или, лучше сказать, продекламировал свое произведение и когда кончил, то не без самодовольствия взглянул на Марью Федоровну и почтительно передал ей рукопись.

Марья Федоровна осталася письмом весьма довольна и, позвавши Аксинью, приказала ей сварить кофе. А в ожидании кофе просила еще раз прочитать письмо, только не так громко.

Ободренный столь лестным вниманием, он прочел еще раз, правда, без того сильного выражения, но зато с более тихим и глубоким чувством, так что когда он прочитал фразу: „И ее милый взор сокрылся от меня навеки", то Марья Федоровна даже платок поднесла к своим глазам. Это, разумеется, не ускользнуло от взоров счастливого автора и было для него паче всяких благодарностей.

Марья Федоровна, угостивши сочинителя, попросила рукопись себе на память, а за труды предложила ему (правда, дорогонько, но ведь он не простой писарь) рубль серебра. Сочинитель великодушно отказался, сказавши, что он награжден ее благосклонным вниманием выше всякой награды.

Отпустивши еще несколько любезностей насчет чувствительности сердца и образованности ума своей покровительницы, т. е. Марьи Федоровны, педагог раскланялся и вышел.

На другой день Марья Федоровна сама понесла письмо на почту и там уже поймала какого-то почталиона и попросила его взять штемпельный конверт и запечатать письмо и адрес написать.

— И эта забота кончена,— сказала она, выходя из почтамта.

Теперь осталася одна, последняя и самая большая забота — устроить карьеру Лизы, и тогда она совершенно спокойно может заняться воспитанием Ипполитушки.

Время шло своим чередом. Прошло уже полгода, прошло и еще несколько месяцев, а карьера Лизы все еще не сделана. Юлия Карловна ежедневно заходит к Марье Федоровне на чашку кофе и сообщает ей самые неинтересные новости, а о свадьбе Лизы никогда ни слова. Самой же ей заводить речь не хотелось, чтоб не показать виду, что ее это интересует. Правда, она намекала несколько раз, так, мимоходом, и Юлия Карловна тоже отделывалась мимоходом. Она не знала, наконец, что и подумать.

А Юлия Карловна тем временем увивалась около нее, как около золотого истукана, восхищалася познаниями и досужеством ее ненаглядного уже богатырски сложенного юноши, но все это делалося совершенно попустому: Марья Федоровна хотя и частенько получала из деревни деньги, но ей показывала только с пятью печатями пакеты и отделывалася чашкою кофе и куском пирога по воскресеньям.

Юлия Карловна терпела и ждала, а на досуге благовестила в своем квартале, что приятельница ее, Марья Федоровна, не кто иная, как генеральша и темная богачка. Вследствие таких слухов у Марьи Федоровны образовался порядочный кружок знакомых и даже приятельниц. Правда, иные из них, увидевши, что генеральша дрожала над куском сахару и чашкой кофе, сочли за лучшее не поддерживать такого высокого знакомства; другие же, в том числе и Юлия Карловна, держалися правила: терпение все преодолевает. Правило это не совсем, однако ж, оправдывалось,— Марья Федоровна была просто, что называется, кремень. Приятельницы, впрочем, не унывали. Они были люди такого сорта, которые, если узнают, что ты человек денежный, хоть ты им своих денег и не показывай, они все на тебя будут смотреть, как на бога, и молиться и кланяться тебе, как самому щедрому богу.

Юлия Карловна, однако ж, оказалась не так терпелива, как можно было ожидать от иностранки. Она, не совсем уповая на будущие блага, затеяла историю такого свойства.

После долгих ожиданий и глубоких соображений она сама себе сказала: — Да что же я за дура такая, сижу сложа руки да смотрю на нее. Что я, разве девку-то даром что ли выкормила? Да еще и пристрой, говорит, карьеру сделай. И все это так, ни за грош. Да и девка-то еще бог знает, кто такая, не то Лиза, не то Акулька, сама не знаешь, как и называть.— Подождавши еще несколько месяцев и подождавши втуне, она решилась поближе познакомиться с Аксиньей, горничною и кухаркою Марьи Федоровны, так, на всякий случай — ее профессия такого свойства, что ей всякое знакомство к лицу. Однажды она так, совершенно случайно встретилась с Аксиньей в мелочной лавочке и просила Аксинью зайти к ней хоть завтра, если удосужится, хоть на минуточку,— что она хочет поговорить с ней насчет одного весьма интересного дела. Аксинья охотно согласилась, но дело в том, что она не знала квартиры Юлии Карловны. Марья Федоровна, в случае крайней нужды, посылала или Ипполитушку на квартиру Юлии Карловны, или сама ходила к ней, но Аксинью не посылала, она боялася, и не без основания, встречи ее с Лизою. Как же быть ей теперь? Юлия Карловна подробно описала ей все улицы и переулки и, с мельчайшими подробностями, свой домик.

Аксинья, дождавшись воскресенья, пораньше убралася и отправилася к обедне. Все хорошо, все улицы и переулки она помнит, а дом-то она и забыла, как он прозывается. Но по приметам кое-как добралась и до дому, а чтобы больше убедиться, что это именно тот дом, который ей нужен, она зашла посмотреть в окна, не сидят ли девушки (одна из главных примет дома). Подошла она к первому окну, взглянула — видит, наклонившись за какой-то работой,— девушка, лицо совсем закрыто. Она постучала в окно с намерением спросить Юлию Карловну. Девушка подняла голову, взглянула на Аксинью и побледнела. Аксинья тоже переменилася в лице. После минутного молчания девушка едва внятно проговорила: — Аксинья! — Аксинья вздрогнула:

ей показалося что-то знакомое и давно забытое в этом голосе. Но она стóяла, всё еще не раскрывая рта.

— Аксинья! — повторила Лиза, — или это не ты, а только так, сон?..

— Нет, это я, я — Аксинья, ваша нянька, когда помните.

— Помню! помню! — проговорила Лиза и выбежала к ней на улицу.

Долго они, обнявшися, стояли на улице, не говоря ни слова, пока одна из подруг Лизы, находя, что подобная сцена среди бела дня и среди улицы неприлична, вышла к ним и уговорила их войти в комнату. В комнате встретила их сама Юлия Карловна, нечаянно тут случившаяся. Юлия Карловна сейчас смекнула, что их оставлять наедине нельзя, потому что они сдуру могут все ее предначертания испортить, а потому она, поздоровавшись довольно фамильярно с Аксиньей, повела их в свою комнату, усадила по углам и принялася варить кофе.

Несколько раз Лиза и Аксинья, глядя друг на друга, принималися плакать. Юлия Карловна, глядя на них, и себе плакала. Когда же они начали разговаривать, то Юлия Карловна старалася всячески помешать им. Она находила всякое между ними объяснение несоответствующим ее глубоким планам.

Угостивши кое-как кофеишком, она проводила Аксинью за ворота и крепко-накрепко наказала, чтобы она не проговорилася ей, что видела Лизу. — А тебе когда только свободно, заходи к нам, Аксиньюшка! — прибавила она, прощаясь.

Аксинья, простившись с Лизою, ушла.

Юлия Карловна призадумалась, позвала Лизу к себе в комнату, посадила около себя и с лáскою кошки начала ее расспрашивать.

— Скажи мне, милая Акулина, — говорила она, — что ты припомнишь о себе, когда ты была еще в деревне?

— Я помню только, что меня звали не Акулькой, а Лизой, что мы жили с братом в одной комнате, что брат мой Коля был несчастный, слепой маль-

чик и что у него сначала была нянькой вот эта Аксинья, а потом ее мачеха взяла к себе, а ему, бедному, прислала какую-то злую деревенскую бабу, которая ему есть не давала; так я его, бедного, с нею и оставила. Жив ли он теперь, несчастный? — И Лиза заплакала.

— Ну, а больше ничего не помнишь? — спросила Юлия Карловна.

— Помню еще, и никогда ее не забуду, нашу мачеху. Я здесь ее как-то раз увидела на улице и чуть не умерла со страха!

— А не помнишь ли ты, какой губернии и какого уезда ваше село?

— Ничего не помню.

Юлия Карловна не нашла нужным более продолжать свои расспросы, надела салоп и что-то засаленное, вроде шляпы, выслала Лизу из комнаты, заперла двери и вышла на улицу.

Аксинья, возвращаясь из гостей домой, еще на улице услышала шум из своей квартиры.

— Уж не воры ли, боже сохрани, забралися? — едва проговорила она и бросилась опрометью в калитку, взбежала на лестницу, отворила дверь, — и глазам ее представилась сцена, едва ли когда-нибудь прежде ею виденная, разве мимоходом и то около кабака.

Разъяренная, как бешеная кошка, с пеною на губах, со сжатыми кулаками, стояла Марья Федоровна в наступательном положении, а против нее в оборонительном положении, в позиции античного бойца стоял Ипполитушка. При входе Аксиньи Марья Федоровна как бы опомнилась, опустила кулаки и прошипела: — Ах ты, изверг! — И, обратясь к Аксинье, сказала:

— Сходи ты, позови ко мне этого глупого учителя. Хорошему научил он Ипполитушку.

Аксинья вышла из комнаты.

Этой почти трагической сцене предшествовало вот какого рода происшествие.

Отпустивши Аксинью к обедне, Марья Федоровна

и сама пошла в церковь. Хотела было и Ипполитушку взять с собой, но у него нечаянно голова заболела, и он остался дома. А оставшись один, он отпер гвоздем маменькину шкатулку (он необыкновенно двинулся вперед по пути просвещения) и занялся отыскиванием в ней того секретного ящичка, в который маменька деньги прячет. Он уже вполне постигал, что такое значат деньги. К тому же он на прошедшей неделе удивительно был несчастлив и в бабки, и в три листика. Попробовал было поставить на кон Греча грамматику — не берут; попробовал было в орлянку — и тут не повезло, просто хоть в петлю лезь, а в долг не верят. А еще называются друзьями! Пробовал просить у маменьки, — и выговорить не дала. Что же ему и в самом деле оставалося делать? Разумеется, красть. А чтобы не далеко ходить, он решился первый этюд сделать над маменькиной шкатулкой, но, как еще неопытный и нетерпеливый вор, поторопился и забыл о мерах предосторожности, т. е. забыл двери на крючок заложить. И в самую ту минуту, когда секретный ящик сделался для него уже не секретным, в ту самую минуту тихонько вошла Марья Федоровна и остолбенела от ужаса.

Через полчаса явилася в комнату Аксинья, а вслед за нею и педагог в новом вицмундире и с самой праздничной физиономией. Но как же длинно вытянулась эта улыбающаяся образина, когда приветствовала его раздраженная, аки львица, Марья Федоровна словами:

— Наставники! Прекрасные наставники! Покорно вас благодарю! — И она не могла продолжать от злости, а бедный педагог стоял, разиня рот и вытаращa глаза.

— Покорно вас благодарю! — продолжала Марья Федоровна, едва переводя дух: — Да... наставили, научили, просветили дитя! Смотрите, любуйтеся вашим просвещением! он, мое дитя! мое единственное дитя! по милости вашей, сударь, — вор, грабитель, а, того смотри, и разбойник! И всему этому

вы, вы один причиною, вы научили его обокрасть меня и после вам передать украденные деньги.

— Сударыня! — проговорил задыхаясь педагог, — вы лжете! Вы просто бешеная баба и больше ничего! Я с вами и говорить не хочу, прощайте!

И он обратился к двери. Марья Федоровна не ожидала от смиренного педагога подобной рыси и так была ею озадачена, что совершенно растерялась, и пока собралася с духом, педагог был уже за воротами.

— Беги, догони, проси на минуточку, пускай взойдет, — говорила она, толкая Аксинью за двери. Аксинья побежала с лестницы и она вслед за нею.

Через минуту педагог уже сидел на диване и хладнокровно слушал длинную повесть о подвигах и досужестве гениального ученика своего. Дослушавши сначала до конца сие повествование, он спросил:

— А зачем вы его в продолжение прошедшей всей недели не присылали ко мне учиться?

— Как не присылала? Он каждый день аккуратно ходил к вам. Даже и обедать не приходил домой!

— И в глаза не видал я его с самого воскресенья!

— Где же это ты пропадал, а?.. — обратилась было Марья Федоровна к Ипполитушке, но Ипполитушки и след простыл.

По долгом рассуждении, как исправить зло, решено было продолжать учение, потому что Ипполитушка, по словам учителя, не утвердился еще в письме и в русской грамматике, а во избежание его несвоевременных прогулок положено было, чтобы Аксинья отводила его поутру в школу и приходила за ним ввечеру.

Так и сделано. В понедельник поутру многие обыватели смиренного переулка заметили восемнадцатилетнего юношу в курточке à l'enfant, идущего в школу, а за ним пожилую служанку, несущую кожаный мешок с книгами и грифельную доску. Пока Ипполитушка ходил один, никто его не замечал, а как пошла за ним Аксинья, все пальцами стали показывать. Странно!

Правильное и однообразное хождение за Ипполи-

тушкою вскоре наскучило Аксинье, и она однажды ему предложила прогуляться в другую школу, т. е. к Юлии Карловне.

Первый визит ему не совсем понравился, хотя его и потчевали леденцами, но зато второй визит пришелся как раз по нем. Юлия Карловна, чтобы свободнее поговорить с Аксиньей, отвела его к своим девицам и строго наказала им, чтобы гость не соскучился. Аксинья насилу могла его вытащить оттуда, так ему понравились девицы,— так понравились, что он начал из школы бегать к прекрасным сиренам. Сирены вскоре начали просить у него денег за доставляемые ему радости.— Денег? А где их взять, этих проклятых денег? — так думал он. — Хоть бы маменька скорее умирала, авось либо не легче ли бы мне было,— так продолжал он думать.

Пока Ипполитушка забавлялся с девицами, Юлия Карловна, угощая цикорием простодушную Аксинью, узнала от нее всё, что ей нужно было знать насчет Лизы. Узнала даже и губернию, и уезд, и село как зовут, и, узнавши все это, сообщила своему знакомому писарю из главного штаба, который уже готовился держать экзамен на аудитора.

Будущий аудитор, узнавши такие секреты про свою милую Лизу, чуть с ума не сошел. Это просто слепая богиня фортуна! — как он выразился в восторге.

На женитьбу, однако ж, Юлия Карловна не иначе соглашалась, как только с уступкою половины приданого, которое он со временем получит за Лизою.

Писарь, разумеется, на всё согласился беспрекословно.

В заключение, она научила его написать просьбу на имя оберполицеймейстера, и они расстались.

Теперь оставалося уверить Лизу, что Аксинья баба дура и что она все наврала, что она действительно Акулька, а не Лиза, и не барышня, а настоящая крепостная девка, и что ей теперь предстоит такая карьера, что она, если не глупа будет, со временем может быть и высокоблагородной.

— Что ж, согласна ты, Ли... Акулька? — спросила она ее.

— Согласна, хоть за трубочиста согласна, только не держите меня в этом омуте.

— Вот уж и омуте. Дом как дом,— не узнала еще, что впереди будет.

— Хуже не будет.

— Вот тебе и благодарность. Ах ты негодная! Вишь, отъелася чужого хлеба... потаскушка! Деревенщина!..

И они чуть-чуть не подралися.

Наругавшись досыта, они, наконец, помирилися и после того, как любезно выпили по чашке кофе, Юлия Карловна наскоро оделася и вышла со двора, а счастливая невеста, оставшися одна, горько зарыдала. Юлия Карловна с доброй весточкой отправилась прямо к Марье Федоровне и застала ее в самом счастливом расположении духа: она получила из деревни порядочную пачку ассигнаций, с известием, что слепой барич упал в канаву или в какую-то яму и сломал себе ногу.

После первых лобызаний приятельницы уселись на диване, и Юлия Карловна, немного помолчав, сказала:

— Ну, матушка, Марья Федоровна, насилу-то я ее уломала, — вишь ты, за писаря, говорит, не хочу, подавай ей чиновника.

— Ах она мужичка! — проворчала Марья Федоровна, — вишь чего захотела, чиновника! А как возьму в деревню, да отдам за пастуха на скотный двор!

— Да то ли еще она толкует, говорит, что она не крепостная девка, а благородная.

Марья Федоровна изменилась в лице.

— Ну, да я ей показала, какая она благородная. Просто-запросто по щекам да и заставила молчать.

— И прекрасно, — проговорила Марья Федоровна.

— Да вот еще что: жених-то артачится. Меньше, говорит, тысячи рублей не возьму.

— Ах он писаришка! Тысячу рублей за крепостной девкой! Да где это видано?

— Да вишь ты, она и ему натолковала, что она не простая, а благородная.

Марья Федоровна опять смешалась и, подумавши немного, сказала:

— Не возьмет ли он хоть половину?

— Я уже ему семьсот давала, и слушать не хочет.

— Не знаю, как и быть, — проговорила, как бы сама с собой, Марья Федоровна.

— Да как быть? Давайте тысячу, да и концы в воду.

— Хорошо, я согласна, только после свадьбы.

— А он просит теперь же, а без денег и в церковь не идет. А с деньгами хоть сейчас под венец.

— Ну, чорт его возьми, отдайте ему деньги, а я вам после возвращу.

— Да у меня и рубля за душою нет.

— Как же нам быть, разве последние отдать? Да с чем же я сама-то останусь? Ну, дьявол с ним, скорее бы только разделаться. Зайдите ко мне завтра, Юлия Карловна, — прибавила она, как бы опомнившись.

— Хорошо, зайду. Только завтра непременно, потому что в воскресенье можно будет и под венец, а сегодня, знаете, четверг, нужно поторопиться.

— Так знаете что, зайдите ко мне через час. Или подождите, я посмотрю, не найдется ли у меня дома.— И она ушла в другую комнату.

Вскоре раздался звук замка, и Юлия Карловна улыбнулась. Через несколько минут вышла Марья Федоровна с пачкою ассигнаций в руках.

— Как раз столько, сколько нужно,— говорила она, отдавая ассигнации Юлии Карловне.

Та бережно взяла деньги и, внимательно пересчитавши, положила в свой грязный мешок.

— Теперь милости просим на свадьбу, приходите хоть в церковь.

— В церковь зайду.

— Приходите. У Знаменья будут венчаться, в 4 часа после обеда.

— Хорошо, непременно зайду.

И они расстались. Юлия Карловна, спускаясь с лестницы, прошептала: — Знает кошка, чье мясо съела. — А Марья Федоровна, оставшись одна, свободно вздохнула и тоже прошептала:

— Ну, слава богу, отделалась!

Отделалась, да не совсем, можно было б прибавить.

Долго ходила она по комнате, заложа руки за спину, как настоящая львица. Потом вдруг остановилась посредине комнаты и со всего размаху хлопнула рукой себя по лбу и вскрикнула:

— Ах я дура! Аксинья! А, Аксинья!

Вбежала испуганная Аксинья.

— Что ты, дура, глаза-то вытаращила? Беги, вороти скорее Юлию Карловну. — Аксинья выбежала.

— Тысячу рублей! Ах я дура, дура... (разговаривала сама с собой Марья Федоровна) — тысячу рублей! Без расписки, безо всего. И кому же? Какой-нибудь — фи! стыдно и выговорить. Да что это со мною сталося? Нет, она меня непременно околдовала. Ну что, если она отопрется? А отопрется, это я наверное знаю. Ну, да чорт с ними и с деньгами, пускай их куда хочет девает, лишь бы мне эту потаскушку с рук сбыть, а то она у меня, как бельмо на глазу... В воскресенье в четыре часа. Пойду, непременно пойду...

И она снова заложила руки за спину и заходила взад и вперед по комнате в ожидании Аксиньи.

А Аксинья между тем, добежавши до дому Юлии Карловны, встретилась у самой калитки с Лизою.

— Здравствуй, Аксинья! Как хорошо, что ты зашла, а мне тебя очень нужно было видеть.

— Здравствуйте, барышня! Мне нужно Юлию Карловну.

— Да ее нету дома, с утра еще куда-то ушла. А вот что, Аксинья! ты говоришь мне, что я барышня, а я такая же крестьянка, крепостная, как и ты. Только ты... честная, а я... — И Лиза не могла говорить далее.

— Что вы! что вы, Лизавета Ивановна! Да вы настоящая честная, благородная барышня.

— Да кто тебе это сказал, что я барышня?

— Ах, боже мой! Кто сказал? Да разве не сама я вас на руках выносила! Кто сказал? Вот прекрасно!

— А Юлия Карловна говорит, что ты все врешь, что ты меня только смущаешь.

— Смущаю, вру! Я вру? Да наплюйте вы ей в самое лицо. Я вру? Да я присягу приму, к губернатору пойду. К самому государю!.. Вишь, держит благородную барышню, как какую-нибудь, прости господи, девку непотребную... Да я же и вру... Нет, я докажу ей, что я еще не врала.

— Вот что, Аксинья... — перебила ее Лиза,— ведь она меня замуж отдает.

— Что ж, и с богом! Святое дело, коли благородный человек, потому что вам не за благородного выходить не годится.

— Он теперь еще так только, писарь, а скоро будет и благородный...

— То-то вот, чтоб непременно был благородный, а то как можно!

— Да я рада хоть за палача, только бы мне вырваться из этого содому!..— И Лиза заплакала.

— Что вы! что вы! барышня! Перекреститесь. Такие слова говорите — за палача.

— Ах, Аксинья! Аксинья, если б ты знала, что я терплю здесь, ты бы не то сказала.

В это время дверь на улицу растворилась, и выглянула на улицу какая-то небритая физиономия в галунах и крикнула: — Лиза! — И дверь снова захлопнулась.

— Идите, барышня, вас зовут. И я побегу: меня, чай, барыня-то ждет не дождется. Прощайте!

— Прощай, Аксинья! Приходи на свадьбу.

— Приду, непременно приду, — говорила Аксинья, перебегая улицу.

— Где это ты таскалася? —таким вопросом встретила ее Марья Федоровна.

— Да я ее не догнала. Бегала на дом — и дома нет. Говорят, как ушла с утра, так и не приходила.

— Так ты успела уже и дом ее проведать? Ах ты, негодная тварь! Да знаешь ли ты, что это за дом такой? Потаскушка ты этакая!

— Дом как дом, ведь туда и Ипполит Иванович изволят ходить...

— Что?..

— Там и наша барышня, Лизавета Ивановна, живут!..

— Что?

— Я говорю, что там...

— Молчи, язык отрежу!.. Пошла вон!

И Аксинья вышла.

С Марьей Федоровной сделалась истерика, и к вечеру она слегла в постель. На другой день обступили одр ее бескорыстные приятельницы и посоветовали ей на ночь напиться малины, что она и сделала, хотя от этого ей ничуть не легче стало.

В воскресенье, однако ж, как ей ни трудно было, она вышла со двора ровно в три часа. Хотела было и Ипполитушку взять с собой, но он ушел к учителю повторять урок. На улице попался ей извозчик (явление редкое на Песках). Она спросила его, что возьмет до Знаменья. Тот сказал ей: гривенник. Она выругала его и поплелась пешком. После вечерни часов до шести сидела она у церковной ограды, а о свадьбе и слуху не было. Наконец, она встала и поплелась домой, говоря про себя: — Они в другой церкви перевенчалися; сем-ка я пойду мимо дома Юлии Карловны. — И она пошла мимо дома Юлии Карловны. Далеко еще не доходя до дому, она услышала музыку и песни. — Так и есть, свадьба, — подумала она. Она весело подошла к самым окнам, взглянула в комнаты, и что же она увидела? О, позор и ужас! Ее милый и пьяный Ипполитушка, в разорванной рубашке, без подтяжек и прочего, для чего выдуманы подтяжки, плясал тоже не совсем с трезвою, разухабистою барышнею комаринского под звук унылый фортепиано. Вот где он получил первые уроки в сем великом искусстве, которому так чистосердечно удивлялися солдаты в Орской крепости.

Полюбовавшись на свое милое единственное чадо, на своего будущего помещика, она кое-как перешла на другую сторону улицы и села на панели отдохнуть. В это время калитка отворилась, и на улицу вышла сама Юлия Карловна с каким-то военным писарем. На улице он ловко, настояще по-писарски раскланялся и пошел в одну сторону, а Юлия Карловна в другую.

— Так у них ничего не бывало,— подумала Марья Федоровна и, собравшись с силами, встала на ноги и позвала Юлию Карловну.

Та подошла к ней, как ни в чем не бывало, раскланялась и спросила о здоровьи.

— Здоровье-то мое еще не так плохо, как вы со мною плохо поступаете. Да что и в самом деле,— прибавила она, возвыся голос,— что я вам, дура какая, что ли, далась? Где же свадьба?

— Какая свадьба?

— А что говорили, у Знаменья?

— Ах, да... и забыла. Ну, еще успеем перевенчать, было бы приданое готово.

— Какое приданое?

— Да такое, какое я вам говорила. Тысячу рублей!

— Да ведь я вам отдала.

— Вы мне должны были по контракту, за Акульку и отдали, а теперь припасайте приданое для Лизаветы Ивановны Хлюпиной. Понятно вам тепер?

Марья Федоровна не дослушала и верно бы грохнулась на мостовую, если б Юлия Карловна ее не поддержала. Всю эту сцену Лиза видела из окна, и когда дошло дело до обморока, то она выбежала на улицу и, подбежавши к трогательной группе, стала пособлять Юлии Карловне приводить в чувство Марью Федоровну. Придя в себя, Марья Федоровна оглянулась вокруг себя и, не сказав ни слова, плюнула в лицо Юлии Карловны и пошла быстро по улице.

— Что это значит?— спросила Лиза у Юлии Карловны.

— Сумасшедшая, больше ничего!

И они проводили ее глазами до угла переулка и пошли домой.

Марья Федоровна совершенно растерялась. Так часто самый смелый, самый предприимчивый злодей падает духом от одного слова, изобличающего его злодейства.

Она от бешенства рвала на себе волосы, грызла себе руки, била немилосердно Аксинью и проклинала своего милого Ипполитушку, который, во избежание чего-нибудь вещественнее проклятий, несколько дней и домой не являлся. А где он обретался, этого никто не ведал. Наконец, она немного поуходилася и серьезно захворала.

Приятельницы снова хором посоветовали ей напиться малины. Она напилася, но малина не помогла и ромашка тоже не помогла. Приятельницы охали и больше ничего. Так прохворала она месяца два; приятельницы одна за другою ее оставили; Ипполитушка по несколько дней глаз не показывал, Аксинья одна, как верная собака, ее не оставляла.

А Юлия Карловна с будущим аудитором вот что придумали. Они написали письмо от имени Марьи Федоровны в село к священнику, со вложением пятирублевой депозитки, чтобы он вытребовал из консистории метрическое свидетельство о рождении и крещении Лизы.

Немало удивился отец Ефрем, получивши такое послание. Недавно он читал письмо, исполненное слез и воздыханий о смерти Лизаветы Ивановны и панихиду уже отслужил за упокой ее души, а теперь требуют свидетельство о рождении и крещении.— Странно,— подумал он и послал пономаря в город за гербовой бумагой, а сам пока рассказал попадье своей о странном приключении. Попадья не замедлила сообщить о сем управительше, а управительша соседке однодворке, а соседка однодворка покровительствующей ей помещице, а помещица помещикам, так что пока отец Ефрем получил из консистории Лизино свидетельство, то уже вся губерния знала об этом странном происше-

ствии, и всякий, разумеется, толковал его по-своему, но к самой истине никто и не приближался.

Отец Ефрем, получивши свидетельство, отослал его по приложенному в письме адресу, т. е. на имя Юлии Карловны.

Юлия Карловна, получивши сей драгоценный документ, показала его будущему аудитору, и решено было немедленно приступить к делу, т. е. приступить к Марье Федоровне, чтобы выдала еще тысячу рублей на свадьбу.

Сначала написали письмо, но на письмо ответа не последовало, потому что Марья Федоровна читала только печатное, а скорописному не училась, постороннему же лицу она боялась показать письмо: она догадывалась, что письмо в себе ничего хорошего не заключало.

В одно прекрасное утро Юлия Карловна явилася за ответом сама лично и, после пожелания доброго утра, сказала:

— Я к вам, Марья Федоровна.

— Вижу, что ко мне. А за чем бы это?

— За чем... гм, за чем? За деньгами, Марья Федоровна!

— Что, я вам должна, что ли?

— Должны, Марья Федоровна!

— А много ли, нельзя ль узнать?

— Всего-навсе тысячу рублей!

— Опять тысячу рублей?

— Точно так, Марья Федоровна!

— Ах ты, душегубка! Ах ты, кровопийца! Ах ты...— Тут уж она такие посыпала причитанья, что ни словами сказать, ни пером написать.

Юлия Карловна хоть бы тебе бровью пошевельнула, как будто эти причитанья совершенно не ее касались.

— Так вы не даете тысячи рублей? — сказала она, когда Марья Федоровна немного поуходилась.

— Не даю! и не даю! — отвечала та.

— Как угодно! Значит, я завтра же могу объявить оберполицеймейстеру насчет Лизы...

Марья Федоровна только взглянула на нее, но не сказала ни слова. Юлия Карловна тоже молчала. Так прошло несколько минут. Потом Марья Федоровна молча встала, сняла со стены образ и, подавая его Юлии Карловне, сказала:

— Клянитесь мне ликом святого мученика Ипполита, что вы завтра же все покончите!

Юлия Карловна произнесла: — Клянусь, — и даже перекрестилась по-русски.

Марья Федоровна вынула из шкатулки пачку депозиток и, отсчитавши тысячу рублей, молча отдала деньги Юлии Карловне, а та так же молча приняла их, пересчитала и, положивши в мешок, сказала: — До свидания, Марья Федоровна.

— Нет, не до свидания, а совсем прощайте, я завтра уезжаю в деревню.

— Да вы хоть до воскресенья подождите! В воскресенье непременно повенчаем.

— И без меня повенчаете. Прощайте!

— Ну, как хотите. Прощайте, когда не угодно. — И Юлия Карловна удалилась.

В следующее же воскресенье тихо, скромно совершился обряд венчания в Знаменской церкви. В числе прочих любопытных и Марья Федоровна была в церкви. И когда было всё кончено, она подошла к Лизе и поздравила ее со вступлением в законный брак.

Лиза вскрикнула и упала в обморок, а Марья Федоровна скрылася в толпе.

Весело возвратилася она на квартиру и отдала приказание Аксинье собираться в дорогу.

— Довольно, будет с меня, — прибавила она, — навеселилась я в этом проклятом Петербурге. Теперь осталося оженить Ипполитушку и мое дело кончено, — говорила она сама с собой.

Аксинья, видя доброе расположение своей барыни, попросилась со двора и получила позволение. Марье Федоровне и в голову не пришло, что Аксинья просилася на свадьбу к Лизавете Ивановне.

Свадьба была шумная, и больше всех отличался

на свадьбе Ипполитушка, и к рассвету так наотличался, что его тут же и спать уложили.

На другой день Ипполитушка чувствовал себя дурно и еще дурнее почувствовал он себя, когда ему сказали, что он заложил свой макинтош Юлии Карловне за три целковых, чтобы сделать подарок невесте. Ипполитушка, подумавши немного, отправился к Юлии Карловне, пал перед нею на колени и вымолил у нее курточку и плащ до вечера только. Юлия Карловна сжалилась.

Кое-как оделся он и вышел на улицу. Куда же теперь итти? Он опять призадумался, и призадумался не на шутку. К матери он боялся глаз показать, а три целковых нужно к вечеру достать. А то Юлия Карловна и на порог к себе не пустит с пустыми руками, а это для него хуже всего на свете.

Думал он, думал, да и выдумал вот какой несложный, а, между прочим, верный проект.

— Маменька теперь,—думал он,—уже третий месяц больна и со двора не выходит, следовательно, могут все поверить, что она умерла, и если я, не заходя домой, обойду всех ее знакомых и попрошу, кто что может на погребение матери, неужли не наберу три целковых? У, какой вздор, да одна майорша Потаскуева даст три целковых. Ура! прекрасно! Я же тебе докажу, поганая чухонка, что я честный человек.—И, одушевленный этой истинно гениальною мыслию, он почти побежал вдоль улицы.

На другой день часу в десятом начали собираться приятельницы на вынос тела покойной Марьи Федоровны. Представьте же себе их изумление, когда их встречала мнимая покойница, просила садиться и благодарила за память. Она думала, что приятельницы проведали о ее скором выезде и пришли проститься с нею. Вскоре она сильно разочаровалась. Одна, а за ней и другая, а за другой и третья приятельницы не выдержали и сказали настоящую цель своего посещения.

Марья Федоровна, как ни крепилась, однако ж

не могла дослушать красноречивую повесть о похождениях своего единственного Ипполитушки, выгнала вон своих сердобольных приятельниц и послала Аксинью за учителем. Явился скромный педагог, она попросила его написать объявление в полицию о пропаже сына. Когда объявление было готово, она сейчас же отправила его в часть, а педагогу дала двугривенный и просила купить лист гербовой бумаги в 15 коп. серебра.

В тот же день перед вечером дали знать из части об овце обретшейся и спрашивали, что с нею делать. Она этого квартального, который пришел ей дать знать о блудном сыне, просила написать к кому следует бумагу о принятии ее сына в городскую тюрьму на сохранение.

На другой же день Ипполитушка путешествовал со шнурком на руке, искусно прикрытым коротеньким плащом, и с полицейским хожалым прямо в Литовский замок.

В тот же день, после обеда, сидел за столом у Марьи Федоровны смиренный наставник и искусно изображал на гербовом листе прошение на высочайшее имя о написании в рядовые сына Ипполита вдовы помещицы Марьи Хлюпиной за неуважение к матери.

На прошение не замедлило воспоследовать соизволение, и в одно прекрасное утро вышел Ипполитушка из Литовского замка с партиею арестантов на московскую дорогу.

Не успел еще Ипполитушка пересчитать этапов между Москвою и Петербургом, как к Марье Федоровне пришел тот же самый квартальный и объявил ей, что она арестована в собственной квартире по предписанию управы благочиния. И это случилося именно в тот день, когда она собиралася оставить навсегда противный Петербург. Квартальный вежливо раскланялся и исчез, оставив за собою след, т. е. полицейского солдата у ворот.

Неделю спустя после свадьбы Лизу вооружили Юлия Карловна и благоверный супруг ее бойко,

четко и дельно написанным прошением и послали в канцелярию министра внутренних дел. Прошение было принято самим министром, рассмотрено и пущено в дело. По справкам оказалось, что прошение, как ни казалось с первого разу неправдоподобным, оказалося истинным. Марью Федоровну арестовали и произвели следствие. По следствию она оказалась преступною в угнетении детей своего мужа и в намерении лишить их наследства в пользу своего сына Ипполита. За все это судом приговорена она к заточению в отдаленный девичий монастырь на вечное покаяние.

Так кончились злые ухищрения Марьи Федоровны, и она теперь, лишенная всего, даже личной свободы, в тесной, мрачной келье „издыхает, как отравленная крыса в норе“, как выразился автор „Путешествия Гулливера“.

Лизавета Ивановна, приведя дела свои к благополучному окончанию, выехала из столицы вместе с супругом своим, уже не простым писарем, а коллежским регистратором. Юлия Карловна просилась было тоже с ними в деревню, в виде маменьки или хоть ключницы, но ей решительно отказали, и она осталася попрежнему содержательницей известного заведения.

Во всем уезде или, лучше, по всей губернии была известна история Лизиных грустных похождений, вследствие чего чувствительные соседки помещицы встретили ее с распростертыми объятиями, как героиню истинно романическую.

Вскоре заброшенное село начало обновляться.

Муж Лизы оказался весьма порядочным человеком, а через год и порядочным сельским хозяином, так что заброшенные части хозяйства пришли в движение и приносили свою пользу.

Словом, всё воскресло с прибытием Лизаветы Ивановны, но сильнее всех почувствовал ее присутствие бедный слепой Коля. Она с ним ни на минуту не расставалась, ухаживала за ним, как самая попечительная нянька и самая нежная сестра.

Церковь посещал он попрежнему и попрежнему с любовью исполнял обязанности дьячка и пономаря. Это было его самое задушевное и единственное занятие. Часто, возвращаясь поздно от всенощной, он тихо и невыразимо грустно пел: „Все упование мое на тя возлагаю, матерь божия, сохрани мя под кровом твоим".

24 генваря — 20 февраля 1855.



КАПИТАНША

В 1845-м, в том самом году, когда наводнением до половины разрушило город Кременчуг, а Крюков остался невредим, а в Киеве так даже к Братскому монастырю вода поднялася,— так в этом критическом году, в конце марта месяца, выехал я из Москвы по тульскому, тогда только что открытому шоссе. Ехал я (заметьте, на почтовой перекладной телеге) две недели до Тулы, да до Орла неделю, итого три недели. А что я вытерпел в эти три недели, так этого никакое перо не в силах описать. Одно только скажу вам, что я, не из описания какого-нибудь туриста, а из собственного опыта знаю, что сто̀ит тарелка щей и ломоть хлеба на почтовой станции; то, будучи практически знаком с комфортом почтовых станций, я, выезжая из Москвы, нагрузил порядочную корзину всяким соленым и копченым добром. И что же! всю эту благодать я должен был бросить на второй станции, т. е. в городке Подольске, потому что всё это,— и даже я сам,— окунулося несколько раз в грязной снежной воде. Благоразумие требовало возвратиться в Москву, но поди же ты, толкуй с упрямой головою (между нами будь сказано, я таки не отстал от своих земляков в этой добродетели, т. е. в упрямстве, что мы из вежливости называем силою воли). Итак, от Подольска до Тулы пропутешествовал я на пище святого Антония, а от Тулы до Орла на той же самой пище, потому что город Тула хотя и славится ружьями и гармониками, но колбасною лавкой не может похвалиться; словом, я в Туле,

и то с трудом, нашел соленого судака, привезенного с берегов синего Дона, или с бе́регов Урала, или же с берегов матушки Волги. С таким-то провиантом доехал я до города Орла. Остановился я было в гостинице, тут же около почтовой станции, да на другой день как пересчитал свою казну, так только ахнул! У меня всего-навсе было наличных трехрублевая депозитка да мелочи два четвертака, а из Москвы я взял с собою ровно сто рублей серебром. С такою суммою как не доехать из Москвы до Киева? А вот же случилося так, что я только до Орла доехал, а там, т. е. в Орле, и сел, как рак на мели. Я призадумался не на шутку, и после сугубых размышлений пошел я искать постоялый двор. Опять горе — Ока и Орлик затопили не только все постоялые дворы, но и бо̀льшую часть самого города. Возвратился я в свой номер еще грустнее, чем из него вышел; в раздумьи сел у окна и смотрю на улицу, а по улице плетется запряженная парою невзрачных лошадок большая крытая телега, а около нее с кнутиком в руке идет небольшого роста пузатенький, с рыжей бородкою, мужичок.— А, приятель! — думаю себе,— тебя-то мне и нужно! — Я отворил окно и крикнул:

— Эй! мужичок! молодец!

Мужичок остановился, снял шапку и, посмотревши на окна гостиницы, увидел меня и сказал:

— Ты, барин, кличешь?

— Я.

— А что те надоть? — спросил он.

— А вот что. Ты извозчик?

— Вестимо, что извозчик!

— А которой губернии?

— Тутошней губернии, барин. А уезда Митровского.

— А не желал бы ты, любезный, на празднике дома побывать? (Это было на шестой неделе великого поста).

— Как не желать, барин, — вестимо, желаю; да как порожнем пустишься один?

— А хочешь, я тебе седока найду до Глухова?

— Как не хотеть, да мне, пожалуй, хоть и до Москвы.

— Да ты знаешь ли, где Глухов?

— Как не знать? — за Митровским. Мы и в Киеве бывали не раз.

— Много ли же ты возьмешь?

— С пуда, что ли, барин?

— Пожалуй, хоть и с пуда.

— По два с полтинкой, барин!

— Хорошо, согласен, только с тем, чтобы деньги получить в Глухове.

— А задаточку, барин?

— Да там же, в Глухове, и задаточку.

Мужичок почесал в затылке и, посмотрев на меня с минуту, спросил:

— А когда ехать, барин?

— Да, пожалуй, хоть сейчас.

— Сейчас, барин, нельзя: маненько лошадок покормить надоть.

— Да где же ты их кормить станешь? Как тебя найти?

— Да здесь же, на улице. Вишь, постоялые дворы все залило водою, где кормить станешь?

И, говоря это, он приворотил к забору и начал откладывать лошадок.

Я вышел к нему на улицу, осмотрел телегу. Телега была поместительная, крытая сплошь, вроде еврейской брички.

— Какой же ты товар перевозишь в этой посудине? — спросил я его.

— Да какой товар? Вот теперь хоть и вашу милость повезу, а сюда какую-то барыню привез, из Митровска. К детишкам, что ли, приехала: в училище каком-то, али корпусе, говорит. Да уж и злющая же, бог с ней, то и дело дерется с девкой.

— А как думаешь, выедем сегодня, али не выедем?

Мужичок посмотрел на солнце и сказал:

— Лучше, барин, переночуем.

— Пожалуй, переночуем.

И я от нечего делать пошел шляться по городу.

Проходя мимо табачной лавочки, я увидел между выставленными в окне [товарами] с разными изображениями табачные картузы и гармонику. Я не предвидел большого разнообразия в моем путешествии: дай-ка, мол, я куплю гармонику, буду хоть детей спотешать на подворьях. Купил я гармонику и возвратился на квартиру. А на квартире, отдохнувши после прогулки, я задал себе такой вопрос: а что если у моего приятеля в Глухове, на которого я надеюся, как на каменную стену, не случится денег, что я тогда стану делать? Правда, у меня в Глухове есть и другой приятель, на которого наверняка можно рассчитывать, потому что он одной фарфоровой глины продает тысяч на сто в продолжение года, так как на него не понадеяться? Но дело в том, что он пан на всю губу, как говорится. У него к обеду иначе выйти нельзя, как во фраке, а это-то мне и не нравилось. Оно и в самом деле смешно,— жить в деревне и наряжаться каждый день,— чорт знает что! Хорошо еще, если похороны или свадьба, или другой какой семейный праздник, а так — это больше ничего, как самое нелепое подражание аглицким лордам.

Итак, по долгом размышлении я написал письмо в Киев и просил, чтоб выслали мне денег в Глухов, а адресовали на имя не того приятеля, что продает фарфоровую глину, а на имя соседа его, ротмистра в отставке такого-то.

Устроивши всё, как следует порядочному человеку, я на другой день до восхода солнца погрузился в фургон и благополучно прибыл на постоялый двор, отстоящий от города Орла на двадцать пять верст.

Здесь было бы очень кстати описать со всевозможными подробностями постоялый двор, но так как это tableau de genre описывали уже многие, не токмо прозою, но даже и стихами, то я не дерзаю соперничать ни с кем из этих досужих списателей,

ни даже с самим гомеровским описанием в стихах постоялого двора, напечатанным, не помню, в каком-то журнале, где и сравнивается это описание с „Илиадою“.

В г. Кромы мы прибыли ночью и до рассвета выехали, следовательно, о городе Кромах мне тоже нечего сказать, разве только, что за тарелку постных щей с меня взяли полтину серебра, собственно за то, что я не поторговался прежде. Вот всё, что я могу сказать о г. Кромах.

Солнце уже довольно высоко поднялося, когда я проснулся в своем фургоне. Проснувшись, я высунул голову посмотреть на свет божий и спросить у Ермолая (так звали моего извозчика), далеко ли до постоялого двора.

— А вот спустимся за горку, там и будет постоялый двор.

Я посмотрел вокруг. Думал, что и в самом деле где-нибудь увижу хоть маленькую горку,— ничего не бывало: равнина, однообразная равнина, перерезанная черною полосою почтовой дороги, утыканной кой-где ракитником и пестрыми столбами, именуемыми верстами.

Незавидный, правду сказать, пейзаж, и если принять в соображение мое небыстрое путешествие, то он покажется даже скучным. Что будешь делать? Читать нечего, думать не о чем (в то время я повестей еще не сочинял). Вот я полежу, полежу в фургоне, да и вылезу из него, пройду версту-другую пешком, да и опять в фургон, поиграю на гармонике, а Ермолай попляшет. Он почти не садился на облучок, но постоянно шел себе с кнутиком около лошадок, и когда я наигрывал на гармонике, то он принимался плясать, сначала тихо, потом быстрее и быстрее, а когда приходил в азарт, то, обращаясь ко мне, почти вскрикивал:

— Почаще, барин! почаще, барин!

Я ему и почаще заиграю, а он почаще пропляшет, а там, глядишь, и постоялый двор.

Так-то мы с Ермолаем коротали и время и до-

рогу до самой Эсмани (первая станция Черниговской губернии). Не успеешь переехать границу Орловской губернии, как декорация переменилась: вместо ракитника по сторонам дороги красуются высокие развесистые вербы; в первом селе Черниговской губернии уже беленькие хатки, соломой крытые, с дымарями, а не серые бревенчатые избы; костюм, язык, физиономии — совершенно всё другое. И вся эта перемена совершается на пространстве двадцати верст. В продолжение одного часа вы уже чувствуете себя как будто в другой атмосфере; по крайней мере, я себя всегда так чувствовал, сколько раз я ни проезжал этой дорогой. Едучи из Киева через Чернигов, хотя и чувствуешь себя по ту сторону Десны уже не в Малороссии, но там все-таки есть хоть небольшая интонация, а между Эсманью и [Глуховом] совершенно никакой.

Проехавши версты две или три за Эсмань, я увидел вправо, недалеко от дороги, уже не серый бревенчатый с крепкими воротами постоялый двор, а белую, под соломенной крышей, между вербами, корчму. Вид этой первой корчмы мне напомнил еще в детстве слышанную мною песню, которая начинается так:

Ой, у полі верба,
Під вербою корчма.

Засветло можно было бы еще приехать в Глухов, но мне так понравилась эта корчма, что я просил Ермолая остановиться в ней и переночевать, на что он охотно согласился, потому что в корчме, как он говорил, всё дешевле, нежели в городе.

Поравнявшись с самой корчмою, мы остановились, и я увидел человека, не обращавшего на нас совершенно никакого внимания. Человек этот одет довольно странно: в серой солдатской шинели, подпоясанный, вместо пояса, свитым из соломы жгутом, в черной бараньей шапке и с граблями в руках. Я вылез из телеги и, подойдя к нему, спросил:

— Что, ты хозяин?

— Авжеж хозяин,— отвечал он, едва взглянувши на меня.

— Что же, у тебя сено есть?

— Авжеж есть.

— И овес есть?

— Авжеж есть.

— А поужинать будет ли что?

— Авжеж буде, — и он обратился к извозчику и совсем неласково сказал ему:

— Чого ж ты там стоишь, московська вороно, чому не заизжаешь? — и он пошёл отворять ворота корчмы.

Мне понравился мой оригинальный земляк, как содержатель заезжего дома на большой дороге. Особенно после орловских дворников, которые встречают тебя за полверсты, снимают шапку, кланяются, божатся, что у них всё есть, кроме птичьего молока, а на поверку окажется только овес и гнилое сено, а поужинать или пообедать, особенно в великом посту, и не думай: подадут тебе щей с вонючим постным маслом, да и слупят полтину серебра, коли вперед не поторгуешься.

Пока несловоохотный хозяин отворял и затворял ворота своей корчмы, я пошел размять ноги, онемевшие от долгого сиденья.

Корчма была тщательно выбелена, а около окон обведено было желто-красноватой глиной; примыкающий к корчме сарай, или так наываемая с т о д о л а, тоже аккуратно вымазана желтой глиной. Вообще вид корчмы показывал, что через несколько дней будет у людей великий праздник. По другую сторону корчмы я увидел изгородь, примыкавшую к самому строению, — небывалая вещь около корчмы. Я подошел поближе. За изгородью две женщины копали гряды, и одна из них что-то рассказывала, а другая так звонко, чистосердечно смеялася, что я сам невольно рассмеялся. Та, которая рассказывала, была женщина уже не первой молодости, а которая смеялася,— только что расцветшая чернобровая красавица и, казалось, была дочерью первой, а не подругою.

Не успел я рассмотреть их хорошенько и наслушаться гармонического смеха красавицы, как из-за угла корчмы показался сам хозяин и позвал их в хату варить вечерю. Я и себе последовал за ними в хату. У дверей встретился я с хозяином. Он мне пожелал доброго здоровья и просил войти в светлицу. Я вошел в пространную, чисто выбеленную хату, разделявшуюся во всю длину ее, как стеною, кафельною печью. Около стен кругом стояли лавы, или скамейки, а между ними возвышался дубовый чисто вымытый стол. На стене в углу висел образ, украшенный свежею вербою и засохшею мятой и васильками.

— Просымо садыться, — сказал хозяин, снимая шапку. — Здесь мы сами живемо, — прибавил он, — а для такого народу у нас есть другая хата.

— А что, хозяин, — спросил я его, садяся на скамье, — мо́жно у вас достать водки?

— Чому не можна! Вам полкварты, чи всю кварту? — спросил он.

— Хоть полкварты на первый раз.

— Добре, — сказал он и вышел из хаты.

Вскоре возвратился он с рюмкою и графином, а за ним шла с тарелкою и полотенцем в руках веселая огородница. Это была самая очаровательная брюнетка, шестнадцати или пятнадцати лет, стройная, гибкая, как молодая тополь. Волосы ее, густые, блестящие, были повязаны черной лентой и украшены свежим зеленым барвинком.

Она покрыла край стола полотенцем, поставила тарелку с какой-то соленой рыбой, положила на стол два куска белого хлеба и, улыбнувшися, удалилась из хаты. Проводивши глазами красавицу, я обратился к хозяину:

— А что, земляк, не выпить ли нам по рюмке водки?

— Чому не выпыть? — отвечал он и сел на скамейке.

Я выпил водки и хозяина попотчевал. Немного погодя я еще попотчевал его и спросил:

— Ты, кажется, хозяин, служил в солдатах?

— Авжеж служил.

— То-то ты так важно и по-русски говоришь!

— О так пак! У Владимирской губернии квартировали шесть лет, та щоб не выучиться говорить по-русски!

Добряк не заметил моей шутки, за то я ему налил еще рюмку водки.

— А что, я думаю, ходил и под француза?

Этот вопрос я сделал ему потому, что заметил у него голубую ленточку, нашитую на шинели.

— Авжеж ходыв! — ответил он.

— Немало же ты их, проклятых, пересажал на штык?

— Ни одного.

— Отчего же это так случилось? — не без удивления спросил я его.

— Я был музыкантом!

Это меня еще больше удивило, потому что в физиономии его и вообще в приемах не заметно было ничего такого, что бы обличало в нем виртуоза.

— На каком же ты инструменте играл? — спросил я его.

— На барабане,— отвечал он, не изменяя тона речи.

— И на этом звучном инструменте едва ли ты отличался,— подумал я, глядя на его честный выразительный профиль, а он сидел себе на скамье, согнувшись, и болтал ногами, как это делают маленькие дети. Я рассчитывал (и довольно основательно), что услышу от него о каких-нибудь богатырских подвигах во время стычек, о какой-нибудь частной проделке, о которой нигде ничего не прочитаешь, даже и в „Записках русского офицера“, ан не тут-то было: он был музыкантом и, вдобавок, не лгуном. Но я всё еще не терял надежды, предложил ему рюмку водки, на что он охотно согласился, и когда он полою шинели вытер свои белые усы и крякнул, я спросил его как бы случайно:

— А в немецких землях и во Франции таки довелося побывать?

— Довелося?.. У самий Франции два года кватырувалы.

— Как же ты разговаривал с французами?

— По-французски, — отвечал он, не запинаясь, и, немного погодя, продолжал:

— Я и по-французскому и по-немецкому умею. Еще в десятому году, когда ишлы мы из-под турка, один венгер выучив мене, царство ему небесное! Я, сказавши правду, по-всякому умею, — прибавил он самодовольно; — например, стоимо мы лагерем таки под самым Парижем. Тут и пруссак, тут и цысарец, и англичанин, як той рак червоный, и синеполый швед, и бог его знае, откудова той швед прыйшов: до самого Парижа его не видно было, а тут мов из земли вырос. От воны гуляють по лагерю та меж собою по-своему розмовляють. От, говорять, дасть бог, завтра вступымо в Париж, а там, камрад, и махен вейн, и закусымо, камрад, и мамзельхен либер, — и всего вволю. А я хожу соби меж ними, ус покручую да думаю: — не хвалитесь, камрады, побачим, що с того буде! Через день, чи через два, одилы нас, выстроилы, перевелы через Париж церемониальным маршем, не далы и воды напыться, — уже верст 20 за Парижем далы нам дух перевесты. От я подхожу до цысарця та й говорю ему по-цысарському:

— А що, камрад, Париж важный, — говорю, — город, и вейну, и мамзельхен, всего, — говорю, — вволю.

— О, дер дейфель! — говорит, — чтоб он им дотла выгорив!

— То-то, — говорю ему по-цысарськи, — не хвалыться було, йдучи на рать...

— А что, земляк, есть какая-нибудь разница между французским и немецким языком? — спросил я его.

— Мальность ризныци! Так что ежели умеешь добре по-немецки, то и с французом можно поговорить, мальность ризныци, — прибавил он, покручивая свои белые усы.

В это время занавеска в нише отдернулась, и во-

шла в комнату со свечой в руках та самая женщина, которую я видел мельком на огороде. Это была по-городскому опрятно одетая, уже не молодая женщина высокого роста, с живыми черными глубоко впалыми глазами и вообще приятным и выразительным лицом. Она поставила на стол свечку, взглянула на моего собеседника и, обратясь ко мне, сказала чистым великороссийским наречием:

— Не потчуйте его, сделайте одолжение, а то он вам и отдохнуть не даст.— Иди-ка ты лучше ложися спать,— сказала она, обращаяся к нему.

— Мовчи ты, капитанша! ма...— и минуту спустя, улыбнувшися, прибавил:— Матери твоий чарка горилки!

Женщина молча посмотрела на него и скрылася за занавеской.

— Что это, жена твоя? — спросил я его.

— Жена,— ответил он.

— Зачем же ты ее зовешь капитаншею?

— Это я так, жартуючи... а по правде сказать, так вона и есть капитанша. Да еще не простая, а лейб-гвардейская,— прибавил он как бы про себя, и так тихо и скоро, что я едва мог расслышать и понять.

Меня сильно подстрекало расспросить у него, почему она капитанша, да еще и лейб-гвардейская, но он так невесело опустил на грудь свои белые усы, что мне казался всякий вопрос про капитаншу неуместным и даже дерзким. Недолго мы сидели молча,— из-за занавески явилась опять та же женщина и поставила на стол уху из какой-то мелкой рыбки, очень вкусно приготовленную. Я поужинал, поблагодарил хозяев и пошел в свой фургон спать. Долго я, однако ж, не мог заснуть: мне не давало спать слово „капитанша". Со мною, впрочем, это часто случается, да, я думаю, и со всяким: на каком-нибудь самом простом слове построишь целую драматическую фантазию не хуже прославившегося в этом фантастическом роде почтенного Н. Кукольника. Так случилося и теперь: слово „капи-

танша“ разделилося у меня уже на акты, сцены, явления, и уже чуть-чуть не развязалася драма самой страшной катастрофой, как начали смежаться мои творческие вежды, и я заснул богатырским сном.

В продолжение моего путешествия от Орла до этой интересной корчмы я просыпался каждое утро в дороге. Догадливый Ермолай никогда не будил меня, да и незачем было будить: я вручил ему мою трехрублевую депозитку еще в Кромах, после дорогих щей, и он всю дорогу рассчитывался за съеденное и выпитое мною на каждом постоялом дворе, а я себе спал сном праведника и просыпался всегда в дороге. Просыпаясь под стук колес и легкое качанье телеги, я иногда снова засыпал и просыпался уже на постоялом дворе.

После неоконченной драмы на слово „капитанша“ проснулся я на другой день уже не рано и, к немалому моему удивлению, не чувствовал ни покачиванья телеги, ни холодного утреннего воздуха; прислушивался и не слышал ничего вокруг себя, ни даже постукиванья колес.

— Неужели мы уже проехали станцию? — подумал я.— Да нет, не может быть! Ведь мы должны быть теперь у приятеля моего в деревне около Глухова, а не на постоялом дворе. Да, правда, я ему вчера дорогу не рассказал, а он, дурень, не разбудил меня, когда из корчмы выехал.— Решивши так мудро сей вопрос, я снова было задремал, но Ермолай, вероятно, подслушал мое решение, подошел к телеге и сказал:

— Барин, а, барин!

— Что, Ермолай? — отозвался я.

— Вы спите? — спросил он.

— Сплю,— отвечал я.

— Пора вставать.

— Хорошо, встану. Не случилось ли чего-нибудь?

— Ничего не случилось, слава богу, всё обстоит благополучно.

— Так что же? Ну, и обедай с богом!

— Какой тут обед, барин! у нас нечем и за вчераш-

ний ужин расплатиться: я деньги все, и свои и ваши, израсходовал!

— Будто ничего не осталось?

— Ни копейки!

— Плохо,— подумал я и потом спросил Ермолая:— а лошади у тебя сыты?

— Лошади сыты, дворник ничего не знает, отпускает всё, что ни спросишь.

— Хорошо. Поди же, скажи ему, чтобы самовар нагрел, я сейчас приду.

Ермолай удалился.

В трактир в Туле приходит ко мне какой-то не совсем трезвый человек и предлагает новое одноствольное ружье за три рубля серебром. Я, чтобы отвязаться от него, посулил ему рубль. Он вышел было за двери, не сказавши ни слова; немного погодя опять вошел в комнату, спросил меня, что я шучу с ним или серьезно говорю. Я сказал, что серьезно. Он немного подумал и сказал:

— А коли серьезно, так вот вам вещь, давайте деньги.

Я отдал ему рубль, а ружье положил на столе, и не посмотревши даже на него хорошенько, как на вещь совершенно мне ненужную. Мог ли я предвидеть тогда, что это ружье, почти насильно купленное, разыграет такую важную роль, какую я ему теперь назначил?

Вылез я из своей подвижной спальни, пошел к колодцу, умылся, охорошился кое-как и вошел в комнату. На столе уже стоял самовар, и вчерашняя капитанша вытирала чистым полотенцем большую фарфоровую чайную чашку. Я приветствовал ее с добрым утром, на что она мне отвечала тем же.

— А где же ваш хозяин?— спросил я.

— А он рано еще уехал к помещику, у которого мы эту корчму нанимаем.

— А как прозывают этого помещика и далеко ли он от вас живет?

— Отставной ротмистр N. N., а живет он почти что около самого города.

— Да это и есть мой приятель, моя единая надежда,— подумал я и, обратясь к хозяйке, спросил, как она думает, скоро ли ее хозяин возвратится назад.

— Я думаю, скоро, если его не задержит Виктор Александрович: ему там нечего долго делать,— отдать деньги и получить бочку водки. Да вам что его дожидать, вы и со мною можете рассчитаться.

— В том-то и дело, что не могу,— подумал я и вслух прибавил:

— Мне бы хотелося еще раз с ним повидаться и побеседовать. Он должен быть добрый старик?

— Прекрасный человек!— с заметным волнением сказала она.

— Жаль, если я его не дождуся. А впрочем, мне торопиться некуда. Не хотите ли со мною чашку чаю выпить?

— Благодарю вас покорно, мы уже чай пили,— проговорила она с едва заметным наклонением головы.

Мне чрезвычайно нравились в этой простой женщине голос ее, ее простая, грациозная манера и самая безукоризненная чистота, начиная с головного платка и до башмака. Пока я придумывал средство, как бы ее задержать в комнате, она сложила и положила на стол полотенце, а сама скрылася за занавеску.

Напившись чаю, я вышел на двор полюбоваться весенним апрельским утром, но это утро уже кануло в вечность, а место его заступил апрельский теплый, прекрасный полдень. Я обошел кругом корчму и остановился у изгороди. За изгородью, как и вчера, копали гряды мои знакомки. Я обратился с вопросом к старшей.

— Что, это дочь ваша?— спросил я ее.

— Дочь!— отвечала она, но как-то несмело.

— А как ее зовут?

— Елена.

— Елена,— спросил я девушку,— умеешь ли ты играть на гармонике?

— Нет, не умею,— отвечала она запинаясь.

— А хочешь, я тебя выучу?

— А где же вы гармонику возьмете?

— Это не твое дело. Ты хочешь ли только учиться?

— Хочу, выучите,— сказала она, краснея.

Я вынес гармонику, и лекция началась. Ученица оказалась весьма понятливою, чему мать ее заметно радовалась.

Мы так прилежно занялися гармоникою, что не заметили, как приехал хозяин домой и как, подходя к нам, крикнул:

— Отака ловысь! Люды добри до плащаныци знаменуються, а воны он що выробляють!

И, подойдя ко мне, взял у меня из рук гармонику, повертел ее в руках и сказал:

— Славна штука! Де вы ии купылы?

— В Орле,— отвечал я.

— И дорогá?— спросил он, отдавая мне гармонику.

— Рубль серебра я заплатил.

— Гм... А ну, заграй ты, Олено!

Я подал девушке гармонику, и она взяла на ней несколько аккордов. Старик улыбнулся и, обращаясь ко мне, спросил:

— Чи не продажна у вас оця музыка?

— Продать-то я ее не продам, а когда хочет Елена, так я подарю ей эту музыку, а ты, старина, коли хочешь, купи у меня ружье.

Старик задумался, а я продолжал:

— Ружье славное, настоящее тульское.

— А на чорта оно мне, ваше тульское ружье, когда я и стрелять не умею?

Я отозвал его в сторону и объяснил, в чем дело. Он выслушал меня, усмехнулся и весело сказал:

— Олено! музыка наша! Несы в хату!

— Только слышите,— прибавил я,— я гармонику дарю, а не продаю.

— Добре, добре!— весело говорил старик.— Просымо мылости в хату. Идите и вы, хозяйки мои нечепурни!— прибавил он, обращаясь к женщинам.

Женщины оставили свои гряды, и мы все гурьбой отправилися в хату. Впереди важно выступал наш хозяин. Он был одет уже не по-вчерашнему, в солдатскую шинель, а в синем тонкого сукна жупане, перепоясан красным широким поясом и в черной смушевой высокой шапке. В этом наряде он был похож на старинного малороссийского горожанина или на зажиточного козака.

Мимоходом я шепнул Ермолаю, чтобы он закладывал лошадей, а войдя в хату, я спросил хозяина, застал ли он дома Виктора Александровича. Он отвечал мне, как на самый обыкновенный вопрос, что застал дома и что он собирается к какому-то соседу на праздник.

— Сказано, холостой человек, одинокий,— прибавил он,— то ему и праздник не в праздник. Всего наварено, напечено, наготовлено, а не с кем систы пообидать. А вы, добродию, жонати, чи ни?— спросил он меня.

Я отвечал, что нет.

— Женитесь, добродию, непременно женитесь, бо скучно будет старитысь одинокому.

Пока мы разговаривали с хозяином, хозяйка накрывала стол, а Елена за занавеской играла на гармонике. Когда уже на стол была поставлена водка и закуска, в это время вошел в комнату Ермолай и сказал, что лошади готовы. Я велел ему принести ружье, а тем временем расспрашивал, как ближе проехать к Виктору Александровичу. Хозяин, рассказавши мне со всеми подробностями дорогу, предложил выпить рюмку водки и закусить на дорогу. Я отказался, ссылаяся на великую субботу, а в сущности потому, что было еще рано. Хозяин отказался от моего ружья и предложил деньги за гармонику. Я, разумеется, тоже отказался. После многих упрашиваний выпить и закусить на дорогу и [уверений], что бог простит дорожному человеку и тому подобное, я, однако ж, не поддался их доводам, простился с ними, как с старыми знакомыми, и поехал искать хутор Виктора Александровича.

Не доезжая версты две до города Глухова, в правой стороне от большой дороги, чернеет небольшая березовая роща, а к этой рощице вьется маленькая дорожка. Эта дорожка привела меня прямо к усадьбе Виктора Александровича.

Усадьба или хутор Виктора Александровича скрывался, как за скромной занавесью, за этой рощицей. Приближаясь к роще, мне послышался какой-то неопределенный шум. Шум усиливался по мере моего приближения. Еще немного, и я явственно мог расслышать, что шум этот происходил от каскада падающей воды. И действительно, я не ошибся: между белыми березовыми стволами кое-где просвечивала блестящая вода. Выехавши из рощи, передо мною открылся широкий пруд и плотина, полузакрытая старыми огромными вербами. По ту сторону пруда, почти у самого берега, выглядывали из-за деревьев белые хатки и отражалися в воде. Между крестьянскими хатками белела под почерневшей соломенной крышей, с гнездом гайстра, или аиста, большая, о четырех окнах, панская хата или б у д ы н о к, а перед нею стоит огромный развесистый вяз. За хутором по косогору раскинулся фруктовый сад, окруженный старыми березами. На самом косогоре, на фоне голубого неба, рисовалась ветряная мельница о шести крылах, а влево от мельницы, за пологой линией косогора, на самом горизонте в фиолетовом тумане едва заметно рисовался город Глухов.

Между вербами вдоль плотины медленно прохаживался сам хозяин этого скромного пейзажа, в смушевом тулупе, крытом серым немецким сукном, подпоясанный красным поясом и в черной смушевой шапке. Увидя мой фургон, выдвигавшийся из рощи, он остановился и, заслонив рукою, как бы козырьком, глаза от солнца, смотрел на мой неуклюжий экипаж.

— Виктор Александрович! — закричал я ему, не показываясь из своей будки.

Он стал всматриваться еще внимательнее.

— Здоровы ли вы, Виктор Александрович? — закричал я ему, всё еще не показываясь.

— Да какая же сатана кричит там и не вылазит на свет божий? — отозвался он, как бы сердясь.

— Это не сатана, а это я, Виктор Александрович,— говорил я, вылезая из телеги.

— Так ты бы так и говорил! А то кричит, кричит, а не показывается,— и мы, обнявшися, поцеловались.

— Ай да молодец! — восклицал он.— Ай да козак! Спасибо, спасибо! А я уже думал, что ты непременно обманешь. Думал уже было сегодня на ночь пуститься к Семену Максимовичу праздник встречать, а вот ты и приехал. Спасибо, спасибо тебе, теперь не нужно и фрак доставать.

— Ну, как вы поживаете, что поделываете, Виктор Александрович?

— Да что поделываю! Вот другая неделя, как поднял шлюз да и гуляю день и ночь на гребле, как собака на цепи. Бог его знает, откуда эта вода прибывает? — так и поддает, и поддает! — говорил он и, взявши меня под руку, прибавил:

— Ну, теперь просимо до хаты.— А ты, приятель,— сказал он, обращаясь к Ермолаю,— отправляйся прямо на конюшню, спроси там кучера Артема и бери у него всё, чего душа твоя пожелает.

Панская хата, как снаружи, так и внутри, отличалася только своими размерами и ничем больше, да и сам пан, правду сказать, малым чем разнился от своих подданных. Разве только тем, что носил красную шелковую рубашку и черные плисовые шаровары, а по праздникам надевал фрак и ездил обедать к своему церемонному соседу,— больше ничем. Воспитывался он, правда, в нежинском лицее в одно время с незабвенным нашим Гоголем, потом служил в каких-то гусарах, и служил с таким успехом, что и тени в нем не осталося прежнего воспитания. Он уже лет пять, как оставил службу, но и теперь непрочь был погусарить при удобном случае и жаловался только на упадок физических сил, т. е.

на головную боль после попойки. Но это, я думаю, происходило вследствие недостатка практики. Как настоящий бандурист, играл он на бандуре и в часы досуга занимался сочинением чувствительных малороссийских романсов, из числа которых один положен на музыку известным нашим композитором Глинкою. И чтобы сохранить самобытность в литературе, не читал он ровно ничего, кроме басен Федра, переведенных во время оно знаменитым Барковым, да еще кое-когда заглядывал в „Царь, или спасенный Новгород“ Хераскова. Словом сказать, он совершенно оградил себя от всякого подражания на поприще литературы. Для полноты его характера надо прибавить, что, ведя уединенную жизнь в самых привольных местах для охотника, он был заклятый враг охоты и охотников называл не иначе, как живодерами и псарями.

Приятель мой не отличался изящными манерами и привлекательной наружностью, но в его смуглом, изрытом оспою лице было столько веселого прямодушия, что нельзя было смотреть на него без удовольствия, особенно когда он рассказывал малороссийский анекдот или передразнивал кого-нибудь из своих соседей: самой естественной мимикой владел он в высшей степени.

Был он уже мужчина не первой молодости, но нельзя было назвать его и старым холостяком, хотя он уже и близился к категории сих последних. Он так освоился со своим одиночеством, что о женитьбе и помину не было. На современное воспитание барышень вообще и соседок в особенности он смотрел по-своему, т. е. косо, и, судя по его оригинальному взгляду на предметы, нельзя было предполагать, чтобы он когда-нибудь женился, а вышло иначе: не дальше как через год после моего свидания с ним он женился, и как в литературе, так и в этом деле он поступил самобытно.

Нужно прибавить, что среди своих подданных он был как отец среди семейства: брал от них только то, что ему необходимо было для дневного суще-

ствования, прихотей же он не знал никаких, и вообще его расходы были чрезвычайно ограничены: с этой стороны он был достоин подражания.

— Бабусю! — крикнул хозяин, войдя в хату.

На зов его вошла опрятная, чистенькая старушка в деревенском платье.

— Самовар, чаю и прочее!.. догадалась?

Старушка кивнула утвердительно головою и вышла из хаты.

— Какой же ты добрый человек, если б ты знал, так просто я и сказать не умею! — говорил он, обнимая и усаживая меня на дубовую широкую лаву, или скамью. — Да этакого другого человека и с фонарем теперь не найдешь. Дать слово и сдержать его? право, не найдешь!

Я молча пожимал ему руку и кивал головою. Пока мы менялися любезностями, тем временем зашумел самовар на столе и опрятная бабуся вытирала стаканы, а хозяин, оставя меня, принялся раскупоривать бутылку, на ярлыке которой красовались готические буквы, изображавшие слово „коньяк“.

— Жаль, что не застал ты здесь стрелкового баталиона,— говорил он, ставя на стол раскупоренную бутылку,— на прошлой неделе выступил только. А что за лихие ребята, большею частию шведы. Чудо, что за народ! — воспитанные, образованные, а уж кутнуть или загнуть угол, так просто что твои гусары, особенно поручик Штрем, просто гениальная голова!

Пока он воздавал похвалы поручику Штрему и компании, бабуся налила в стаканы чаю, и мы подсели к столу. После первого стакана чаю Виктор Александрович обратился ко мне и сказал:

— Расскажи же ты мне про свое путешествие. Ведь ты человек наблюдательный,— я думаю, много интересного подметил?

— Самое интересное,— сказал я,— из всего моего путешествия — это ваша корчма около Эсмани, а особенно корчмарь, ваш посессор.

— А, это Омелько Туман! Так вы таки познакомилися с ним?

— Я у него ночевал, да еще и в долг вдобавок

— Как так в долг?

И я в ответ рассказал ему историю моих финансов.

— Плохо! — сказал он рассеянно и, немного помолчав, сказал:

— А знаете ли, этот старый инвалид, Омелько Туман, презамечательный человек и вдобавок оригинал совершенно в малороссийском характере. Он не рассказывал вам про свое знакомство с Блюхером или как они через Париж промаршировали?

— Про Париж рассказывал, а про Блюхера нет!

— Как же это так? Верно, жена помешала?

Я подтвердил его догадку.

— И он, верно, назвал ее капитаншею?

— Действительно, так.

— Видишь, как я изучил моего орендаря или, как ты говоришь, посессора. Знай же, что под этой грубой корою скрывается самая возвышенная, самая благородная душа! Жена его, которую он шутя называет капитаншею, это его воспитанница с самого нежного детства. Я вам на досуге расскажу эту историю. Он сослуживец и однополчанин моего отца, и покойник мой без сердечного умиления не мог рассказывать его похождений. А лучше всего я подарю тебе рукопись, написанную со слов покойного батюшки: там ты не найдешь ни одного слова фантазии, нагая истина. Я думал было напечатать ее, да после раздумал. Пожалуй, еще какой-нибудь барон Брамбеус остриться на мне вздумает или просто назовет ее пустою выдумкой, а это для меня пуще ножа острого. А ты ее, пожалуй, напечатай, только под своим именем, чтобы я был в стороне. Я завтра же тебе ее доставлю, она у меня где-то спрятана. Я сам не помню, надо спросить у бабуси: бабуся у меня всему хозяйка. А дочку его видел? — прибавил он, улыбаясь.

— Видел, — сказал я.

— Что, не правда ли красавица?

— Действительно, красавица, и хоть она одета по-крестьянски, но нисколько не похожа на крестьянку!

— На крестьянку! Гм.. она похожа на царевну, а не на крестьянку! А как ты думаешь,— прибавил он, пристально глядя мне в глаза,— можно ли такому важному человеку, как, например, я, назвать ее своею женою, а?

— Почему же и не так,— сказал я,— если она и во всем так прекрасна, как наружностью!

— Решительно во всем,— сказал он восторженно.— Я серьезно рад, что встретил хоть одного человека одних мыслей со мною насчет истинной независимой семейной жизни, а то приличие да приличие, и вся жизнь основана на взаимном обмане, т. е. приличии. Провались они и со своим приличием!— прибавил он, допивая стакан чаю.

— Одно, что мне в ней показалося странным,— говорил я.

— А что такое?

— А то, что она для корчмы слишком невинна: она, например, до сегодняшнего дня не знала о существовании гармоники,— настоящая дикарка!

— Вот именно это мне в ней и нравится! Как же это она сегодня сделала такое важное открытие? Уж не с вашею ли помощию?

— Именно с моею. Я подарил ей гармонику.

Он посмотрел на меня исподлобья и, покручивая усы, сказал:

— Чорт вас носит с вашими гармониками! Только добрых людей развращаете. Ну, скажи на милость, к лицу ли ей, такой принцессе, твоя глупая гармоника? Ведь она ее обезобразит. Это все равно, что орловскую увесистую бабу посадить за клавикорды Лихтенталя. Сегодня же отберу и в печку брошу! Бабусю!— крикнул он.

Вошла бабуся.

— Пошлите в корчму Максима, чтобы он принес мне музыку... или нет, не нужно: я сам поеду.

И он поспешно надел шапку и, выходя из комнаты, сказал:

— Бабусю! найди та отдай им ту синюю бумагу, помнишь, что я недавно читал Илье Карповичу?

— Помню,— сказала бабуся.— Хорошо, что вы сказали, а то я хотела ее сегодня употребить по хозяйству.

— И хорошо бы сделала. Отдай же теперь им, когда не успела в дело употребить. Прощайте!— сказал он, обращаясь ко мне, и вышел, порядочно хлопнувши дверью.

Мне было как-то неловко, так неловко, что я думал было позвать Ермолая и велеть вооружить колесницу, но раздумал, потому именно, что не на что было подняться; и волею-неволею я должен был извинить оригинальную и совершенно хуторянскую выходку моего амфитриона, а себя оправдывал я тем, что и не такие выходки нам частенько в жизни приходится извинять, и не только по службе, а так, как говорится, по стесненным обстоятельствам и даже без всяких обстоятельств.

Пока я предавался таким великодушным мыслям, бабуся принесла и положила передо мною на стол довольно объемистый сверток синей бумаги, перевязанный розовой ленточкой, и молча начала убирать со стола стаканы.

Закуривши сигару (я в то время еще курил сигары), я развязал и развернул сверток, сел около стола на лаве, с умыслом не позволяя себе никакого комфорта или просто горизонтального положения, чтобы не сделать в своем роде невежливости и не заснуть пред лицом автора на первой же странице его скромного творения.

Я принялся читать. Заглавие было такое:

КАПИТАНША, ИЛИ ВЕЛИКОДУШНЫЙ СОЛДАТ

РАССКАЗ САМОВИДЦА

Даровавши мир Европе, войска наши маршировали во-свояси, в том числе маршировал и наш удалый пехотный полк N. Полковой адъютант наш

был хватище на все руки. Например, наша братия-простота спустила всё немкам да француженкам, иной и родительское благословение хватил по боку сгоряча, а он себе втихомолочку ковал денежку за денежкой, да разные, как мы тогда называли, безделушки собирал, а эти безделушки были не что иное, как редкости: золото и алмаз,— больше ничего. Между прочими редкостями вывез он на родину и жокея француза, или, как он еще его называл, пажа.

Ну, жокей или паж — это совершенно все равно. Дело только в том, что этот паж был удивительной красоты мальчик и стыдлив, как самая непорочная девица. Звал он его Альфредом или Альбертом, не помню хорошенько, а только знаю, что полковые музыканты называли его Володькой, а за музыкантами, признаться, и наша братия, официю имеющая, тоже его Володькой называла: свое родное, знаете, как-то к сердцу ближе, особенно когда не побываешь на родине годика два-три. Верите ли, когда мы вступили в пределы России, то первый постоялый двор, как он ни грязен, мне показался лучше всякого французского отеля. Всё это, конечно, предрассудок, но как для кого, а для меня самый этот предрассудок имеет свою какую-то прелесть. Адъютант наш жил, как вообще живут скупые, то-есть на замке. У него бывали товарищи разве только за делом, и то за весьма важным делом, следовательно, его домашняя жизнь мало кому была видима. Носились, однако ж, слухи, что он вместе с Володькою и чай пьет и ужинает (он обедал каждый день у полкового командира), но это были пока только слухи. Один-единственный человек, который ежедневно посещал квартиру адъютанта,— это барабанный староста. Он приходил к нему не столько по обязанности, сколько для Володьки.

Барабанный староста этот был природный наш брат хохол и оригинал, какого мне другого и встречать не удавалось. Он вообразил себе, что лучше его не только во всем полку,— во всем корпусе

я себя оправдывал и тем, что и не такие выходки нам частенько в жизни приходится извинять [redacted] и нетолько не по случаю, а так как говорится по стесненным обстоятельствам и даже без всяких обстоятельств.

Пока я придавался таким великодушным мыслям, бабуся принесла и положила передо мною настоящий довольно объемистый сверток [redacted] синей бумаги перевязанный розовой ленточкой, и молча начала убирать со стола стаканы.

Закуривши сигару, (я тогда еще курил сигары.) развязал и развернул сверток сел около стола нахмуро, (умышленно не позволил себе никакого комфорта, или просто горизонтального положения, чтобы не сделать [redacted] своего рода вежливости и не заснуть при чтении автора [redacted] ни первой же страницы его скромного творения.

Я принялся читать. заглавие было такое.

Капитанша или великодушный солдат.

Рассказ самовидца.

Даровавши мир Европе войска наши маршировали восвояси, в том числе маршировал и наш удалой пехотный полк N. Полковой. Адъютант наш был золотые на все руки. Мундиров наша братия просто спустили все, начиная да француж- уженками и не предительского благочестия дамы, по боку сходящи. А он себе втихомолочку копил денежку за денежкой, да разные как мы тогда называли, безделушки собирал, а эти безделушки были ничто иное как редкости, золото и алмазы, больше ничего! Между прочими редкостями вывез он на родину и, тоже в француз- за, или как он еще его называл Пани. Ну жокей или паж это совершенно все равно, дело только в том что этот

Автограф повісті „Капитанша".

никто французского и немецкого языка не знает, а когда спросишь его, бывало, есть ли какая разница между языками французским и немецким, он пресерьезно ответит:

— Мальность! ежели кто добре знае французский язык, то может говорить и по-немецки.

И этот-то чудак во время похода взялся выучить Володьку русскому языку,— а он столько же знал русский язык, сколько наш хуторянин, не видавший русской бороды никогда: хотя и квартировал он шесть лет во Владимирской губернии, но это ему мало помогло,— он все-таки остался настоящим хохлом. Если бы Володька вздумал серьезно от него научиться русскому языку, то был бы похож на того англичанина, которому вздумалось выучиться по-русски говорить, и, чтобы достигнуть скорее своей цели, он поселился на лето в деревне и договорился с попом, чтобы тот его выучил к зиме настоящему коренному русскому языку. Поп его и выучил церковному нашему языку. Англичанин зимою возвращается в столицу и в модном салоне отпустил какое-то бон-мо на церковном языке. Барыни так и покатились со смеху. Англичанин оторопел: он совсем не такого ожидал эффекта от своего бон-мо; переконфузился, бедняк, и не мог понять, что бы это значило, да после уже ему растолковали.

С французиком Володькой могло случиться то же самое, что и с чудаком британцем, однако ж этого не случилося, а случилося вот что: в продолжение похода французик, несмотря на угрюмый и молчаливый нрав барабанщика, так к нему привязался, как только может привязаться дитя к матери. Чудные вещи совершаются в природе. Например, Туман (барабанный староста так прозывался, и мы его так будем называть) был совершенно не в французском характере человек, а полюбился ветреному французу, да еще как полюбился!—просто как родной. Есть что-то тайное, незримое, намекающее нам на наши будущие несчастья, но мы не в силах

понять эти немые намеки, а потому и страдаем. Французу тоже его ангелом-хранителем была подсказана эта симпатия к человеку простому, грубому, чуждому, казалось, всякого возвышенного чувства, а вышло, что все мы ошибались, а француз угадал.

Володя, или французик, как я сказал, был скромный и даже застенчивый мальчик со всеми, кроме Тумана. А с ним он такие штуки выделывал, как — может случалось вам видеть играющего молодого котенка со старым котом: что бы ни делал молодой котенок, а старый только глаза жмурит. Так и Туман: что бы ни выделывал с ним Володя, а он только смотрит на него и улыбается. Разве уж он очень ему надоест своими шалостями или просто отдохнуть не дает после ротного ученья и покурить трубочку на свободе, так он поворотится на другой бок и проговорит: — А щоб ты ёму спряглось... — да, не кончивши нехорошей фразы, остановится, перекрестится и скажет: — Господи, прости мене грешного, оно сирота, да еще и на чужине, а я его лаю. — И, как бы ни был уставши, встанет, пойдет, достанет где-нибудь творогу и прочего и примется вареники лепить для своего Володи, чтобы тем хоть сколько-нибудь загладить вину свою перед ним. Адъютант, хоть видимо и не поощрял, но втайне был доволен взаимною их привязанностью, да иначе и быть не могло. Володька что еще? — почти дитя, да еще между чужими людьми, долго ли избаловаться? К такому возрасту всё льнет одинаково — и худое, и хорошее, а он был уверен, что от Тумана он не выучится ничему худому, потому что Туман во всем полку слыл за человека самого аккуратного и самого честного. А что он угрюмый, так это ничего: иной и ласково смотрит, а кусает, как гиена.

Вступивши в пределы нашего возлюбленного отечества, остановились мы на зимние квартиры. Володя начал скучать и как-то чудно переменился в лице. А что еще чуднее, так это то, что он своего широкого плаща никогда не снимал, так и спал в плаще.

Уже не играл, как котенок, со своим угрюмым другом, а упадет к нему на грудь да так и обольет ее слезами. Туман хотя всячески баловал и старался его развеселять, но мало успевал. Мы думали сначала, что это просто тоска по родине и больше ничего, со временем пройдет, ан вышло иначе. Адъютант, взявши отпуск, уехал с родными повидаться, а Володе нанял в местечке квартиру и оставил его на попечение барабанного старосты. Мы этому тоже не могли надивиться. Отчего бы не взять мальчика с собою? Он все-таки б немного порассеялся. Но мы это приписали его скупости, больше ничему.

Не знаю почему, но французенок этот нас всех интересовал, в особенности меня. В нем было что-то привлекательное, симпатическое, и когда он остался без своего патрона и не показывался на улице, то я как будто что-то потерял и всякий раз, когда увижу Тумана, спрашивал о французе. Туман сначала отвечал мне, что Володя скучает, а потом начал отвечать, что Володя н е з д у ж а е. Много раз подмывало меня зайти проведать Володю да поговорить с ним о его родном Париже: может быть, ему и легче бы стало, так что ж вы будете делать с глупою фанабериею? Как, дескать, я, будучи офицером, пойду с визитом к какому-нибудь, положим себе, хоть и французу, а все-таки лакею?! О воспитание! С отъявленным чиновным [негодяем] мы приветливо раскланиваемся на улице, принимаем у себя в доме с самою обязательною улыбкою, предлагаем стул и первое место за семейным столом и не боимся, что эта ядовитая тварь своим дыханием заразит детей наших. А повстречайся с нами на улице простой человек, нечиновный, который своим бескорыстием и прямотою, быть может, нам же оказывал услуги, да мы на него и не взглянем, а если и взглянем, то так благосклонно, что лучше б и не взглядывали. И это у нас называется приличие! Мерзость, ничего больше! Мы хуже браминов: тот, по крайней мере, издыхать будет, а у парии воды не

попросит, чтобы не быть ему ничем обязану. А мы?.. Впрочем, на эту тему целые тома написано, так не лучше ли оставить, потому что я ничего нового сказать не умею, да и замечено не раз, что великие теоретики не всегда бывают такие же и практики. Я это говорю в отношении филантропов и моралистов; чтобы не попасть в эту же категорию, я возвращаюсь к французику Володе.

Прошло месяца два после отъезда адъютанта. Он в полку не имел никого близкого или приятеля, следовательно, мы об нем никаких известий не имели. Квартировал я вместе с нашим штаб-лекарем, и сидим себе вдвоем ввечеру да читаем какую-то французскую книгу,— не помню, какую именно,— только денщик докладывает, что барабанный староста просит позволения войти.

— Позови,— говорю.

Туман вошел бледный и перепуганный.

— Что скажешь, Туман?— спросил я.

— К их высокоблагородию.

— Что же тебе нужно?— спросил лекарь.

— Володька умирает, ваше высокоблагородие. Помогите! Только это не Володька, ваше высокоблагородие, а женщина.

— Как женщина?— спросили мы в один голос.

— Так, просто женщина, и теперь страдает родами.

Лекарь наскоро оделся и ушел вслед за Туманом. Долго он не возвращался, или это, быть может, так мне показалось, потому что я его с нетерпением ожидал. Наконец, он пришел.

— Ну, что?— спросил я его.

— Ничего, разрешилась,— отвечал он.— Младенец здоров, будет жив, а она, бедная, сильно пострадала, едва ли выдержит.

Поутру пришел Туман и объявил нам, что она умерла вскоре после ухода их высокоблагородия.

Дали знать о случившемся полковому командиру. Тот велел на другой день похоронить ее и предать это дело забвению. Полковница хотела было взять дитя на воспитание, но Туман не уступил. Он го-

ворил, что перед богом будет отвечать за это дитя; что она когда умирала, то целовала его руки и всё на дитя показывала, т. е. просила его, чтобы не покидать ее дитя.— И я не должен покидать его,— говорил он. И так сделал: он с помощию фактора в тот же день нашел кормилицу, передал ей ребенка и заплатил деньги.

Хотелося нам узнать, кто такая была покойница, но ничего не узнали: бумаг совершенно никаких при ней не оказалось. Должно быть, или какая-нибудь кочующая актриса, или просто из модного магазина субретка, бог ее знает.

Теперь, я думаю, не совсем еще поздно будет познакомить вас покороче с моим неуклюжим героем. Но лучше поздно, нежели никогда,— говорит мудрая пословица.

В 1809 году запасные войска наши были расположены частию в Бессарабии, частию в Херсонской губернии, в том числе и наш полк. Я тогда только что кончил курс наук в шляхетном кадетском корпусе, как меня, едва обмундировать успели, послали в действующую армию, т. е. в запасные войска. Прибыл я в полк, поступил в роту. Ротный командир и поручил мне, между прочими занятиями, только что прибывших в роту с полсотни рекрут обучить фронту. В числе рекрут был и Туман.

Едва ли самая упрямая цыганская кляча перенесла столько побоев, сколько этот бедный рекрут, а дело вперед не подвигалось ни на шаг. Наука парню не далась: шесть месяцев прошло, а он как ни в чем не бывало. А собою он был видный, здоровый, молодой, без всякого качества, как говаривал капрал, только с норовом. А правду сказать, так мы сами сноровки не знали, как обращаться с рекрутами, особенно с моими земляками. Владиславлев в то время не издавал еще памятной книжки для штаб- и обер-офицеров, в которой помещено весьма дельное наставление доктора N. на этот предмет. Вскоре был заключен с турками мир, и нашему полку приказано было двинуться вовнутрь России. Итак, мы

на Тумане только напрасно хворост переломали. Наша рота двигалась вместе с полковым штабом, следовательно, и с полковой музыкой. Походом наш недобитый рекрут познакомился с барабанщиком. Тот и давай ему на дневках открывать таинства своего искусства. Что же вы думаете? Не дошли мы еще до назначенного нам места, как наш Туман, или, как солдаты его называли, медведь, выбивал на барабане зорю, да так искусно, что сам учитель завидовал. Ротный командир видит, что медведь не совсем бестолков,—предложил ему быть форменным барабанщиком. Туман охотно согласился и с таким жаром и, можно сказать, увлечением предался своему любимому искусству, что когда под Бородиным убили у нас барабанного старосту, то он занял его место. Что значит призвание! Уразумей мы в нем это призвание с самого начала, и фура хворосту не пропала бы даром.

Последующие события в служебной и частной жизни моего героя не так примечательны, чтобы их стоило описывать. Разве только, если верить его собственным словам, рассказать о том, как он познакомился с Блюхером, и как он ему по-немецки предлагал стакан шнапсу, и как Туман по-немецки же от шнапсу отказался и попросил у его высокопревосходительства стакан вейну, в чем, разумеется, ему не было отказано. Принимая в соображение характер знаменитого полководца, всё это могло случиться так, как рассказывал Туман, но я как не был свидетелем этой сцены, то и не ручаюсь за истину этого курьезного происшествия.

Святое времячко было для нашего брата военного человека! Бывало, как поставят полк на зимние квартиры, так тут он и корни пустит. Зим десять с места не сойдет, так что наша братия наполовину переженится. Что я говорю, наполовину?—все переженятся, если только невест в околотке хватит. Да в то время невесты не засиживались, как теперь. Да что теперь? Не успеет полк, как говорится, места нагреть, глядь, его турнули на другой конец

России,— какая тут женитьба! Дай бог хоть познакомиться как-нибудь! А солдат просто блаженствовал! Иной ловкий парень так сживется с хозяевами, что просто делается членом семейства, если не больше. Одно только, что было больно не по нутру нашим солдатикам,— это форма, т. е. обмундирование. И действительно, страшно было смотреть, когда его, бедного, одевают в полную боевую амуницию. Два одевают третьего, а когда оденут и поставят на ноги, так уж и стой. А уж если, боже сохрани, споткнулся да упал, так уж так и лежи: сам не встанет,— нужно опять два человека, чтобы поставить его на ноги. А ко всему этому прибавьте белого сукна шинели. Это такая была обуза для солдат, что он, бедный, не знал, что с нею делать: вместо того чтобы защититься от непогоды шинелью, он должен ее защищать. В настоящее время русский солдат в отношении обмундировки просто богдыхан китайский. Мундир только его немножко безобразит. Ну, да и этот недостаток со временем заменят чем-нибудь поблагопристойнее.

Кто про что, а солдат про амуничку. Так и я,— увлекся крагами да кутасами, а о главном-то и забыл. Вот как было.

По обычаю того времени полк наш прозимовал в одних и тех же квартирах восемь зим с лишком. Варочка (так называл Туман свою воспитанницу) росла не по дням, а по часам. И что это за прелестное дитя было!—просто совершенство детской красоты. Вот уж я пятый десяток коротаю, а не видал еще другого такого очаровательного дитяти. И ко всему этому — тихое, скромное, совершенный ангел небесный. Оно если и позволяло себе иногда детскую резвость, так только с одним своим татом (так называла она угрюмого Тумана). И самая нежная мать не может ласковее улыбаться своему дитяти, как угрюмый Туман улыбался, лаская свою кудрявую Варочку. Мне часто случалось его видеть, сидящего под хатою на завалинке и ласкающего на коленях свою Варочку. Мне всегда эта сцена напо-

минала прекрасную гравюру, изображающую усатого рыцаря в кольчуге с прекрасным младенцем на руках. Дитя треплет его за усы, а он ему ласково улыбается. Точь-в-точь Туман со своею Варочкою. Счастливый Туман! А правду сказать, он вполне заслуживал этого счастья.

Взявши на свое попечение дитя, он начал с того, что перестал курить трубку и пить водку. Хотя он не был никогда записным пьяницей, но при случае от добрых людей не отставал. Отказавшись от единственных прелестей солдата, он все-таки немного уэкономил для своей Варочки. Простыми ломовыми трудами в еврейском местечке не много возьмешь,— нужно было подумать о каком-нибудь ремесле. Вот он, понадумавшись хорошенько, принялся сапоги тачать. Тачает он их год, другой, а на третий приносит он мне показать опойковые сапоги собственного изделия, да какие сапоги, я вам скажу! Хоть столичному мастеру, так в нос бросятся. Я, признаться, не поверил его досужеству и велел ему сделать для себя сапоги. Он и сделал. Посмотрю,— еще лучше: на ноге сидит просто как вылитый сапог. Я рекомендовал его товарищам. Туман ретиво принялся работать, и не прошло году, как Туман уже работал на всех офицеров в полку и даже на самого бригадира, который, как известно, всё еще щеголял в парижских сапогах и думал уже было заказывать в Варшаве. Так вот какой из неуклюжего и, как думали, глуповатого Тумана вышел мастер! Правда, что редко встречаются в русском человеке две эти добродетели, т. е. и мастерство, и трезвость, однако ж встречаются, и вот вам доказательство — Туман. Зато он жил, как и иному офицеру дай бог так жить: квартира у него лучше квартиры офицерской (он нанимал у шляхтича отдельную хатку в саду; не помню, что платил). Нянька у него нанятая опрятная старушка, тоже чуть-чуть ли не шляхтянка. Себе он только и отказывал в вине и в трубке, а больше ни в чем. А про Варочку и говорить нечего: выбежит, бывало, на улицу, что твоя

куколка разрисованная. Куда шляхетские дети!— просто замарашки перед ней. А сам Туман так только и показывался на ученье, нигде больше его не увидишь: сидит себе и день и ночь за своими сапогами да песенки попевает.

Человек трудолюбивый, по-моему, самый счастливый человек на свете, особенно если труд его имеет такую возвышенную, такую благородную цель, как труд этого простого, этого безграмотного человека. Завидую и всегда буду завидовать тебе, счастливый благородный труженик!

Старушка, Варочкина нянька, между прочими добродетелями, была еще и грамотная, по-польски, разумеется, почему я и заключаю, что она должна быть шляхетского роду. И когда Варочке пошел пятый или шестой год,— не помню хорошенько, помню только, что она уже говорила чисто и внятно, и еще немножко картавила, что выговору ее придавало особенную прелесть,— старушка нянька на досуге принялася показывать грамоту Варочке. Туману понравилось, что Варочка его будет читать, да еще и по-польски, и удовольствие свое он выразил тем, что на первой в местечке ярманке купил шерстяной какого-то темного цвета платок, тулуп и козловые сапоги, да сверх этого подарил ей полкарбованца. Старушка была в восторге, и благодарностям конца не было. Сначала Туман было подумал, к чему ей грамота? что она за панна такая, но, посмотревши на дитя, нашел, что она действительно панна, и, махнувши рукой, сказал:

— Нехай соби учиться,— умитыме доладу хоть богу помолыться.

А так как простодушный Туман не находил большой разницы между языками немецким и французским, то так само и между грамотой польской и русской: все равно, абы читала!

Однажды,— это уже было вскоре перед нашим выходом из благословенного местечка,— иду я по улице мимо квартиры Тумана и вижу: Туман сидит под хаткою на завалинке в своем пестром мундире

и с барабаном между колен (должно быть, только что пришел с ученья); перед ним стоит Варочка и просит у него барабанные палки; он ей подал, она взяла палки да как приударит поход, так что твой барабанщик! Я просто удивился: настоящая Còrka Regimentu, что в прошлом лете в Ромнах польские актеры представляли. Но нужно было видеть самого Тумана: ни один, я думаю, любитель музыки не слушал с такою любовию симфонию Бетховена, с какою он слушал и любовался своей Варочкой.

Это мне напомнило другой эстамп такой самой величины,— да чуть ли и не одного мастера,— на котором изображен был рыцарь, тоже в кольчуге, обучающий мальчика бить на барабане. Только переменить костюм — и будет та самая картина.

Варочке уже минуло восемь лет, когда нашему полку приказано было двинуться по смоленской дороге. Туман, как бы предвидел эту катастрофу, обзавелся лошадью и повозкой, так что, когда приказали выступить в поход, наша братия втридорога платила за паршивую лошаденку, и то трудно было достать, а Туман только улыбается, глядя на запыхавшихся факторов и на наши сборы. Кое-как мы собралися, и в одно прекрасное утро полковой штаб и моя рота выступили из благодатного местечка. Проводы были пышные. Да и как не быть им пышными? Простоявши столько времени на одном месте, многие солдатики не только коханками,— детками обзавелись. Ну, да это картина не в моем вкусе, и я не буду описывать вам ни слез, ни рыданий, ни судорожных объятий. Скажу только, что первый переход наш длился целый день и половина моей удалой роты ночевала на дороге.

Мы двигались той самой дорогой, по которой так недавно промчался гений войны со всеми ужасами. В городах, особенно в Борисове и Красном, были видны еще следы войны, а в селах как будто ничего не бывало. Только и следу, что у мужичков в банях на каменках заменен был булыжник чугун-

ными ядрами. В одном Смоленске оставались еще целые улицы в развалинах, а собор уже возобновлялся.

В Смоленске собрался наш полк, и после инспекторского смотра распустили нас на зимние квартиры. Так как я командовал гренадерскою ротою, то вместе с полковым штабом остался в Смоленске, а прочие роты расположились в окрестных селах. Туман со своею Варочкою тоже оставался в Смоленске.

Несмотря на то, что половина города была еще в развалинах, дворянства к зиме съехалось много, и мы на развалинах древнего Смоленска зиму провели шумно и весело. Маменьки, вероятно, рассчитывая на полковую холостежь, навезли невест, да прехорошеньких. Но увы! решительно некому было сватать: наша молодежь, как и прежде еще я имел честь докладывать, вся переженилась. Признаюся, грешный человек, меня самого тогда подмывало повторить узы Гименея, да жаль стало Викторика: ему в ту зиму только пошел четвертый годочек, а в этом возрасте для дитяти, я по себе знаю, что значит самая лучшая мачеха, а если, боже сохрани, навяжется сатана в виде ангела неземного, тогда что делать? Итак, я подумал, подумал да и рукой махнул. После я слышал, что предмет моих воздыханий сочетался браком с каким-то безногим богачом Энгельгардтом, и через год он уехал за границу, а она за другую. Я только богу помолился, когда услыхал такую интересную новость.

Квартиру я в полуразрушенном Смоленске успел захватить порядочную и недорогую. Была одна комната совершенно лишняя, я и предложил ее Туману с тем, чтобы он, как человек трезвый и аккуратный, присматривал за моим мизерным хозяйством; да и Варочке его будет веселее, и Викторик мой без меня скучать не будет. Нянька и гувернантка у меня была прекрасная и грамотная женщина, и Варочка в продолжение зимы шутя выучилась русской грамоте, да и Викторика моего выучили

азбучке. В великом посту он уже пребойко читал по верхам, а Варочка каждый божий день поутру и ввечеру читала вслух, в присутствии всех, утренние и вечерние молитвы. Счастливый Туман плакал от умиления, слушая, как его Варочка читает такие прекрасные молитвы, о которых он, человек темный, прежде и понятия не имел; особенно, когда начнет она читать „Помилуй мя, боже“ и дойдет до стиха „сердце чисто созижди во мне, боже“, он положит земной поклон и сквозь слезы поцелует в темя свою умную Варочку. Зато нянька моя уже не нуждалася в башмаках, у нее всегда в запасе было пар шесть лишних,— на случай походу,— как говорил Туман, а Викторик мой каждое воскресенье щеголял в новых сапогах. Я скажу ему, бывало: — Зачем ты ему, Туман, так часто сапоги переменяешь? — Росте, ваше благородие, то и переменяю.— Добряк уверял меня, что ребенок может так вырасти в продолжение недели, что ему необходимо сапоги переменять. Я раз было попробовал взять какой-то материал на платьице для Варочки, да и сам не рад был: Туман мой так расходился, что чуть было с квартиры не сошел, насилу уломал я его,— такой чудак! — Обижаете,— говорит,— ваше благородие,— да и баста.— У вас,— говорит,— у самих росте дытына, а вы на чужих дитей тратитесь. Я человек рукомесленный, у мене завсигда буде, а вы де возьмете, як бог не дасть здоровья? Хорошо еще, як пенсии дослужитесь, а то и так выпустять.

В продолжение зимы я коротко узнал этого простого, благородного и в высшей степени бескорыстного человека.

Весною выступили мы из Смоленска по московской дороге. За обозом моим и за людьми я поручил надзирать Туману и был совершенно спокоен. В походе всяко случается. Не везде для тебя всё приготовлено. Иной раз и натощак заснешь, что станешь делать? Но в этом походе я был как у бога за пазухой. Бывало, не успеем прийти на место, у Тумана уже всё готово: и для меня, и для

детей квартира, и самовар кипит, и ужин готовится; и лошадям всего вволю, и бог его знает, как это он всё успевал! А с мужичками, несмотря на свое хохлацкое произношение, никто лучше его ладить не умел. Удивительный человек!

В Москве собралась вся наша дивизия, и бывший тогда еще корпусный наш командир, покойник Сакен, после инспекторского смотра отдал приказ по корпусу, чтобы всех неграмотных унтер-офицеров обратить в рядовые. Не знаю, что ему вздумалось, покойнику? Из этого вышла такая безладица в ротах, что и боже упаси. Особенно нам, ротным командирам, наделал он хлопот своим приказом. Безграмотных унтер-офицеров, действительно, было много, но зато это были люди самые расторопные и трезвые,—две ничем незаменимые добродетели солдата. Так этаких-то людей мы должны были заместить грамотными пьяницами и ворами. Тут-то я только узнал, что значит так называемый грамотный русский человек. Эти грамотеи попадают в солдаты большею частию из помещичьих сельских писарей. Мужички наши недаром говорят: „Не буде добра и правды на земли, поки пысьменным очи не повылазять“. — Только вследствие глубокого презрения к этим грамотеям могла родиться подобная поговорка. Что бы подумал про моих земляков великий ревнитель народного образования Ланкастер, когда бы он знал, что у них существует такая варварская поговорка? Подумал бы, что земляки мои не люди, а пародия на людей, и был бы несправедлив. Общая грамотность в народе — величайшее добро, но где на 100 — один грамотный,— величайшее зло. Я ничего не знаю безнравственнее и отвратительнее сельского писаря: он первый грабитель бедного мужика, лентяй, пьяница, сосуд всех мерзостей и первый развратитель простодушного мужичка, потому что он святое письмо читает.

Покойный Основьяненко в своем „Шельменке — волостном писаре“ только легкий очерк набросал этого отвратительного типа. И этакими-то грамо-

теями снабжают помещики нашу славную армию! И, наверное, покойник Сакен не отдал бы такого приказа, если бы он хоть неделю побыл экономом в помещичьем селе.

Со званием барабанного старосты Туман соединял и скромное звание унтер-офицера, гордился и дорожил этим званием, как собственною личною заслугою. Но увы! как человек неграмотный, должен был спороть только что купленные в Москве дорогие не мишурные, а настоящие серебряные галуны. И их пришлося спороть и бросить в помойную яму, так, ни за что спороть, потому только, что он неграмотный, разбойник. Глубоко было задето самолюбие бедного Тумана. Как развенчанный Наполеон, ходил он молча несколько дней, не принимая пищи.

Нашему полку назначена была квартира в Муроме, и мы собиралися в поход. Я просил его принять снова команду над моим мизерным хозяйством.

— Возьмить соби ундера,— сказал он, едва удерживая слезы; — а то рядовой вас дорогою обкраде.

Я сам чуть не заплакал и не в силах был повторить моей просьбы.

Отпуская его, я был так неосторожен, что предложил ему синенькую на водку. Зарыдал он, бедняк, плюнул на мою ассигнацию и вышел из комнаты. На другой день привели его из Арбатской части в полковой штаб, едва-едва движущегося. Когда спросили его, где он пропадал, он только мог выговорить: — Водки! а то здохну! — Дали ему стакан водки и заперли в пустую комнату. Я испугался за него, но, слава богу, мой страх был напрасен: Туман благополучно отрезвился и больше не повторял утехи в горе, только до самого Мурома шел он молча, как помешанный. В Муроме вдруг Туман пропал. Я спрашиваю,— где он? — говорят, в госпитале. Я пошел навестить его. Прихожу, отворяю дверь в палату,— и что же? Вот уж такой гравюры я не видал, да, я думаю, такой картины и на свете нет. Самому великому художнику не представлялось

такое прекрасное и оригинальное видение: на койке, в лазаретном халате и колпаке, сидит Туман, а на коленях у него сидит Варочка с азбучкою в руках и складывает вслух тма-мна, а за нею тихонько басом повторяет Туман. Увидя меня, он смешался и, вставши, ответил на мое приветствие и прибавил, краснея:

— Варочка оце мени „Помилуй мя, боже“ читала.

— Вот уж и „Помилуй мя, боже“! — сказала Варочка наивно. — Вы еще и склады бог знает как читаете!

— Цыть, дурне! — сказал торопливо Туман, дергая ее за рукав.

Варочка сконфузилась, взглянула на меня, потом на него и с упреком сказала:

— Разве я неправду говорю? Думала завтра аз-ангел показать, а теперь и послезавтра не покажу, просидите вы у меня всю неделю на тме-мне.

И с последним словом выбежала из палаты. Туман посмотрел ей вслед и с досадой проговорил:

— От тоби на! — а обратяся ко мне, прибавил: — Воно бреше, ваше благородие!

Я видел ясно, что воно не бреше, но показал вид, что я не догадываюсь, в чем дело, и спросил его:

— Что, она постоянно при тебе находится?

— Нету, ваше благородие, у фельдшерши находится, а до мене забижить на яку минуту, та й знову до фельдшерши. Таке непосыдяще! — прибавил он, опуская глаза.

— Клевещешь! клевещешь, Туман! Я знаю, что ты делаешь, да зачем же от меня скрывать? Разве худое дело учиться грамоте?

Туман с удивлением посмотрел на меня и, помолчавши, сказал:

— Худое, ваше благородие, очень худое! Скажите, чи бачилы вы, щоб дытя, блазень, учило старого чоловика?

И бедняк почти заплакал, а спустя минуту стал меня просить, чтобы я никому не говорил о его грамоте. Я дал ему слово молчать, предложил ему

денег, но он сказал, что у него свои еще тянутся. Простившись и пожелав ему успеха, я вышел из палаты.

— Алмаз, а не человек,— думал я и не жалел даже, что этот алмаз в коре,— так он мне нравился в своем естественном виде. Хотел было я сделать сравнение с червонцем Крылова, да раздумал: такие натуры, как Туман, едва ли в состоянии переродиться, т. е. переобразоваться.

Штаб-лекарь наш подсмотрел тайну Тумана и не выписывал его из госпиталя, пока он сам не просился. Через месяц является ко мне Туман с улыбающимся лицом (что было ему совсем не к лицу) и с азбучкою за обшлагом и просит меня, чтобы я послушал, как он читает. Я послушал его: изрядно читает — и заповеди, и всё, что есть в букваре. Я подал ему устав о гарнизонной службе, он и устав читает. Я в тот же день отрекомендовал его адъютанту, а он бригадиру, и через месяц Туман нашил снова свои московские дорогие галуны, переселился ко мне на квартиру и снова принял в свои руки мое хозяйство.

Случилося так, что в тот самый день, когда Туман торжественно нашивал свои не фальшивые галуны, и мне вышло повышение: я произведен был в майоры, а командиру первого баталиона вышла отставка,— я и должен был принять от него баталион. Хотя я попрежнему остался одиноким, но хозяйство мое поневоле должно было увеличиться. И такой человек, как Туман, был для меня необходим, а тем более, что Викторика своего отправил я в Нежин к сестрице, чтобы она приготовляла его для лицея, следовательно, и Варочка, как дитя, для меня тоже была необходима, потому что я без Викторика страшно скучал, и она, точно ангел божий, явилася в моем доме.

Да, не обинуяся, можно было уподобить ее ангелу божию. Такой красоты неописанной я уже не увижу более! А кротость! Истинно ангельская кротость! Ей уже было лет одиннадцать с неболь-

шим, и она мне чрезвычайно живо напоминала покойного Володьку, т. е. свою несчастную мать. Улыбка, голос, глаза—всё было как у бедной матери. Только у Варочки всё это было смягчено кротостью и непорочностью. Хотелося мне ее приохотить к книгам, но для ее возраста в то время какие можно было книги достать! Издавался в то время журнал под названием „Благонамеренный“. Я прочитал в „Московских ведомостях“ объявление и, увлекшись таким благородным названием, и выписал его собственно для Варочки, да как прочитал первую книжечку, так остальные уже и не разрезывал,— так их у меня в ларе и мыши съели.

Во время пребывания Тумана в госпитале Варочка подружила с фельдшершею и теперь почти ежедневно ее посещала. Мне эти визиты были не по сердцу, и я несколько раз говорил Туману, что эта дружба до добра не доведет, но он, бог его знает почему, не обращал на мои слова внимания. Я прибегнул было к хитрости, т. е. приохотить ее к чтению и тем заставить ее сидеть дома, но хитрость моя не удалась. А Варочка тем временем росла и хорошела.

На третьем или на четвертом году нашей благополучной стоянки в городе Муроме переведен был в наш полк, за какие-то проказы, капитан гвардии N.N., лет двадцати пяти, красавец собою, богач и самой благородной, аристократической фамилии, человек образованный, деликатный и самый беспардонный кутила, а в то время это была не последняя добродетель, и Давыдов несправедлив, приписывая эту благородную страсть одним гусарам,—наша братия, пехотинцы, нисколько им не уступали.

Молодое офицерство наше всё так к нему и прильнуло, а про барышень и говорить нечего: все, сколько их было в Муроме и около Мурома, все разом влюбились. Ну, положим так, их дело молодое, неопытное, им простительно, а то барыни, матери взрослых детей, туда же сунулися соперничать со своими дочерьми! Господи! какую страшную силу

имеет золото над сердцем человека! А к тому еще он хорошо говорил по-французски, читал наизусть и даже пел некоторые такие песни Беранжера, что порядочный француз постыдится петь их в холостой пьяной компании, а он, молодец, пел их в муромских гостиных, и нежному полу так нравились эти недвусмысленные песни, что их наизусть выучивали и в тени сирени, под аккомпанемент гитары и соловья, певали их безбожно уныло. Простодушные, они и не подозревали, что они пели. Они думали, что ангелы, если разговаривают между собою, то непременно на французском языке и поют такие же песни, как и предмет их нежной страсти.

Вскоре после появления этого хвата барыни и барышни, если обращалися к кому с вопросом, то вместо имени и отчества произносили „мсью“, и это было так обще, что свежий человек непременно подумал бы, что всё муромское народонаселение говорит по-французски.

Вот когда открывался случай благоприятный блеснуть Туману своим познанием французского языка. Но увы! он бедный плебей, а то аристократия! да еще какая аристократия — уездная! А это, я думаю, всем известно, что английская аристократия самая гордая и щекотливая, но в сравнении с нашей уездной она ничего не значит. Хотя французские пленные солдаты часто попадали в ее недоступный круг, но то французские, — дело совсем другого рода.

Одна хорошая моя знакомая, женщина уже не первой молодости, примерная, можно сказать, жена и примерная мать семейства, — по образованию она была немногим выше своих согражданок, но здравого практического смысла и безо всякого жеманства, что мне в ней особенно нравилось, — однажды она стала мне описывать добродетели и образованность нашего гвардейца. Я, слушая ее, думал, что она шутит, — слушал ее и молча улыбался, но она, не обращая внимания на мои улыбки, увлеклася так панегириком, что начала выхвалять глубокие его познания в русской истории. Я тогда и рукой

махнул. Ну, статочное ли дело, чтобы русский барич того времени, да еще и гвардеец, знал что-нибудь, кроме французского языка? А то еще и отечественную историю! Карамзин тогда начал издавать свою знаменитую историю, так он, вероятно, слышал о ней в столице, да и пустил в ход свои познания между непорочными муромками. Бедные муромки! И еще беднейшие муромцы!

Когда женщина, которая почиталась образцом ума и семейных добродетелей, и та увлеклась удалым капитаном, то какое же влияние он имел на обыкновенные умы и добродетели? Влияние сильное, до того сильное, что не прошло году, как мужья молодых жен и отцы молодых дочерей почти начали убеждаться в сильном влиянии капитана на их жен и дочерей, и когда полку нашему назначен был поход в Москву, по случаю коронации, то отцы и мужья перекрестились и свободно вздохнули, а жены и дочери зарыдали.

И горькие рыдания, и свободные вздохи остались напрасными: капитан заболел и до выздоровления остался в Муроме.

Каков же был ужас маменек и их милых дочерей, метивших на капитана, как на самую выгодную партию, когда к нему (в отсутствие наше) приехали жена и теща и застали его не на одре болезни, а в кругу собутыльников. Теща начала было ему приличную случаю проповедь, но он ее остановил такими словами:

— Вы, кажется, умная женщина, а такие глупые вещи говорите. Ведь вы видели, вы знали, кому вы отдавали свою единственную дочь,— так о чем же вы мне теперь толкуете?

Старушка посмотрела на него, заплакала и, взявши свою единственную дочь, отправилась во-свояси, а он, хохоча, кричал им вслед:

— Куда торопитесь? Не угодно ли со мною пообедать?

Каков молодец!

Несмотря, однако ж, на всё это, влияние его на

нежный пол продолжалось, так что бедные мужья и отцы не видели других средств избавиться от опасного капитана, как написать просьбу государю от лица всего конклава и слезно просить, чтобы за примерные добродетели капитана перевел бы его снова в гвардию. Не знаю, по их ли просьбе, или по чьей другой, только он, проживши еще два года, был переведен,— только не в гвардию, а в город Вологду под надзор полиции. А в продолжение этих двух лет он разыграл еще с десяток слезных мелодрам и последнюю, самую патетическую, содержания следующего.

Выходя в Москву, вагенбург и прочие полковые тяжести нам приказано было оставить в Муроме, из чего и следовало заключить, что мы вскоре возвратимся на прежние квартиры. Офицеры, которые имели порядочные квартиры, оставили их за собою; я и свою квартиру тоже за собой оставил, а при ней мебель и прочую громоздкую мизерию. Полковой командир, спасибо ему, уважил мою просьбу — и отдал в мое полное распоряжение Тумана, а я Туману отдал в полное распоряжение свою квартиру и всё к ней принадлежащее. Прощаяся с ним, я наказывал ему пуще своих глаз беречь Варочку и как можно реже позволять ей посещать фельдшершу.— Потому,— говорю,— что ты сам знаешь, что за зверь остается в городе. Неравно как-нибудь она ему на глаза попадется,— тогда она пропала.

— Бога гневите, ваше высокоблагородие! — сказал он,— воно ще дытына!

Я замолчал, зная по опыту, что никакие доказательства не в состоянии поколебать упрямого земляка моего. А заметьте, что этой дытыне минал уже пятнадцатый год.

Сходили мы в Москву и возвратилися назад благополучно. В. Муроме тоже всё по-старому: квартиру я свою и прочее добро нашел в отличнейшем порядке, иначе и быть не могло. Варочка встретила меня с самой детской непритворной радостью, а Туман, отрапортовавши мне о благополучии, бла-

годарил меня, что я его оставил в Муроме, потому, говорит, что он в продолжение этого времени, кроме того, что выучился выводить все цифры на бумаге, да еще зашиб препорядочную копейку: весь город наделил сапогами, а последний весь почти месяц работал на одного капитана.

— Ну, начало сделано! — подумал я.

— Не приходил ли он к тебе иногда сапоги примеривать? — спросил я.

— Приходил, ваше высокоблагородие, раз несколько приходил.

— Плохо,— подумал я и отпустил простодушного добряка, не сказавши ему первый раз ни слова.

На другой день спросил я его, кто рекомендовал его капитану?. Туман немножко замялся и сказал:

— Признаться сказать, ваше высокоблагородие, фельдшерша.

— А что я тебе говорил, выходя в Москву, а? — спросил я.

— Помню, ваше высокоблагородие.

— Нет, не помнишь, забыл. Припомни и подумай хорошенько, что из всего этого может выйти. А что, он видел у тебя Варочку?

— Видел, ваше высокоблагородие.

— И говорил с нею?

— И говорил, ваше высокоблагородие.

— И за сапоги платил не торговавшись?

— Не торговавшись, ваше высокоблагородие, даже вперед сколько угодно денег предлагал, только я не брал,— не треба було.

— Видишь, Туман, как я все знаю? Слушай же: с сегодняшнего дня, боже тебя сохрани, если ты пустишь хоть за ворота без себя Варочку, — прощайся с нею навеки! слышишь?

— Слушаю, ваше высокоблагородие!

— То-то же, слушай и не забывай! А то и тебя и меня с тобою бог накажет за наше нерадение: за чужое дитя мы больше отвечаем перед людьми и перед богом! Ступай себе, Туман, за своим делом,— сказал я в заключение своей проповеди.

— Спасыби за науку, ваше высокоблагородие,— сказал растроганный Туман и вышел.

После этого он каждое утро, рапортуя мне о благополучии по хозяйству, рапортовал также и о похождениях своих с Варочкою. [Ходили они],— и то раз или два раза в неделю,— на берег Оки, к рыбакам, или так просто для проходки, и иногда к фельдшерше на чашку чаю,— тем и ограничивались их похождения. Да еще раз в неделю, т. е. каждое воскресенье, ходили они к обедне в церковь святых угодников Фрола и Лавра.

А в городе между тем, т. е. в кругу дворян и даже в мирном кругу купеческом, история за историей повторялась, и самого скандального содержания, а главным действующим лицом всех этих новелл был, разумеется, наш беспардонный капитан. К зиме в городе, по примеру прошлых зим, составился дворянский клуб, или собрание. На первом, на втором [бале] в собрании я хотя и был, но не заметил ничего необыкновенного, а прочие заметили и мне уже после сообщили, что на балах не показывалась ни одна уездная львица, а причиною тому был не кто другой, как все тот же наш беспардонный капитан. И самые прескверные анекдоты сочинялись по случаю непоявления на бале львиц, а смиренные овечки, на которых он не обращал внимания, скромно варьировали эти анекдоты, чувствительно взирая на изверга капитана.

Я постоянно ходил к обедне в церковь святых мучеников Бориса и Глеба, что в Благовещенском монастыре, и вдруг что-то мне вздумалось пойти к обедне в церковь Фрола и Лавра. Прихожу, перекрестился, гляжу,— предчувствие меня не обмануло: капитан тут, а перед ним шагах в двух Варочка, а около нее фельдшерша, и что-то шепчет ей на ухо и ставит свечки перед образами. Капитан так пристально смотрел на затылок и толстые темнорусые косы Варочки, что не заметил, как я прошел мимо него и почти рядом с Варочкой остановился.

Странная и непонятная вещь! Отчего, например, дома я каждый день любовался красотою Варочки, и ни разу не бросались мне в глаза такие милые и, можно сказать, пластические подробности, как в церкви; например: на белом изящно округленном затылке прозрачно вьющиеся кудри,— я вам скажу, это такая сатанинская прелесть, против которой не в силах человек устоять! Я перекрестился и двинулся несколько шагов вперед.

По окончании обедни, на паперти встретился мне капитан, и ему, как я заметил, ужасно хотелося зайти ко мне на квартиру, но я искусно отманеврировал, раскланялся с ним на перекрестке и пошел по направлению к квартире полкового командира, где его хоть и принимали, но весьма осторожно, потому, правду сказать, что командир наш был уже старик и вдобавок израненный старик, командирша же еще баба хоть куда, а вдобавок еще и немка, так оно, знаете, [опасно] было пускать такого зверя в дом, каков был капитан.

На другой день после рапорта спросил я у Тумана, который теперь будет год Варочке. Он долго считал по пальцам и, наконец, сказал:

— З Варвары симнадцятый пошел.

— Гм... семнадцатый! — подумал я,— опасно!.. — и я рассказал ему, что я вчера заметил в церкви и каких от этого последствий ожидать можно и даже должно. Туман долго молчал, повеся голову, потом вздохнул и проговорил, как бы про себя:

— Морока, та й годи! — И помолчавши, продолжал: — Порадьте, ваше высокоблагородие, що мени з нею робыть?

— А что робыть? Найти порядочного человека да выдать замуж, другого средства я не знаю.

— Замуж... замуж... — говорил он шопотом.— Замуж,— продолжал он тем же тоном.— За кого? Ни за кого! — сказал он, возвыся голос. — Пропаду! Я здохну, як та стара собака, без неи, ваше высокоблагородие!

— Ну, так сам женись.

— Не можна, ваше высокоблагородие. Грих од бога,— вона моя дытына. И люды пальцями на мене показуватымуть. Бач, скажуть, старый дурень, для чого выкохав байстря! — И он снова опустил голову и задумался. Глядя на него, мне самому взгрустнулося.— Хорошо было бы,— подумал я,— если бы все родные отцы так любили своих детей, как этот бедняк приемыша.

— Ну, что же ты придумал, Туман? — спросил я его.

— Ничего, ваше высокоблагородие.

— Так пока и не придумывай ничего, только смотри за нею хорошенько,— может, даст бог, опасность пройдет.

Я это говорил потому, что шалости капитана становились похожими на денной разбой, и полковой командир два раза уже аттестовал его, как человека неисправимого и вредного полку.

Прошло лето, настали темные долгие вечера осенние, а с ними и спутницы их — грязь и скука. По вечерам, бывало, Туман сидит в своей комнате перед стеклянным глобусом, наполненным водою, и голенище тачает, а в углу около столика Варочка тоже или за работой, или читает в сотый раз житие Варвары великомученицы. И всякий раз, когда она прочитывала имя Диоскора, Туман плевал и шептал себе под нос: — Собака! — У них была еще и другая назидательная книга — это житие святых Петра и Февронии, тут, в Муроме, в Благовещенском монастыре, нетленно почивающих; но эту книгу она реже читала, потому, может быть, что Варвара великомученица ее патронка. И я, бывало, по пробитии зори, отпущу фельдфебелей и, закуривши трубочку, зайду к ним, и так тихо, мило пройдет у меня время до ужина, как никогда ни прежде, ни после не проходило оно в блестящих гостиных.

Здесь прилично было бы нарисовать красавицу Варочку наподобие Сивиллы Куманской Кипренского или просто юную красавицу, при свече читающую книгу, во вкусе фламандского мастера Рембрандта,

но, признаюся откровенно, эта задача не по мне; притом же я и враг великий художников-самоучек, а в этом деле я был ниже всякого самоучки. Я, подобно юноше-поэту, по целым часам не сводил с нее моих очей, и бог знает какие мысли [роились] в моей седой голове. А между прочими и такие. У меня в детстве была страсть к живописи, но как отец мой был настоящий суворовский солдат, то он о живописи и вообще об изящных искусствах имел самое грубое понятие или, лучше сказать, никакого. Мать моя была несравненно образованнее отца и, как женщина, по природе своей она хотя безотчетно чувствовала прелесть нерукотворного создания и ей любо было подмечать во мне то же самое чувство, но чтоб посвятить меня какому-либо искусству или науке,— она об этом и подумать не смела. Раз как-то, показывая ему мой рисунок, она сказала:

— А что, если бы его отдать в Академию художеств? Может быть, из него вышел бы славный живописец?

— Что? — сказал он, сердито взглянувши на нее.— Живописец?.. Маляр?.. Ты, кажется, пьяна была и не проспалась! Живописец!.. Ха, ха, ха... живописец!.. Да ты подумай, мудрая голова, дворянское ли дело в красках пачкаться?.. В Академию... вместе с холопами! Прекрасную карьеру выбрала ты своему сыну, прекрасную, нечего сказать! — И, взявши меня на руки, прибавил:

— Нет, брат Саша, ты у меня будешь настоящий суворовский солдат.

Спустя год после этой сцены меня отвезли в шляхетный кадетский корпус, и из меня, действительно, вышел настоящий солдат, и больше ничего. И я теперь думаю, как хорошо было бы, если бы я был живописцем: я бы на полотне передал прелести Варочки отдаленному потомству, подобно тому, как Рафаэль обессмертил свою Форнарину или как Гвидо Рени целомудренную Беатриче Ченчи. Но об этом теперь и толковать нечего.

Странно как-то случается с людьми: чоловек, на·

пример, дальновидный,— он за год, за два предвидит опасность и все меры, все средства употребляет, чтобы отвратить от себя несчастие, день и ночь не спит, слух и зрение и всё существо его постоянно бодрствует настороже, а в самую минуту опасности возьмет да и заснет,— да как заснет? как самый счастливый человек!

Вот точно так же теперь случилося и с нами. Время уже близилось к рождественским святкам. Туман, как обыкновенно это бывает, завален был работой. Я даже на это время просил адъютанта, чтобы не тревожить его на ученье: думаю себе,— пусть человек при случае заработает себе какой-нибудь лишний грош. Вот однажды, отпустивши фельдфебеля, я, по обыкновению, закурил трубочку, надел архалук и пошел к Туману. Прихожу,— он работает перед стеклянным глобусом. На столике в углу горит свеча и уже порядочно нагорела, перед свечой на столе лежит развернутая книга, а Варочки нет. Ну, что бы мне было догадаться и спросить, давно ли она вышла. Да что и спрашивать?— нагоревшая свеча ясно показывала, что давно. А я еще снял со свечи и сел себе, ничего не подозревая, начал спрашивать Тумана, много ли он пар уже кончил, и сколько еще надеется кончить к празднику, и какую цену он берет: смотря по давальцу и лицу или со всех одинаково? на что он отвечал весьма основательно: — Однаково, бо однаково и работаю.— Потом, ни с сего ни с того, перешли к воспоминанию о заграничных наших похождениях, потом о тульчинских маневрах и, наконец, свернули речь на покойного Володю.

— Да,— говорил Туман,— недаром сказано: волос довгий, а розум короткий. И те сказать,— прибавил он,— молоде, дурне, а може, ще й сирота, доглядать було никому.— И он взглянул на то место, где должна была сидеть Варочка,— он заметно изменился в лице, не сводя глаз с догоравшей свечи и развернутой книги.

— Не в чим, не реве, аж ии и дома нема,— прого-

ворил он едва слышно и, обращаясь ко мне, сказал: — Я думаю, чом вона не читае, аж ии и в хати нема. — И он быстро встал на ноги и с работою в руках вышел из комнаты.

Минут через десять он возвратился встревоженный. Я спросил у него: — Ну, что? — и он только шевелил губами, но слов произнести не мог; наконец, кое-как шопотом проговорил: — Нема! — Я в свою очередь тоже вскочил на ноги и сказал ему: — Беги к фельдшерше! — а сам наскоро оделся и пошел к городничему — дать знать о случившемся и просить, чтобы он принял свои меры. Но что значила полиция в то время в уездных городах? Ровно ничего. Возвращаюсь я домой, захожу к Туману, и я думал, что он возвратился уже, — ничего не бывало: он, как я его оставил, так и остался на том месте, как окаменелый. Я спрашиваю его, был ли он у фельдшерши, и после нескольких повторений он мне едва проговорил: — Ни! — Я оставил его и еще раз обошел все комнаты, раза два справился в людской, на кухне; я искал ее, как мы обыкновенно ищем затерянную какую-нибудь мелкую вещицу раз десять в одном и том же месте; посмотрел во всех углах, за комодом, под диваном и, убедившись, наконец, что ее нигде нет, думал было лечь заснуть. Не тут-то было: только что сомкну глаза, передо мною является или капитан, или Варочка. До самого свету корчился я на постели, как карась на сковороде. На рассвете я встал и пошел посмотреть, что Туман делает, потому что я его оставил ночью в самом жалком виде. Отворяю тихонько дверь и вижу в комнате едва мерцающий огненный свет, — это догорала свеча перед стеклянным глобусом, а по сю сторону того же глобуса на своем рабочем табурете сидел Туман, подперши голову обеими руками. Сначала я подумал — он спит, и хотел выйти из комнаты, но он поднял голову, посмотрел на меня и едва слышно проговорил: — Нема! — и так проговорил страшно, что я не на шутку за него испугался. Он снова опустил го-

лову на руки, а я тихонько вышел из комнаты, будучи вполне уверен, что никакое участие не в состоянии было разбудить его от этой страшной летаргии. А спросить бы в самом деле у психологов: каково действует на душу самое искреннее участие в таком страшном критическом состоянии, в каком теперь находилась душа моего бедного Тумана. Я про себя скажу: в полугоре на меня благодетельно действовало даже неискреннее, а так, дружеское участие, а во время самого истинного горя, когда душа наша прячется в самый темный угол, куда и собственная мысль наша проникнуть не смеет, о, тогда всякое самое нежное, самое искреннее участие делается лютейшею отравой. Вот почему я не решился утешать несчастного Тумана.

Пошел я поутру к городничему узнать, не открылось ли какого следа. Дорогою повстречался мне знакомый и после первых приветствий спрашивает:

— Как это так случилось, что у вас дворовая девка пропала?

Я не ответил ему ни слова, воротился назад домой, к городничему незачем было ходить. И действительно, он только и умел сделать, что в тот же день благовестили во всех переулках о нашей пропаже. После этого какой тут след откроешь?

Три дня и три ночи просидел несчастный Туман на своем табурете, не подымая головы. Я испугался и советовался с доктором, и благоразумный доктор велел только окно или дверь открыть на несколько часов (а это было, как я уже сказал, зимою). Я по части врачебных наук совершенно невинный и из усердия взял да и растворил тихонько окно и дверь. Проходит час, другой, я все заглядываю то в дверь, то в окно и думаю: что выйдет из этой операции? Смотрю, уже так будет перед вечером, Туман начал вздрагивать, а через час встал, оглянулся кругом, затворил окно и дверь, походил с полчаса по комнате, вздрагивая и едва слышно говоря: — От тоби й на! — Потом он лег или, лучше сказать, упал на свою койку, укрылся тулупом, и мне показалося,

что он уснул. Я подумал: — Слава тебе, господи! — и пошел тоже немного отдохнуть. Не успел я напиться чаю, денщик докладывает мне, что Туман мечется, стонет и меня к себе просит. Прихожу я, спрашиваю:

— Что с тобою, Якиме?

— Ничего. Спина! Холодно! Душно! Що знаете, то те й робить!

Я вижу, дело плохо, послал за доктором, а сам остался с ним. Он несколько раз обращался ко мне и кричал:

— Пить! Дайте пить, а то згорю!

Я подавал ему чайной чашкой квасу, и он немного успокаивался. Пришел лекарь, пощупал пульс, посмотрел на свой брегет с секундною стрелкой и сказал:

— Горячка. Отправьте его сейчас же в госпиталь.

Я его сейчас же и отправил.

Месяца два с лишним пролежал бедный Туман в госпитале. Сам лекарь начинал уже сомневаться в его выздоровлении, особенно в последние дни горячки или, как говорят, перелома болезни. Однако железная его натура превозмогла, и он к концу первого месяца мог уже без посторонней помощи вставать с постели, а к концу второго бодро уже гулял по коридору и всё есть просил, в чем, разумеется, ему отказывали.

Я же во время болезни Тумана делал всё, что мог сделать, чтобы открыть хотя темный след нашей беглянки. Я устроил своих лазутчиков, и самых неусыпных. Мне фельдфебеля каждый вечер доносили подробнейше о всех движениях капитана; каждый шаг его был виден, был на счету у моих верных агентов, но ни малейшего следа, — как в воду канула. И не один я, а все в городе указывали на капитана. Да что ты станешь делать? — преступник налицо, а доказательств никаких, — и поневоле злодея, зверя назовешь человеком.

Туман уже начал поправляться, когда из Влади-

мира приехал жандармский офицер, взял нашего капитана и повез в Вологду. Я, однако ж, все еще не терял надежды; я написал частное письмо вологодскому полицеймейстеру, прося его, чтобы он уведомил меня, кто именно приедет с таким-то капитаном, и в особенности, в числе его прислуги не будет ли молодой девушки,— тут я описал приметы Варочки. Через полгода, однако ж, не раньше, получил я письмо от вологодского полицеймейстера, в котором были описаны с большими подробностями как сам господин, так и его прислуга и, между прочим, горничный казачок Климка:

„Помянутый казачок Климка через четыре месяца бежал от капитана и теперь неизвестно где обретается. Вот все, что я могу вам, милостивый государь, сообщить о капитане. Девушки же,— продолжает он,— о которой вы пишете, никакой с ним не прибыло в наш город. Поговаривали сначала, что помянутый казачок Климка будто бы переодетая женщина, но это бабьи сплетни, ничего больше. Я по тому сужу, что как бы ни был человек развратен, а все-таки не решится на такое законопреступное дело. Да и то еще опровергает клевету сию, что у женщины, как у создания и физически и нравственно слабого, не достанет духу на таковой решительный поступок, как, например, бежать,— на это и мужчина не всякий решится. Нахожу ненужным писать вам о капитане: уповаю, что вы его хорошо знаете. Разве только скажу, что он ни на волос не изменился“.

Письмо, как обыкновенно, заключено искони принятою вежливостью, и больше ничего.— Вологодский полицеймейстер должен быть простодушный добряк,— подумал я,— как таки можно не проверить бабьи сплетни, как он говорит, на деле? Как можно было сомневаться в законопреступном поступке капитана, прочитавши его формуляр! А он, наверное, его читал. Простота, ничего больше!

Что же мне теперь оставалося делать? Я вполне был уверен, что Климка казачок — не кто иной,

как наша Варочка. Бедная! Она свою участь унаследовала от своей матери. Как бы и ей не пришлося кончить, как покойница кончила! Но где она теперь? Сидит, я думаю, в пошехонской или в другой какой тюрьме да кормит вшей, а может, ее уже и на свете нет. После долгого раздумья решился я послать объявление в „Московские Ведомости“, „Губернские Ведомости“ в то время еще не печатались. Сделавши это, я решился поделиться моими надеждами с Туманом: решился, говорю, потому, что Туман хотя и совершенно оправился от горячки и, несмотря на то, что восемь месяцев прошло с тех пор, как Варочка пропала, а он всё еще был похож на помешаного. Он и до того был неречист, а теперь совсем онемел, бросил свое ремесло и по целым дням просиживал в своей комнате, подперши голову руками. Я одного боялся, чтобы он не начал пить,— однако ж, слава богу, этого не случилось.

Я не утерпел, однако ж, предполагая, что надежда освежит его скорбящую душу: однажды поутру, после рапорта Тумана о благополучии по хозяйству, рассказал я ему о моем открытии. Долго он стоял передо мною молча, опустя голову. Я прошелся несколько раз по комнате, он, как статуя, не шевелился. Я хотел ему что-то сказать, только смотрю, а у него из-под опущенных ресниц слезы как горох покатились. Потом он вздохнул и едва слышно проговорил:— Капитанша!— и, поворотя налево кругом, вышел из комнаты. Я посмотрел ему вслед и горько раскаялся в моей опрометчивости.

Это было осенью. В полку были дозволены годовые и полугодовые отпуска. Туман на другой день приходит и говорит, что он представлен в отпуск на полгода и просит меня, чтобы я не препятствовал.

— Схожу,— говорит,— додому, чи не легше буде.

— Иди,— я говорю,— с богом,— и наказываю ему, когда будет итти через Глухов, чтобы зашел на мой хутор посмотреть, что там делается.

— Добре, зайду.

Через неделю ему выдали билет, и он, простившись со мною, ушел.

Напрасно ожидал я результата от моей публикации,—ничего не вышло. Спустя месяца три после ухода Тумана в отпуск, в одно утро докладывают мне, что Туман приехал. Я удивился, что так скоро. Выхожу на двор, смотрю, из небольшой одноконной рогожаной кибитки высаживает Туман закутанную и в нагольном тулупе женщину с ребенком на руках. Туман, увидя меня, весело проговорил:

— Найшов! найшов! ваше высокоблагородие!

И действительно, это была Варочка. Но какая разница между прежней Варочкой! — обветренная, худая! Она отдала ребенка на руки Туману и, как помешаная, бросилась к моим ногам и зарыдала. Дитя проснулося на руках у Тумана и заплакало. И он, приголубливая его, понес в свою комнату. Я поднял рыдающую Варочку и повел ее вслед за Туманом.

На другой день Туман принял опять в свои руки мое хозяйство, и всё у нас в доме пошло попрежнему. Однажды после рапорта я спросил его, где он нашел свою Варочку?

— Де найшов? — отвечал он мне. — В Молози, в тюрьми.

Любопытство мое не совсем было удовлетворено его ответом, но я знал, что он не охотник был до подробностей, то и не расспрашивал его. Некоторое время Варочка никуда не выходила из своей комнаты и даже от меня она пряталась. Мне тоже как-то казалося неловко к ним заходить. У Тумана я каждый день спрашивал о ее здоровьи и о здоровьи дитяти, и он отвечал мне:

— Благодарить господа милосердого — обое здорови.

Я соскучился по Варочке и однажды, отпустивши фельдфебелей, зашел к ним в комнату, и, как прежде бывало, Варочка читала житие Варвары великомученицы, а Туман сидел напротив нее и нянчил

на руках Еленочку. Я никогда не забуду эту истинно нравственную картину!

После моего визита, на другой день, Туман пришел ко мне, по обыкновению, и после рапорта сказал:

— Ваше высокоблагородие! Я думаю оженыться, щоб люды головою не кивали та пальцями на нас не показувалы.

— Благороднейший ты человек, — подумал я и в тот же день испросил ему у полкового командира позволение, а в следующее воскресенье я присутствовал на свадьбе Тумана в виде посаженого отца.

Варочка и после свадьбы долго еще всё была грустная, задумчивая и никуда не выходила, кроме церкви. Тумана она попрежнему называла своим татом и часто плакала, глядя на него, когда он ласкал ее Еленочку, как будто свое родное дитя. Мало-помалу она как будто начала забывать свое прошедшее, стала заходить в мои комнаты, сначала в мое отсутствие, а потом и при мне. Белье мое и всё, что требовало женского глаза, она взяла под свою опеку, и лучше и аккуратнее хозяйки требовать нельзя было. Однажды поутру приходит она ко мне с Еленочкой на руках, веселая такая, счастливая. Я предложил ей чашку чаю, посадил около себя и стороною повел речь о том, как она убежала и где была спрятана капитаном до поездки в Вологду. Сначала спросил я ее, бывает ли она у фельдшерши.

— Никогда не бываю, — отвечала она.

— Почему же ты не бываешь? — спросил я. — Вы были такие короткие приятельницы.

— Хороши приятельницы! Она гнусная, лукавая женщина! Если бы не она, я бы до сих пор ничего не знала. Это она всё наделала, — и Варочка заплакала.

Немного погодя я сказал:

— Да, таки порядочных хлопот ты нам тогда наделала: бедный Туман чуть в могилу не отправился. Но я до сих пор не могу понять, где ты была

спрятана, потому что я тогда все мышьи норки перерыл в городе. Расскажи, сделай одолжение, как это так случилось?

— А вот как,— сказала она, утирая слезы.— Помните, в тот день первый снег выпал. Фельдшерша, будь она проклята, подговорила меня покататься с нею вечером, я и ушла к ней без спросу и свечу и книгу оставила на столе: думала, сейчас ворочуся, и никто не будет знать, где я была. Прихожу я к фельдшерше, а у нее самовар на столе. Она налила мне чашку чаю: чай был такой вкусный, что я попросила и другую, а потом и третью, и мне стало так хорошо, так весело, что я готова была плясать. Я про всё на свете тогда забыла. В это время против окон на улице остановились сани. Мы вышли, сели и поехали. Долго мы ездили по городу, так долго, что мне спать захотелось, и так захотелося спать, что я не помню, как я и заснула. Проснулась я в теплой комнате; было темно, только в маленькие скважины сквозь ставни пробивался свет. Я стала припоминать вчерашнее катанье, но только и могла припомнить один чай и фельдшершу, и то, как во сне. Вскоре отворилася дверь, и ко мне вошла деревенская старуха со свечою в руках. И я спросила ее:

— Где я?

— У добрых людей,— отвечала она.

— Как же я здесь очутилась?

— Тебя на улице подняли: знать, шальные кони из саней выбросили. Не нужно ли тебе чего?— спросила она, ставя на стол свечу.

— Не нужно ничего,— отвечала я, и старуха взяла со стола свечу и вышла вон, защелкнувши на крючок двери за собою.

Я все думала, где я и что со мною хотят делать? Долго я думала и, наконец, опять заснула. Когда проснулась я во второй раз, то уже свету в скважинах не видно было, голова у меня не то что болела, а кружилась, хуже всякой боли. Я стала плакать. Вошла опять та же самая старуха со све-

чой и начала меня утешать, предлагая мне чаю и разных лакомств. Я отказывалась и только просила ее, чтобы она сказала мне, где я. Спрашивала про вас, про тата, про город наш — далеко ли он. Старуха отвечала, что ни вас, ни тата не знает, а про такой город побожилася, что отроду и не слыхивала. Потом предложила она мне чаю,— я отказалась; предложила ужин, я тоже отказалась. И старуха зажгла лампадку перед образом и вышла из комнаты. Я вскочила с постели и бросилась к двери, но старуха успела ее защелкнуть на крючок. Немного погодя послышался за дверью мужской голос. Голос был мне знакомый, но я не смогла припомнить, где я его слышала. Голос спрашивал:

— Ну что, ей лучше теперь?

И старуха отвечала:

— Все равно, батюшка, бредит и мечется.

— Ну, хорошо,— говорил тот же голос:— я ей завтра лекаря пришлю.

— Неужели это они обо мне говорят? Неужели я в самом деле нездорова? — подумала я. Лекарь, однако, не приходил, и я успокоилась.

Долго, долго я сидела в этой проклятой тюрьме. Я чуть было с ума не сошла от скуки; кроме отвратительной старухи, я во всё это время никого не видала. Только уже за день перед тем, как взять ему меня с собою, вошла ко мне фельдшерша с узлом в руке. Я, как родной матери, обрадовалась ей; она принялася меня утешать и сулить мне бог знает какие радости в будущем, с тем только, чтобы я во всем ей покорилась. Она предложила мне остричься и одеться в мужское платье. Я было отказалась, но она пригрозила мне вечною тюрьмою, и я повиновалась. У ней с собою были ножницы, и она сейчас же остригла мои косы. Господи, как я тогда плакала! Потом вынула из узла мужское платье и одела меня и только начала было восхищаться мною, как я хороша в этом наряде, как вошла старуха и сказала: — Приехали. — Мы поспешно вышли на двор. Уже было

темно, за воротами стояло две кибитки — одна большая, а другая поменьше. Усадила меня фельдшерша в большую кибитку, перекрестила, и лошади тронулись с места, а остальное вы уже знаете,— проговорила она и заплакала.

Вскоре началася польская революция, и нашему корпусу велено было двинуться в Литву. Я отослал, что было лишнее, к себе домой на хутор и уговорил Тумана, чтобы он и Варочку с ребенком отпустил ко мне на хутор с обозом. Он так и сделал, и мы двинулися в поход налегке. По окончании кампании я взял отставку в чине полковника, а в скором времени вышла отставка и Туману, и он пришел ко мне на хутор. Я думал было его сделать у себя приказчиком, но так как мне самому делать было нечего около моего мизерного хозяйства, то я и отдал ему в содержание корчму, что около Эсмани, бесплатно, за прежние его услуги, и Викторкови моему завещал то же делать, когда меня не станет.

— Что я и буду делать до конца дней моих.

Виктор N. N.

Прочитавши этот рассказ, я призадумался, и в воображении моем грубый ветеран-корчмарь преобразился в такого человека-христианина, как дай бог, чтобы [все] были хоть немного похожи на него. Отрадное это размышление прервано было восклицанием: — Чорт знает что! — Дверь растворилася, и в комнату вошел мой приятель, держа в руках мою гармонику и повторяя: — Чорт знает что! Я думал, что он ей что-нибудь доброе подарил. Полтина! Больше полтины не стоит! — и увидя у меня свою рукопись в руках, как бы опомнился и сказал:

— Что, какова повесть? Али ты ее еще не дочитал?

— Каз раз перед вашим приездом кончил,— отвечал я.

— Ну, как по-твоему, стоит напечатать, или нет?

— И очень даже!

— Вот то-то и есть! А они дурни думают, что,

не читавши ничего, то ничего и не напишешь. А вот же и написал!

— Позвольте мне ее переписать, так, для памяти,— сказал я.

— Вот еще, переписывать! Возьмите так, как есть, и хоть напечатайте ее, только с тем, как я вам и прежде говорил, чтобы не выставлять моего имени.

Я дал слово. На дворе было уже темно. Напившись чаю, мы погуторили еще немного, оделись и поехали в город, в исторический николаевский собор „Деяния“ слушать.

После заутрени приятель мой поехал к себе на хутор, как он говорил, по хозяйству распорядиться, и, как после оказалось, затем только, чтобы соблюсти долг приличия, т. е. натянуть фрак на независимые плечи. Я же, как никого не имел знакомых и не имел охоты знакомиться, то нашел эту церемонию лишнею и остался в городе в ожидании обедни. Погода (что весьма редко случается в это время года) стояла хорошая. Улицы были почти сухи, и я пошел шляться по городу, отыскивая то место, где стояла знаменитая Малороссийская коллегия и где стоял дворец гетмана Скоропадского,— тот самый дворец, в котором он чествовал Данилыча, когда он заехал поблагодарить гетмана за гостинец, т. е. за город Почеп с волостию. А Данилыч, не будучи дурак, да к почепской волости и отмежевал посредством немецкой астролябии сотню Балаклинскую, Мглинскую и половину Стародубской, да и заехал в Глухов благодарить гетмана, а простоватый Ильич, ничего не ведая, знай угощает своего светлейшего гостя, аж пока светлейший гость, в знак благодарности, велел скласть на площади против дворца каменный столб и вбить в него пять железных спиц: одну для гетмана, а прочие для старшин, если они хоть заикнутся перед царем про немецкую астролябию. Однако ж, старшины не устрашились и, будучи в Москве, пожаловались на грабителя, за что наперсник и был оштрафован.

Но где же эта площадь? где этот дворец? где коллегия со своим кровожадным чудовищем—тайною канцеляриею? Где все это? И следу не осталось! Странно! А все это так недавно, так свежо! Сто лет каких-нибудь мелькнуло, и Глухов из резиденции малороссийского гетмана сделался самым пошлым уездным городком.

Благовест к обедне прервал мои невеселые вопросы, и я, перекрестяся, пошел в николаевскую церковь, один-единственный памятник времен минувших. На площади догнал я чумацкий воз, везомый парою серых волов-великанов. На возу сидели две женщины в белых свитках — одна в лентах и в барвинковых цветах, а другая повязанная шелковым платком. Рядом с волами шел высокого роста мужчина в черной кирее и черной же смушевой шапке, с батогом в руке. Из воза выглядывал еще белый большой узел. Это была завернутая в белую скатерть пасха со всеми принадлежностями.

Поровнявшися с возом, я немало удивился, узнавши в путешественниках моих старых знакомых — Тумана и его фамилию. Волы остановились. Я со всеми похристосовался, и, беседуя о том, что бог послал погоду и день такой хороший для такого великого праздника, мы тихонько приблизились к церкви.

После обедни на цвынтаре, или на погосте, приятель мой не без умиления облобызал дюжины две православных христиан и христианок, взял меня за руку и подвел к только что вышедшему из церкви небольшому толстенькому человечку в губернском мундире, с румяным добродушным лицом и, похристосовавшись с ним, сказал, указывая на меня: N. N. такой-то. Я поклонился, а приятель прибавил:

— Карл Самойлович Стерн, эскулап наш уездный. Ему так нравится наш истинно христианский обычай, что он каждый год надевает мундир и является к обедне, собственно для этого праздника хочет принять нашу православную веру, да нет, я думаю, соврет,— извини, Карл Самойлович!

Немец добродушно улыбнулся, и мы расстались.

Приехали мы на хутор, и я, войдя в комнату или светлицу, немало удивился, не видя ничего такого, чем бы можно было разговеться. Хозяин, заметя мое удивление, вывел меня в сени и молча показал на небольшую дверь, ведущую, как я думал, в сад. Я отворил дверь, и изумленным очам моим представился не сад, как я воображал, а огромный дощатый сарай с маленькими окнами, примкнутый к самому дому. Это была зала пиршеств, как я после узнал. Посредине сарая стоял бесконечный стол, покрытый белой скатертью, и, боже, чего на этом столе не было! И все это было в самых гомерических размерах. Бабуся, вертевшаяся около стола, казалася мухой против колоссальной пирамиды из теста, называемой пасхой. По сторонам пирамиды, как египетские сфинксы, по нескольку в ряд, лежали не поросята, а целиком зажаренные огромные кабаны, с корнями хрена в зубах, и всё прочее в таких размерах,— даже водка и сливянка стояли по краям стола в больших барылах (бочонках), покрытых салфетками,— словом, все было циклопически, так что, если бы проснулся великий слепец Хиосский, так и он только бы ус покрутил, больше ничего, да, может быть, подумал бы, что на хуторе ждут Кадма с товарищами.

Хозяин, ходя по зале (так называл он сарай), поглядывал то на стол, то на меня и самодовольно улыбался.

— За чем же дело стало? чего тут еще недостает?—думал я.— Можно бы, кажется, приступить и к делу, или он кого дожидает?—Я хотя и не был голоден, но и равнодушно не мог взирать на все сии блага, особенно на поросят и на бабу,—точно московская кубическая купчиха, белая, румяная,—ну так бы и проглотил всю разом. А хозяин, как ни в чем не бывало, ходит себе да только улыбается. Полчаса, если не больше, прошло в ожидании. Я начал уже припоминать анекдот про царя и его любимого боярина,—как тот верный боярин проворовался

в чем-то перед царем. Добрый царь не хотел для открытия истины употребить в дело огня и железа, а продержавши суток с трое в темнице без хлеба и воды своего верного боярина, потом велел подать себе мису добрых щей, жареного поросенка и позвать боярина к допросу. Что же вы думаете? За ложку щей да за хвостик поросенка во всем боярин повинился. Вины, правда, я за собой никакой не сознавал, но мне невольно думалось, не хочет ли приятель мой и надо мной такую штуку выкинуть, как тот царь над своим верным боярином,—так в чем же я перед ним провинился? В эту самую секунду дверь отворилась, и вошла в залу бабуся с тарелкою в руках: в тарелке была священная вода и кропило из сухих васильков. Входя в залу, бабуся скороговоркою сказала:

— Уже на гребли!

Приятель мой вышел в сени. Вскоре послышался на дворе стук колес, и минуты две спустя вошел в залу священник при епитрахили, сопровождаемый хозяином и церковниками. За клиром вошел Туман со своими домочадцами, а за Туманом, чинно, без шуму, разглаживая усы, пошли мужички и через минуту наполнили собою весь сарай. После священнодействия священник, а за ним хозяин, а потом уже я, похристосовались со всеми предстоящими, и, разговевшись кусочком черного хлеба, приступили кто к чему имел поползновение. Теперь только объяснилося, для чего в таких гигантских размерах было приготовлено съедобное и спитобное! Приятель мой (за что я с ним десять раз похристосовался) буквально следовал слову златоустого витии и любви и смирению первобытных христиан. Тут не было раба и владыки,—тут был самый радушный хозяин и самые нецеремонные гости.

Проводивши священника и крепостных своих гостей, он усадил за стол меня, Тумана с фамилией и сам сел между ними, сказавши:—Отеперь разговеемся!—Против меня сидела Еленочка с матерью, и теперь только я рассмотрел ее с должным

вниманием. Это была настоящая, только что расцветшая красавица. Густые темнокаштановые волосы, заплетенные в две косы и перевитые зеленым с синими цветами барвинком, придавали какую-то особенную свежесть ее изящной головке. Тонкая белая рубаха с белыми же прозрачными узорами на широких рукавах ложилася на плечах и на груди такими складками, какие не снилися ни Скопасу, ниже самому Фидию,— словом, передо мною сидела богиня красоты и непорочности. Рядом с Еленочкой сидела мать ее, когда-то Варочка, а теперь Варвара Ивановна, как называл ее сам хозяин, а около нее сидел Туман, с улыбкою покручивая белые усы свои. Я смотрел на него не как на простого корчмаря-ветерана, а как на рыцаря великих нравственных подвигов, как на человека-христианина в самом обширном смысле этого слова, и, признаюсь, завидовал ему. Он в моих глазах казался совершенно счастлив, да иначе и быть не могло. Человек, так высокоблагородно исполнивший свои обязанности в отношении к ближнему, даже в нищете и одиночестве должен быть счастлив, а его старость была окружена достатком и самыми искренними, самыми нежными друзьями. Не случилось мне видеть такого изящного произведения скульптуры или живописи, которое так бы успокоительно-сладко привлекало мои глаза к себе, как кроткое и спокойное лицо этого седого доблестного героя добродетели. Озеров вполне чувствовал эту прелесть, сказавши устами Эдипа:

Мой не увидит взор
Ни мужа кроткого приятного чела,
Которого рука богов произвела.

Встали мы из-за стола тихо, скромно, как будто из-за обыкновенного обеда, помолились богу, и Туман, взявши свою смушевую шапку, взглянул на жену и стал прощаться с хозяином. Туман вообще неговорливый, но на этот раз он был совершенно немой за столом. Я думал было завести разговор

о Блюхере или о Бонапарте, но, взглянувши на него, мне мысль моя показалася просто тривиальною. Одно-единственное слово, что я от него услышал, и то уже на дворе: когда он посадил свою фамилию в чумацкий воз и волы тронулися с места, то хозяин, стоя на пороге, спросил его:

— Так на фоминой, батьку?

— Эге! — ответил Туман и пошел за возом.

Ввечеру, за чаем, приятель мой вопреки своей натуре был задумчив. Я сделал ему каких-то два-три вопроса, да потом и себе начал барабанить по столу пальцами. Уже бабуся и свечи подала, уже убрала и самовар с принадлежностями, а мы всё сидим, не двигаясь, да барабаним по столу, и не знаю, долго ли бы продолжалось это барабанное упражнение, если бы я не вздохнул, так себе, от нечего делать. Приятель мой поднял голову, взглянул на меня и засмеялся. Насмеявшись досыта, сказал он:

— Послушай! Мое дело хозяйское, мне есть о чем задуматься и вздохнуть, ну, а ты какого чорта вздыхаешь?

— Хозяин невольно передает свои впечатления гостям, — отвечал я.

— Правда, правда твоя! А знаешь ли что?.. — проговорил он и замолчал.

— Буду знать, коли скажешь.

— У меня к тебе великая просьба есть. Дай слово, что исполнишь, — скажу.

— Дам слово, если скажешь, какая просьба.

— Погости у меня до фоминой недели!

— Не могу.

— Вот то-то и есть! Заставил меня открыть секрет, а теперь и назад. Это не похоже на порядочного человека.

— Какой же тут секрет? — спросил я.

— А такой секрет, — отвечал он, подумавши, — что на фоминой неделе я думаю венчаться, а тебя прошу быть у меня шафером, или, по-нашему, боярином. Ну что, согласен?

Я, как был в то блаженное время человек совершенно независимый, то, не долго думаючи, и сказал ему:

— Согласен!

— Вот это по-дружески! — говорил он, пожавши мою руку так по-дружески, что я чуть не закричал. — Теперь же ходимо вечерять! — прибавил он, вставая.

Тучная вечеря и нелицемерное возлияние развязали язык моему приятелю и открыли его сердечный тайник. Он сначала высказал мне свои самые естественные понятия о семейной и политической жизни человека, о его назначении вообще, как создания прекрасного и разумного, и как он может быть независим, а следовательно, и счастлив в своей кратковременной жизни, ни малейше не нарушая гармонии общества себе подобных. Он так увлек меня своими суждениями, что я в нем начал видеть самого натурального, самого естественного мудреца, чуть ли не выше самого Сократа. Но как мудрецу и вообще человеку трудно и, кажется, вовсе невозможно указать самому точку, через которую не должно переступать, то и приятель мой незаметно перешел к утопии и начал мне доказывать, что грамотность, особенно в женщинах, особенно вредит благополучию человечества. Я думал было, что источник такой идеи был — вино, обильный источник сливянки, пока он не заключил своих доказательств такими словами:

— Я надеюсь, и не без основания, что я буду совершенно счастлив с моей женою, и именно потому, что она неграмотная!

— Ты — может быть, но этого нельзя сказать про многих, и я первый не скажу про себя.

— Потому что многие, в том числе и ты, ничего больше, как нравственные уроды.

— Вот тебе и на! — подумал я и, помолчавши, спросил:

— Как твой старший боярин, имею ли я право спросить у своего князя, кто же это такая будущая счастливая княгиня?

— Секрет, до последнего дня секрет! А то ты, пожалуй, станешь меня разочаровывать.

Долго мы сидели за столом молча, изредка поглядывая друг на друга и на бутылку со сливянкой, и, когда увидели, что на сухом дне бутылки ничего достойного внимания не оказалось, встали из-за стола и, выразительно пожавши друг другу руки, пошли спать.

В продолжение недели мы с приятелем закусывали, завтракали, обедали, вечеряли и спали. Много и много переговорили мы о разных совершенно посторонних предметах, в том числе и о современной литературе, за которой он, как и всякий порядочный человек, следил довольно внимательно, что меня немало удивило, потому что я, кроме варварского перевода басен Федра, ни одной книжки не видел в его доме. Кроме современной литературы, у нас часто заходила речь о тонкой современной политике Меттерниха, но о предстоящей свадьбе ни полслова. Я раз было, вопреки вежливости, заикнулся о сем щекотливом предмете, но приятель мой был нем, аки рыба, приказал заложить бричку и, не сказавши мне „до свидания", сел и уехал, бог его знает куда. Прошла, наконец, бесконечная для меня святая неделя, прошла и половина фоминой. Приятель мой уехал в середу поутру и пропадал до самого вечера. Возвратясь к вечеру домой, он молча надел фрак, причесался, посмотрел в зеркало и сказал, обращаясь ко мне:

— Я готов! Одевайся скорее, поедем!

Я тоже оделся. Сели в бричку и поехали в город, прямо в николаевскую церковь. Церковь была освещена: священник в облачении, посередине церкви налой, а дьячок, разглаживая усы, чуть-чуть не возглашал „Исаия, ликуй!" Не успел я осмотреться, как двери растворились, и вошла Еленочка, сопровождаемая Туманом и матерью. Войдя в церковь, она перекрестилась, смело подошла к налою и стала на свое место. Я, когда увидел ее поближе и ярко освещенною, так только ахнул, так она была

торжественно прекрасна. Обряд кончился, и я не без зависти поздравил моего счастливого приятеля с новой жизнью, с новой радостью. А на другой день, поблагодаривши за хлеб - соль моего приятеля, я уехал в Киев.

[Начато] 15 марта.



ПРИМІТКИ

Примітки склали наукові співробітники Інституту української літератури ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР: Бронський, А., Пивоваров, М., Журавська, І.

НАЙМИЧКА

1. *Ромоданов шлях* (стор. 3) — на Полтавщині ромоданами взагалі називали ті шляхи, якими чумаки їздили на південь по рибу та по сіль.

2. *Григорий Ромодановский* (стор. 5) — російський боярин-воєвода, один із начальників російського війська на Україні в другій половині XVII століття. 1676 року воював проти правобережного гетьмана Петра Дорошенка. 1682 року забитий стрільцями під час бунту.

3. *Петр Дорошенко* (стор. 5) — в рр. 1655 — 1676 був гетьманом Правобережної України. Воював у союзі з турками і татарами проти Росії і лівобережного гетьмана Івана Самойловича. 1676 року здався російському урядові. Помер 1698 року.

4. *Орельские земляные укрепления, или так называемая линия* (стор. 6). — Річка Орель — ліва притока Дніпра, в кінці XVIII століття була південно-східним кордоном Гетьманщини; по ній проходила „українська укріплена лінія"; землі від Орелі до річки Самари (теж притока Дніпра) належали запорізькій старшині, яка добувала тут селітру.

5. *Антикварии* (стор. 6) — тут в розумінні дослідники старовини.

6. *Карл XII* (стор. 6) — король Швеції (1697 — 1718), який під час Північної війни 1701 — 1721 рр. був 27 червня 1709 року розбитий Петром I під Полтавою.

7. *Церера* (стор. 7) — римська богиня землеробства.

8. *Сорокоуст* (стор. 13) — 40-денна церковна молитва за померлого.

9. *Хорош фрау* (стор. 31) — хороша жінка.

10. *Шнапс* (стор. 31) — горілка.

11. *Мария египетская* (стор. 39) — одна з християнських „святих", грішниця, яка „розкаялася".

12. *Бель фам* (франц.) (стор. 40) — красива жінка.

13. *Патефуа* (стор. 46) — паштет з гусячої печінки.

14. *„Исаия, ликуй"* (стор. 51) — одна з молитв в обряді церковного шлюбу.

15. *Сердечную Оксану* (стор. 59) — героіню повісті Г. Ф. Квітки - Основ'яненка „Сердешна Оксана".

16. *Кобыла* (стор. 60) — лава, на яку клали людей, що їх карали канчуками.

17. *Мать Энея* (стор. 61) — богиня кохання Венера.

18. *Богиня Пафоса* (стор. 61) — Венера, храм якої в давні часи був на острові Пафосі.

19. *Фортуна коловратная* (стор. 64) — доля мінлива.

20. *Отдаймо и кесарево кесареви* (стор. 66) — тут в значенні займемось „мирськими" справами.

21. *Симеон Столпник* (стор. 66) — один з християнських „святих", що мучив своє тіло довгим стоянням на кам'яному стовпі.

22. *Тимпаны и органы* (стор. 67) — музичні інструменти, про які згадується в біблії.

23. *Клечальное воскресенье* (стор. 68) — церковне свято, так звана „тройця", на початку літа.

24. *Чтение кафизм* (стор. 72) — читання псалмів на вечірній церковній відправі.

25. *Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна* (стор. 74) — дійові особи „Старосветских помещиков" Гоголя.

26. *Ефрем Сирин* (стор. 77) — церковний письменник IV віку, родом із Сірії.

27. *„Всякому городу нрав и права"* (стор. 77) — початок одної з пісень відомого українського письменника і філософа XVIII віку Григорія Сковороди. Ці вірші в переробці ввійшли в комедію Котляревського „Наталка - Полтавка".

28. *Варнак* (стор. 83) — каторжник - утікач.

29. *Соляная защита* (стор. 86) — інакше Ілецька защита — місто, центр соляних промислів на Оренбурщині.

30. *Моисей боговидец* (стор. 86) — статуя славетного італійського художника епохи Відродження — Мікель - Анджело (XVI в.), що зображує легендарного вождя древніх євреїв.

31. *Гомеровский Нестор* (стор. 86) — один з героїв „Іліади", давньогрецької епічної поеми, красномовний і мудрий старик.

32. *Четьи - Минеи* (стор. 89) — від слова „читати" (те, що читають) і грецького слова „мен" (мін) — місяць: „щомісячна читанка" — збірка життєписів (легендарних) християнських „святих" в дванадцяти частинах, за порядком дванадцяти місяців.

33. *Разумовский* (стор. 89) — Кирило Розумовський, останній український гетьман (1750 — 1764).

34. *Эстамп* (стор. 89) — гравюра.

35. *Доменикино Цампиери* (1581 — 1641) (стор. 89) — італійський художник.

36. *Боккаччио, Ариосто, Тассо* (стор. 90) — італійські письменники епохи Відродження (XIV — XVI віків). Джованні Бокаччіо (1313 — 1375) — автор збірки новел „Декамерон" і інших творів; Людовіко Аріосто (1474 — 1533) — поет, автор поеми „Несамовитий Роланд"; Торквато Тассо (1544 — 1595) — автор героїчної поеми „Визволений Ієрусалім".

37. *„Божественная комедия"* (стор. 90) — твір славетного італійського поета Данте Алігієрі (1265 — 1321).

38. *Во времена унии* (стор. 91) — тобто після 1596 року, коли православна церква України і Білорусі, за згодою частини вищого православного духовенства, була підкорена церкві католицькій, якою керував папа римський. Унія була знаряддям національно - релігійного утиску українського народу шляхетською Польщею.

39. *Посессор* (лат.) (стор. 100) — особа, що найняла землю з правом цілковитого володіння, але ж без права власності.

40. *Кармелитка* (стор. 100) — черниця одного з католицьких, так званих кармелітських, монастирів.

41. *Себастіан Бах* (1685 — 1750) (стор. 100) — славетний німецький композитор і теоретик музики.

42. *Святая Цецилия* (стор. 100) — католицька „свята", що вважалася покровительницею церковної музики.

43. *Андрей Боголюбский* (стор. 111) — в 1155 — 1156 рр. був князем у Вишгороді (під Києвом), потім — князь Владимиро-Суздальський (1157 — 1174).

44. *Ринальдо-Ринальдини* (стор. 111) — легендарний розбійник, герой багатьох пригодницьких романів.

45. *Merci, monsieur* (стор. 113) — спасибі, пане.

46. *Кременец, королева Бона* (стор. 115).— Кременець — місто на Волині, яке до 1509 року було в складі Литовської держави і деякий час перебувало у володінні королеви Бони, дружини короля польського і великого князя литовського Сігізмунда I Старого (1506 — 1548).

47. *Кременецкий лицей* (стор. 115) — заснований 1819 р.; після польського повстання, 1831 року був ліквідований царським урядом; бібліотека та інше майно було передано Київському університету.

48. *Благородный Чацкий* (стор. 115).— Чацький, польський історик (1765 — 1813), був візитатором, тобто інспектором училищ, в колишніх губерніях Волинській, Подільській та Київській. Його діяльність на цій посаді виявилася, зокрема, у відкритті в 1805 році Кременецької класичної гімназії, яка була в 1819 році перейменована в ліцей.

КНЯГИНЯ

49. *Уманский и Петергофский сады* (стор. 127).— В Умані був маєток графа Потоцького Софіївка (зараз державний заповідник) з чудовим парком. Сади Петергофа і досі відомі своїми терасами та фонтанами.

50. *Кирeливка* (стор. 128) — Кирилівка, тепер село Шевченкове на Київщині; в Кирилівці Шевченко провів свої дитячі роки, переїхавши сюди з батьками з села Моринці.

51. *Нестихарный дьячок* (стор. 129) — дяк, що не був призначений на посаду начальством, а тільки обраний прихожанами за згодою попа („настоятеля“).

52. *Тму - мну, тля - мля* (стор. 129).— Стара система навчання читання після ознайомлення з буквами вимагала треніровки в читанні окремих складів.

53. *Псалтырник* (стор. 130)—той, кого навчають читати псалтир.

54. *На меду* (стор. 130) — на частуванні медом, якого наварили на церковне свято.

55. *Спартанец* (стор. 130) — витривала людина. Жителі давньогрецької держави Спарти уславилися своєю витривалістю та вмінням обмежувати свої потреби.

56. „*Мал бех*“ (слов.) (стор. 131).— „Я був малий“ — початок останнього псалма, що входить до складу псалтиря.

57. *Патериця* (стор. 131) — палиця, посох.

58. *Сковородинские псалмы* (стор. 131) — псалми, вірші, написані українським поетом і філософом Григорієм Савичем Сковородою.

59. *Каламарь* (стор. 131)—взагалі чорнильниця; тут — чорнильниця, куди замість чорнила наливали розчин крейди, щоб писати в школі на дошці.

60. „*Без любви, без радости*“ (стор. 132) и т. д. — вірші О. В. Кольцова.

61. *Черная Рада* (стор. 134) — рада з участю козаків, селян і міщан 17 — 18 червня 1663 року в Ніжині. На цій раді Іван Брюховецький був обраний гетьманом Лівобережної України.

62. *Растрелли, Варфоломей* (1700 — 1777) (стор. 134) — видатний архітектор, італієць, за проектами якого побудовано багато церков та дворців у Росії.

63. *Наталия Розумиха* (стор. 134) — мати гетьмана Кирила Розумовського.

64. *Жерар Доу* (стор. 136) — голландський художник (1613 — 1675).

65. *Рафаэль Санцио* (1483 — 1520) (стор. 136) — славетний італійський художник епохи Відродження.

66. *Запросят на „отче - наш“* (стор. 140) — на закуску, перед якою піп читав молитву „отче - наш“.

67. *Контракты* (стор. 141) — великий щорічний ярмарок у Києві (з 1797 року), де укладали контракти - договори на оренду маєтків та підприємств, а також на продаж сільськогосподарських продуктів, переважно збіжжя.

68. *Просодомили та прогоморили* (стор. 149) — дієслова від назви двох біблійних міст — Содома та Гоморри, що були відомі розпустою жителів.

69. *На первой неделе филипповки* (стор. 152) — початок другої половини листопада (за ст. ст.).

70. *Мамай* (стор. 156) — татарський хан, розбитий з усім своїм військом руськими військами під проводом князя Дімітрія Донського на Куліковому полі в 1380 році.

МУЗЫКАНТ

71. *Бодянский, Илья* (стор. 163) — батько Павла Бодянського, редактора „Полтавских Губернских Ведомостей“.

72. *Монастырь Густыня* (стор. 163) — Густинський монастир на Прилуччині заснований не 1674 р. гетьманом Самойловичем, як говорить Шевченко, а 1612 р. князем Михайлом Вишневецьким, якому належали величезні володіння на Лівобережжі.

73. *Сенклерское аббатство* (стор. 163) — надзвичайно мальовничий монастир за своїм місцеположенням, що часто згадується в творах Вальтера Скотта (1771 — 1832), видатного англійського письменника, автора багатьох історичних романів, якого високо цінив Шевченко.

74. *Самойловичев памятник* (стор. 163) — пам'ятник Самойловичу, що був гетьманом між 1672 і 1687 рр., помер на засланні в Сибіру в 1690 році.

75. *Репнин, Николай Григорьевич* (1778 — 1845) (стор. 164) — військовий губернатор Лівобережної України. Дочка Рєпніна Варвара Миколаївна, протягом багатьох років була близьким другом Шевченка.

76. *Отправиться в Лубны... посмотреть на монастырь* (стор. 164) — монастир біля Лубен, заснований 1618 р. жінкою князя Михайла Вишневецького, матір'ю Яреми Вишневецького-Корибута (1612 — 1651), відомого польського магната, запеклого ворога українського народу.

77. *Мазепа, Иван Степанович* (1644 — 1709) (стор. 164) — був гетьманом в 1687 — 1708 рр. Під час Північної війни Росії з Швецією зрадив Росію і Україну, перейшов на бік шведського короля Карла XII.

78. *Штернберг, Василий Иванович* (1818 — 1845) (стор. 166) — художник, друг Шевченка по Академії мистецтв.

79. *Бельведер* (стор. 167) — баштова надбудова над домом.

80. *Амазонки и амазоны* (стор. 167) — тут просто вершники і вершниці.

81. *Грум* (стор. 167) — слуга, що супроводжує вершника.

82. *Виргилии* (стор. 167) — цим ім'ям Шевченко називає героя своєї повісті, який подорожував з ним по Україні, подібно до того, як у творі великого італійського поета Данте „Божественна Комедія" римський поет Віргілій подорожує разом з автором по „пеклу" — місцю, де мучаться грішні душі.

83. *Полтавская битва* (стор 168)—бій під Полтавою в 1709 році між Петром І і Карлом XII — королем Швеції. Цей бій відограв вирішальну роль у так званій Північній війні, визначивши дальші успіхи Росії.

84. *Зарянко, Сергей Константинович* (1818—1870) (стор. 169)— російський художник - портретист.

85. *Марш из „Вильгельма Телля"* (стор. 169) — марш з опери славетного італійського композитора Джіакомо Россіні (1792 — 1868) „Вільгельм Телль" за текстом драми німецького письменника Фрідріха Шіллера.

86. *Персеполис* (стор. 169) — столиця стародавньої Персії до завоювання її Олександром Македонським, відомим полководцем IV століття до нашої ери.

87. *„Фрегат Надежда"* (стор. 170) — повість російського белетриста Марлінського - Бестужева, О. О. (1797 — 1837).

88. *Амфитрион* (стор. 171) — особа з античної міфології; тут в розумінні „гостинний хазяїн".

89. *Гросс-фатер* (стор. 171) — тут старовинний німецький танець.

90. *Бальзак, Оноре* (1799 — 1850) (стор. 172) — великий французький письменник - реаліст, автор багатотомного циклу романів „Людська комедія". Серед них є роман „Жінка тридцяти років".

91. *Гольбейн, Ганс* (1497 — 1543) (стор. 172) — художник епохи Відродження. „Танець смерті" — одна з видатних його картин.

92. *Нимфы* (стор. 172) — у грецькій міфології жіночі божества, в яких уособлено сили природи. .

93. *Актеон* (стор. 173) — міфічний герой - мисливець, перетворений цнотливою богинею полювання Діаною в оленя за те, що бачив, як вона купалась.

94. *Шпор, Людвиг* (1784 — 1869) (стор. 173) — відомий німецький скрипаль і композитор.

95. *Мендельсон - Бартольди* (1809 — 1847) (стор. 174) — видатний німецький композитор.

96. *Серве, Франсуа* (1807 — 1866) (стор. 174) — віолончеліст-віртуоз, що користався світовою славою. Шевченко слухав його гру в Петербурзі, куди Серве приїжджав на гастролі в 30 — 40-х рр.

97. *Увертюра* (стор. 174) — музичний вступ до опери чи балету.

98. *Вебер, Карл - Мария* (1786 — 1826) (стор. 174) — німецький композитор. „Преціоза" — одна з його кращих опер.

99. *Миннезингеры* (стор. 175) — назва народних і рицарських німецьких співців - поетів XII — XIII століть.

100. *„Норма"* (стор. 176) — опера італійського композитора Белліні (1801 — 1865).

101. *Шопен, Фредерік* (1809 — 1840) (стор. 176) — славетний польський композитор.

102. *Орфей* (стор. 176) — міфічний грецький співець.

103. *Глинка, Михаил Иванович* (1804 — 1857) (стор. 177) — славетний російський композитор.

104. *Качуча* (стор. 179) — іспанський народний танець.

105. *Алембик* (стор. 185) — скляний перегонний куб невеликого розміру.

106. *Томагаук* (стор. 184) — первісна зброя індійців Північної Америки на зразок сокири.

107. *Нумизматические редкости* (стор. 185) — старовинні монети. Нумизматика — наука про монети.

108. *Золотаренко, Иван Никифорович* (стор. 186) — в 1654 — 1655 рр. на чолі козацького війська воював разом з російським військом проти Польщі.

109. *Бетховен, Людвиг* (1770 — 1827) (стор. 192) — великий німецький композитор, автор симфоній, сонат, опери „Фіделіо" та інш.

110. *Моцарт, Вольфганг* (1756 — 1791) (стор. 192) — геніальний німецький композитор, автор опер „Дон-Жуан", „Одруження Фігаро".

111. *„Реквием"* (стор. 192) — траурна музична композиція Моцарта.

112. *Меценат* (стор. 198) — ім'я римського вельможі, що стало назовним іменем для покровителя мистецтв.

113. *Археологія* (стор. 198) — наука, що вивчає пам'ятники стародавньої культури.

114. *Автомедон* (стор. 199) — образ з античної міфології — возій, провідник.

115. *Полковник прилуцкий Игнат Галаган* (стор. 199) — був полковником у війську Мазепи; один з перших покинув його і став служити Петру І. Був призначений Петром І на полковника Чигиринського, а в 1714 р. — Прилуцького.

116. *Царь Петр* (стор. 199) — Петр І (1672 — 1725), російський імператор.

117. *Марлинский* (стор. 203) — псевдонім Олександра Бестужева (1797 — 1837); декабрист, письменник; його повісті й романи мали великий успіх.

118. *Буонаротти, Микель-Анджело* (1475 — 1564) (стор. 205) — великий італійський художник, архітектор і скульптор епохи Відродження.

119. *Лист, Франц* (1811 — 1886) (стор. 210) — славетний угорський композитор і піаніст.

120. *Сумароков, Александр Петрович* (1718—1777) (стор. 210) — російський письменник. „Сінеус і Трувор" — одна з його трагедій.

121. *Висковатов, Степан Иванович* (1786 — 1831) (стор. 210) — російський драматург, що переробив трагедію геніального англійського драматурга Вільяма Шекспіра (1564 — 1616) „Гамлет".

122. *Офелия* (стор. 211) — героїня трагедії „Гамлет", один із найзворушливіших жіночих образів, створених Шекспіром.

123. „*Лев Гурыч Синичкин*" (стор. 211) — назва водевіля, написаного Ленським, Д. Т. (1805 — 1860), водевілістом і актором.

124. „*Руслан и Людмила*" (стор. 211) — опера Глінки на сюжет пушкінського „Руслана і Людмили".

125. *Плакатные билеты* (стор. 213) — паспорти.

126. *Ромберг, Бернард* (1767 — 1841) (стор. 214) — німецький віолончеліст-композитор.

127. *Вьетан, Анри* (1820 — 1881) (стор. 214) — видатний бельгійський скрипаль-композитор.

128. *Оратория* (стор. 215) — тут духовна музична композиція з хорами та аріями, що призначається для концертного виконання.

129. *Гайдн, Иосиф* (1732 — 1809) (стор. 215) — австрійський композитор, що уславився численними музикальними творами, серед яких „Створення світу" займає одно з перших місць.

130. *Виельгорский, Михаил Юрьевич*, граф (1787 — 1856) (стор. 215) — відомий у 40-х рр. у Петербурзі аматор мистецтва, що сам займався музикою.

131. *Феб*, або Аполлон (стор. 221) — міфологічний бог сонця.

132. *Фетида* (стор. 221) — в античній міфології — богиня моря.

133. *Bene* (лат.) (стор. 223) — добре, *benissimo* — неправильний найвищий ступінь від *bene* — дуже добре.

134. *Фронтиспис* (стор. 226) — гравюра перед титульною сторінкою в книзі.

135. *Серенада* (стор. 226) — вечірня любовна пісня, виконувана під акомпанемент струнного інструмента.

136. *Шуберт, Франц* (1797 — 1828) (стор. 226) — відомий німецький композитор, автор численних музичних творів — опер, симфоній, балад і романсів.

137. *Прометей* (стор. 228) — у грецькій міфології — титан, що викрав з неба огонь і навчив людей користуватися ним. Прометей є символом революційного протесту, прогресу і культури.

138. *Семирамида* (стор. 229) — легендарна ассірійська цариця.

139. *Клеопатра* (стор. 229) — цариця Єгіпта (І ст. до н. е.), що уславилась розумом і красою.

НЕСЧАСТНЫЙ

140. *Экзерцис - гауз* (стор. 243) — приміщення, де відбувалось навчання солдатів.

141. *Фортификация* (стор. 244) — укріплення.

142. *Конфирмация* (стор. 245) — затвердження судового вироку.

143. „*Мертвые души*“ (стор. 245) — знаменитий твір М. В. Гоголя (1809 — 1852).

144. *Эжен Сю* (1804 — 1857) (стор. 245) — французький письменник, автор відомих романів „Парижские тайны“, „Вечный Жид“.

145. *Ктитор* (стор. 246) — церковний староста.

146. *Ван - Остаде, Адриан* (1610 — 1685) (стор. 246) — відомий голландський художник,

147. *Клеопатрина игла* (стор. 247) — єгіпетський обеліск, чотирикутна колона, яка закінчується вістрям.

148. *Анахорет* (стор. 252) — пустинник, той, що веде самітне життя.

149. *Вальтер Скотт* (1771 — 1832) (стор. 253) — славетний англійський письменник, любимий Шевченком, автор історичних романів.

150. *Фаланга* (грец.) (стор. 255) — тут шеренга.

151. *Метаморфоза* (стор. 256) — перетворення, видозміна.

152. *Квазимоды в сарафанах* (стор. 257) — потвори у сарафанах. Квазимодо — потворний горбань, герой роману знаменитого французького письменника Віктора Гюго (1802 — 1885) „Собор парижской богоматери".

153. *À la Napoléon* (стор. 259) — під Наполеона (в дусі, в манері Наполеона).

154. *Юпитер* (стор. 260) — в римській міфології — цар богів.

155. *Bonjour, papa* (франц.) (стор. 260) — добридень, тату.

156. *Фрейшютц* (стор. 260) — одна з найбільш популярних опер Вебера (1786 — 1826), німецького композитора, в російському перекладі має назву „Волшебный стрелок".

157. *Смольный монастырь* (стор. 265) — пізніше Смольний інститут. Закритий учбовий заклад для дівчат дворянського походження.

158. *Екатерининский институт* (стор. 265) — закритий учбовий заклад для дівчат дворянського походження.

159. *Турусы на колесах* (стор. 267) — небилиці.

160. *Демикотон* (стор. 268) — особливий сорт бавовняної смугастої матерії.

161. *Покотиловку проживешь* (стор. 284) — проживеш все своє майно.

162. *Protégé* (франц.) (стор. 285) — той, кому покровительствують.

163. *Манускрипт* (стор. 286) — рукопис.

164. *Античный боец* (стор. 290) — боєць стародавньої Греції.

165. *Греч, Николай Иванович* (1787 — 1867) (стор. 291) — журналіст і белетрист реакційного напрямку. Автор праць з історії російської словесності та мови.

166. *L'enfant* (франц.) (стор. 292) — дитина.

167. *Сирены* (стор. 293) — міфологічні морські діви, напівбогині, які заманювали своїм прекрасним голосом моряків.

168. *Аудитор* (стор. 293) — тут особа, яка займала при військових судах посаду слідчого або пристава, чин судового відомства з виконавчими функціями.

169. *Фортуна* (стор. 293) — у стародавніх римлян богиня випадку, яку звичайно зображують з пов'язкою на очах. Звідси у Шевченка — „слепая богиня".

170. *Консистория* (стор. 300) — установа, в якій було зосереджено духовне управління єпархією — церковним округом.

171. *Литовский замок* (стор. 304) — тюрма в Петербурзі.

КАПИТАНША

172. *К Братскому монастырю* (стор. 309) — до монастиря в Києві на Подолі, заснованому „Київським братством" — одним з центрів культурного і почасти політичного життя України XVII ст.

173. *Быть на пище святого Антония* (стор. 309) — голодувати, постити. Св. Антоній — засновник чернецтва.

174. *Депозитка* (стор. 310) — державний кредитний білет.

175. *Tableau de genre* (франц.) (стор. 312) — жанровий малюнок.

176. *Гомеровское описание* (стор. 313) — опис, що своїми якостями наближається до висохудожніх епічних поем Гомера.

177. „*Илиада*" (стор. 313) — неперевершений своїми художніми якостями давньогрецький народний епос, який приписується Гомерові.

178. *Ходил и под француза* (стор. 317) — мається на увазі кампанія 1812 — 1814 рр. Росія в союзі з Прусією, Австрією, Англією і Швецією зробила переможний похід проти Наполеона, який закінчився в 1814 році взяттям Парижа і зреченням Наполеона.

179. „*Письма русского офицера*" (стор. 317) — належать перу Глінки, Федора Миколайовича, громадського діяча і письменника, учасника походу у Францію. „Письма..." присвячені описові війни з Францією і походів 1813 — 1815 рр.

180. *Цысарец* (стор. 318) — підданий „цесаря", тобто імператора колишньої Австро - Угорщини. Ніякої точно визначеної національності під словом „цысарец" розуміти не можна, бо поміж колишніх „цысарцев" були німці, венгри, чехи, поляки, українці, румуни та інші народи.

181. *Камрад* (стор. 318) — товариш.

182. *Вейну* (стор. 318) — перекручене німецьке Wein — вино.

183. *Мамзельхен* (стор. 318) — сполучення німецького з французьким: „дівчата".

184. *О, дер дейфель* (стор. 318) — по-німецькому *der Teufel* — чорт.

185. *Почтенный Н. Кукольник* (стор. 319) — Кукольнік, Нестор Васильович (1809—1868), один із найплодовитіших російських письменників романтичного напрямку. Деякі з своїх п'єс він сам називав „драматичні фантазії" („Торквато Тассо", „Доменикин" та ін.).

186. *Глинка, Михаил Иванович* (1804 — 1857) (стор. 327) — великий російський композитор, автор ряду опер, а також великої кількості романсів на народні мотиви.

187. *Федр* (стор. 327) — римський байкар (I ст. до н. е.).

188. *Барков, И. С.* (1712 — 1748) (стор. 327) — автор еротичних віршів, між іншим, перекладав байки Федра.

189. *„Царь, или спасенный Новгород"* (стор. 327) — трагедія Хераскова, Михайла Мойсейовича (1733 — 1807), російського письменника XVIII в.

190. *Блюхер, Гебгард* (1742 — 1819) (стор. 329) — головнокомандувач пруської армії, відогравав помітну роль у війні з Францією, а також в бою під Ватерлоо, де армія союзних держав остаточно розбила Наполеона.

191. *Брамбеус барон* (стор. 329) — псевдонім Йосифа Сенковського (1800 — 1858), белетриста і журналіста, редактора журналу „Библиотека для чтения".

192. *Клавикорды* (стор. 330) — старовинний музичний клавішний інструмент.

193. *Даровавши мир Европе* (стор. 331).— Перемігши в 1815 році Наполеона I, російський цар, король пруський і імператор австрійський уклали реакційний „Священный союз" для придушення повстань. Цей союз, на чолі з російським царем Олександром I, проголосив себе миротворцем Європи.

194. *Бон-мо* (стор. 333) (франц.— *bon mot*) — дотеп, гостре слівце.

195. *Брамины* (стор. 335) — індуські жерці, які становили вищу касту — стан в Індії.

196. *Пария* (стор. 335) — за кастовим розподілом в Індії нижчий стан, з яким інші касти вважають оскверненням мати будьякі стосунки.

197. *Субретка* (франц.) (стор. 337) — тут спритна пустотлива дівчина.

198. *Шляхетный кадетский корпус* (стор. 337) — середній військово-учбовий заклад для дітей дворян та офіцерів.

199. *Владиславлев „Памятная книжка для штаб-офицеров“* (стор. 337). Владиславлев, Владимир Андреевич — військовий, що був також видавцем альманаху „Утренняя звезда“. Йому належить ще „Памятная книга военных узаконений“, СПБ, 1851 р.

200. *Вскоре был заключен с турками мир* (стор. 337) — у наслідок шестирічної переможної війни Росії з Турцією в 1812 році був укладений мир, за яким Росія одержала Бесарабію.

201. *Бородино* (стор. 338) — село кол. Московської губернії, де відбулася знаменита Бородінська битва 26 серпня 1812 року між російськими і французькими військами.

202. *Богдыхан китайский* (стор. 342) — монгольський титул китайського імператора.

203. *Córka Regimentu* (польськ.) (стор. 342) — „Дочь полка“ — популярна в той час опера Доніцетті.

204. *Бетховен, Людвиг* (1770 — 1827) (стор. 342) — геніальний німецький композитор.

205. *Недавно промчался гений войны* (стор. 342) — війни 1812 року, яку розпочав французький імператор Наполеон I (1769 — 1821) проти Росії; війна скінчилась повним розгромом величезної армії Наполеона.

206. *Узы Гименея* (стор. 343) — шлюбні узи. Гіменей в грецькій міфології — бог шлюбу.

207. *Ланкастер, Джозеф* (1778 — 1838) (стор. 345) — англійський педагог, прихильник народної освіти, організатор сітки народних шкіл.

208. *Основьяненко* (стор. 345) — псевдонім Квітки, Григорія Федоровича (1778 — 1843) — видатного українського письменника.

209. *Крылов, Иван Андреевич* (1768 — 1844) (стор. 348) — знаменитий російський байкар. „Червонец“ — одна з його байок.

210. *„Благонамеренный“* (стор. 349) — журнал, який видавався О. О. Ізмайловим в 1818 — 1826 рр.

211. *Московские ведомости* (стор. 349) — „Московские Губернские ведомости“ — щотижнева газета, яка видавалась з 1840 р.

212. *Давыдов, Денис Васильевич* (1784 — 1839) (стор. 349) — поет, старший сучасник Пушкіна, учасник партизанської війни з французькими військами в 1812 р.

213. *Беранже, Пьер - Жан* (1780 — 1857) (стор. 350) — знаменитий французький революційний поет, автор популярних народних пісень.

214. *Карамзин, Николай Михайлович* (1766—1826) (стор. 351) — історик і письменник, відомий своєю „Историей Государства Российского“. Перші вісім томів вийшли 1816 р.

215. *Конклав* (стор. 352) — тут в розумінні рада, збори.

216. *Вагенбург* (стор. 352) — обоз, який слідував за армією.

217. *Кипренский, Орест Адамович* (1783 — 1836) (стор. 356) — видатний російський художник - портретист.

218. *Рембрандт ван - Рейн* (1606—1669) (стор. 356) — великий голландський живописець і гравер.

219. *Суворовский солдат* (стор. 357) — мужній, відданий батьківщині воїн з армії Суворова (1729 — 1800) — славетного російського полководця.

220. *Форнарина* (стор. 317) — кохана Рафаеля, увічнена його картинами.

221. *Рени, Гвидо* (1575 — 1642) (стор. 357) — італійський живописець.

222. *Беатриче Ченчи* (стор. 357) — жінка, яка жила в кінці XVI віку, була героінею одного з найзнаменитіших італійських процесів. Надзвичайна краса та трагічна доля Беатріче зробили її предметом численних творів літератури і мистецтва.

223. *Брегет* (стор. 361) — старовинний годинник, що дістав свою назву від імени відомого французького майстра Брегета.

224. *Заграничные воспоминания* (стор. 358) — спогади учасника походу у Францію.

225. *Польская революция 1830 г.* (стор. 368) — повстання поляків проти царської Росії, в 1831 році придушене царськими військами.

226. *Гетман Скоропадский* (стор. 369) — Іван Скоропадський, який був гетьманом в роках 1708 — 1722.

227. *Данилыч* (стор. 369) — Олександр Данилович Меншиков (помер 1729 року), один з найближчих соратників Петра I.

228. *Астролябия* (стор. 369) — приладдя, яке вживалося до початку XVIII віку для визначення положення небесних світил, пізніше для геодезичних вимірювань.

229. *Эскулап* (стор. 370) — іронічно, лікар.

230. *Гомерического размера* (стор. 371) — такого розміру, що виходить з ряду звичайного.

231. *Сфинксы* (стор. 371) — у єгіптян символічні зображення (напівлюдина, напівзвір), висічені із каменю.

232. *Циклопический* (стор. 371) — в переносному значенні — величезний, у Гомера циклопи — велетні з одним оком.

233. *Слепец Хиосский* (стор. 371) — Гомер, який, за одним із переказів, родився на острові Хіосі; гаданий автор епічних поем „Илиады“ и „Одиссеи“; його зображали сліпим дідусем.

234. *Кадм* (стор. 371) — в грецькій міфології основоположник міста Фів, герой - богатир.

235. *Златоустый вития* (стор. 372) — красномовний оратор.

236. *Скопас* (IV вік до н. е.) (стор. 373) — грецький скульптор.

237. *Фидий* (500 — 430 рр. до н. е.) (стор. 373) — знаменитий грецький скульптор епохи розквіту давньогрецької культури.

238. *Озеров, Владислав Александрович* (1769 — 1816) (стор. 373) — російський драматург. Тут мається на увазі його трагедія „Эдип в Афинах“.

239. *Эдип* (стор. 373) — фіванський цар. В стародавній Греції перекази про його долю послужили матеріалом грецькому трагікові Софоклу для його трагедій.

240. *Сократ* (V вік до н. е.) (стор. 375) — знаменитий грецький філософ.

241. *Меттерних* (1773 — 1859) (стор. 376) — австрійський дипломат, один з діячів феодально-монархічної реакції, яка наступила в Європі після падіння Наполеона I і установлення „священного союза“ держав для боротьби з революційним рухом.

АЛФАВІТНИЙ ПОКАЖЧИК ПРИМІТОК *

* Цифри означають номери приміток.

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

ЗМІСТ

На початку тому подано автопортрет Т. Г. Шевченка (офорт 1860 р.).

Відповідальний редактор
проф. О. І. Білецький

*

Відповідальний за випуск
літредактор
В. Татарінов

*

Оправа за ескізом
художника
М. Караванського

*

Технічний керівник
М. М. Штуліфкер

*

Коректор
Є. М. Циплакова

Книжкова ф-ка ДВРШ ім. Г. І. Петровського. Харків, вул. К. Маркса, 1. Уповноважений Головліту 317. Замов. 2930. Тираж 20.000. $27^{3}/_{4}$ друк. арк.

Видання 896. Пап. ф. 82×110—53,5 кг. $13^{7}/_{8}$ пап. арк. В 1 пап. арк. 130.560 літ. Здано в роботу 17/I-39 р. Підписано до друку 24/II-39 р.